

*Издано при поддержке Правительства Москвы,
Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы*

Главный редактор **Максим Замшев**

Ответственный секретарь **Олеся Должкова**

Директор по распространению **Евгений Белозёров**

Дирекция по спецпроектам **Александра Барвицкая,**
Игорь Панин, Ирина Горюнова

Рабочая редколлегия:

Дмитрий Дарин, Елена Сазанович, Виктор Перегудов,
Михаил Шаповалов, Алексей Зименков,
Олег Грисевич, Юлия Мартынцева.

Общественная редколлегия:

Владимир Бояринов, Альберт Иванов,
Сергей Есин, Валентин Сорокин, Иван Голубничий,
Алексей Проскурин, Лев Котюков, Пётр Акаёмов,
Владимир Масалов, Альберт Оганян,
Александр Фитц (директор западно-европейского бюро),
Олег Гайданов, Сергей Галиченко,
протоиерей Борис Даниленко,
специальный корреспондент
по Германии и Австрии Сергей Дебрер.

**При перепечатке ссылка
на «Российский колокол» обязательна.**

**Редакция не рецензирует присланные работы
и не вступает в переписку с авторами.**

**Мнение редакции не всегда совпадает
с мнениями авторов.**

Тираж 10 000 экземпляров, формат 60x88/8

Учредители:

Московская городская организация Союза писателей России,
Фонд «Литературный центр Петра Проскурина»

Художник: Василий Проханов
Дизайн, верстка: Ирина Трипольская
Корректор: Мария Должкова

В номере использованы фотографии Н. Минина
и из редакционных фондов.

Адрес редакции:

Москва, ул. Б. Никитская, 50А/5, стр.1
Тел.: 691-6022, 691-9327, E-mail: zamshev@yandex.ru

Электронная версия:

www.roskokolol.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия
9.11.04, ПИ № ФС 77-18759

Подготовлено к печати и отпечатано:
Издательско-полиграфическое объединение
«У Никитских ворот»,
Тел.: 690-6719, 691-6325, <http://www.uniki.ru>

Журнал выходит при содействии Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям.

ISBN 978-5-87449-108-2

В номере:

Российский колокол, № 1 (30) 2010 год

М. Замшев	Слово редактора	4	Е. Белозёров	«Я – “За”»	64
ПО КОМ ЗВОНIT КОЛОКОЛ			«Театральный рассказ» 65		
А. Сергейчик	«Мученики и провидцы»	5	«Однажды в Свирске» 65		
ЯЗЫКОЗНАНИЕ			«В театре» 67		
И. Голубничий	«Русский язык – национальное явление и фактор мировой культуры»	13	М. Боженко	«Симфония крыш»	68
ПОЛЕМИКА			РЕЦЕНЗИИ		
С. Дебрер	«Про Ерёму и Фому, или быть ли в Гамбурге немецко-русской школе?»	15	Н. Дубовицкая	«Такой любимый и особый мир»	74
ПОЭЗИЯ			О. Колпакова	«Обрыв связи»	76
А. Белокуров		19	В. Дольников	«“Хитрый Аршак” Альберта Оганяна»	78
В. Дольников		21	Ю. Фатнев	«Вдруг нагрянет слово»	80
Е. Наумов		23	ПАМЯТИ СЭЛИНДЖЕРА		
Е. Манфановская		25	Е. Сазанович	«Наконец его оставили в покое...»	83
О. Рюлинг		27	ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ		
А. Раткевич		28	К. Россетти	«Избранные стихотворения»	
Ф. Зуев		30	Перевод с английского и комментарии Д. Грандовской 86		
Б. Щербатов		32	ДЕБЮТ		
С. Крюков		34	Г. Сердюков	«Когда камера лжет»	89
И. Панченко-Миль		36	Предисловие С. Толкачева		
Ю. Сапожков		38	РЕДАКЦИОННЫЙ ПОРТФЕЛЬ		
В. Скворцов		40	Г. Гоц	«С Луной наедине»	112
КУЛЬТУРОЛОГИЯ			Е. Ефремов	«Корабельный строй»	115
Ф. Азизова	«О собственных и привнесённых традициях джахилийской поэзии»	42	ПО ДОРОГАМ СОДРУЖЕСТВА		
ДРАМАТУРГИЯ			А. Акперзаде	«Ты»	128
А. Гриценко	«Мухи». Новелла	46	Эльчин Искендерзаде		132
ПРОЗА			Д. Дебелянов	«Умираю и опять рождаюсь...»	
С. Шелехов	«Гений»	50	Перевод с болгарского 136		
	«Восторг»	51	Д. Гришукевич	«Последний день любви»	142
	«Абсолютная любовь»	52	ТОЧКА ЗРЕНИЯ		
	«Последний листопад»	53	Д. Дарин	«Бобёр, Лирик и другие...»	145
С. Грабар	«Кофе Меланж». Новеллы и притчи		СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ		
	Перевод с украинского	54	В. Сергеев	«Магадан...	
	Е. Мордвиновой	60	Магадан... Магадан...» 148		
В. Раймер	«Анна»	60			

Великий год и в великое время выходит этот номер. Величие это, правда, на сто процентов след и свет из прошлого. Всё меньше в живых фронтовиков, всё меньше живой памяти о том, как прекрасна и могуча была красная империя. Много было споров о том, справедливо и надо было ли пускать войска союзников на наш парад. Конечно, аргументы у тех, кто пустил – весомы, весьма общеевропейски, но самое интересное, что, если бы не позвали, никто и слова бы не сказал. Мы слишком стали оглядываться на мировое сообщество, причем на то сообщество, что изначально было и всегда останется к нам враждебно, и говорить с ними можно только с позиции силы.

На нашем интеллектуальном поле гремел во все праздничные дни блокбастер Никиты Михалкова «Утомлённые солнцем 2». Фильм, о котором лучше умолчать. Поскольку любые объективные слова буду восприняты как попытка опорочить бесценную «королевскую» семью. Но одно всё же отмечу: кино делалось не дураками, и цели своей они достигли. Какова была цель? Пусть каждый порассуждает на эту тему сам.

Ситуация с авиаполётами, прекратившимися из-за вулканического пепла, очень напоминает грандиозную аферу по разорению европейских авиакомпаний. Никто не может ответить на вопрос: почему сначала летать было нельзя, потом стало можно, и куда, собственно, делся пепел.

В литературных изданиях всплеск клеветомании. Причём особенно отличается одна газетка, с которой давно уже никто не считается, и поэтому она брызжет слюной, пытаюсь всеми силами обратить на себя внимание. Жалко газетку, когда-то была с именем. Но у каждого свой путь в никуда.

А мы провели Конгресс писателей русского зарубежья. Уже второй в этом веке. О целях конгресса и о его пафосе писалось много. Нам, конечно, по пиару далеко до блокбастеров, до тридэ и тритэ, но дело делается. Это реально видно по лицам, по судьбам, по светлым русским душам, возвращающим себе духовную Родину, – спасибо Юрию Лужкову, Георгию Мурадову, московскому правительству в целом. Спасибо Владимиру Бояринову и Валерию Иванову-Таганскому, что разделили со мной тяготы подготовки и триумф проведения. Все вышеупомянутые даже в тяжелейшее кризисное время не забыли о писателях, об их нуждах, об их радении всё же обрести рано или поздно русского духовное единство.

Этот номер посвящён Конгрессу, его итогам, творчеству его участников, его духовных соратников и просто отличных писателей.

Приятного чтения!

Максим ЗАМШЕВ

Первый секретарь Правления МГО СП России

М. Замшев

Мученики и Провидцы

15 лет назад умер Владимир Сергеевич Ивашов (1939–1995), советский актер, Народный артист РСФСР.

Он родился в семье рабочих, закончил ВГИК (мастерская М.И. Ромма). Еще в годы учебы снялся в фильме Григория Чухрая «Баллада о солдате» в роли юного советского солдата Алеши Скворцова. Можно сказать, что, к сожалению, он был актером одной роли (хотя были и «Семь нянек», и «Герой нашего времени», и «Бриллианты для диктатуры пролетариата», и «Новые приключения неуловимых»). А можно сказать, что, к счастью, одна гениальная роль в гениальном фильме дает право на звание великого актера в отличие от сотни, тысячи сыгранных бездарных ролей в бездарных фильмах.

«Баллада о солдате» имела ошеломляющий успех. И Алеша Скворцов, этот искренний, непосредственный, наивный и открытый парень, в любой момент готовый и к подвигу, и к героической смерти, мало чем отличался от Владимира Ивашова. Актер и его типаж на редкость совпали... В 1960 г. этот фильм был отправлен на международный фестиваль в Канн. Григорий Чухрай очень волновался: «Респектабельная, разодетая публика чинно занимает в зале места. Мне становится страшно: они не поймут фильм, не примут. Ну что этим господам и дамам до страданий русской матери, потерявшей сына?..» Режиссер зря волновался. «Респектабельная, разодетая публика» плакала, смеялась там же, где плакали и смеялись зрители нашей страны. Ведь со времен войны прошло еще так мало лет!

Картина была отмечена призом «За лучший фильм для молодежи» и призом «За высокий гуманизм и исключительные художественные качества». А на исполнителя главной роли Владимира Ивашова свалилась неслыханная популярность. Но медные трубы он прошел достойно. Он до конца жизни так и остался парнем из «Баллады о солдате». Один из американских журналов писал: «Голливудским звездам, готовившим юных актеров, следовало бы сесть со своими питомцами на первый самолет в Москву и устроить их в институт, раз там делают таких актеров из девятнадцатилетних юнцов». А ведь не лукавили! Нашей стране тогда было чем гордиться! В том числе и советской киношколой.

Образ Алеши Скворцова стал тем самым нравственным, идейным ориентиром, на который равнялась молодежь тех времен. И не только в нашей стране. Интересно, что спустя десятилетия именно этим героем вдохновлялся английский актер Джуд Лоу перед съемками блокбастера «Враг у ворот».

Но в 90-е на смену нравственным, идейным ориентирам ловко пришли, мягко говоря, безнравственные и безыдейные. И как в таких условиях мог выжить Алеша Скворцов? И как в таких условиях мог выжить Владимир Ивашов? И многие, многие им подобные. Те, кто четко знал границу между добром и злом. Между талантом и бездарностью. Между чистотой души и бездуховностью. Их безжалостно вышвырнули за борт корабля так называемой современности. Современность диктовала другие условия. И все ниже и ниже опускала уровень искусства до серости и убогости. Те, кто был по праву наверху, оказались без прав внизу. На самом дне.

В 1993 году в Театре-студии киноактера началась генеральная чистка. Новый руководитель театра, бывший парторг ГАИ, решил избавиться от «балласта» и уволил 180 актеров из 230, числившихся в труппе. В число «балласта» вошли такие актеры, как Владимир Ивашов, Светлана Светличная, Леонид Куравлев, Марина Ладынина, Николай Крючков и другие. Талантливые актеры перестали быть нужными стране. Впрочем, страны уже не было. И если была какая-то страна, то не для них.

На смену им пришли непрофессионалы, зато ловкие, энергичные, беспринципные дельцы. Они уже знали, что нужно сделать с искусством, чтобы его не стало. Потому как искусство всегда таит в себе опасность. Для них и их подобным. И подобной страны. Ивашову иногда предлагали сниматься, но когда узнавали, что он не кто иной, как Алеша Скворцов, тут же отказывали. Уровень! Не тот уровень! Не рушить же своими руками картонный домик, на котором они сидят. Впрочем, Ивашев и сам категорично отказывался от постыдной славы нового бесславного искусства.

А дальше – довольно предсказуемый финал для талантливого человека в новой стране. Ивашев ушел работать разнорабочим на стройку, хотя и не позволяло здоровье.

Однажды о нем почему-то вспомнили его более благополучные коллеги и пригласили на торжественное вручение высших кинематографических призов «Ника». Надев на себя казенный смокинг, прицепив самодельную «бабочку», он отправился в Дом кино, с достоинством вручил призы победителям, а наутро вновь вышел на стройку, в рабочей одежде – грузить шифер и шлакоблоки. Во время разгрузки очередной машины с шифером Ивашову внезап-

но стало плохо. Он надорвался. Срочно вызвали врачей. Бригада врачей, делавших операцию, оказалась нетрезвой. И совершила смертельную ошибку. Что ж! Еще один показатель времени. Кто в этом времени не ошибался? И кто в этом времени был трезвым, даже если и не был пьяным! Время коснулось не только артистов, но и врачей, учителей, ученых, да мало ли кого оно не коснулось!

Когда в больнице у Ивашова спросили, как заполнить графу «профессия», Народный артист ответил: рабочий. Было очень стыдно признаваться, что ты есть творческая интеллигенция. И уже было чего стыдиться. Всенародно любимый артист захотел умереть рабочим.

Владимир Ивашов: «Сейчас в фильмах много грязи. После них хочется либо запить, либо повеситься. Несмотря на трагический финал «Баллады о солдате», после его просмотра в зрителях происходило <...> очищение. После него хотелось жить. Современное кино ради эффекта готово пустить под откос все, что осталось в человеке доброго, радостного, святого...»

Он навсегда запомнится нам добрым, радостным, святым парнем из «Баллады о солдате». Хотя ушел он от нас навсегда. Но Алеша Скворцов обязательно, обязательно еще к нам вернется.

20 лет назад закончил жизнь самоубийством румынский генерал Дж. Попа, глава тайного обвинительного трибунала, пославшего на расстрел главу Румынии Николае Чаушеску и его супругу Елену. Убийственный груз оказался слишком тяжким для генерала...

Николае Чаушеску – видный румынский государственный и политический деятель, Генеральный секретарь РКП (с 1969), Председатель Госсовета Румынии (1967–1974), Президент СРР (1974–1989), Герой Социалистического Труда Республики, трижды герой СРР, награжден многими орденами и медалями, в т.ч. Орденом Ленина (1978)... Родился в крестьянской семье. С 15 лет – в международном коммунистическом движении. За революционную деятельность неоднократно подвергался преследованиям и арестам. С 1940 по 1944 гг. был в заключении за борьбу против фашизма. В конце Второй мировой стал секретарем ЦК Коммунистического союза молодежи...

Так начиналась славная партийная карьера президента Румынии. И так она бесславно закончилась. Его расстреляли вместе с супругой Еленой в эпоху глобальной перестройки, в эпоху незаконных бархатных бунтов и мятежей. Поспешно и трусливо обвинив в геноциде своего народа, в преступлениях против отечества. Так называемый суд, точнее – судилище длилось всего пару часов. И казнь подавалась как выражение воли народа, наконец-то свергнувшего ненавистный коммунистический строй. Причем казнь транслировали в видеозаписи по телевидению.

Впрочем, как народ тогда желал хлеба и зрелищ! Точнее гамбургеров

и крови. Что ж, получили. Но прошли какие-то жалкие лет пять, если не меньше, и на эти страшные события румынский (и не только) народ смотрит совсем по-другому.

Сейчас могилы Николае и Елены завалены горами цветов, на кладбище в годовщину казни с каждым годом собираются все большие толпы людей, чтобы почтить память президентской четы. Более того, современные румынские политики обеспокоены тем, что последний соцпросп выявил: граждане страны считают Николае Чаушеску человеком, который сделал больше всего хорошего румынам за последние 100 лет.

Казнь президента Румынии – это национальный позор. Через некоторое время после самоубийства Попа руководитель восточноевропейского отдела ЦРУ М. Борден признал, что операция по свержению Чаушеску была спланирована в Лэнгли... История всегда расставляет точки над «і», хотя в этой истории уместен восклицательный знак.

100 лет назад родился Константин Сергеевич Заслонов (1910–1942), легендарный советский партизан, герой Великой Отечественной войны, один из руководителей партизанского движения в Белоруссии, командир партизанского отряда и бригады, с октября 1942 г. – командующий всеми партизанскими силами Оршанской зоны. Партизанский псевдоним – дядя Костя. Награжден двумя орденами Ленина и медалями. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1943 г. посмертно присвоено звание Герой Советского Союза «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм».

Родился в семье рабочего, через 9 лет после окончания Великолукской железнодорожной профтехшколы стал начальником Оршанского паровозного депо. В начале войны при подходе немецких войск к Орше эвакуировался в Москву и работал в депо им. Ильича. В октябре 1941 г. по собственной просьбе был отправлен в тыл врага в составе группы железнодорожников. Создал подпольную группу, участники которой путем применения «угольных мин» (мины, замаскированные под каменный уголь) за три месяца подорвали 93 немецких паровоза, вывели из

стройка сотни вагонов и цистерн, что существенно тормозило оперативные перевозки противника. Из-за угрозы ареста в марте 1942 г. Заслонов с группой покинул Оршу и организовал партизанский отряд, который провел ряд успешных боевых рейдов в районе Витебск – Орша – Смоленск, уничтожив большое количество вражеских солдат и техники. 13 ноября 1942 г. Константин Заслонов пал смертью храбрых в бою с карательным отрядом у деревни Куповать Сенненского района.

Жизнь отважного партизана фашисты ценили высоко. Заслонов писал в одном из своих писем: «Мы настолько насолили немцам, что недавно они делали на нас облаву тремя дивизиями. Навив фашистам морду, партизаны скрылись. Сейчас цена моей головы – 50.000 марок, железный крест, и, кроме того, кто меня живого или мертвого доставит немецким властям, тому будет обеспечена чудесная жизнь в самой Германии со всеми его ближайшими родственниками. Если кто из крестьян со мной проделает такую экзекуцию, тому будет предоставлено пожизненно в его личное пользование два крупных имения...»

Но разве может быть назначена цена любви к Родине, цена вере в Победу и просто Вере? Фашисты просчитались – Заслонова так и не выдали. Тогда фашисты назначили цену его смерти. «Так как даже за мертвого дядю Костю немцы обещали вознаграждение 25 тысяч рейхсмарок, они искали его среди мертвых. Когда немцы начали входить в дом, где лежал уже умирающий, в бессознательном состоянии, наш комбриг, ординарец Женя Корнеев бросил под ноги врага противотанковую гранату, приняв вместе своим командиром бесстрашную смерть...» – вспоминал боец бригады Динмухамет Нуриевич Гараев.

Фашисты вновь просчитались. Разве можно назначить цену беспримерному подвигу и вечной памяти? Цену героической жизни и героической смерти!..

В Орше воздвигнут памятник К.С. Заслонову, его именем названо паровозное депо в Орше. Улицы его имени есть в

Минске, Гродно, Санкт-Петербурге, Казани, Твери, Белгороде, Челябинске, Краматорске, Киеве, Бузулуке, Запорожье, Перми, Липецке и многих других. О его подвиге драматург Аркадий Мовзон написал пьесу «Константин Заслонов», по которой был создан сценарий и в 1949 г. снят замечательный фильм с Владимиром Дружниковым в главной роли.

А народ сложил песню о легендарном комбриге: «С партизанскими бойцами / Сквозь ненастья, сквозь туман / Пробирается лесами / Сам Заслонов-партизан. / И, настигнув вражью банду / Темной ночью или днем, / Он дает свою команду: / “По фашистам – рубанем!”...»

Слава вам, герои Великой Отечественной! Слава и русским, и белорусам, и украинцам, и евреям, и казахам, и татарам, и армянам, и грузинам!

Хотя после варварского уничтожения мемориала героям войны в Кутаиси, на слове «грузины» уже спотыкаешься. Учитывая, что нынешний президент Грузии подчеркивает, что «грузины участвовали не в Великой Отечественной войне советского народа, а во Второй мировой войне человечества против нацизма». Мол, это была «гибель грузин в чужих войнах и за чужие интересы». Видите, какой продвинутой грузинский президент. Оказывается, с нацизмом грузины сражались как-то обособленно от всех остальных народов СССР, зато вместе с американцами, новозеландцами, австралийцами и канадцами. При чем тут какие-то русские или белорусы! При чем Константин Заслонов!.. У Саакашвили и ему подобных «потрошителей истории» другие любимые герои. И одно желание: хоть каким местом, но в за(па)д втиснуться. Предав собственную страну, собственный народ и тысячи павших смертью храбрых грузин в Великой Отечественной и сотни живущих грузин – героев Советского Союза. Предав историю своей страны и память всего народа. В том числе и память одного из наших легендарных героев Константина Заслонова.

105 лет назад умер Жюль Габриэль Верн (1828–1905), французский географ, писатель-гуманист, классик приключенческой и фантастической литературы. Его произведения в значительной мере способствовали не только становлению научной фантастики, но и послужили стимулом к началу практических работ по освоению космоса. Был членом Французского Географического общества. Кавалер ордена Почетного легиона. Автор около ста книг, среди которых стихи, пьесы, рассказы, около 70 повестей и романов, многие из которых проникнуты романтикой науки, связаны с идеалами утопического социализма и Парижской Коммуны 1871 года. По статистике ЮНЕСКО, Жюль Верн – самый «переводимый» автор в мире. Его книги были напечатаны на 148 языках.

Сын адвоката, он готовился к юридической карьере и долго вращался в деловых и финансовых сферах, но знакомство с литературными кругами и личное влияние Александра Дюма-отца увлекли его на писательское поприще. Сначала он писал комедии и водевили. Но Верна весьма занимали путешествия, успехи науки и техники, и он принялся за серьезное изучение естественных наук, физики, астрономии и новейших открытий и изобретений. Он был страстным путешественником: на своей яхте «Сен-Мишель» он дважды обошел Средиземное море, посетил Италию, Англию, Ирландию, Шотландию, Данию, Голландию, Скандинавию, заходил в африканские воды, побывал в Северной Америке. Поклонники таланта писателя действительно не сомневались

в том, что он описывает настоящие путешествия, что его герои реально летают на воздушных шарах и покоряют морские глубины. Сам Папа Римский благодарил Верна за

нравственную чистоту его произведений. А венецианцы под окнами гостиницы, где он жил, устраивали в его честь факельные шествия.

Когда Жюль Верну исполнилось 58 лет, его постигло несчастье. Страдавший тяжелым нервным расстройством племянник писателя выстрелил в него из револьвера. Пулю, засевшую в ногу, извлечь не удалось, рана заживала плохо. Морским путешествиям, частым посещениям Парижа и походам в столь любимые им театры пришел конец. Уже немолодой человек, он начал новую жизнь. Принимал участие в местном самоуправлении и в течение шестнадцати лет исполнял обязанности члена муниципального республиканского совета Амьена. Городу действительно повезло с таким «общественником». Он был безумно популярен, и к нему приезжали люди со всего мира.

Жюль Верн был не просто писателем. Он был провидцем, предсказателем, можно образно сказать – в некоторой степени ученым-романтиком без степени. То, что он предвосхитил в своих произведениях, невероятно и не поддается логике. На такое способен лишь истинный талант. Так, он предсказал научные открытия и изобретения в самых разных областях, в том числе акваланги, телевидение и космические полеты. Электрический стул – его выдумка. А также большие подводные лодки, способные длительно находиться в плавании («20 000 лье под водой»), самолет («Властелин мира»), вертолет («Робур-Завоеватель»), космические корабли и пилотируемые полеты в космос, в том числе на Луну («С Земли на Луну»). Верн точно описал размеры ракеты, точное место старта и даже экипаж: 3 человека, как это и было впоследствии в программе NASA. Башня в центре Европы (до строительства Эйфелевой башни) – описание весьма похоже. Межпланетные путешествия («Гектор Сервадак»), запуски космических аппаратов доказывают возможность межпланетных путешествий. Видеосвязь и телевидение («Париж в XX веке»). Строительство Турксиба («Клодиус Бомбарнак. Записная книжка репортера об открытии большой Трансазиатской магистрали («Из России в Пекин»). Самолет с переменным вектором тяги («Необыкновенные приключения экспедиции Барсака»).

А в романах «С Земли на Луну» прямым путем за 97 часов 20 минут и «Вокруг Луны» Жюль Верн угадал некоторые моменты будущего освоения космоса.

Он так и не побывал в России, хотя так об этом мечтал. Но Россия в его творчестве есть, еще как! Полностью или частично именно в России разворачивается действие 9 его романов: в изначальной версии «20000 лье под водой» капитан Немо был польским аристократом, построившим «Наутилус» для мести «проклятым русским оккупантам» (подразумевалось польское восстание 1863–65 годов). И только после активного вмешательства издателя Хетцеля, который торговал книгами и в России, капитан Немо стал сначала «бездомным». А в романе «Таинственный остров» превратился в принца Даккара – сына индийского раджи, мстящего англичанам после подавления восстания сипаев. В этом романе, так или иначе, писатель обращается к теме угнетенных колониальных народов, попытки которых облегчить свою участь, сделать ее достойной, жестоко и безжалостно подавляются.

Безусловно, и зарубежным, а теперь и нашим критикам выгодно сделать из Жюль Верна фантаста в чистом виде. Втиснуть его в рамки собственных грез и воображений (пусть даже и осуществимых). Этаким фантазер, этаким добрым мечтатель. А, возможно, и певец буржуазного прогресса и чудес капиталистической техники (хотя в его поздних произведениях чувствуется откровенный страх перед использованием науки в преступных целях). Пусть он себе своими фантазиями уводит нас от политики и социальных проблем! Но Жюль Верн никуда в сторону от социальных проблем уводить не собирался. Даже наоборот. Он не скрывал от читателя мрачных, несправедливых, теневых сторон жизни. Он пытался донести их до читателя и заставить задуматься.

Он жил во времена наступающего агрессивного капитализма. Борьба за рынки сбыта, сферы влияния, усиление колониального режима, предчувствие новых захватывающих войн. Молодой американский капитализм поднимает голову, набирает силы и уже показывает свои (далеко не голливудские) зубы.

В романе «Джангада» – ужасы работорговли в южных штатах Америки. Национальные промышленники, действующие заодно с британскими колонизаторами, – предатели собственного народа. Великолепный роман «Пятьсот миллионов бегумы» предсказывает фашизм в образе отвратительного профессора-человеконенавистника. А «Остров-вент» построили американские миллионеры, где мечтали празднично проводить время в бездумии и роскоши. Где жизнь это только материальный расчет, и не более.

Роман «Париж в XX веке» вообще был забыт и опубликован только в конце XX века. И сила его не только в провидческих, иногда удивительно точно угаданных технических деталях и научных открытиях. Главное в нем – это изображение будущего общества. Жюль Верн искусно определяет черты современного ему капитализма и доводит их до абсурда. Он предвидит огосударствление и бюрократизацию всех слоев общества, возникновение жесткого контроля не только за поведением, но и за мыслями граждан, предсказывая таким образом возникновение государства полицейской диктатуры. «Париж в XX веке» – это роман-предупреждение, настоящая антиутопия, одна из первых, если не первая вообще.

Его роман «Вверх дном» был переведен на многие языки и прежде всего на русский. Первоначальное название

говорит за себя: «О том, как американцы напугали весь мир». Вот американцы и не торопились объявлять об этой книге, и тем более ее издавать. Она все же вышла спустя 10 лет (американцы помнили, что они демократы). И очень незначительным тиражом. Вдруг так, пройдет мимо. Проходная книжонка. Жюль Верн сам подчеркивал, что это антиамериканский роман: «В Соединенных Штатах ни одно предприятие, даже самое дерзкое, почти невыполнимое, не останется без сторонников, готовых взять на себя практическую сторону дела и вложить в него свои средства». И ведь был прав! Куда только не вкладывали свои средства американцы! Аж страшно подумать.

Умер Жюль Верн в 8 часов утра 24 марта 1905 г. в городе Амьен (Франция). Похоронен около своего дома в Амьене. Через два года после смерти на его могиле поставлен памятник, изображавший писателя-фантаста восстающим

из праха, с рукой, протянутой к звездам. До конца 1910 года каждое полугодие, как это делалось на протяжении сорока двух лет, Жюль Верн продолжал дарить читателям новый том «Необыкновенных путешествий».

Незадолго до смерти он написал сестре: «Я вижу все хуже и хуже, моя дорогая сестра. Операции катаракты еще не было... Кроме того, я оглох на одно ухо. Итак, я в состоянии теперь слышать только половину глупостей и злопыхательств, которые ходят по свету, и это меня немало утешает!..» Глупостей и злопыхательств в этом мире стало гораздо больше. И один из выходов, чтобы их не слышать и не видеть, – стать слепым и глухим. Впрочем, еще можно стать Жюлем Верном. И сочинить новый фантастичный роман о мире, который живет по законам мира и справедливости. И, как у Жюль Верна, пусть все непременно сбывается.

150 лет назад родился Антон Павлович Чехов (1860–1904), русский писатель, драматург, врач, почетный академик Петербургской АН (в 1902 г. он вышел из ее рядов в знак несогласия с решением об исключении из числа академиков М. Горького по причине политической неблагонадежности). Признан одним из величайших писателей в мировой литературе.

Родился в Таганроге в семье купца, закончил медицинский факультет Московского университета. «Медицина – моя законная жена, а литература – любовница», – говорил он. На протяжении всего учения в жизни Чехова приходилось всячески подрабатывать: он был репетитором, сотрудничал с журналами, писал юморески (под псевдонимом Антоша Чехонте и другими, его рассказы были впервые изданы сборником «Сказки Мельпомены» в 1884 г.), после окончания института занимается врачебной практикой...

В историю Чехов вошел не только как гений литературы, но и как гений нравственной чистоты и порядочности. Чеховская тактичность, скромность, острое неприятие пошлости и грубости, отрицание всяческой громкой шумихи вокруг своего таланта были почти болезненны. «Пока молоды, сильны, бодр, не уставайте делать добро», – таковым было кредо писателя.

И он не уставал делать добро, даже будучи уже не совсем молодым и совсем не здоровым. Так, он совершил долгое путешествие на Сахалин – остров для ссыльных, осужденных на каторгу (о чем потом написал в разных произведениях – «В ссылке», «Остров Сахалин», «Палата № 6»). Там он произвел перепись населения, собрал огромное количество документального материала о труде, быте сахалинских каторжников и местных жителей, о тюремном начальстве и чиновничьем произволе. Посещал остроги, подробно изучал их техническое и санитарное состояние, встречался и беседовал со множеством людей. С легкой руки Чехова на Сахалин обратили внимание официальные лица. Мини-

стерство юстиции и Главное тюремное управление командировали на остров своих представителей, остров стали посещать русские и иностранные исследователи... Во время голода в средней полосе России и Поволжья из-за неурожая и засухи Чехов организовал сбор пожертвований в пользу голодающих Нижегородской и Воронежской губерний, сам дважды выезжал туда.

В 1892 сбылась давняя мечта жить в деревне: Чехов купил недорогую запущенную усадьбу в селе Мелихово Серпуховского уезда Московской губернии. Во время холерной эпидемии работал земским врачом, обслуживал 25 деревень. На свои средства открыл в Мелихово медицинский пункт, принимал много больных, снабжал их лекарствами. В селе и его окрестностях с его помощью построили три школы для крестьянских детей, колокольню и пожарный сарай для крестьян, он участвовал в прокладке шоссейной дороги, добился открытия почты и телеграфа на местной железнодорожной станции, организовал посадку тысячи вишневых деревьев для засева голых лесных участков. В Мелихово Чехову пришла идея создания общественной библиотеки в родном Таганроге. Он пожертвовал туда более двух тысяч томов книг, среди которых немало уникальных изданий с автографами музейной ценности, а также составил галерею портретов деятелей науки и искусства. Впоследствии постоянно отсылал в библиотеку запрашиваемые им книги, причем в очень больших количествах.

В Мелихово Чехов постоянно пишет. С 1892 по 1898 гг.: «Человек в футляре», «Бабы царство», «Случай из практики», «Ионыч», «Крыжовник», большой «деревенский» цикл «Мужики», «На подводе», «Новая дача», «По делам службы», повесть «Три года», пьесы «Чайка» (премьера в Петербургском Александринском театре в 1896 г. провалилась, вторая постановка, во МХТе в 1898 г., прошла с большим успехом), «Дядя Ваня». В эти годы Чехов адресует своим корреспондентам свыше полутора тысяч писем, которые

по целостности впоследствии были оценены как шедевр русской эпистолярной культуры.

В 1897 г. у Чехова резко обострился туберкулез, и он вынужден был лечь в больницу. И без того слабое, подорванное поездкой на Сахалин, здоровье ухудшилось, и доктора настаивали на переезде на юг. Продав имение в Мелихово, Чехов с матерью и сестрой перебрался в Ялту. Но и там продолжал общественную деятельность: как местный житель, был избран в члены попечительского совета женской гимназии, пожертвовал 500 рублей на строительство школы в Мухоматке, хлопотал об устройстве первой биологической станции. В Ялте, сам тяжело страдавая туберкулезом, работал в Попечительстве о приезжих больных.

Когда Чехову стало хуже, он отправился на курорт в Германию. 15 июля (1-го по ст. стилю) 1904 г. во втором часу ночи Чехов почувствовал себя особенно плохо. Приехавшему на вызов доктору он твердо сказал: «Я умираю». Затем попросил принести шампанского, не торопясь, осушил бокал, лег, повернувшись на левый бок, и вскоре скончался...

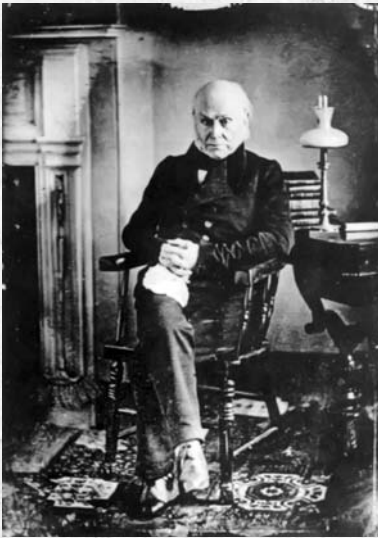
А.П. Чехов похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. «В Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно», – писал он. Ему было просторно жить в России. И его талант был просторен. И его душа, которая всегда была за пределами всех просторов. Оттого он так рано умер. Этот скромный великий врач, этот скромный великий писатель, этот скромный великий человек.

185 лет назад Палата представителей выбирает Джона Квинси Адамса (John Quincy Adams) 6-м президентом США. И хотя он получил меньше голосов и избирателей, и выборщиков, чем его соперник Эндрю Джексон, это был единственный случай в истории США, когда будущего президента определил Конгресс.

Адамс, дипломат, конгрессмен, американский сенатор и госсекретарь, был старшим и самым одаренным сыном Джона Адамса – второго президента Соединенных Штатов. И, возможно, самым опытным и самым разумным из всех американских президентов.

Его идеи о роли национального правления в развитии нации далеко опережали экономическое мышление того времени. Адамс являлся сторонником национального планирования, а также предлагал основать национальный университет и рекомендовал постоянную государственную поддержку в научных исследованиях. К тому же он был категоричным противником рабства. Поэтому против него выступало большинство южных представителей Конгресса, готовых силой принудить его к молчанию. Но он не сдавался. И по истечении срока его президентской деятельности, в марте 1829 г., его заменил ревностный заступник рабства генерал Джексон. Адамс удалился в свое имение Квинси около Бостона, но в 1831 г. был избран в Палату представителей, где явился заступником аболиционистов. И вновь прославился своими резкими петициями по невольничьим делам.

Адамс умер в Вашингтоне во время заседания Конгресса, 28 февраля 1848 г. Кстати, он был первым официальным посланником США в России (1809–1814). Адамс искрен-

не любил Россию. Впервые побывал у нас в 1781 г. в качестве переводчика с французского языка при специальном посланнике Конгресса Фрэнсисе Дейне. Находился в Санкт-Петербурге во время вторжения Наполеона в Россию, гулял по набережной Невы вместе с царем Александром I и посещал обсерваторию на Пулковских высотах. По просьбе Ноя Вебстера, автора знаменитого словаря, Адамс посылал ему книги по русской грамматике и словарному составу русского языка. Это было началом изучения русского языка и культуры в США. Малолетняя дочь Адамса умерла в Санкт-Петербурге и была там похоронена.

Ко всему прочему, Адамс стал первым обитателем Белого дома. На следующий день после вселения он на-

писал такие слова: «Я молю Бога, чтобы он благословил этот дом и всех, кто будет в нем жить после меня. Пусть только мудрые и честные люди вершат правление под его крышей»... В последний год Второй мировой войны, незадолго до своей смерти, президент Рузвельт распорядился, чтобы это пожелание было высечено на верхней части камина в главном зале для приемов. Там его можно прочесть и сегодня.

Насколько сбылась мечта Адамса? Или она так и осталась мечтой в стенах Белого дома? Как-то Адамс трезво и демократично заявил о демократии: «Помните, демократия не длится вечно. Вскоре она изнашивается, выдыхается и уничтожает себя. Не было еще демократии, которая не закончила бы сама с собой...» Эти слова тоже неплохо бы увековечить в резиденции американских президентов. Да и не только американских... Весь мир сегодня должен помнить эти слова.

200 лет назад родился Фредерик Францишек Шопен (1810–1849), польский композитор и пианист-виртуоз, родоначальник национальной музыкальной классики, автор свыше двухсот фортепьянных сочинений. Его имя стоит рядом с именами таких гениальных музыкантов, как Бах, Моцарт, Бетховен, Чайковский. Шопен начал писать очень рано, и его первые полонезы изданы уже в семь лет.

Одно из великолепных свойств его музыки – это ее доступность, это ее доходчивость, это ее умная, утонченная понятность. Возможно, поэтому Шопен стал признанным новатором во многих ее жанрах. Он возродил на романтической основе прелюдию, создал фортепианную балладу, опозитизировал и драматизировал танцы – мазурку, полонез, вальс. Подобно музыке Глинки, произведения Шопена насквозь пронизаны славянскими интонациями, чутким ощущением красоты польской народной песни, польских танцевальных ритмов.

Его отец Николя Шопен, француз по происхождению и польский патриот по убеждениям, принимал активное участие в борьбе за независимость Польши, непосредственно участвовал

в восстании под руководством Тадеуша Костюшко. В этой революционной атмосфере и складывалось мировоззрение самого композитора. С мыслями о трагических судьбах родины непосредственно был связан самый знаменитый этюд Шопена, получивший название «Революционного», где звучит дух ноябрьского восстания, обусловивший все – и гневные возгласы начальных фраз, и скорбь, прорывающуюся в выразительных мелодиях заключительной части.

После поражения Польского восстания Шопен, связанный с его участниками, не смог вернуться на родину и остался до конца жизни в Париже, куда прибыл осенью 1831 г. Именно там он создал свои выдающиеся произведения, объединенные темой Родины. Настоящий талант не ограничивается рамками собственной (пусть и гениальной!) личности. Это всегда гораздо, гораздо больше. Это великие мысли, великие идеи и, конечно, великая боль. За судьбу своей страны, за судьбу своего народа. Иначе это уже не талант.

Шопена однажды спросили: каким словом можно определить основное настроение его музыки. Композитор ответил, что в его родном польском языке есть такое слово – это «жаль» (zal). Друг композитора Ференц Лист расшифровал это определение: Шопену слышалась целая гамма разнообразных настроений «от жалобы и сожаления до ненависти», от неутешной скорби до «накипающей в глубине сердца неумолимой угрозы». По сло-

вам Листа, слово «жаль» «окрашивает все творения Шопена то в серебристые, то в огненно-пылающие тона».

Финал недолгой жизни Шопена был тяжелым: разрыв со своей единственной любовью Жорж Санд, туберкулез, смерть в бедности... А вот похороны Шопена были торжественными, в отличие от такого неторжественного конца. Лучшие артисты Парижа исполнили «Реквием» так любимого им Моцарта. Прозвучали и собственные сочинения Шопена, среди них – похоронный марш из фортепианной сонаты си-бемоль минор в исполнении оркестра. Друзья принесли на его могилу кубок с родной польской землей. Тело великого композитора похоронили в Париже рядом с могилой его друга Беллини. Но только не сердце! Шопен завещал свое сердце Родине. Оно было перевезено в специальном сосуде в Варшаву, где бережно хранится в костеле Святого Креста.

Шопен всю свою жизнь посвятил родине, даже живя за ее пределами. Но свою музыку он посвятил всему миру. «Музыка не имеет отечества. Отечество ее – вся вселенная», – написал он.

Как-то выдающийся немецкий композитор и критик Роберт Шуман, услышав Шопена, воскликнул: «Шапки долой, господа, перед вами гений!» Есть люди, перед которыми нужно снимать шапки даже спустя много лет и веков после их смерти. Как хорошо, что они были когда-то. И как плохо, что их уже почти нет теперь.

410 лет назад был казнен Джордано Филиппо Бруно (Giordano Bruno: 1548, Нола - 1600, Рим), итальянский философ, мыслитель, писатель. Вся его жизнь была посвящена поискам истины о происхождении Вселенной и смыслу жизни человека в этой Вселенной. Он выбрал опасный путь. И этот путь привел его на костер...

Бруно учился в монастырской школе в Неаполе, где вступил в доминиканский орден, принял монашество; стал священником. Но никогда ничего не принимал на веру. Много занимался самообразованием, запоем читал Лукреция, Вергилия и других поэтов, изучал античную драматургию и мифологию, зачитывался Макиавелли. Возможно, в том числе и поэтому проникся атеистическими взглядами. Свободомыслие рушит все границы и разрушает все догмы.

Однако мало кто из философов оказал на Бруно столь значительное влияние, как Николай Кузанский, который за сто лет до Коперника высказывался, что Земля находится не в центре Вселенной, ибо центра не существует, ибо Вселенная бесконечна. Но самый большой переворот в душе Бруно произвели взгляды Коперника, и он посвятил жизнь их распространению и углублению. И пошел дальше Коперника, утверждая, что не только Земля, но и Солнце вертится вокруг своей оси. И вокруг Солнца вращается много-много других больших и малых планет.

И ведь был прав! И каждая звезда – это огромное солнце, и вокруг нее тоже планеты, планеты. И это тоже есть мир.

И сколько в бесконечном пространстве таких миров! Таких других и так не похожих на наш.

Но, возможно, эти миры гораздо лучше? И там за идейностью и убеждения на кострах не сжигают? Бруно бросил вызов христианской религии, которая утверждала, что мир существует вечно в том виде, которым создал его Бог. Бруно утверждал, что все миры во Вселенной имеют начало и имеют конец и все время меняются. Что поразительно, он не с помощью телескопов и зрительных труб открывал Вселенную. А с помощью острого ума, логики и воображения. И что еще поразительнее – его воображение оказалось реальностью. И только гораздо позднее астрономы это доказали благодаря научной технике. Подобное не прощается.

Философ вторгся в суть запрещенных тем. И попал в точку. Не простили Бруно и теперь. Католическая церковь его так и не реабилитировала, хотя извинила очень и очень многих. Бруно, похоже, до сих пор опасен. Видно, до сих пор его открытия (если их тщательно изучить и если они существуют) представляют угрозу раскрытия тайны Вселенной. Недаром последователем его идей был Циолковский. Бруно, возможно, первый из первых предвосхитил космонавтику.

А тогда, четыре сотни лет назад, его удел был предсказуем. Скитания, гонения, одиночество и проклятия. Италия, Женева, Тулуза, Англия, Германия. Франция... Он много писал философских и литературных трудов, даже комедии, высмеивающие общественные порядки (памятники позднего Возрождения). Он был превосходным преподавателем, его обожали ученики. В то же время виртуозное умение Бруно делать одновременно множество дел, жить полной, насыщенной жизнью вызывала раздражение и зависть.

Впрочем, блуждание по свету для Бруно не прошли даром. Он не просто ознакомился с самыми разнообразными общественными порядками, законами, людьми. Он анализировал и делал выводы. И уже не только о космических горизонтах. Но и о нашей бедовой земле, где столько зла и столько несправедливости. И он уже хотел разобраться не только в загадках устройства Вселенной. Но и в загадках устройства общества на земле. И понять, для чего человек пришел на эту землю. И что он может сделать на этой земле, чтобы она стала лучше. Эти идеи были более, чем опасны. Его общечеловеческие симпатии были понятны и ненавистны. Его объективная невозмутимость и мудрость тревожила власти. Он стоял как бы над человечеством, и он слишком много предвидел. И не просто предвидел, по какому пути будет развиваться общество, наука, культура. Но и то, что предвидеть было нельзя...

Церковь стала считать Джордано Бруно своим злейшим врагом. Его независимость взглядов пугала, независимость его поведения считали странной. Бруно нажил много врагов. Но друзья оказались опасней (впрочем, как чаще в жизни и бывает). Бруно предал его ученик Мончениго, в доме которого он поселился в Венеции. Именно он привел в действие страшную машину Инквизиции – Джордано был схвачен и брошен в тюрьму. Его доставили в Рим. И семь лет о нем было ничего не известно. Но слово Инквизиция говорит само за себя. Можно предоставить, сколько пыток, унижений, допросов ему пришлось за это время вынести! Но от своих идей он не отрекся. Целых сто тридцать пунктов было в обвинениях, которые церковники выдвинули против Джордано Бруно! Было решено дело Бруно закончить, осудить его как еретика, нераскаянного и упорствующего, и отправить его на костер. Книги его надлежало сжечь.

И был назначен день казни. Утро 17 февраля 1600 года. Возможно даже – прекрасное солнечное утро. День выбран

специально, с особой изощренностью. В Риме праздновался юбилей 50 кардиналов. Толпы паломников со всей Европы. И все они спешили ко гробу апостолов умолять об отпущении грехов. Праздник христианской любви и всепрощения. Праздник, на котором сожгли на площади Цветов человека, призывавшего к вселенской любви и общечеловеческому прощению.

Как и положено на празднике, осужденного вели на казнь с парадной помпезностью. Впереди него несли красное, как кровь, знамя под звон церковных колоколов. Позади – епископы, священники, чиновники и дворяне в пышных нарядах. И кругом много, очень много народа, сотни тысяч римлян. Которым, как и всем, как и всегда, не хватало хлеба и зрелищ! И не хватало аплодисментов для этого спектакля и цветов на площади Цветов. И если были сторонники Бруно, они прятались в толпе. И правильно делали. Его взгляды и убеждения должен же был хоть кто сохранить! Впрочем, взгляды и убеждения в огне не сжигаются... Да и в воде не тонут. Разве что медные трубы их могут порой поколебать... Но это только не про Джордано Бруно!

На голове Бруно возвышался высокий колпак, на котором был нарисован человек, извивающийся в муках от пламени. На желтой одежде узника черной краской были нарисованы уродливые черты. На руках и ногах философа, ученого, гения звенели тяжелые железные цепи. Язык Бруно был изуродован. И во рту – кляп.

Последнего гневного слова этого свободолюбивого человека боялись как никогда. Вдруг к последнему слову все же люди прислушаются?! Бруно привязали к столбу в центре костра железной цепью и перетянули мокрой веревкой, чтобы мучительнее было умирать. Веревка под огнем стягивалась и врезалась в тело.

Перед казнью палачи еще раз спросили мыслителя, откажется ли он от своего учения. Бруно брезгливо поморщился. Вопрос был бессмысленен, нелеп и даже смешон.

Бруно твердо взошел на костер. И никто, никто: ни священники, ни чиновники, ни дворяне, ни народ – не услышали ни единого стога. Без стога этот великий человек, как пламя, взвился в вечность...

9 июня 1889 в Риме был торжественно открыт памятник на той самой площади Цветов, на которой инквизиция около трехсот лет тому назад предала его казни. Статуя изображает Джордано Бруно во весь рост. Внизу на постаменте надпись: «Джордано Бруно – от столетия, которое он предвидел, на том месте, где был зажжён костер».

«Мне говорят, что я своими утверждениями хочу перевернуть мир вверх дном. Но разве было бы плохо перевернуть перевернутый мир?» – сказал Джордано Бруно. Он все-таки его перевернул. Однажды. И однажды перевернули этот мир и его ученики, и его последователи. Идеалисты, которые мечтали, что этот огромный мир принадлежит всем. По праву. И этому миру нет цены. Ни земле, ни небу, ни солнцу, ни луне, ни звездам. Идеалисты, которые думали, что может быть радость для всех. И для всех – одна Вселенная. Вселенная, которой Бруно посвятил свою недолгую жизнь. И такую короткую и мучительную смерть.

Они перевернули мир однажды и ненадолго. А так хотелось бы – навсегда перевернуть этот перевернутый мир. Особенно сегодня. За это бы даже на костре не сожгли! Впрочем, все равно сжигать было бы просто некого.

Архивариус А. СЕРГЕЙЧИК

РУССКИЙ ЯЗЫК – национальное явление и фактор мировой культуры

Доклад на II Конгрессе писателей русского зарубежья
«Русское слово – связующая нить времён»
21 декабря 2009 г.

Несмотря на то, что политическая картина мира кардинально изменилась за последние два десятилетия и эти изменения далеко не всегда были в пользу России, русский язык по-прежнему остаётся значимым и действенным фактором политики, экономики, и, в особенности, культуры. Фактор русского языка, хотя и далеко не всегда признаётся на официальном уровне, продолжает действовать и оказывать влияние на процессы, происходящие в мировом сообществе. Естественно, в значительной степени это влияние распространяется на постсоветское пространство. То же можно сказать о государствах, близких России по этническому происхождению и религиозному исповеданию. Действительность показывает, что в государствах, входивших в сферу геополитических интересов Советского Союза, и по сей день сохранился устойчивый социальный слой, владеющий русским языком. В свою очередь, магистральные потоки советской и постсоветской эмиграции породили (и этот процесс продолжается) значительные диаспоры практически во всех крупных странах. Эти три (а также, вероятно, и другие) проявления естественной (т.е. не регламентированной) экспансии русского языка за пределы юридической российской государственности, дают нам основание для утверждения, что русский язык остаётся одной из форм международной коммуникации (хотя сфера его влияние значительно ограничилась после исчезновения государства СССР) и одним из факторов, осязаемо влияющих на мировую культуру (как напрямую, так и опосредованно, через переводную литературу). Каждое из этих трёх направлений свидетельствует одновременно и об актуальности русского языка в мировом общекультурном контексте, и о встречной реакции на эту актуальность, порождаемой интересами разной степени сложности. Рассмотрим их бегло.

1. Полагаю, никто не станет отрицать, что, несмотря на разные, зачастую диаметрально противоположные политические ориентации стран – бывших республик СССР, русский язык и сегодня, спустя два десятилетия после исчезновения с политической карты мира государства СССР, остаётся одним из главных средств коммуникации, независимо от национальной принадлежности тех, кто им пользуется. В большинстве случаев действительность свидетельствует о том, что политики этих стран осознают позитивную роль русского языка и те возможности, которые он предоставляет, и проявляют политическую гибкость в том отношении – политическую гибкость, которая в этом случае преследует соблюдения интересов государства и народа. Однако, в отдельных случаях мы видим, как политические и националистические амбиции, будучи доведёнными до абсурда, заставляют политиков искажать сложившийся языковой баланс и искусственными мерами ограничивать действие русского языка. В этом случае политики действуют в ущерб собственному народу, независимо от того, какими бы благородными мотивами они не объясняли свои действия. Наверное, здесь не место конкретизировать, но все понимают, о чём идёт речь. Примером позитивного, сбалансированного отношения к языковой проблеме сегодня является Республика Беларусь, в которой языковая политика является продуманной, мягкой, и в целом соответствует интересам народа. Повторюсь, в большинстве стран постсоветского пространства преобладает понимание значения русского языка для культуры народа, а также понимания недопустимости переведения сиюминутных политических мотиваций в такую жизненно важную сферу, как язык, укоренившийся в сознании и в душе народа. Русский язык, породивший великую русскую литературу, не может мешать развитию самосознания нации, и уж тем более

не может ослаблять чью бы то ни было государственность. Присутствие русского языка на постсоветском пространстве является консолидирующим фактором стран Евразии и инструментом духовного просвещения народов (утверждение, которого не оспаривали лучшие представители постсоветских народов). Этот фактор, пожалуй, самый живой и действенный, и отменить его административными мерами, без ущерба для своего народа, невозможно.

2. В странах, входивших в сферу влияния Советского Союза, и сегодня существует значительный социальный слой, использующий русский язык как средство общения и рассматривающий его как культурное достояние, а не как атавизм советского влияния. В большей степени это касается славянских стран, исповедующих православие (таких, как Болгария, Сербия), но и в целом постсоветский мир сохранил сознание самоценности русского языка, вне зависимости от политической конъюнктуры. Хотя в этом случае основная нагрузка по сохранению этого потенциала ложится на носителей русского языка – представителей русскоязычной эмиграции. В сущности, современная политическая картина мира (и, в частности, Европы) не даёт большого оптимизма в оценке действенности русского языка в инородной языковой среде. Но, в конце концов, мир постоянно изменяется, и кто знает, какие тенденции вступят в силу завтра – в то время, как авторитет русского языка среди иных народов мира стабильно обеспечен как авторитетом классической русской литературы, так и динамикой современного литературного процесса в России.

3. Русскоязычная эмиграция, вне зависимости от её мотивов и частных целей, породила и продолжает расширять русскоязычное языковое пространство практически во всём мире. Мы не будем сейчас вдаваться в частности и давать оценки отдельным сегментам этого стихийного, разнородного и во многом далёкого от собственно литературы явления. Всякое значительное общественное явление рождается стихийно, из тёмной глубины смутных и непостоянных закономерностей общественного развития, и лишь впоследствии структурируется в соответствии с действующими алгоритмами современной цивилизации. Для нас является существенным то, что, расширяя сферу компактного присутствия русского языка, его активные носители из числа эмиграции создают благодатное поле для многих процессов – в частности, для развития русского языка в литературном плане в иных государственных, национальных и духовных условиях; для утверждения элементов русской культуры в инородной среде, что по определению соответствует долгосрочным интересам России; для создания благоприятного образа России в мире.

Таков беглый обзор трёх условных направлений, по которым сегодня происходит взаимодействие русского языка с внешним миром. Необходимо акцентированно сказать о том, что в сегодняшней российской действительности, отягощённой экономическими потрясениями, проблема русского языка либо удо-

стается «точечного», несистемного внимания государства, либо вовсе отпущена на волю стихийного развития. Если попытаться найти в таком положении дел что-то позитивное, то это будет разве что та очевидная реальность, о которой было вскользь сказано в начале этого краткого сообщения, а именно: русский язык и сегодня, спустя два десятилетия после исчезновения с политической карты мира государства СССР, продолжает жить за пределами России и духовно обогащать народы, находящиеся в сфере его возвышающего и облагораживающего воздействия. Однако, этот драгоценный потенциал не вечен (ибо ничто не вечно), и без сознательной и затратной поддержки государства – носителя и хранителя русского языка – он может быть исчерпан. Если мы это допустим, это будет с нашей стороны актом величайшей исторической безответственности, расплачиваться за которую придётся нашим потомкам – тем, кто наследует Россию.

Уникальность русского языка состоит в том, что, будучи по своей природе глубоко национальным явлением, он оказал истинно судьбоносное влияние на мировую культуру. В то же время он, как мало какой другой язык, сделался проводником культур и народов, развивающихся в стороне от магистральных направлений мировой жизни. Значительная часть этой его заслуги приходится на XX век, и об этом тоже не следует забывать. Литература многих народов, входивших в состав СССР, стала известна миру, будучи переведённой на русский язык, и в этом состоит ещё один исторический подвиг русского языка.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Главный редактор газеты «Московский Литератор»

Секретарь Правления Союза писателей России

*Заслуженный работник культуры
Российской Федерации*

*Заслуженный работник культуры
Чеченской республики*

Сергей ДЕБРЕР

ПРО ЕРЁМУ И ФОМУ, или быть ли в Гамбурге немецко-русской школе?

ДОКЛАД НА ВТОРОМ КОНГРЕССЕ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

С трибуны состоявшегося 1-2 декабря 2009 года в Москве III Всемирного конгресса соотечественников пафосно говорилось о необходимости укрепления духовного и культурного влияния России в странах зарубежья. «Поддержка соотечественников – один из приоритетов нашего государства», – заявил в своем выступлении Президент РФ Дмитрий Медведев.

Восьмой год ищет эту поддержку бывшая студентка филфака Ленинградского Госуниверситета Элеонора Бюхнер. Переехав в 1992 году в Германию и закончив здесь магистратуру Гамбургского университета, она стала доцентом Народного университета и присяжным переводчиком. Но всю свою душу вкладывает она в работу русской школы «ASBUKA», безуспешно добиваясь придания ей статуса полноценного учебного заведения.

Власти Гамбурга открыть такую школу готовы хоть завтра – необходимо только согласие на долевое участие в этом начинании российской стороны. Но в России вот уже восемь лет (!) следуют лишь отписки и отговорки.

Для многотысячной русскоязычной диаспоры Гамбурга слово «азбука» означает не только учебник грамоты. Это еще и известнейшее в городе культурно-просветительское общество. Его ядро – школа, где основным предметом является русский язык. И уже восьмой год председатель «Азбуки» Элеонора Бюхнер бьется за придание школе статуса, аналогичного тому, что имеет в Германии ряд средних общеобразовательных учебных заведений, работающих по программе SESB (Staatliche Eurogra-Schulen Berlin).

Вот что по этому поводу говорит сама Элеонора:

«Если совсем кратко, то принцип работы этих школ такой: одна половина учеников – немецкие ребяташки, другая – из семей, например, испанцев. До 4-го класса они учатся раздельно – каждая группа на родном языке, но с углубленным изучением языка другой группы. С 5-го класса обучение совместное: наибольшую часть предметов преподают на немецком, а несколько – на испанском.

Я почему привожу в пример испанский: в Гамбурге действуют немецко-испанская школа, немецко-итальянская, немецко-португальская, две немецко-турецких (при том, что в Гамбурге турков меньше, чем русскоязычных). Финансируются эти школы городской администрацией и соответствующими консульствами. А вот немецко-русской школы в Гамбурге нет, хотя в нашей «Азбуке» еженедельно занимается 12 групп общей численностью более 400 человек! Занятия проводятся раз в неделю по 1,5 часа. Учебные дни – со вторника по субботу, группы – с 1-го по 8-й класс. Есть и группы старшеклассников, желающих сдать экзамен на международный сертификат ТРКИ (тест по русскому языку как иностранному). У нас квалифицированнейшие педагоги – из наших, из русскоязычных.

За помощью в создании билингвальной средней школы я еще в 2002 году обратилась к тогдашнему генконсулу РФ в Гамбурге С.В. Щербакову. В подробном письме изложила все известные мне сведения о функционировании аналогичных учебных заведений в Германии, приложив презентационные документы нашей «Азбуки». Реакции не было никакой. Ходила я затем в генконсульство, вела бесчисленные разговоры с его сотрудниками. Фамилий называть не стану – жалко мне их, бедняг: российских-то граждан на севере Германии – тысячи, и всем что-то надо, а тут я с какой-то школой, от которой ни удовольствия, ни прибыли, – она же не частной должна быть, а бюджетной...

А вот в гамбургской Ассоциации преподавателей русского языка, членом которой я состою, меня сразу поддержали. Председатель ассоциации Маттиас Буркхардт и его заместитель Марк Хампрехт выяснили в Сенате Гамбурга (*город Гамбург обладает статусом самостоятельной федеральной земли; Сенат соответствует уровню земельного правительства. – С.Д.*), какие имеются предпосылки к созданию такой школы, и говорят: в любой момент ее можно открыть, только Россия должна взять на себя оплату учителей, которые станут преподавать предметы на русском. В год это составит около 50 тыс. евро – во всяком случае, примерно столько уходит на две учительские ставки в уже действующих в Гамбурге билингвальных шко-

лах. Все это я передала нынешнему генконсулу РФ в Гамбурге С.П. Ганже. Он пообещал что-то сделать, но наступило молчание. И тогда весной 2007 года, когда не только мне, но и родителям наших учеников стало совершенно ясно, что здесь, на месте, ничего не добьются, написали мы письмо на имя тогдашнего президента РФ В.В.Путина и отправили его заказным письмом в президентскую администрацию.

Понятно, что письмо «Азбуки» на стол президенту России не легло. Но вполне допускаю, что из канцелярии президентской администрации его переслали в Минобразования. Потому что очень скоро получила Элеонора оттуда ответ за подписью директора Департамента международного сотрудничества В.В. Ничкова. Однако радости это письмо на казенном бланке не принесло, поскольку являло собой классический пример чиновничьей отписки. Цитирую:

«В соответствии с существующим порядком совместные российско-национальные школы создаются на основе межправительственных соглашений, – сообщил г-н Ничков. – В этом документе на уровне правительств договаривающихся государств должны быть зафиксированы цели и задачи школы, основные положения по совместной организации образовательной деятельности, договоренности по размещению (адрес, характеристики здания и прилегающего участка земли) и расходам на ее содержание. С учетом вышеизложенного для проработки вопроса по организации российско-германской школы в г. Гамбурге необходимо соответствующее обращение правительства ФРГ».

Забавно, правда? Германия, открывающая школу, содержание которой обойдется немецкой казне в сотни тысяч евро в год, по логике российского чиновника, должна ему доказать, что школа эта будет обустроена не в землянке на болоте! Но забавней другое: по той же логике выходит, что и бить челом перед российским властями по поводу изучения русского языка в Германии должны сами немцы! Ну не абсурд ли?

Но вряд ли стоит ожидать подобной челобитной от властей ФРГ, проводящих политику интеграции живущих в Германии лиц с иностранными корнями в немецкое общество. Слава богу, они, власти, хотя бы не препятствуют созданию такой школы! С позиции здравого смысла, первый шаг в этом направлении следовало бы сделать России. Особенно, если вспомнить выпренные призывы, разносившиеся с трибуны декабрьского, 2009 года, III московского Конгресса соотечественников, о необходимости «продвигать русский язык в мире и укреплять духовное и культурное влияние России в странах зарубежья!» И вообще, как подобная позиция российского чиновничества сочетается со словами президента РФ Дмитрия Медведева, заявившего с той же трибуны, что «поддержка соотечественников – один из приоритетов нашего государства»?!

Узнав в середине января 2008 года от Бюхнер обо всех ее мытарствах, звоню я генконсулу РФ в Гамбурге г-ну Ганже, объясняя предмет моего обращения, и происходит между нами следующий диалог:

– **Сергей Павлович, в каком состоянии находится вопрос открытия в Гамбурге немецко-русской школы?**

– В Минобразования его рассматривают, но пока там не пришли ни к какому выводу.

– **Но там уже почти год его рассматривают. А с вашей стороны этому делу может быть дан какой-то толчок?**

– Ну какой толчок? Мы сделали запрос по этой школе, я лично ходил к гамбургскому сенатору по образованию, мы поговорили, она в целом позитивно это восприняла и рассказала о двух возможных моделях такой школы: одна – это консульская школа, а вторая – на основании двухстороннего соглашения, по принципу действующей турецко-немецкой. Но проблема в чем: учителей финансирует направляющая сторона. Нужно найти средства на оплату двух преподавателей русского языка.

– **И что, ни единое российское ведомство не в состоянии найти денег на оплату двух учителей?**

– Что касается Минобразования, то вопрос не ко мне. А консульству на такие цели средств не выделяют. Попробуйте поговорить с посольством РФ в Германии: в 2007 году они занимались всеми мероприятиями, проводимыми в рамках объявленного России Года русского языка.

Последовав рекомендации Сергея Павловича, звоню советнику по вопросам работы с соотечественниками Посольства РФ в Берлине В.А. Пятину. О проблемах «Азбуки» Владимир Александрович слышит только во время нашего с ним разговора, но, сразу ухватив суть дела, объявляет:

– С Минобразованием никаких подвижек и не будет. Сейчас деньги для работы с соотечественниками министерствам не выделяют, а значит, учителей русского языка в Гамбурге им оплачивать не из чего. И у генконсульства нет средств, чтобы финансово помочь. Деньги теперь выделяются по линии правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, и они централизованно идут через МИД. Но работа с соотечественниками, а «Азбука» как раз и относится к этой категории, началась только с лета 2007 года. Я первый советник, которому поручено координировать эту работу. Вы же понимаете, что все это займет не один год – собрать соотечественников, объединить их, выявить какие-то совместные проекты. Мы этим как раз и занимаемся. Создан координационный совет, проведена общегерманская конференция. Появились люди и появились деньги – это я могу подтвердить. Но эти деньги идут под специальные проекты. А поддержка таких школ, как «Азбука», – я сразу могу сказать: это туда пока не входит. Потому что сейчас (*напомню: разговор происходит во второй половине января 2008 года. – С.Д.*) только начало нашей работы. Да и деньги, должен сказать, выделены не такие уж большие. А расходуются они только на общегерманские мероприятия – конференции и тому подобное. А вы знаете, сколько Германия выделяет на поддержку своих соотечественников в России? Девять миллионов евро в год! А у нас таких средств нет. Пусть ваша «Азбука» попробует обратиться в Фонд «Русский мир».

Связываюсь с «Азбукой», передаю Бюхнер содержание нашего разговора с советником Пятиным, и уже

в начале марта 2008 года она направляет в генконсульство составленную по всей форме заявку в фонд «Русский мир». Из генконсульства в фонд заявка поступает только **поздней осенью**, но решение по ней не принимается. **В начале 2009 года**, по результатам рассмотрения в фонде всех поступивших из-за рубежа заявок на 2009 год, на официальном сайте фонда напротив заявки «Азбуки» появляется запись: «Решение отложено».

Весной 2009 года на Лейпцигской книжной ярмарке встречаюсь я с заместителем директора фонда «Русский мир» Татьяной Боковой и в ходе интервью задаю ей вопрос о судьбе заявки «Азбуки».

«Наш фонд здесь помочь не может ничем, – отвечает Татьяна Викторовна. – Мы – организация некоммерческая и негосударственная. А тут речь идет об оплате российской стороной ставок преподавателей русского языка. Но нам по статусу запрещено выделять средства на заработную плату. В этом деле необходимо наличие межправительственных договоренностей».

В июле 2009 года руководитель Управления образовательных программ фонда «Русский мир» И.А. Степанова устно информировала «Азбуку» о том, что «из бюджета фонда денег на проект «Азбуки» не дадут, потому что он долгосрочный и постоянный, а фонд финансирует только разовые проекты. Может быть, дадут средства по какой-нибудь другой программе, но по какой – вот так сразу сказать нельзя, да и нет гарантии, что деньги будут выделены».

7 декабря 2009 года: моя попытка дозвониться до генконсула РФ в Гамбурге С.П. Ганжи завершается неудачей. Его референт заявляет, что «Генконсул ответит на вопросы, заданные ему в письменном виде». Но если бы Сергею Павловичу было что сказать по существу, стал бы он прятаться за такой бюрократической отговоркой?

Ничего нового не сказал и советник В.А. Пятин.

10 декабря 2009 года созваниваюсь я в очередной раз с Татьяной Боковой из фонда «Русский мир». На мой вопрос, есть ли надежда на какие-то подвижки в деле гамбургской «Азбуки», Татьяна Викторовна обещает при случае показать обращение «Азбуки» в администрации президента России. «Возможно, тогда этому делу будет дан ход, – говорит она мне и советует: – Пусть «Азбука» попробует еще раз обратиться в Минобразования, а заодно и в Федеральное агентство по делам соотечественников. Возможно, теперь, после декабрьского (2009 года) Конгресса соотечественников и выступления там президента, будут разработаны какие-то новые подходы».

Но руководство «Азбуки» тем временем само обратилось в Минобразования. И получило оттуда очередной «отлуп» за подписью заместителя министра г-на В.Н. Фридлянова (№05-ИН-675 от 18.12.2009 года). Полностью приводить этот 3-страничный документ не стану – достаточно и двух фраз:

«Существующая в настоящее время в Российской Федерации законодательная база не позволяет осуществлять прямое финансирование такого рода образовательных учреждений. Одним из путей решения данной проблемы <...> мог бы стать пилотный проект

создания двуязычной школы **на коммерческой основе** (выделено мной. – С.Д.) с методологической поддержкой со стороны соответствующих компетентных государственных организаций России (лицензирование, аттестация и аккредитация), что позволило бы обеспечить получение выпускниками двуязычной школы российского документа о среднем образовании».

Уважаемый г-н Фридлянов! Да будь у русских гамбуржцев деньги, они бы эту школу организовали еще восемь лет тому назад. Но дело даже и не в деньгах: по немецким правилам, соучредителем, финансово участвующим в создании такого государственного среднего образовательного учебного заведения, должна быть именно госорганизация второй стороны. И предлагаемый вами пилотный проект здесь не проходит: любой проект конечен, а тут речь идет о создании постоянно действующего учебного заведения. Э, да что там. Воистину, мы им про Ерему, они нам про Фому...

В общем, тяжелый осадок остался у меня на душе после всех этих бесед и чтений переписки. Невольно приходит на ум возглас Шуры Балаганова: «Узнаю брата Коло!» Хотя, чего, собственно, его не узнать: «По плодам их узнаете их»... Говорю это не в упрек генконсулу Ганже, посольскому советнику Пятину или руководителям фонда «Русский мир» – они действуют сообразно обстоятельствам, в которые поставлены. Вот только обстоятельства эти, как мне думается, крайне пагубно отражаются на имидже представляемой ими страны. Том самом имидже, на облагораживании которого Россия ежегодно тратит миллионы долларов и евро. По мне, так пусть тратит – хоть на конференции, хоть на пиры. Вот только «Азбуке» с тех пиров не то что в рот не попадает – даже по усам не течет.

А тем временем в Германии катастрофически падает интерес к изучению русского языка. Вот данные за 2006/2007 учебный год (свежее не нашел, но, полагаю, если и есть какие-то изменения, то лишь в худшую сторону):

всего в указанный период в школах и гимназиях ФРГ английский язык изучали 7.570.156 учащихся., французский – 1.702.828, латынь – 771.413 и испанский – 243.385. Русский язык изучали 119.113 школьников и гимназистов. Иными словами, налицо вытеснение русского языка в Германии испанским, французским, даже «мертвой» латынью, а пуще всего – английским, и уже всерьез поговаривают, что пора русский относить к категории экзотических языков. И это не в насмешку: по классификации немецких лингвистов, к этой группе относят малоупотребительные, а значит, и малоизучаемые в школах и вузах иностранные языки.

Продвижением испанского языка в Германии и в мире занимается Институт Сервантеса, французского – «Альянс Франсез». Как и германский Институт Гете, являющийся проводником немецкого языка в мире, это неправительственные организации, имеющие мощнейшую поддержку своих государств. Как мне рассказывали в гамбургской Ассоциации преподавателей русского языка, представители «Альянс Франсез», например, ежегодно ведут в школах Германии широко масштабные пиар-кампании с использованием новей-

ших мультимедийных средств, рассказывая, какая замечательная страна Франция, какая у нее выдающаяся культура и какой красивый французский язык.

Пока еще интерес к России и русскому языку в Германии окончательно не угас. Надежду так полагать мне придало увиденное этой весной на Лейпцигской книжной ярмарке. Бродя по залам, я заглянул на стенд берлинского издательства Wostok, выпускающего одноименный журнал. Его издатели – Петер Франке и Бритта Волленвебер – искренне влюблены в Россию и стараются привить любовь к ней и своему читателю.

Журнал Wostok – преемник вышедшего с 53 года журнала «Sowjetunion Heute» («Советский Союз сегодня»). Когда с кончиной ГДР та же участь ждала и его, издание взяли в свои руки Петер и Бритта. «Для нас это не было исключительно коммерческим проектом, – сказал мне в интервью Петер Франке. – Мы не могли смириться с тем, что журнал, пользовавшийся огромным спросом, канет в Лету. Сегодня Wostok выходит раз в квартал, это иллюстрированное 84-страничное издание, рассказывающее о сегодняшних событиях на постсоветском пространстве».

Под свое крыло Франке и Волленвебер взяли также и молодежное издание «По свету» – «Журнал для тех, кто учит русский язык», – как указано на его обложке. В нем публикуются материалы 4-х степеней языковой трудности – от I (для начинающих) до IV (для «асов»). Это русские сказки и календарь литературных дат, описание памятников искусства России и интервью с интересными людьми, стихи и проза русских поэтов и писателей – всего около 20 рубрик в каждом номере. Редколлегия и большинство авторов «По свету» – немецкие старшеклассники, изучающие русский язык.

Кроме издательства, Петер Франке возглавляет Федеральный союз немецких обществ дружбы Запад-Восток. Эта сторона его деятельности достойна отдельного рассказа. Но вот лишь один пример: по инициативе Петера реализуется проект RussenMobil. По Берлину и Эссену осенью нынешнего года колесили оборудованные соответствующими рекламными материалами арендованные микроавтобусы, и 20 волонтеров – молодых немцев и немцев, – агитировали учащихся школ выбирать для изучения в качестве второго иностранного языка русский. Частично эту акцию финансировал фонд «Русский мир», за что честь ему и хвала. Но ведь это капля в море!..

Уверен: услышь сейчас все это функционеры фонда или сотрудники посольства РФ в Германии, они сразу обвинили бы меня как минимум в занижении их роли в продвижении русского языка в ФРГ. Назвали бы суммы, ассигнованные на проведение различных мероприятий и акций, перечислили бы их. И это полностью бы соответствовало действительности – и мероприятия проводятся, и учебники сюда привозят и раздают по школам. К примеру, уже не раз упомянутый мной генконсул РФ в Гамбурге Сергей Ганжа в начале декабря 2009 года передал в дар средней школе гамбургского округа Бергедорф большое количество учебных материалов для оснащения класса русского языка. А фонд «Русский мир» в этом году оборудовал мебелью, компьютерами с обучающими программами

и учебной литературой Русско-немецкий культурный центр в Нюрнберге. И в других городах Германии фондом ведутся переговоры об открытии подобных информационно-ресурсных русских центров. «Их целью будет, – как сказала мне в интервью Татьяна Бокова, – предоставлять максимум возможностей тем, кто хочет больше узнать о России, изучить русский язык или совершенствовать владение им».

Наверняка есть и другие примеры, о которых я не знаю. Но я-то говорю не о разовых акциях, сколь бы полезными они ни были! Я говорю о полноценном учебном заведении, в котором русский язык стали бы преподавать не в рамках воскресной школы или на уровне второго, а то и третьего иностранного языка, как это практикуется в средних учебных заведениях Германии, а по программе «русский язык как второй родной» – как этого сумела добиться турецкая диаспора в Германии: во множестве школ ФРГ изучается турецкий язык именно как родной. А у России средств на это нет. При том, что и нужно-то всего поначалу 50 тыс. евро в год...

«Русский язык все меньше используется на пространстве Содружества, – скорбно констатировал 9 декабря 2009 года в заявлении для СМИ исполнительный секретарь СНГ Сергей Лебедев. И продолжил: – Я лично мог убедиться в этом. Я сталкивался со случаями, свидетельствующими о том, что русский язык уходит. В некоторых гостиницах стран СНГ молодые люди предпочитали говорить со мной по-английски, так как не знали русский язык», – сетовал исполнительный секретарь Содружества.

Хотелось бы верить, что Россия начнет заботиться о сохранении русского языка и русской культуры не только гостиничной службой в странах, посещаемых ее высокопоставленными представителями. Ведь заявил же президент РФ Дмитрий Медведев на III Конгрессе соотечественников, что «Россия стремится не забывать о своих соотечественниках».

Но восьмой год твердит Элеонора Бюхнер в своих обращениях в российские ведомства: «Поддерживает же Германия немецкие школы за рубежом, ибо выпускники этих школ являются движущей силой политических и экономических международных контактов. Почему этого не делает Россия?»

В России ее пока не услышали. Даст Бог, услышат. Вот только, выражаясь словами Некрасова, боюсь, что «жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе». Быть может, до той поры доживут Элины внуки? Но будет ли у них тяга к изучению «великого и могучего»? Ведь, как показывает жизнь, детвора, заговорив здесь по-немецки, на русский почти уже и не переходит. И если, находясь в дошкольном и младшем школьном возрасте, язык они еще учат, поскольку на эти занятия их за ручку водят мамы и бабушки, то, чуть повзрослев, ребяташки в массе своей учить русский бросают, а спустя короткое время и перестают на нем говорить. Им, детям, уже удобней и привычней говорить по-немецки.

Андрей БЕЛОКУРОВ

Родился в 1967 году в Киеве, где и прожил 34 года до отъезда в Австрию. Окончил два вуза. Служил. Работал. Работал. Опять служил. И писал.

С детства не мог выяснить для себя, что станет главным в жизни: творчество или биология? Так сложилось, что такие, казалось бы, полярные «сферы деятельности» всегда были для меня одинаково привлекательны. Решил совмещать; и, похоже, пока получается. Как биолог я понадобился венскому университету, собственно, вот почему я нынче здесь; как человек пишущий... пока трудно ответить однозначно.

Собственно и образования мои метались между двумя этими полюсами. Стремлюсь услышать музыку небесных сфер и в то же время насладиться бесконечностью момента вселенной.

Яблони

Плачут безудержно яблони белые,
Запорошив лепестками траву.
В чем-то наивные, в чем-то несмелые,
Осиротевшие на ветру.
Плачут о том, что весна скоро кончится –
Сердце полно тоски.
Солнце сквозь тучи уродливо корчится,
Падают лепестки.
Яблочный снег мертвенно белый –
Весеннего сада пьяный туман.
Голос, как эхо, осиротелый,
Голос – сплошной обман.
Сегодня одна, а завтра другая...
Нужно сгореть дотла.
О первой любви напоминают
Проклятые слова.

Солнце в спину лучами колетя.
Полдень пальцами в горло вцепился.
Стоит судьба моя на околице
И плачет: я с нею так рано простился.
Как издевательство – буйство сирени,
Цветы, как лампы под образами.
Любимых и близких забытые тени;
Где я? Только, увы, не с вами.
В утренней дымке сад молчаливый,
Как по колено в воде.
Белый от яблонь, пустой и унылый
Машет ветвями мне.
Глядя на небо, испуганно морщатся
Высохших луж лоскутки.
Солнце сквозь тучи уродливо корчится.
Падают лепестки.

Тропическое танго

Кто открывал неведомые страны,
Тот был воистину счастливый человек.
А я сижу, намывлившийся в ванной,
И просижу в ней, очевидно, весь свой век.
Ну хоть бы раз мне оказаться в этом мире,

Где под созвездьем Южного Креста
Я позабуду о двухкомнатной квартире,
И где под солнцем есть вакантные места.
Убогую кокосовую пальму
Я как-то видел в ботаническом саду,
А здесь гуляю я под пальмами нахально
И ем бананы прямо на ходу.
Но вышел срок, представьте мое горе, –
И снова в ванне будет ржавая вода.
Прощай, лазурное тропическое море,
Тебя я не забуду никогда.

И вот когда друзья-аборигены,
На время прекратив друг друга есть,
Мне скажут: «Возвращайся непременно,
Под нашим жарким солнцем место вроде есть».
С тоской взгляну на розовеющее небо:
Там угасает предпоследняя звезда...
Прощай, страна, где я ни разу не был,
И, может быть, не буду никогда!

Мой добрый папа, ты пришел домой уставший,
Издерганный житейской кутерьмой.
А осень шелестит листвой опавшей
И обещает призрачный покой.

Стал взрослым сын твой. Время неустанно
Ведет отсчет ошибок и удач...
А в детстве, кажется, совсем еще недавно,
Ты говорил: «Не плачь, малыш, не плачь...»

Седеют волосы, ссутулившись под ношей,
Ты все-таки остался молодым.
Отец, отец, какой же ты хороший.
Не будь тебя, и я бы стал другим.

Мой добрый папа, ты пришел домой уставший,
Издерганный житейской кутерьмой.
А осень шелестит листвой опавшей
И обещает призрачный покой...

Не кричите! Все просто: упала звезда
В пасть ночному страшному зверю.
Я пришел ниоткуда, уйду в никуда.
Не поверю себе, не поверю...

Кто-то в сером пальто постучал в мою дверь:
«Открывай-ка, да поживее...»
А за окнами злится седая метель...
Не успею бежать, не успею!

Отобрали перо, все бумаги сожгли,
Сапогами гитару разбили.
А потом посмеялись и просто ушли,
Даже дверь за собой не закрыли.

Это мог быть не я, мог быть кто-то другой,
Только в фальшь все равно не поверю.
Хоть за песни свою поручусь головой,
Не успею допеть, не успею...

Мертвая жизнь

Только зыбь на воде. Ветер гонит дождливые тучи.
Как табун лошадей, обезумев, несется гроза.
Признаваться в ошибках труднее, но все-таки лучше,
Чем бессовестно врать, закрывая на подлость глаза.

Грохотала гроза и, смеясь над мирской суетою,
Умывала водой беспросветных убогих калек.
Мы не в силах сломать ни привычки свои, ни устои
И, как сто лет назад, прожигаем бездарно свой век.

То ли в липкой постели с наскучившей пьяною шлюхой,
То ли в грязных заботах и жиром заплывших делах,
Мы возводим дворцы и, борясь с беспросветной разрухой,
Продолжаем нести свое время в ослабших руках.

Воспаленные веки, глаза бесконечно угрюмы –
Это кто-то другой, не похожий на всех остальных.
И кричат, разрываясь, и плачут в бессилии струны.
Только пел он недолго, напрасно и скоро затих.

Уходила гроза, неизвестно куда уходила.
Стало легче дышать, ненадолго, и лужи везде.
Кроме грязи со стен, она так ничего и не смыла...
Ветер нес облака, и осталась лишь зыбь на воде.

Гражданин Вселенной

Храм погиб, но все еще жива
Вера в то, что ВЕРА не убита.
Ни Берлин, ни Лондон, ни Москва,
Ни фашистов, ни антисемитов.
Из земли, где нынче Бога нет,
Пробивая дикие препоны
Он бежал. Но сколько долгих лет
Был бесправным он, почти бездомным?!

Виноват лишь в том, что он еврей,
Нахлебавшись под завязку горя...

Не забыть таежных лагерей,
Бабий яр и многое другое!
В той стране, где правил царь Давид,
Все, возможно, будет по-другому,
Все сотрется, все переболит, –
Он ведь дома, наконец он дома.

Пусть тоску изгнания перевозмог
Гражданин вселенной многогранной.
Отчего же так он одинок
Посреди Земли обетованной?
Ночь скрывает идолов во тьме,
Будто в складках сброшенной туники.
И горят на звездном полотне
Волосы принцессы Береники...

Зимний вальс-2

Пролетели, отишуришали
Годы, словно листьев стаи.
Но душа упорно просит
То ли зиму, то ли осень.

Снова листья, словно птицы
Только жарким душным летом.
Ах, как хочется влюбиться
И... жалеть потом об этом.

Гаснет свет. И боль забыта.
У разбитого корыта
Мы сидим и горько плачем –
Все могло бы быть иначе.

Вы совсем не изменились,
Только чуточку устали,
И навечно заблудились
В бесконечной снежной дали.

Мне бы вовсе вас не видеть,
Ни любить ни ненавидеть.
В серой дымке затеряться,
Но так хочется остаться,

Чтобы все опять сначала
Чередом своим и следом,
Чтобы осень повенчала
Нас дождем и мокрым снегом.

Никогда нам не быть вместе,
Только в этой грустной песне.
Все пройдет, и только память –
Всех осенних листьев пламя.

Листья – стаями, как птицы
В этот самый дивный вечер...
Ах, как хочется влюбиться...
Будьте счастливы.
До встречи.

Валентин ДОЛЬНИКОВ

«...Я пришел сюда из окопов, где шла горячая боевая работа: учебные атаки, повторявшиеся бесчисленное множество раз! Тогда еще не было ни Пражской весны, ни горестного Пражского августа 1968-го года, опозорившего нашу армию, нашу страну, наш народ. Советские танки не в силах были поставить на колени Свободу.

Я уйду отсюда в литературные окопы, где тоже идет непрерывная боевая работа. Только одну и ту же атаку нельзя переиграть дважды.

Становлюсь на колени перед «Домом Герцена».

Дай мне, родной институт, силы и мужества никогда ни перед кем не становиться на колени!»

Сказано при защите дипломной работы в Литературном институте им. М.Горького в апреле 1969-го года. Наверное, это и есть главное в моей человеческой и творческой биографии.

Не выставляем наши раны...

Андрею Чепурному

Майору Николаю Кирженко,
Человеку и журналисту

Афган, Афган! Твои дороги
Не зарастут травой живой:
Там наши руки, наши ноги
Навек лежат в земле сырой.
И к непогоде, и к ненастью
Нас рвет на части боль в ногах,
Мы руки раскрываем настезь,
Но обнимаем только прах.
Под Кандагаром, под Баграмом
Пески и нам принадлежат.
Там души, не имущие сраму,
Непохоронены лежат.
И если на пушту и дари
О мирном небе говорят –
Захаров ночью в Краснодаре
Не спит и мучится даром –
Рубцы от старых ран горят!
С тех пор – и до скончания веку! –
Повенчаны мы с той войной...
И каждодневно ставит вехи
В борьбе за раненых навеки
Комбат спецназа Чепурной.
Не выставляем наши раны,
Но в памяти держи, страна,
Что инвалиды-ветераны
Навечно носят боль Афгана,
Как боевые ордена.
Зачехлены броня и пушки...
Но в мирной жизни, как в бою,
Везде расставлены ловушки, –
Фугасы, мины и «лягушки» –
И все по душу по твою!
В атаки рвемся мы ночами
И умираем вновь от ран...
Мы за руками, за ногами,
За юностью и за мечтами
Придем когда-нибудь, Афган!..

Шестьдесят!.. Ну, много или мало?
Жизнь едва вписалась в колею!
Как тебя крутило и ломало?
Сколько раз стоял ты на краю
Пропасти, скалящей злые зубы,
Насылавшей порчу и дурман.
Только пели полковые трубы –
Жар пустыни иссушал туман.
Жар пустыни, знойный дух Афгана,
Юность, смрадом огненным дыша –
Все проходит, поздно или рано,
Под одеждой скрыты наши раны,
Да щемит, изранена, душа.

За спиной остались вехи эти
Лишь зарубкой в памяти живой,
И мелькают полосы газеты –
Гранки, сверки, рубрики, макеты! –
Той твоей газеты фронтовой.
Полосы, забрызганные кровью
Тех парней, что шли со смертью в бой,
На земле, пропитанной их болью,
Что пришлось им заслонить собой.
В их глаза, подернутые мукой,
Ты смотрел и мучился стократ,
Что твое перо и твои руки
Не отгонят смертную разлуку,
Не спасет твой верный автомат.

Каменные тропы Кандагара,
Пропасти Саланга, кишлаки,
Где стреляют кровли и дувалы,
Где воюют даже аксакалы –
И поныне в памяти четки.
Душу бьют порой воспоминанья,
Сердце рвет на части бред ночной.
И опять выносит подсознанье
Все, что жизнь накрыла пеленой.
Пеленою времени, забвенья,

Мирными заботами семьи,
Радостью молодого поколения,
Выросшего, будто из земли.
Как и прежде, по ночам воюешь,
Лезешь с автоматом на рожон.
А потом над талером колдуешь
То наборщиком, а то – метранпажом.

Знает только верная супруга,
Как ты околдован той войной,
Как опять бежишь ты круг за кругом,
Неизвестно, встанешь ли живой.
Наступает утро, лучик солнца
Ласково коснется твоих глаз.
Прошлое отступит. Жизнь проснется.
И – опять по кругу. В добрый час!

Там, «за речкой», часть твоей Отчизны,
Часть горячей памятью земли,
Где, тому назад, во имя жизни
Пацаны родные полегли.
Ты за тех ребят двойною мерой
И живешь, и любишь, и творишь,
Отвечаешь Правдою и Верой...
Вслушайся. Какая в мире тишь!

Так что шестьдесят-то – не граница! –
Долгой жизни отпускной билет.
Это – только два раза по тридцать.
Или – три раза по двадцать лет!

Июнь. Бомбежка. Сорок первый год...

Матери моей, Екатерине Алексеевне Богун

Ах, детство, детство!.. С бомбовоем
Стальные птицы в небесах
Чертили петли надо мною –
И хаты рассыпались в прах.
С лоскутным треском пулеметы
Взбивали пыль на большаках.
И шла охота, шла охота!
За ней, с младенцем на руках.
А я бежал, кричал до рвоты –
И распашонка пузырем! –
«В окопы! Нас бомбят! В окопы!»
И падал в жирный чернозем.
И мать собою прикрывала
Худое тельце пацана,
И лютым страхом понимала,
Что это все – и есть война!
И смерть бездумно улыбалась
Из глаз, не выплававших слез.
А мне казалось, мне казалось,
Все понарошку – не всерьез...
Но страшная творилась сказка.
И поросенок-дуралей,
Еще с утра так прыткий, Васька –
В кровавой луже у дверей...

Полигон сорок пятого года

Этот берег подмыт
Проточной водой болотной.
Глухо падают
Комья глины...
В жирную черноту
Я лопатой вгрызаюсь,
Потому что моя защита
Лишь земля.
Ржавый скрежет
Резанул неприятно ухо.
Я копнул еще раз,
И земля с неохотой такой
– приоткрылась:
К истлевшему ложу винтовки
Пустыми глазницами черепа
Приложился скелет.
Вы бессильные руки его
Случайно не троньте!
Я лопату застегиваю в чехол,
Он сдает мне позицию,
Уже заросшую вереском,
Брату – брат,
Солдату – солдат.
Кровь толчками, толчками
Ударила в голову,
Бессознательно пальцы
впились в автомат.
Я расстрелян был здесь!
Здесь с землею
Мой прах смешался.
Я – солдат!

Костыли, костыли
на лице у земли...
На лице на моем
золотой окоём,
солнце всходит на нем
золотым костылём.
А земля, а земля –
разметались поля
от бугра до бугра,
от утра до утра.
Голубая земля
вылетает в простор
и шумит надо мной,
как серебряный бор.
И гудят в проводах
телеграммы мои,
и блестят на глазах
слезы первой любви...
За любовь, за простор
в неоглядной дали
над землёю звенят
костыли, костыли...

Евгений НАУМОВ

Парус

*В синем призрачном море скитаний,
Где стальные вокруг корабли,
Мчится маленький парус мечтаний,
Пристань ищет в лазурной дали.*

*Ветер сильный его подгоняет,
Волны синие песню поют...
Он плывет, но куда? Он мечтает
Быть, где любят его и где ждут...*

*Шторм его до небес поднимает,
Рифы ранят его, как ножи,
Но за счастьем идти продолжает
Парус маленький – голос души...*

Теплые стихи

*В минуты редкие духовного волнения
В небытие уходит этот мир,
И сердце, словно «огненный» сапфир,
Становится исполненным горения.*

*Сгорают сети, расплавляются оковы,
Душа теперь свободна от сует,
Во внутрь проникает яркий свет,
И радость наполняет сердце снова.*

*И вот тогда наш мир однообразный
Становится небесной красоты:
Слова великолепны, как цветы,
И все везде сверкает, все прекрасно.*

*Открылось то, что мы не замечали,
Что было в нас заложено в крови, –
Мы чувствуем всю полноту любви
В таинственной тиши святой печали...*

О десяти девах

(по притче)

*Откроем книгу смиренно, без греха
И прочитаем снова на рассвет:
«У врат больших, светильники в руках,
Стояли в ожидании десять дев.*

*Никто не знал, когда придет жених,
И масла не было у пятерых из них,
И не могли, увы, другие пять,
Немного от себя им масла дать,*

*Ведь знали все, что вот грядет жених,
И должен быть зажжен светильник в миг.*

*Отправились на рынок, покупать
Те, кто не догадался масла взять.*

*И в этот час открыл врата жених,
Впустил стоящих и закрыл сейчас же их,
Когда же остальные подошли,
Они врата закрытыми нашли».*

О блудном сыне

(по притче)

*Я жил у отца без забот и лишений,
Мы с братом трудились, не зная тревог,
Но мир красотой своих искушений
Меня за собою увлек.*

*Решил я уйти, как я думал, на волю,
Где можно и счастья и славы нискатать,
И вот у отца попросил свою долю...
Отец не стал возражать.*

*Три года провел я в распутстве, пирушках,
И все состояние свое промотал,
И понял тогда я, что жизнь – не игрушка, –
В стране голод настал.*

*И вот я один в этом мире жестоком,
Холодном, бездушном, измучен, устал
Бродить без еды босиком по дорогам...
Другого я счастья искал!*

*Вернуться к отцу? Вряд ли примет он в дом свой...
Но выбор один... или здесь пропадать...
Пойду, попрошусь хоть последним слугою,
Хотя бы двор убирать...*

*Я вижу теперь, что я грешен пред Богом,
И данное мне от отца не ценил...
Теперь буду следовать верной дорогой...
Господь глаза мне открыл.*

Я сыном теперь называться не смею,
И грех предо мною как камень лежит,
Твое наказание приму со смирением,
Во исцеление души.

И вот он вернулся к родимому дому,
Отец издали его увидал,
Потом подошел и обнял как родного,
И в дом родимый позвал.

Господь милосерд и проступки прощает
Тому, кто сумел свое сердце открыть,
Тому, чья душа покаянием пылает,
Тому, кто может любить.

Портрет №6

Крепкий чай, стакан мартини,
Песни для души,
Хочешь, танец сделай зимний
Иль стихи пиши.

Вечер сумрачно и зыбко
Переходит в ночь,
Твоя нежная улыбка
Гонит мысли прочь.

Будет завтра снег, и вьюга
Закружит опять,
И опять ты будешь друга
Своего искать.

Будут слезы, грусть и нежность
Вновь в твоих стихах,
Ласка, грезы, безмятежность
Где-то в облаках,

А потом, весенним утром,
Ты найдешь ответ:
«Мир устроен очень мудро,
В нем несчастных нет,

Есть лишь те, что заблудились
В суматохе дней,
И с дороги верной сбились,
Проходя по ней».

И нарушит «по-английски»
Счастье твой покой –
Чашка кофе, рюмка виски
И любовь рекой.

Зимний портрет

Морозный эскиз на промерзшем стекле,
На улице минус двадцать,
Иду я к тебе по промозглой земле –
Улыбками обменяться.

Мелодия севера, сказочный свет –
Деревья блестят перламутром,

Рисую я твой белоснежный портрет,
Жемчужина зимнего утра.

Прошел Новый год, снова в дымке стоят
Блестящие сосны и ели...
И вновь на мольберте твой ласковый взгляд,
Как солнце под пледом метели.

Хрустит под ногами сверкающий снег,
На улице минус двадцать,
Иду я к тебе, поменяв шаг на бег,
Как будто с весной обниматься.

Мелодия севера, сказочный свет –
Блестит все вокруг перламутром,
Рисую я твой белоснежный портрет,
Жемчужина зимнего утра.

Блюз мокрых улиц

На мокрых улицах
Музыка звучит,
Строчки рифмуются,
Дождь в стекло стучит.

Проспект забрызганный
В свете фонарей
Вышит таинственной
Красотой своей.

Сегодня небо полное дождя
Играет блюз...
Блюз мокрых улиц для тебя.

По мокрым улицам
Народ спешит,
Ругая лужицы,
Ливень от души...

Проспект забрызганный
Радугой зонтов,
Блеском таинственным
Всех объять готов...

Сегодня небо, полное дождя,
Играет блюз...
Блюз мокрых улиц для тебя.

Волшебной музыкой
Улицы полны.
Не нужно публики,
Печати и молвы.

Здесь и кларнет затих,
И саксофон,
В дожде есть свой мотив –
Как сладок он.

Евгения МАНФАНОВСКАЯ

Любовь... Любовь!!!

Плыла луна,
и вечер плыл.
Цвела весна,
и ты любил
чужую женщину.
Она
лучисто на тебя глядела
и плавилась и мозг, и тело.
А надо всем луна плыла!
И соловьи, и ночь тепла,
в дурман черемуха вела,
и в лунных бликах меж кустов –
стоял, пьянил весенний зов.

.....
А дома верная жена
в окно лишь на весну глядела.
И так с тобою быть хотела!..

Плыла и плавилась луна.

Ах, как ножку к ножке ставит.
Ах, как женский род наш славит.
Не идет ведь, а поет.
Вся – стремление. Вся – полет.
Взгляды ловит и лукавит:
видит, что сердцами правит.
Окрыляется душа,
слыша выдох: – Хороша!.. –
И надменности в ней нет,
и глаза – лучистый свет,
только стелется незримо
неприсутность ей вослед.
А она, совсем земная,
хочет милому дарить
всю себя, еще не зная,
как владеть и как любить.

Мне одиночество так нужно.
Не обижайся, друг, позволь
побыть одной мне, незамужней,
тропинкой, ветром стать, дождем,
вернись опять в твои ладони я
промокшим, но счастливым воробьем.

– Разве сладко?
– Сладко! Сладко!
– Разве вкусно?
– Вкусно! Вкусно! –
Губы нежили искусно
два пьянящих полушара.
Два лукавейших овала
и ресницы начеку
полунега прикрывала:
увлеку, заволоку...

.....
Небо – сине,
сено –пряно,
рожь, что море, –
вдаль и вдаль.
Ах, погода!
Ах, поляна!
И не стыдно,
даже жаль.
Жаль, что лес
хоть тих, но лоден,
не за тридевять земель...
– Ах, не будем...
– Будем! Будем! –
Ох, природа!
Ну и хмель!

Белой ночи удивились облака,
утомленные, застыли на бегу,
теплой дремой затуманилась река,
и не верю я пока в свою беду.

Поцелуи твои слепы, горячи,
и нежны, и продолжительны до слез.
Я поверила, что я тебя верну,
а ты думаешь, что ты меня увез.

Ах, как ночь перед дождем тепла, мягка.
 В горле ком, и плачу я, не облака.
 Ты с тревогою глядишь в мои глаза,
 и в твоих дрожат раздумье и тоска...

Это только оттепель.
 А за ней – мороз...
 Что так взгляд мой влажен
 с отраженьем звезд?
 Это только оттепель,
 только показалось.
 Я себе в любви тебе
 и не признавалась.
 Значит, только оттепель...
 И опять мороз
 сделает снежинки из далеких звезд...

Это только оттепель...

 – У окон глаза есть.
 У листьев есть уши, –
 твержу я упрямо.
 И все же не слушай.
 Целуй!
 И пускай поцелуй оглушат,
 Сомнут, переполнят
 Смятенную душу.
 – У окон глаза есть?
 У листьев есть уши? –
 Смеешься в ответ ты.
 – Дай сердце послушать. –
 А сердце ликует.
 А сердце клокочет.
 А сердце бунтует
 и вырваться хочет.

 Не до игры. Я так устала.
 Прости, что принимаю вяло
 твой поцелуй.
 Я так устала.
 Приятно мне, вот так, молчать:
 в твоих губах губами спать.
 Потом уткнуться в воротник
 и долгим сделать этот миг.
 Оттаять...
 И тебе поверить.

 Еще возможно прошлое вернуть:
 в глазах твоих весну встречаю.
 Чтобы ко мне нашел ты путь –
 я ухожу. Я убегаю.

 Женщинам хочется верности.
 Женщинам хочется прочности.
 Мужчин привлекает ветренность.
 Но тянет их к непорочности.

А я не стану тебе звонить.
 Я буду, буду тебя любить.
 И буду, буду тебя будить
 Твоими снами,
 где мы с тобой,
 любовь нагрянет
 сама собой.
 И жарко станет
 тебе во сне.
 Тогда, тогда ты
 придешь ко мне.

Волосы твои спутали жизнь мою...

В одном из домов,
 где блистают слова,
 и где зеркала мной любуются, –
 радушный хозяин, всему голова, –
 великолетная умница!
 В одном из домов
 стало жарко от слов
 и душно
 от встречного взгляда,
 забытая песня
 всегда так нова.
 Забылась я в ней.
 Что мне надо?
 В одном из домов
 самый длинный из снов
 все мечется между глазами.
 И знаем мы тайну
 волшебных оков.
 Дай бог,
 Чтобы вслух не сказали.

Да, наступай!
 Круши и властвуй!
 Ты озаренно хороша
 в порыве к цели.
 Царствуй! Царствуй!
 Одарена умом душа –
 тем блеском,
 страстно изошренным,
 неотразимо что влечет.
 Плечо
 и взгляд твой,
 чуть смущенный...
 Повсюду – женски, горячо!
 Веди, волшебница!
 Достояна!
 Чаруй и расплавляй меня
 до загорания, горенья
 от жара твоего огня!

Ольга РЮЛИНГ

Переводчица с английского и шведского, поэт. Работает рецензентом русской литературы для шведского издательства «Библиотексценст». В России работала в течение десяти лет переводчицей с английского для крупного московского предприятия. В Швеции с 1992 г. Замужем, двое детей. Образование высшее. Перевела для шведского театра стихи лауреата Нобелевской премии Харольда Пинтера, пьеса шла в Мальмё в 2007 г.

Участница поэтического конкурса в Швеции в 2002 г.

В 2008 г при поддержке государственной организации Швеции перевела большой роман известной шведской писательницы Анны Янссон «Серебряная корона», а также сайт писательницы на русский язык www.thriller.se В 2009 г. написала на русском и шведском языках историю одной семьи по частному заказу.

Швеция

*Розы здесь цветут до декабря,
А нарциссы вырастают сами.
Швеция – красивая земля,
Всюду окружённая морями.*

*Воду можно здесь из крана пить,
Есть лосось в столичном водоёме,
И легко, и просто можно жить,
И хранить уют в любимом доме.*

*Не пришлось здесь побывать войне,
Революций не было веками,
Здесь живут спокойные вполне,
Добрые такие человеки.*

*Кролики гуляют по садам,
Утки в парке подойдут к ногам,
В море ты увидишь лебедей,
В жизни не боявшихся людей.*

Рождество в Швеции

*...И загорятся лампочками ветви,
И золотом витрины расцветут,
В уютном мраке христианской церкви
Студенты на концерте запоют:*

*«Люблю Тебя. Любовь и тело лечит,
Я даже смерти больше не боюсь.
Пусть Страшный Суд. Зато Тебя я встречу.
В Твоей любви, надеюсь, растворюсь...»*

Одиночество, а не полезно ли оно?

*Как Божий дар нам одиночество дано,
Тогда мы слышим Глас внутри себя,
Тогда приходит понимание одно,
Что Ты – Любовь – есть смысл бытия.*

Стоит ли бояться старости?

*Не будем старости бояться,
Она нужна нам для того,
Чтоб с этим миром нам расстаться,
Умчаться в лучший из миров.*

*Не будет там тебе болезней,
Ни старости, ни нищеты,
Вновь если на земле родишься,
То будешь юным снова ты...*

О смысле жизни

*Мама, с именем прекрасным: Неля,
Мы не умираем никогда.
Души наши полетят в туннеле,
Словно золотые поезда.*

*Тихо встретит нас Творец вселенных,
Нежно спросит: «Что покажешь Мне?»
Расскажи, как ты Меня любила
На далёкой маленькой Земле?»*

*Если сильно ты Меня любила,
Оставайся здесь всегда со мной,
Больше ни работы, ни заботы
Не узнаешь, ангел дорогой.*

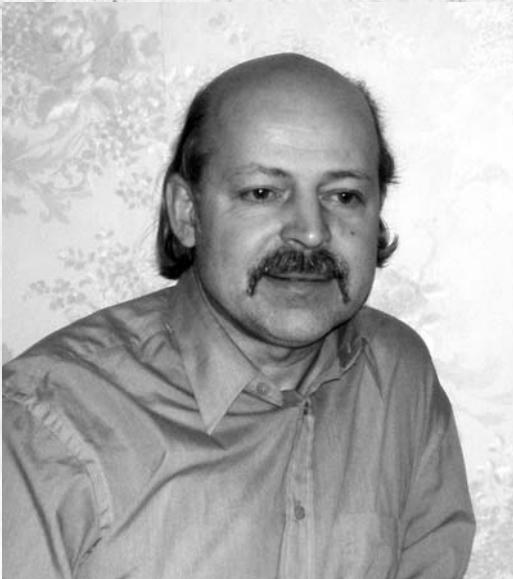
*Ну, а если ты меня не знала,
Вспомнить не пыталась никогда,
Что ж, лети обратно, где бывала,
Там родись опять, Моя звезда».*

«Полюбим навсегда снега, дожди...»

*Друзья мои, ругать дожди не будем,
В них – умиротворяющий покой,
И так приятно прогуляться людя
По дождиком умытой мостовой.*

*Снег повалил, и снегу сердце радо,
Скорей на лыжи! В доме свет горит,
И на окне, глазам моим отрада,
Благоухает нежный гиацинт.*

*Вдохнём кофейный запах, выпьем кофе,
Съедем кусок с изюмом пирога,
Полюбим навсегда с зимою осень,
Дожди, ветра, туманы и снега.*

Александр РАТКЕВИЧ г. Полоцк

Сонеты

На пороге нового века
я присяду, чтоб осознать:
жизнь, что прожита, – ипотека,
что не прожита, – благодать.
Было то, чему и названиее
подобрать нелегко сейчас:
то ли радость, то ли страданье,
в то же время – и плач, и пляс.
Но, снимая обувь при входе,
я не жалею, что в природе
все равны и век невелик.
Почему же при первой встрече,
как в предчувствии чёрной сечи,
мне его ненавистен лик?

Жизнь первична и неизяснима,
как зерно, упавшее клинком
между соловьём и васильком,
чтоб произрасти неповторимо.
Но когда наступит срок незримо,
эту жизнь, созревшую тайком,
до иглы отточенным серпом
жизнь другая срежет одержимо.

И ответа нету на вопрос:
почему всё так, а не иначе
происходит в белом мире рос,
чёрный оттеняющий богаче?
Впрочем, этой тайнописи цвет
я сумел у смерти подсмотреть.

Когда вчера ты произнёс опять,
как будто расколол рукой гранит,
что на таких, как я, земля стоит,
то я не знаю, что тебе сказать.

Ведь большинству нет дела до стиха,
им вообще на слово наплевать,
которое нельзя перепродать
иль на себя напаять, как меха.

Вот и живу теперь, как меж огнём
и глыбой льда, которые вдвоём
без трудности раздавят до нуля
любую гениальность или гнусь.

Так разве держится на мне земля?..
Я сам-то чуть на ней держусь.

Поэт, безумец, дирижёр
оркестра трансцендентных звуков,
среди подлунных скрипов, стуков
ты слышишь ли вселенский хор?

Среди сожжённых виадуков,
скреплявших Хаос и Собор,
тебя волнует ли напор
словесных человеческих трюков?

Молчишь и топчешься вразвал.
Ты здесь сегодня стал обузой,
как будто сам себя украл.

Ну что ж, покинь наш карнавал –
ты пуповину оборвал,
тебя связующую с Музой.

Начертанное разве остаётся
на камне, на бумаге, на песке,
когда и пирамида, плод уродца,
от бренности уже невдалеке?

Как то, чему названья нет, зовётся?
 Неужто от ведра в моей руке,
 что зачерпнуло воду налегке,
 след не останется на дне колодца?

Пусть гроза с другой грозой сольётся,
 но разве молний блестящие слизи
 остаться могут на вчерашней тризне,
 когда и смерть ничто в глазах канатоходца.

А эта? Как её? Которая не бьётся...
 Жизнь есть воспоминание о жизни.

Стихи – это время распада бумаги,
 чернила, карандаша,
 чтоб жизнь или смерть на истлевшей бумаге
 прочесть не спеша.

Все сроки – всего лишь пыльца от бумаги,
 чернильная пороша,
 и мысль, а не время исчезнет в бумаге,
 графитом шурша.

Так пусть они тлеют в своём саркофаге,
 как мумия, не дыша.
 И если дыханье в груди не окрепло,
 а выдох сгорел почти,
 то встань, и последние строки из пепла
 на вдохе прочти.

Ты стала капельку смелей,
 всё меньше ждёшь уединенья
 и в обществе врагов-друзей
 свои высказываешь мненья.

Но с наступленьем темноты,
 с приходом звёздного волненья
 заболеваешь снова ты
 недугом страха и волненья.

И так в тебе из года в год
 расцвет сменяется бесцветьем,
 как за молчаньем в свой черёд
 крик раздаётся междометьем.

И ты не знаешь до сих пор
 за что он, этот приговор.

Осенний цветок навеивает раздумье:
 вчера любовался любимой мордашкой,
 сегодня люблюсь завядшей ромашкой –
 неужто синонимы жизнь и безумье?

На что однозначно ответит милашка:
 у дома расцвёл одуванчик вторично,
 сентябрь на дворе, а ему безразлично...
 Неужто и в этом выходит промашка?

Какие вопросы в пустыне ответов?!
 Сижусь и смеюсь над собой и тобой:
 природе плевать на букеты секретов,
 как ей же плевать на секреты букетов,
 когда у неё избыток поэтов,
 поющих об осени на перебой.

Когда на земле в неестественной позе
 (в траве или в яме, в грязи, на песке)
 ты будешь лежать, а вернее, валяться
 как самый последний расстрелянный пёс;

когда в листопад, под дождём, на морозе
 (зажав фотографию мамы в руке)
 на скулах твоих будет кровь извиваться,
 застывшая кровь вместо вьющихся слёз;

когда по твоим волосам, подбородку,
 по юным зрачкам, убыстряя походку,
 закружатся мухи (довольны сполна);

когда твоему распростёртому взгляду
 раскроется небо за жертву в награду,
 тогда ты поймёшь, что такое война.

Она в стихи влюбилась, как в мужчину.
 Ей было интересно с ними спать –
 не в смысле переспать, а их читать
 и, засытая, прятать под подушку.

В конце концов, их можно сочинять,
 тем самым превращая тьму в лучину
 и тем же превращая быт в пирушку,
 ну, не в пирушку, а, верней сказать,
 в такое состоянье светотени,
 когда охота людям сострадать.

Но тут очнулся муж от дел и лени,
 её к стихам надумав ревновать,
 а (свёкор) стал пред нею на колени
 и умолял стихи не сочинять.

Когда поэт, измученный бессмертьем,
 от голода иссохший и вина,
 в холодных тапочках спешит с усердьем
 к горящему камину у окна,
 тогда он, напряжённый как струна,
 скрывающий недуг в бессонном взгляде,
 из-под халата достаёт тетради,
 исписанные текстом дочерна,
 и отправляет их трясущейся рукою
 на пламя, закипевшее рекою.

И никакие возгласы страданья
 не могут заглушить и оборвать
 слова уже последнего шептанья:
 «Как сладко, милый, умирать».

Федор ЗУЕВ

Святейшему патриарху Всея Руси –
Кириллу

На круги своя

Мы возвращаемся к истокам
Через заросшие поля,
Сквозь ложь времен не так далеких –
Где в запустении земля...

Церквей разрушенных поныне
Встречает нас глухой Разор.
Мы к Истине бредем в пустыне
Средь мутных рек, больных озер.

Среди реклам в неоне света
Огромных лживых городов,
Политизированного бреда,
Убийц наемных и судов.

Растлителей и рабства плоти,
Безумных лозунгов, доктрин
И гибнущих в цветку на взлете
Юнцов, познавших героин.

Средь мегабайты – педофилов,
Растленных мерзких передач,
Убогих казнокрадов в виллах,
Бомжей, калек, сиротский плач.

Меж сект, разврата, долгих сроков,
Разграбленной дотла страны,
Неперечисленных пороков
Через террор и боль войны.

Мы возвращаемся к истокам
Во имя веры и детей,
К великой Истине, к Пророкам,
К объединению людей.

И дай нам Бог дойти до цели,
И возродить в глазах Творца
Всё то, что потерять сумели
Без Духа, Сына и Отца...

Одинокий пророк

Человек – одинокий гений,
Ну а Бог – одинокий Бог...
Без ошибок, без бед, без сомнений,
В бесконечьи вселенских дорог.
И в единстве творений суть истинных
Изначально имеющих смысл,

Обрекал прародителей избранных
На изгнание, любовь, и на мысль.

Триединством судьбу печатав,
Отраженьем деяний Творца,
В муках радость, за счастье плата
Богу, Духу и Сыну Отца.
И святым несть числа от дня первого,
Где прощен был за них первый грех,
А любовь в небеса от неверия,
От порока «заумных утех»...

Но входили пророки в дома твои,
Но бросали они города
Выводя в никуда народы свои
Уходили они навсегда.
И осталось пророкам изгнание.
И влечет их бескрайность дорог.
В откровеньи и в мудрости знания
Путь вершит одинокий пророк...

Марии Денич

День хороший вчера – я не вытил ни капли спиртного,
А сегодня быть может – я брошу курить.
Послезавтра случится – отрекусь от всего я земного,
Ну а завтра я буду вновь с тобой о любви говорить.

Это завтра придет, распахнув свои легкие крылья,
И в зеленый восход опрокинет небес синеву,
Принимая его - мое сердце колотится сильно,
И бунтует опять, и кричит – Я люблю, Я живу!

Там пощипет заря сарафаном своим откровенным.
Все что было не зря, все что видел порой наперед.
Боль и горечь потерь недоживших друзей незабвенных,
И любимых людей, отошедших в свой скорбный черед.

Я на встречу пойду, побегу сокращая пространство,
В эту летнюю новь и в горячий последний восход.
Мое завтра придет не похмельным,
не буйным от пьянства,
Обреченным придет на любовь,
что отправит в раскод...

Давай начнем с нуля,
Давай начнем с начала.
Мне сорок девять лет
И болью жжет тоска.

И рваная строка
Пульсировать устала,
И холод в спину мне,
И иней на висках.

Давай поговорим
О прошлом - настоящем,
Давай зажжем свечу
И вспомним имена...
Здесь место всем найдем
И пьющим, и курящим,
И примем в доме всех
Без горечи и сна.

Откроем тайны все,
И помыслы и думы...
Предутренний рассвет,
Размазав звезд метель
И тени растворив,
Впуская свет угрюмый
В пустой холодный дом.
Шлет жизни канитель.

Я никогда не буду сказочно богат,
Не верьте мне, но в Бога верьте!
Любви прекрасный, драгоценный сад
Я пронесу в душе до самой смерти.

Уже не буду счастлив и красив
Я в осени своей, как не был прежде,
Полмира за мечтой исколесив
Охапку хризантем дарю надежде.

И паутинки солнечные струн
Не трону и росы не потревожу,
Я был удачлив, смел и юн,
А нынче вот года свои итожу.

Еще не вышел срок и горные хребты
Не все легли у ног моих, и перевалы,
Где синь небес на снежные листы
Молитвой и поэзией упала.

И только лишь теперь понятно мне,
Что все лишенья были не напрасны,
Что нужно умирать в своей стране –
Ограбленной, обманутой, несчастной.

Спешу за миражом летая в облаках,
Молитвой день прошедший провожаю,
Блуждающий Фантом в пространстве и стихах
Фома Апостол и прощенный Каин...

Это было давно...
В искрах льда в декабре,
Что сковали окно
В разномастной заре.

Конь храпел у крыльца
Бил копытом о снег,
Старший сын у отца
Собирался в побег.

В свой последний побег,
В белый стан Колчака
Из станицы Степной
Там, где Яик-река.

Где был бунт Пугача,
И где тракты в Сибирь,
Где любовь повстречал,
А затем схоронил.

Где над храмом в ветру
Полоскал алый стяг...
В дальний путь по утрам
Собирался казак.

Расстреляли царя.
Порубили попов.
И горела заря
Цепью долгих оков...

Беспредельность в пути
От застенков ЧеКа
Целый год впереди
Под крылом Колчака!

До ангарской воды,
До вселенской беды,
До заветной звезды
У последней гряды...

Подари мне дорогу домой,
Ну хоть раз подари мне надежду.
После долгой разлуки с тобой
Словно кожу я сброшу одежду.

Позови! От Москвы до Курил
Всего десять часов непрерывного лёта,
Голос твой я почти позабыл –
Здесь лишь вахты и ночь, океан и работа.

Ну возьми дозвонись,
Сквозь дожди и метель, расстоянья и стужи.
Я ворвусь в твою жизнь,
Ты откроешь мне дверь, знаю –
Я тебе нужен.

А потом мы решим – куда выпадет путь,
И разлуки закроем страницу.
Только ты поспеши...
Словно пробку свернуть,
Мне собрать чемодан и побриться.

Борис ЩЕРБАТОВ

Родился в мае 1941 года. В трагический для страны день 22 июня 1941 года крещён в православную веру. Детство и школьные годы прошли в селе Михайловское Тульской области, расположенное на реке Непрядве в нескольких километрах от Куликова Поля – поля русской славы. Окончил Тульский политехнический институт. Автор четырёх поэтических сборников, по первому из которых (1983 г.) был принят в 1988 г. в Союз писателей СССР. В 2006 году вышла книга избранных стихотворений «Плач соловьиный».

Живёт в Москве.

Село

Сколько сёл в России неоглядной!
Как весной ромашек на лугу...
Есть село над речкою Непрядвой,
на высоком правом берегу.
Только день подвинется к закату,
поглядите вдаль из-под руки,
где туман крадётсЯ конокрадом
по другому берегу реки.
Там луны оранжевый осколок,
золотЯ притихшие сады,
как шелом Димитрия Донского,
из Непрядвы черпает воды...

Это здесь – судьбы моей начало
и всего, что стало дорогим.
Эта речка в грудь мою стучала
колокольным именем своим!
Это здесь – сверкая половодьями,
обжигая ветрами с полей,
становилась маленькая родина
Родиной великою моей!
И за то, село мое, спасибо,
что, живя на новом берегу,
я свою страну, свою Россию
без тебя представить не могу.

Видения на Поле Куликовом

Бери меня, дерзкая воля!
Я сам обозначил между...
Один
среди дикого поля
разгневанным небом дышу!

Там туч разъярённое вече
гудит и встаёт на дыбы.

И птицы уносятся смерчем,
как чёрные знаки судьбы.

Густым опрокинутым дровом
ревёт над землёю огонь.
Дрожит он,
и во поле древнем
мне слышится грохот погонь.

Какое жестокое время
мужицкие скулы сечёт!
Там матери бьются о стремя,
там кровью Непрядва течёт...

Иди же, встречай свою участь!
Ты сам обозначил между...
Под дубом,
под траурной тучей
порубанный, мёртвый лежу.

Струится польнь голубая,
ковыль припадает к плечу.
Я трудно глаза открываю
и верить, что жив,
не хочу!

Сколько золота нам намело!
Отлетевшего лета наследство...
Помню, как, приезжая в село,
ждал друзей из недавнего детства.

– Мать, там кто-то стучит у ворот
и как будто фонариком светит!..
– Спи, сынок, это месяц встаёт,
и опять начинается ветер...

Начинались дороги потерь и утрат.
Мою жизнь, мои небыли-были
озорные, дурные ветра
нашептали, напели, навывли.

Тихий свет материнской избы
затерялся в сиреновой дали.
Нас суровые ветры судьбы
по тревожной земле разметали.

Кто в жилище моё постучит,
кто на грустные речи ответит?
Голос матери слышу в ночи:
– Только ветер, сынок, только ветер...

Ветер-друг! Разбуди поутру,
позови в свои выси и веси!
Я глаза с лица рукавом сотру
и с тобой пойду куролесить!

Небесное имя

Ангелине

В моей душе, где розы и полынь
соседей нет, но никогда не дружат,
в зелёный вечер, в майскую теплынь
присутствие своё я обнаружил.

А я писал, что жизнь не удалась,
что по ночам заглядываю в бездны...
Откуда ты, неожиданная, взялась
с таким красивым именем небесным?

Не из христовых чопорных невест –
ты чёрный цвет ни разу не носила.
Но имя, занесённое с небес,
тебя, земную, в свет преобразило!

Да будет, да святится этот свет
и здесь, и там – за облачную рванью!
Пусть завтра я, стареющий поэт,
страданьем оплачу очарованье!

Мне здесь и там назначено гореть,
тебе – за души горькие молиться.
Так пусть хоть то, что я успею спеть,
в твоих молитвах эхом повторится!..

Роняет небо тихую слезу.
По городу, по каменной пустыне,
тебе я розу красную несу
с неистребимым запахом полыни.

Цыганские карты

Цыганка гадала, плела как в бреду:
что было, что будет, где гибель найду.
– Ты слышишь: далёкий доносится гром?
То носится смерть на коне вороном.

Далёко раскаты, да близко беда.
Цыганские карты не лгут никогда!

Меня забавляло, смешило враньё.
Но тучей клубилось вдали вороньё...

– Ты помнишь любовь свою?
Старость кляня,
не ты ли полцарства давал за коня?
Так вот они – кони! Любого бери,
бери по-цыгански – за час до зари!

А кони цыганские впрямь хороши –
как чёрное пламя, как горе души!
Глаза грозовые и грива, как дым!
Легко ли седому не стать молодым?..

Цыганские кони летят стороной.
Цыганское небо горит надо мной!..
Но плачем заходится сердце мое,
когда в вороньих
узнаю вороньё!..
За час до расплаты несут в никуда...
Цыганские карты не врут никогда.

Горе от ума

Есть разума глухие катакомбы,
где начинались порох и чума,
и умопомрачительные бомбы...
Неотделимо горе от ума!

Мы позабыли древние скрижали
и кормчего сменили у руля,
когда пришёл Мучитель гениальный
и запросто прошёл в учителя.

Заложники идейной мешанины,
о мирных устремлениях трубя,
грядущий ад и адские машины
мы день и ночь готовим для себя.

Пока хвала возносится таланту,
у всех его пробирок и реторт
в замыганном халате лаборанта
колдует ухмыляющийся чёрт!..

И, как удушье, напоздаёт сумрак!
Он при дверях, неотвратимый век,
когда, отравлен вирусом безумья,
на четвереньки встанет человек.

Ты преуспел, разумное созданье!
Но грянет кара с четырёх сторон.
И будет гром, как Божие рыданье,
в последний день последних похорон.

Сергей КРЮКОВ

Весенний дождь

Вот он, долгожданный, застучал –
По асфальту, по листве, по крыше...
Лучшее из всех земных начал.
И не видя, я его услышу...

Обостряя запахи весны,
Остужая воздух раскалённый,
Он несёт спасительные сны
Всем земным любимым и влюблённым.

Он один на свете знает всё
О любви, о жизни, о цветенье...
И его живое естество –
В каждом существе, в любом растенье...

Вот он, долгожданный, застучал –
По асфальту, по листве, по крыше...
Лучшее из всех земных начал
Шелестит, шипит, шуршит и дышит...

Косой плетень... Берёзовые плети
Размашисты на заревом ветру.
Речную рябь иголки солнца метят...
А я парю над миром на юру.

Луга и лес, за речкой простираясь,
Уводят взгляд по сизой дымке в даль.
Сплошное лето, без конца, без края... –
Отрада, одолевшая печаль!..

После пожара

Когда трава пробьётся из земли,
Густым ковром покрыв луга сырые,
В душе моей взмывают журавли,
В небесных токах расправляя крылья.

Когда укроет землю жёлтый лист,
Печаль моя чела коснётся нежно.
Осенний воздух призрачен и чист,
И на душе светло и безмятежно.

Когда осевший непорочный снег
С порывом ветра вскинут лапы ёлок,
В душе вдруг заискрится колкий смех,
Родящийся на кончиках иголок.

Но что случилось на моей земле!
Душа моя потухла и ослепла.
Ступают ноги тихо по золе:
Земля покрыта скорбным слоем пепла...

Мишень

Когда туман осел на паутине,
Хоть к небу нитки жемчуга пришей,
Ты превзойти не сможешь на картине
Подвешенную в воздухе мишень.

Заворожённый, ищущий блаженства,
Я вечно взглядом целиться готов
В неистовое чудо совершенства
Прозрачных концентрических кругов.

Боярышник сбросил листву,
А ягоды сбросить забыл.
Листва улеглась на траву,
Лишённая жизненных сил.

Опавшей листве на земле
Скорей бы – истлеть и сопресть...
Листве перепревшей – в золе
Вновь ягоды грезятся впрядь.

Земле пригодится листва,
А ягоды – птице лесной.
И, ягодой красной жива,
Умножится птица весной.

И дело, конечно, не в том,
Что кто-то о чём-то забыл.
Ведь в небе, порою пустом,
Глядишь, да прибавится крыл.

*Грусть высокая в душу мне светит.
У затерянной в поле ветлы
Опустились плакучие ветви,
От печалей и грёз тяжелы.*

*Разве можно пройти, не заметив,
Сколько небо запутало грёз
В поникающих шёлковых плетях
Омываемых ветром берёз!*

*Сердце сжалось в груди до предела.
Звон туманом уносится в даль...
Видно, песню ещё не допела
Русь-Россия, мечта и печаль.*

Храм

*Разве Храм – не та же пирамида?
Ведь его четыре стороны
Гранями внушительного вида
Смело к небесам вознесены.*

*И венчает острую вершину
Землю осеняющий окрест
С купола, торжественно и чинно,
Непреклонный православный крест.*

*Входишь в Храм – и думаешь о главном.
И не надо попусту гадать,
Почему во Храме православном
На тебя нисходит благодать.*

Образ

*Завывай, завораживай, вьюга,
Над куделью кудлато колдуй...
Мы узнать не способны друг друга
Сквозь рябое мелькание струй.*

*Даже если увидим, не вспомним,
Так бураном завьюжило жизнь...
И один только образ иконный
Призывает беззвучно: «Держись!»*

*Стонут ветры на белой равнине,
Завывают, по-волчьи поют...
В ледяной беспредельной пустыне
Нашей жизни – всегда неуют.*

*В белом поле, на ветры богатом,
Как бы ни были люди близки,
Их разносят, порой без возврата,
По вселенским углам сквозняки.*

*Но смежает развёрстые дали
Окаянной судьбы непростой,
Лечит снежные наши печали
Тихий образ иконы святой.*

*В кошелек залезая, как водится,
О потерях не смей грустить.
В этой жизни за всё приходится,
Ну, буквально за всё, – платить.*

*И судьбе «не лепи горбатого»,
Против честности не грехи:
Для того ты и зарабатывал
Дивиденды своей души.*

*Раздавай же себя без скупости,
Не жалея талантов и сил,
Не гневясь на тех, кто по глупости,
По неопытности – словчил.*

Потаённый огонь

(сонет)

...Угрюмый, тусклый огонь желанья.
Ф. И. Тютчев.

*Загадочную сущность оголя,
Прозрачный перламутр тончайшей кожи
Лучится внутрь – сиянием, похожим
На тление древесного угля.*

*Пылает мир, огонь боготворя,
И я горю огнём незримым тоже,
Но за моей дубовой тёртой кожей
Звезда смогла бы спрятаться, горя.*

*Но как похожи наши устремленья
На волны полыхания и тленья
Живого потаённого огня!
Его разнообразны проявленья...
Сменяются века и поколенья,
А волны жара жгут и жгут меня.*

Истый

*В час полночного бдения,
С целым миром в борьбе,
Истый пестует гения,
Утверждаясь в себе.*

*Не иначе Вселенная
И рождает людей,
Чтобы в мире нетленного
Стало больше идей.*

*Тянут ночи бессонные
Мысли тонкую нить.
Только вечность бездонную
Смертным не изменить.*

*Истый ищет открытия,
Бездне жертвуя плоть.
Может, счастьем наития
И снисходит Господь.*

Инна ПАНЧЕНКО-МИЛЬ

Инна Панченко-Миль – доктор философии, лечебный педагог, психоаналитик, логотерапевт, поэт, член Международной Ассоциации писателей и публицистов.

Родилась в Москве. Закончила Государственный педагогический университет и аспирантуру в Москве, защитила диссертацию на тему «Восстановление речи, поведения, коррекция мышления у больных при расстройстве центральной нервной системы». Инна получила доступ к интуитивному инсайту (озарение, откровение), стала писать философские стихи (более 800 произведений), издала книги по философской лирике. Эти книги помогают осмыслить жизнь с позиции: Человек – Бог – Вселенная, – и предлагают выстроить позитивное мышление.

Другое измерение

Я приведу тебя в другое чувство,
Где Даль твоя и Небо совместятся,
А Горизонт уйдёт за Облака.
Преграды больше нет
Для чуда – мига нового рожденья,
Где чувства «Я» и знание – Ничто.
Я приведу тебя в такое чувство,
Где Мудрость с Духом входит в Озаренье,
Восторг приёма Их,
Рожденье Бога в таинстве твоём.

Суета большого города

Понять себя в делах,
Карьеру сделать хочешь
И быстрым шагом в суету войдёшь,
А выйти из неё –
Не так, как ты захочешь –
Получше мафии ключи её.
О суета, ты заменяешь Мать – Отца,
Семья – водоворот, брожение ума.
Нет больше сердца у тебя:
В упор стреляет суета,
Но пули не найдёшь.

Стадион – Жизнь

Зовёт меня мой стадион –
Он славу прочит иль позор
Для тех, кто очень хочет:
Себя прославить, проявиться и
Силой, мужеством сразиться
Со всей стихией Лени.
Я так хочу прожить секунду,
Как мечту,
Во вдохе-выдохе существенных значений.

Определённость

Любовь – Закон Вселенной,
Не выбор твой.
Расплатишься собой.
А? Мир на лжи?
Любой твой шаг – цена судьбы.

Услада

Новый русский входит
на Олимп Божественности.

Обстановка в роскоши дизайна фараонов,
Что дворцы держали лишь для ложа:
Потолки украшены цветами, стены в шёлке,
Кожа, свечи, покрывала.
На полу халаты, что носили Маги лишь при шахе:
Звёзды в рукавах и сталь в капканах.
Красота, Богини, нежность роз, улыбок, вздоха,
Танец стана. Аромат жасмина.
Крест в алмазах. Кипарис.
Что ты ищешь для себя, нарцисс?

Лечение

От ненависти лечение – любовь,
От жадности – расслабиться Вам нужно:
Все нервы, мысли и поступки
Соедини с доверием к Тебе,
Которое отнесётся лучше,
Чем ты к себе.
От глупости лечение – работа,
Пусть будет в доброте она.
Лечение от рака – есть забота,
Сочувствием и радостью полна!
От зависти лечение – учёба,
В которой мужество успехов всех достичь
Равно желанию молиться и простить,
Затем восторг с тобой делить.
Прославиться захочешь – тогда
Ты получи в лечении красоту,
А если ничего не хочешь –
Лечись и будь с собою попросту.

Прозрение

(шутка)

Мы играем чужие роли,
Господи, почему ты молчишь?
Мы не знаем роли,
Которые мне Ты творишь?
Ты хочешь дать роль – познание,
Искать её в добре?

Но для этого годы, годы
Мы должны поживать во тьме?
Зачем Ты заставил так маяться,
Зачем играть нам в Лото,
Название игры которой
«пробуй, мне всё равно –
выиграешь или проиграешь».
Судьба моя – Мираж?
А жизнь?
– Красками Моей Благодати
озарит не раз.
– Жизнь – это страшная сказка?
Играет с судьбой в миф?
Господи, зачем, зачем замислил ошибки?
– Искать в грехе Смысл.
– Неужто поднять Сознание
человека на высоту
можно лишь баснями Эзопа
и других мудрецов,
стреляющих в суету?
А я, конкретный парень,
Может быть, мыслью в бред,
Ну, есть у меня свобода,
А выбора, выбора – нет?

Отношения

Думай, думай, друг,
Думай, думай вслух!
От кого получаешь сообщение,
Для кого внесено оно?
Ты кому отдаёшь предпочтенье,
Кто получает его?

Думаешь, хочешь с ним?
Или желаешь с ней
Лаской делиться, ввысь
Восходить в смысл идей?
Или мечтаешь принять
От него, от неё красоту?

Рядом с другом шагать,
Действовать вместе, вслух?
Думай, думай, друг.
Чьё отношение вдруг
Засветилось, струится к тебе,
Просится внять судьбе?
Или оно не твоё,
Тянет тебя на дно?
Всё ты теряешь и ...
Радуясь, губишь сны?
Чувствуешь, чувствуй, друг,
Думаешь, думай вслух!

Нет отношений пустых,
Нет отношений простых,
Все отношения важны.
Плачешь? –
Уроки судьбы.
Платишь урокам – ты.

Прощание с собой

Прости меня, что сделал больно,
Прости, что был жесток с тобой.
Прости меня, что я невольно
Стал враг себе, что стал – чужой.
Я снова говорю «прости»
Оно – ни слова, рык, оно хрипит.
Оно кричит и молит снова,
Тебя, Создателя, вложить в уста мои
О не слова, а – Волю, Святую Волю
Ощутить Тебя в моём «прости»,
Я выполняю Слово с кровью,
Смирением, доверием, прощанием с собой.
Где был не я, а месья и темнота,
Зло счастья не давало, прими меня!
И сердце сокруши Любовью!

Игра любви

– Ты вошёл, и жизнь изменилась моя:
трепетом, птицей, готовой сорваться с Небес
в неизвестную Течь,
Искривляя Пространство новых границ,
ужасаюсь я,
падаю ниц
пред мирами далёкими,
Небесами нависшими,
пред тобой, пред собой, синевой,
пред бездонностью, верой, мечтой,
пред надеждами, схваткой с Судьбой.

Я как ртуть протекла сквозь футляр,
Сквозь стекло, рассыпаясь слезами,
Серебром корабля НЛО.
Я – другая. И ты стал – другой.
Изменилось всё Время,
В прятки играет со мной?
То не близость – мираж,
Жизнь моя – не его?
Прикоснулась к мгновению? Что?
Глубина, пустота, ничего. Это – вечность?
Я – пропала, слетела с ума,
Я – погибла, нашла?
– «Дочь моя, ты узнала, что сила Любви велика!»
– «Боже мой, Боже мой! Я...»
Закричала, а сердце заныло.
«Я свободы хочу, не плена!»
– Жизнь твоя, выбирай, что ценно...

Рост

Мать, прости!

Мне не хватило жизни –
Мать понять.

Мне не хватило мысли –
Мать принять.

В сердце, душу свою и ум
Горше нет моих дум.

Ты роди меня, мать, снова!
Я исправлюсь, даю тебе слово!

Юрий САПОЖКОВ

Сапожков Юрий Михайлович родился 16 марта 1940 года в селе Ильинка Пронского (ныне Скопинского) района Рязанской области. После окончания средней школы работал слесарем-инструментальщиком на заводе светотехнической арматуры, служил в армии. В 1967 году окончил Белорусский государственный университет, отделение журналистики. Работал в газете «Советская Белоруссия», журнале «Неман», собкором АПН по БССР, в Информцентре АПН в Дели. Автор поэтических книг «На счастье» (1972), «Возраст» (1978), «Очертания греха» (1992 г., переведена на английский, хинди, урду, малаялам), «Письмо другу» (2004), «Точка невозврата» (2006). Также печатался в журналах «Юность», «Молодая гвардия», «Пересвет», «Неман», «Полымя», «Немига литературная», «Всемирная литература», в хрестоматии «Минская школа» на рубеже XX–XXI веков, калининградских коллективных сборниках поэзии «Горизонты», «Истоки», «Одиннадцать». Переводчик поэзии с белорусского и английского языков. «Серебряный» лауреат Первого международного турнира литературного перевода (Лондон, 2009). Автор книги литературной критики «На просторе слова» (2008). Живет в Минске.

Мертвое море

*Нет, невозможно без боли
Смотреть в этот мрак голубой.
Ворочают ветры на воле
Моря, здесь – пигмейский прибор.
В тяжелом соленом растворе
Ни неба, ни дна не видать.
Гнев Господа, Мертвое море.
Поэт, переставший писать.*

Мысль

*Трудом, терпением, судьбою –
Ее не просто заслужить.
Но овладей она тобою –
И без нее уже не жить.
Она твоя, но ты не веришь.
С ревнивым стариком сравним,
Ее приход чудесный мершишь
Порочным опытом своим.
Потом, предчувствуя награду,
Сто раз заставишь лечь и встать,
И повернуться; слов наряды
Никчемные начнешь снимать,
Шепча, что лучше этой – нету,
А те, что были, всё не те.
...Чтобы потом пустить по свету
В ее прекрасной нагоде.*

Точка невозврата

*Уйти от старых берегов,
Как уходил уже когда-то...
Есть в обиходе морячков
Понятье – точка невозврата.*

*Теперь уже в последний раз!
Что впереди – успех, утрата?
Есть в жизни каждого из нас
Такая точка невозврата.*

*И, как ни медли, предстоит
Тебе решить – что ложь, что свято,
Расслышать, что душа велит
Пред этой точкой невозврата.*

*Когда назад уже не сметь,
И время надвое разъято.
И что-то гонит, как на смерть,
Тебя за точку невозврата.*

*Принимаю полной мерой
От любви твоей такой...
Уцелев случайно в первой,
Не спасешься во второй.
Но зачем старик-философ
Мне сказал, прищурив глаз:
«Луг наш после двух покосов
Зеленеет в третий раз!»*

В зеркальном зале

*В зеркальном зале грации балета
Несут привычно бремя тренажа –
Жар пируэтов, ветер антраша,
Грусть арабесок, сотканых из света.
Но балетмейстер строгий видит швы,
И вновь повтор одной лишь позы ради.
Здесь красота прислуживает правде,*

Короны не снимая с головы.
 Еще вчера на «Сотворенье мира»,
 Поддавшись чарам юного огня,
 Шептал себе: не сотвори кумира, —
 Но дьявол был искуснее меня.
 И вот теперь за тот хмельной иску
 Смеется надо мной по-дьявольски Иисус.
 Он Еву на руки легонько подхватил,
 В халатик запахнул и пламя погасил.
 И, по-земному с женщиною смел,
 У зеркала во время передышки
 Иисус Христос ей растирал лодыжки,
 На что как Бог он права не имел...

В парикмахерской

Цирюльник малый был остряк.
 Он, покрутив по лысине,
 Сказал с участием «Антракт»
 И подмигнул двусмысленно.
 Я мужественно оценил
 Прекрасное сравнение
 И сам себя, вздохнув, спросил:
 Второе отделение?

Переселение

К чему весь этот хлам —
 Выбрасывают краше!
 Взять книги бы с собой,
 Да вот офорт...
 Но мы везем старье,
 Поскольку с ним не страшен
 Нам никакой комфорт.
 Все утрамбовано.
 Сижку надежным шворнем.
 Держу корlobки, сумки и тюки.
 Так держит дерево,
 Что выкопано с корнем,
 Родной земли тугие узелки...

Отец

Отец мой там, где листья всхлипы
 Над свежекрасенной оградой,
 Отец мой там, где корни липы
 Вчера обрублены лопатой,
 День новый ясной мыслью начат:
 Там холодно, темно и влажно.
 Но там отец, и это значит
 Что уходить туда не страшно.

Строка

Не по томам, что на лотке
 Покоятся горою,
 Поэта ценят по строке,
 Единственной, порою.
 Миры раздумий и страстей
 Она одна собирает.
 Бывает, что и жизни всей
 На строчку не хватает...

Ясность

Целый день вчера ходило тенью,
 Ночью долго плакало навзрыд,
 А теперь на утреннюю землю
 Небо с чистой совестью глядит.
 Становлюсь спокойней понемногу,
 Достая походный чемодан.
 И беру тебя с собой в дорогу,
 Как берут в дорогу талисман.
 Ночь прошла, теперь намного легче.
 Светел путь, который предстоит.
 И на нас, обман преодолевших,
 Небо с чистой совестью глядит.

Нам надоело по углам
 Слоняться здесь, мотаться там,
 И, потеряв терпенье,
 Мы в самый лучший ресторан
 Идем, как будто на таран
 Общественного мненья.
 Какой блистательный уют!
 Знакомцы водку лихо пьют
 И в танце медленно страдают,
 И речи кольцами пускают,
 Глазами чутко зал стригут,
 Поспешно нас не узнают.

Твои уже недетские успехи
 Я принимать и понимать устал.
 Мне остаётся в том искать утехи,
 Что я в тебе утехи не искал.
 Нет, не искал. Что за нелепость
 Брать приступом уловок и речей?
 Ведь красота, она совсем не крепость —
 Не брать её, а — сдатьсь перед ней!

Наталье Гончаровой

Я камня на неё не поднимал.
 Не убивал язвительною речью.
 Поймите наконец, на Чёрной речке
 Ведь он её под пулей оправдал!
 Наедине подумайте об этом.
 И острый камень да минует цель.
 Не суесловьте о жене поэта:
 Он вас не может вызвать на дуэль.

Дни рождения

Незримая есть в жизни полоса,
 Подвластная закону ускорения,
 Когда очередные дни рождения
 Начнут мелькать, как спицы колеса.
 Становится вместительней твой дом,
 Обильнее питьё и угощение.
 А разговор о возрасте твоём
 Искусен, будто мостик над ущельем...

Владимир СКВОРЦОВ

Баба Клава

Я приехал в деревню к тете,
а старушки простыл и след...
«Ваша бабушка на болоте,
за морошкой ушла чуть свет!» –
Мне сказала соседка Дуся,
накрутившая бигуди, –
я сама все не соберуся
с ней за ягодами пойти».
Возле дома гуляли куры,
спал на солнышке кот седой...
Я такой не встречал натуры
жизнерадостно-боевой,
как у тетушки бабы Клавы –
дамы всех четырех мастей!
Ей не надо ни громкой славы,
ни признания от властей.
И ума у нее – палата,
и ругается лишь с котом,
но боятся ее ухвата
все политики «за бугром».

И пока мы с соседкой Дусей
пообщались часок-другой,
во дворе закричали гуси –
баба Клава идет домой.
У нее на плечах накидка
и две ляжки от вещмешка.
Как светилась ее улыбка!
Как походка была легка!
– Из какого же ты замеса?
Вечно радостна и светла,
словно топaeшь не из леса,
а на отдыхе побыла!
– Воздух, милый, в деревне сладок,
и привыкшая я к труду.
Мне всего лишь восьмой десяток,
я за клюквой еще пойду!

Даже внуков своих встречая,
и добра она, и строга...
Возле печки стоит большая
очень старая кочерга.
Этой кованой железякой
прапрадедушка Харитон
гнал французского забияку
по Смоленщине за кордон!
Харитона Денис Давыдов
партизаном тогда назвал.
– Эта штука меня не выдаст,
я ведь лично ее ковал! –

говорил Харитон смущенно,
будто сватали мужика:
– Будет, барин, Вам!
Полно, полно...
Я вполсилы его, слегка.

И жила бы деревня тихо,
только немец пришел с войной...
Кочерга потрудилась лихо!
Помнят фрицы ее спиной!
Пожелтевшие, как заплаты,
фотокарточки на стене...
До сих пор изучают в НАТО,
как Россия спаслась в огне.

Кто-то с удочкой ждал удачи
за ольшаником у реки...
Шли под вечер меня «побачить»
наши милые земляки.
Обнимали да целовали,
да подначивали меня...
«Вовкой» радостно называли,
земляки – они все родня!
И гармонь прихватил Никола,
и гитарой звенел Степан...
Вот и «русская кока-кола»:
чуть понохал – и сразу пьян!
Пляшут женщины и мужчины,
а в распахнутое окно
льются в сумерки Климовщины
песни терпкие, как вино:
**«Чтоб достичь высот Чубайса,
ври, блефуи и не пугайся!
Кто пошел тропой другой,
тот с протянутой рукой.
Изощренно по-чертовски
стал богатым Березовский,
другом числился не зря
Борьки Ельцина – царя!»**
И хохочет в руках гармошка,
гитарист-молодец, стервец!
На столе под коньяк – морошка,
а под водочку – огурец.
**«Гласно, нагло, при народе
воровал в Москве Мавроди,
под Шумейко все, что смог,
за границу уволок.
Нам страшной любой холеры –
демократы-лицемеры...
Русь развратом подкосил
правый блок нечистых сил».**

– Кочерги моей не пугайся,
пей малиновое вино!
Опоясать бы ей Чубайса
да дружков его заодно!

Только за полночь, власть ругая,
расходился народ честной...
В звездном небе летел, мигая,
сонный спутник над головой.
Эти люди мне с детства милы,
я пожизненно в них влюблен!
За победами русской силы –
сила духа и верность жен.
Василисы, Катюши, Клавды...
сохраняли во все века
генофонд нашей русской славы,
мудрость Ванюшки-дурака!

Вот и ездю в деревню к тете! –
философствовал я с утра, –
чудо-бабушка – на болоте,
на столе – пирожков гора!
У нее полгряды укропа
да две козочки на лугу,
только в страхе живет Европа:
помнит русскую кочергу!
Возле грядок торчит лопата,
бугорки нарывает крот...
Но ракеты наводит НАТО
бедной бабушке в огород.

Я шагал сквозь заросшее пастбище,
спотыкался, хотя был не пьян.
Мужиков унесли всех на кладбище,
вместо пашен – кусты и бурьян.

А холмы и курганы покатые –
все попало под снос и топор...
Чьи-то замки надменно-багатые,
чей-то наглый высокий забор...

Ни рубля за душой, ни известности,
понимаю на старости лет:
землякам, что остались в окрестности,
наплевать, что приехал поэт.

К речке дети, как в старые праздники,
звонко выпорхнули из травы.
– Вы откуда взялись здесь, проказники?
– Мы приехали все из Москвы...

Родные края

На рогах я родился у черта,
там болота, леса и вода...
Ни дорог, ни тепла, ни комфорта,
только тянет, как в пропасть, туда!

Я полмира объехал, пожалуй,
много бед и невзгод пережил.

Всюду снилось, как речка бежала
и над полянами ястреб кружил.

Я душою своей в дни печали
босоного ступал на угли...
Сны о детстве меня выручали,
в черных днях Божий свет берегли.

Я в деревне бываю все реже,
в сердце милые дали храня...
И седого, как юношу прежде,
что-то манит в родные края...

Речка Кирва

Солнце прогреет и лес, и луг –
помчится весной поток!
Реки текут на Север и Юг –
одна бежит на Восток!

В памяти с детства: синий покой,
синицы клюют с руки,
а над пречистой тихой рекой
поют в лугах земляки...

Люди столетиями подряд
в краю лесной тишины
реки большие – боготворят,
а в малые – влюблены!

Травы дичают, где нет стогов,
умрет без глагола стих...
В мире без речек и ручейков
нет рек и озер больших.

Прячет в заводи утка утят,
качают шмелей цветы...
Реки впадают, куда хотят,
а Кирва... в мои мечты.

Если предложат выбор наград,
то я бы со всей душой
желтой кувшинкой быть в речке рад,
летать над ней стрекозой!

Обещал я родителям, в мир уходя,
что вернусь обязательно в срок.
Я был счастлив упасть хоть слезинкой дождя
на родительский милый порог.

Растворились с годами былые мечты,
ничего я вернуть не могу...
Стал обычным рабом городской суеты,
позабитой иголкой в стожу.

Мне бы ветром лететь в дороге края,
волны рек поднимать на лету,
облака собирать и дождем октября
на могильную плакать плиту.

Фарида Ахад кызы АЗИЗОВА

*Институт Литературы Национальной Академии Наук Азербайджана,
Ведущий научный сотрудник,
Кандидат филологических наук*

О собственных и привнесенных традициях джахилийской поэзии

Арабы, находясь в центре цивилизованного мира, во все времена умели наладить тесные отношения с соседними государствами: Древним Египтом, Вавилоном, страной Хетгов, Палестиной, будучи в контакте с ними в том или ином качестве – и как прекрасные мореплаватели, и как снискавшие известность купцы, и как храбрые воины-союзники или наемники враждующих друг с другом могущественных держав. Связи возникали как в результате военных столкновений или завоеваний, так и мирных сношений, не говоря уже о караванных и морских путях. Важнейшие вехи истории человечества не могли пройти мимо них. Соприкасаясь чуть ли не со всеми культурами Двуречья, арабы умело вбирали в себя наилучшее. Они не только усваивали духовную культуру развитых соседей, но и, осуществляя посредническую миссию, доносили до остального мира лучшие достижения древности. Возможно, из-за рода своей деятельности, они как никто другой обладали мастерским умением общения, великолепным давним опытом усвоения психологии окружающих их народов – самых разных – «главствующих» и «правлящих», и, наоборот, несмирившихся, а порой даже «восставших» и идущих с войной. Хозяева караванных путей – они всем ходом истории были подготовлены к тому, чтобы хорошо видеть и слышать все, что делалось вокруг: вместе с товарами оседали системы, идеи, концепции, а арабы, так уж распорядилась судьба, своей благородной посреднической миссией являлись их распространителями по всему тогдашнему свету... К IV–VI вв. н.э. «обмен литературными ценностями стал особенно заметен» (1; 7), то есть именно к моменту зарождения «индивидуально-авторского начала в джахилийской поэзии» (2; 53). Веками накапливаемый высокий потенциал к V–VI вв. дал о себе знать в виде шедевров поэтического искусства. Но разве что-либо прекрасное может возникнуть вдруг сразу, из ничего?! Конечно, появлению этих «жемчужин» поэзии предшествовал долгий эволюционный путь

развития. Как известно, подверженность арабской поэзии разнообразным влияниям наблюдается в более поздние периоды (поэзия Обновления – VIII–IX вв.), а доисламскую поэзию Аравии принято считать «чисто арабской поэзией». Однако общее наследие, общие памятники и традиции населяющих Двуречье семитских народов не могли не сказаться в системе художественного мышления, поэтических образах, поскольку мир – един, а люди, живущие в нем, не изолированы друг от друга, и ничто в этом мире не может существовать в чистом виде. Древнейшее, древнее и настоящее сливались, шел процесс синтеза, рождения нового из элементов своего и заимствованного старого. Неспроста мусульманская мифология названа М.Б. Пиотровским «вторичной по своему характеру», представляющей собой синтез из элементов своего и заимствованного, – вбирать в себя новое и чужое арабы научились еще задолго до ислама. К примеру, фигура мудреца Лукмана, приписываемые ему изречения имеют прямые параллели в древневосточных текстах, обычно объединяемых вокруг имени вавилонского мудреца Ахикара (4; 151). Манипулируя значениями корня, от которого происходит имя Лукман, исследователи идентифицируют его с библейским Валаамом (5; 77). Предметом ряда стихотворений и преданий являлся Лукман и жизнь семи орлов, подаренная ему. Каждый из них рождался после смерти предыдущего. Смерть одного из них – Лубада и чувства, охватившие мудреца, были воспеты «древними» поэтами (6; 132-136). Помимо Лукмана, «представителями» древних цивилизаций могут считаться легендарные Бильгис, Адам, Нух, Дауд, Сулейман и многие другие, способствовавшие «вливанию» наследия Древнего Востока в мусульманскую культуру. Такие фигуры, как Аль-Хидр, Илияс, Идрис, Иса, Зуль-Карнайн, Йаджудж и Маджудж, встречающиеся в джахилийской поэзии, являются частью единого культурного мира. Вместе с ними в исламский мир вошли и некоторые элементы ближневосточной сим-

волики, в разных формах издревле существующие в фольклоре: корабль, дом, стена и т.д. Таинственный персонаж – воплощение вечности и постоянного обновления природы – аль-Хидр, к примеру, считался одним из тех людей, которые не умерли даже первой смертью. В нем контаминировались образы Илиипророка, Георгия-Победоносца и, может быть, целого ряда фольклорных и мифологических персонажей...

Абдалъ-Хаким Шауки приводит интереснейшие факты из собранного им в течение долгих лет фольклорного материала, бытующего до сих пор в ряде арабских стран, и в частности, селениях Верхнего Египта, где можно услышать довольно распространенное «проклятие крови»: «Ла'нату-д-дами» или «дарбату-д-дами». Происхождение этого проклятия, по мнению Шауки, восходит к шумерскому мифу о «царице неба» – Инане – (в арабском языческом пантеоне Инана – богиня Аллат), пославшей это проклятие (7;75). История Нуха была известна в Аравии издавна; еще в шумерском мифе о потоке добродетельный Зиусудра, спасшийся в ковчеге, получает бессмертие на райском острове Дильмун (8;59), вавилонским аналогом Зиусудры является Утнапиштим, ассирийским – Убар-Туту, или Хасисатра. Историю о потоке можно было услышать на ярмарках и караванных стоянках древней Аравии. Нух воспринимался как собственный герой, жил в Аравии, и имя его как исконно арабское имело 3 падежа при склонении, в отличие от заимствованных с 2 падежными формами, впрочем как и Ибрахим, чье имя запечатлено в арабских генеологиях и североаравийских надписях как «Бархум» или же «Абраха» (4; 180). Бархум был прозван Халил Аллахом – что было широко распространено в аравийской среде и даже встречается в стихах, приписываемых иудею Самав'алу (VI в.) и мекканцу-христианину Варакке ибн Науфалу (4, 86). О Мусе и гибели фараона в Красном море также у того же арабского поэта иудея Самав'ала (4; 62), у Мухаммада Умаййи ибн Аби-с-Сальта встречаем намек на историю Мусы. «Оно отражает предание, независимое от коранического, – пишет М.Б. Пиотровский, – не совсем совпадает с кораническим сообщением и другой, приписываемый Умаййе фрагмент гибели Фараона в водах Красного моря», – подчеркивает ученый (4; 182). То же можно сказать и о поэтических обработках рассказов о Нухе, где часты детали, которых нет в Коране, что свидетельствует о древних связях арабов с окружающими их соседними цивилизациями. Доисламский поэт VI в. Ади ибн Зайд упоминает ковчег под названием «зат аль-вад'а» – «обросший морскими раковинами» (9; 53, 122). Как долгожитель Нух упомянут поэтом VI в. Тарафой, об истории Нуха рассказывает поэт аль-Кутами (конец VII – начало VIII вв.), а также поэты аль-А'ша (VI в) (4; 176), Умаййя ибн Аби-с-Сальта (10; 155-160) и многие другие. К месопотамским истокам восходит образ жены Ноя. Отголосками древних месопотамских представлений является описание материала, из которого был сотворен Адам – «звучащая глина» (4; 26). Ади ибн Зайд в одной из своих касыд упоминает Адама и его жену (9;

158-160). Тему «Кольчуг» в арабской традиции, восходящей к Дауду, встречаем у Амра ибн Ма'дикариба (11; 415) и у Абу Зу'айба (12; 56). Самым что ни на есть аравийским можно считать образ джиннов – духов, плотно населяющих мир древних арабов, вдохновляющих поэтов и каххинов (прорицателей). В отличие от небесных ангелов, они живут рядом с людьми на земле. Джинны, служащие ему – великому Сулейману... тема древнеаравийских сказаний. Ниже строки ан Набиги аз-Зубьяни:

22Кроме Сулеймана, которому сказал Господь:

Встань, сразись, пресеки

23Не сдержат джиннов, позволь им

Воздвигнуть Тадмор с каменными плитами и колоннами (13; 40).

Воинство джиннов состоит из сверхъестественных существ, сотворенных из огня и дыма и способных принимать любой вид. Среди них выделяются различные категории (гуль, куртуб, 'ифрит, си'лат и т.д.). Часть их по преданию подчинялась Сулейману и по его приказу творила добрые дела, о чем речь в вышеприведенных строках древнего поэта. После смерти Сулеймана те, кто уверовали в слово пророка, помогали даже распространять ислам, а те, кто не уверовали, вернулись в лоно к Дьяволу. Об одном из последних читаем в строках Та'аббата Шаррана (VI в.):

«...и наконец я увидел

выпученные глаза на отвратительной голове...

...кожа на голове как у собаки, а одежда из шерсти или рваных бурдюков» (14; 482).

В доисламской поэзии нередки образы, заимствованные даже не у близких соседей, а у народов, с кем арабам довелось встретиться на самых различных этапах богатой перипетиями их древней истории.

Контакты арабов, пусть и не прямые, с кочевыми племенами, черты «звериного стиля» древнетюркских народов, их постоянные набеги на границы Сасанидов и Византии могли породить образы чудищ с головой волка или собаки, проникшие в доисламскую поэзию в виде фантастических гулей или джиннов. Фантастический зверь из семейства собачьих (он не всегда в поэзии «древних» – «злой дух»), по-видимому, волк, не совсем типичен для дышащих жаром безводных пустынь Аравии, в отличие от климатических условий среды обитания степняка (лесостепная зона), который хорошо был знаком с этим зверем. Как известно, тотемным животным тюрков считался волк. Легенда об их происхождении гласит, что предки тюрков были вскормлены волчицей. Во всех вариантах о происхождении тюрков прослеживается та или иная связь с волком как предком.

Бедуинский поэт-изгой, изгнанный из племени, не только близок с семейством волчьих, но даже ощущает себя в их компании как в собственной родной семье, они заменяют ему самых близких друзей, с ними аш-Шанфара (VI в.) делит выпавшие на долю поэта-бродяги невзгоды:

«...У меня ближе вас есть семья:

Неутомимый волк, пятнистая короткошерстная (пантера)

И гривастая вонючая (гиена).

Они и есть моя семья;

...Трое друзей заменили мне утрату тех,

Кто не воздаст за благодеяния, в чьей близости нет
улады...» (15;240).

Искреннее отношение к волку не только у аш-Шанфары – «поэта-бродяги» (по-арабски са'лик или су'лук), но и у Имруулькайса – с его знатным происхождением. Волк и поэт – единое целое:

Я сказал ему, когда он завыл, наше дело

Мало пригодное, если ты не владеешь богатством,

Как оба мы, если приобретаем что-то, теряем это...
(13; 54, 55).

Не исключено, что встречающееся в поэзии «древних» подобное восприятие волка продиктовано иноземными мотивами и веяниями соседей, тем более, что, поэт был близко знаком с Византией – наследницей греческой и римско-эллинской культур, представляющей толщу наслоений, веками накапливающихся традиций различных народов. Мог просочиться и древнетюркский элемент в виде «волка» – как предка – отсюда и соответствующее почтение к нему, впрочем, как и к некоторым другим тотемным животным: быку – у ан-Набиги аз-Зубьяни (16; 62-64), орлу – у Абида ибн аль-Абраса (16; 64-66), коню, верблюду и пр. Так, к примеру, одним из символов тюрков был двуглавый орел, символизировавший государственное устройство тюркского общества, где совмещалась власть хагана и власть иши (царя). В качестве герба Константинополя двуглавый орел был заимствован византийцами после сокрушительных походов Аггилы на Византию (17; 103-111). Однако также не следует забывать, что в древней Аравии арабы поклонялись своему орлу «Насру», коню «Йауку», покровительнице заблудших стад – Суве и прочим собственным божествам.

Когда-то появившиеся в древней Аравии тотемные животные были с уважением приняты соседними цивилизациями, к примеру, древними египтянами, с которыми арабы имели тесные торговые связи, впрочем, как и со многими другими народами. Речь не идет об отождествлении со своими божествами, а о принятии их с должным почтением. К тому же, если вспомнить, что после завоевания Египта в 300 г. до н.э. греками, на верования греков повлиял египетский культ поклонения Амону, и они изображали своего Зевса с бараньими рогами, и вообще были терпимы к божествам Древнего Египта, то вполне можно допустить, что и идолы южной части аравийского полуострова, тесно связанной с Грецией, Римом, а затем и с Византией продолжали пользоваться уважением и, возможно, даже заняли свое место в богатой греческой мифологии. Во всяком случае, они вновь возвратились к арабам, – их же божества, тотемные животные – идолы, теперь уже украшенные мифологическими подробностями самых разных народов – в виде великанов, поклоняющихся барану, человеко-собак, чудищ с головой волка, гипербореев – исседонов и аримаспов (одноглазый богатырь – «тепегез» у древних тюрков) и пр., предопределив рождение мусульманской ми-

фологии, ставшие ей предтечей. В рождении мусульманской мифологии небезынтересна и роль Древнего Ирана, связанного своими зороастрийскими элементами с культурой доисламской Аравии.

Е.Э. Бертельс в своей работе «Райские девы и гурии в исламе» отмечал возможность заимствования представления о райских девах из зороастризма (18; 84), следы зороастрийского влияния ученый видел и в персонификации месяцев в человеческом образе (18; 104). На Аравийском полуострове есть тип пустынь под названием «харра», образовавшихся в результате вулканических явлений прошлого. «Харрун» означает «горячий, жаркий», но, возможно, название местности идет из глубин веков, из очень далекой древности и имеет нарицательное значение «гора», связанное со священной горой Харой. Читаем у Йакута ар-Руми (1179–1229) о «харрах»: «Это – земля, которую покрывают черные камни; если на ней имеется каменная возвышенность, то она представляет собой скалу, а если из нее выступает что-либо, то она является гребнем гор» (19;46). Сведения дошедших авестийских текстах о конкретной «географии» стран у Высокой Хары крайне скудны, там, в «царстве блаженства туры – люди, богатыри, отрешенные от гнева, пребывают». Космология Древнего Ирана находит свое отражение в строках Имруулькайса, где упомянуты священные горы – обитель мифических образов.

«Она преградила горами там, где восходит солнце,
Путь Йаджуджу и Маджуджу» (20;158).

Доисламский поэт говорит о Йаджудже и Маджудже, живущих за горами, преградивших солнце; и что за горы имеет в виду поэт, не вершины ли древнеиранской высокой Хары, а может быть, великие Рипеи, представления о которых получены греками из скифского мира. Древние иранцы считали, что эти горы находились на севере и протянулись с Востока на Запад, далеко за пределы всех семи частей мира, на которые, согласно традиции, делилась обитаемая земля, высочайшие горы Хары несли зло и гибель всему живому. «Огромная птица Саена парит над высокими горами и закрывает их подобно облаку», – говорится в «Авесте»; в арабских легендах это Рух – птица, живущая на вершине Каф (21;73) (сравним с горой птицы 'Анки). Итак, арабов, проживающих в окружении древнейших цивилизаций и испокон веков имевших тесные связи с ними, не могло не коснуться их культурное наследие.

Влияние различных пластов иноземных культур на творчество «древних» поэтов было продиктовано объективными условиями исторического развития, которые были неоднородны и сильно разнились на Аравийском полуострове.

Уже в самой ранней поэзии выявляется «многослойность» сознания различающихся друг от друга поэтов. В творчество некоторых из них просачиваются иноземные элементы, прослеживаются едва заметные следы более развитых соседей. Скрытые, невидимые нити тянутся к весьма архаичным истокам, связывают с традициями древнейших народов. В зачатках мифотворческих представлений угадывается «звериный

стиль», быть может, скифского мира, который мог быть заимствован различными путями, и, возможно, даже через сюжеты эллинской мифологии, куда он проник столетиями.

Традиции иных народов высвечиваются незаметно, исподволь в самых неожиданных ракурсах и проявлениях.

Все заимствованное находит весьма необычное, интересное преломление в художественном мышлении араба-бедуина. Житель Аравии вбирает в себя из чужеземного «рисунка» только то, что соответствует его собственному мировоззрению и эстетическому вкусу. Наверное, поэтому джахилийская поэзия выглядит «песней как правило импровизированной, льющейся свободно и раскованно» (28;6) и ее, по праву, принято считать началом сложного пути к возникшей позднее синкретической арабо-мусульманской культуре многих народов – представителей древнейших цивилизаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитина В.Б., Паевская Е.В., Позднева Л.Д., Гредер Д.Г. Литература Древнего Востока. М., 1962.
2. Куделин А.Б. Средневековая арабская поэтика. М., 1983.
3. Крачковский И.Ю. Поэзия по определению арабских критиков. –Избранные сочинения. Т. 2, М.-Л., 1956.
4. Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М., 1981.
5. Пиотровский М.Б. Лукман. Мифы народов мира. Т. 2, М., 1982.
6. Horowitz J. Koranische Untersuchungen. В.-Lp 2, 1926. (на немец. яз.).
7. Абдал-Хаким Шауки. Ал-хикаййат аш-ша'биййат ал-арабиййа. Бейрут, 1980 (на араб.яз.).
8. Редер Д.Г. Памятники шумерской письменности. –В кн.: Литература Древнего Востока. М., 1962.
9. 'Ади ибн Зайд ал-'Ибади. Тахкик Мухаммад ал-Му'айбид. Багдад, 1965 (на араб. яз.).
10. Ал-Хадиси Бахджат. Умаййа ибн Аби-с-Салт: хайатуху ва ши'руху. Багдад, 1975 (на араб. яз.).
11. Ал-Анбари. Шарх ал-каса'ид ас-саб'ат-тивал ал-джахилийат. Тахкик 'Абд ас-Салам Харун. Каир, 1969 (на араб. яз.).
12. Ас-Са'алиби Симар ал-кулуб. Тахкик Мухаммад Ибрахим. Каир, 1965 (на араб. яз.).
13. Шарх-ал-гасайд 'ашр-Хатыб Тебризи. Каир, 1964 (на араб. языке).
14. Абу-л-Фарадж аль-Исфахани. Китабу-ль-агани. Т. 5. Каир, 1928 (на араб. языке). Цит.: по Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). М., 1974.
15. Крачковский И.Ю. Аш-Шанфара. Песнь пустыни. – Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л., 1956.
16. Азизова Ф.А. Древнетюрские элементы и веяния в джахилийской арабской поэзии. Б., 2007.
17. Алиев К. Писатели античности об Азербайджане. Санкт-Петербург, Баку, 2001.
18. Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература. М., 1965.
19. Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье, М., 1966.
20. Имруулькайс. Диван. Бейрут, 1957 (на араб.яз.).
21. Далила ва-з-Зибак. Дамаск, 1950 (на араб.яз.).

Feride Azizova

Ancient and adoptive traditions of pre-Islamic (Jahiliyya) poetry

The concealed and invisible threads connect Arabs with traditions of ancient people, pull towards the archaic sources. And even in the earliest poetry there are infiltrated elements of the different cultures. As Arabs had not any well-shaped mythological system, perhaps any other mythic images, for example the winged monsters, the man-dogs were adopted from the other people. The contacts of Arabs even not direct, with the nomad tribes, the traits of the “brutal style”, their permanent inroads towards the frontiers of Sasanis and Byzantium could give birth to the images of freaks at the head of wolf, getting into the pre-Islamic poetry in the kind of fantastic booms and genies. The elements of plots, widely known in the folklore of Turkic people – “the giants bowing before the ram”, the bird “RUH”, living at the top of mountains Gaf” and so on are interlaced with the tissue of narration. Under conditions of the Jahiliyya poetry, where one is simply obliged to remember the name of beast of prey (the word – would be fraught with any conjuration), bringing near of author with the image of the wolf was the tribute of foreign traditions and obviously Turkish, where in all versions there are figured any connections with wolf as the ancestor.

Александр ГРИЦЕНКО

МУХИ

НОВЕЛЛА

Мать – 70 лет

Дочери:

Анна – 45 лет

Вера – 42 лет

Люба – 25 лет

Андрей, сын Анны – 23 года

Эпизод первый

Русская изба. Темно. Свет исходит лишь от лампадки, которая висит у иконы. Женщина стоит на коленях, она молится. Ее лицо светлое, безмятежное. Одета она в черное, на голове черный платок. Пламя от лампадки отражается в ее глазах, бликует на ее лице. Женщину зовут Вера.

ВЕРА. Отче наш, Иже еси на небесах! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Ныне и при-сно, во веки веков. Аминь.

Едва она успела сказать «аминь», как дверь в комнату распахнулась. В перевалку вошла мать. Она с трудом несет свое грузное тело во время ходьбы, а, когда произносит слова, тяжело дышит. Следом за ней в комнату просочилась худая с морщинистым лицом женщина. Это Анна. Обе они одеты в черное платье. На матери черный платок, Анна с непокрытой головой.

МАТЬ. Беда случилась, Верочка!

Лицо Веры мгновенно утратило благолепие и безмятежность. Теперь мы видим, что женщина старше, чем нам показалось.

ВЕРА. Мама, что случилось?

АННА (*в слезах*). Твоя сестра сошла с ума! У нее точно с головой не в порядке!

МАТЬ. Может быть, правы были Кузнецовы, когда говорили, что, как только человек денег много за-

Вторая эриния. Как они красивы!

Первая эриния. Возрадуйтесь: преступники так часто стары и уродливы; нам редко выпадает изысканная радость – разрушать то, что прекрасно.

Эринии. Эй-а-а! Эй-а-а!

Третья эриния. Орест – почти ребенок. Моя ненависть будет нежна, как мать. Я положу его бледную голову к себе на колени, я буду гладить его по волосам.

Первая эриния. А потом?

Третья эриния. А потом, как проткну ему глаза – вот этими двумя пальцами!

Эринии хохочут.

Первая эриния. Они вздыхают, шевелятся, скоро они проснутся. Давайте, сестры, сестры-мухи, разбудим преступных нашей песней».

Жан Поль Сартр.
Пьеса «Мухи»

рабатывать начинает – это не к добру... А мы думали что завидуют.

Вера поднимается с колен, садится на стул и молча смотрит на женщин.

АННА (*плачет*). Да как же это так Антошу убили, Андрюшу без ног оставили, а тетка с ними путается...

Вера медленно крестится. Мать сажает свое грузное тело на стул.

ВЕРА. С чуркой с каким-то спуталась?..

АННА. Не просто с чуркой. С чеченом.

«Хосподи!» – Вера произносит это слово, будто захлебывается. Крестится.

МАТЬ. Бедные вы у меня дочки, несчастные... Что ты – Аня, что ты – Вера... Только бы Андрюша не узнал!

На окне плотная занавеска. От этого темно в избе.

Эпизод второй

А на улице в это время день. Осень. С деревьев падают листья. Много листьев. Весна – красивая пора, но мудрее поздняя осень... Когда живая природа уже осознала свой конец, но, несмотря на это, устраивает последний праздник.

Эпизод третий

Внутри двора. Деревья, под ними огромные кучи листьев. Сарай, около которого ходят курицы и утки, собачья будка – около нее на

цепи сидит огромный пес... Он кажется грозным. Неожиданный порыв ветра разметал по двору ворох желто-красных листьев.

Эпизод четвертый

На небе рваные облака. Полнеба занимают дикие птицы – они улетают. Слышен их крик.

Эпизод пятый

В конце двора стоит баня. В ней, на лавке, закутавшись в фуфайку, спит Андрей. Во сне его мучают кошмары. Он стонет, тяжело дышит, как будто пытается от кого-то убежать. У него нет ног. Протезы стоят рядом у лавки. Это превосходного качества импортные протезы.

Эпизод шестой

МАТЬ. Ведь узнает – убьет!

АННА. И пусть убьет! Она мне деньги на протезы ему дала! Наверно, чечен ей дал! Ох, узнает и меня убьет!

ВЕРА. Господи благослови!

МАТЬ. Я ее сюда вызвала поэтому...

Из кармана платья достает мобильный телефон.

Тоже она подарила.

Мать кладет мобильный на стол. Вера косится на телефон и крестится: «Господи благослови!»

ВЕРА. Дьявольское творение!

АННА. У меня больше нет сестры! И деньги займу, но отдам. А ее... Чтобы ноги ее здесь не было!

МАТЬ. Дочь моя все же.

АННА. А о наших детях с Верой ты подумала?! **НЕТ, У МЕНЯ СЕСТРЫ!!**

Эпизод седьмой

Через окно в баню мы видим спящего Андрея. Он сжал зубы, весь вытянулся. Он начинает отмахиваться от кого-то. Как будто кто-то летает около него... Через некоторое время он тяжело вздохнул и отвернулся к стене.

Эпизод восьмой

По проселочной дороге едет автомобиль. Он приближается. Через лобовое стекло мы видим, что за рулем молодая беловолосяя девушка. Ее лицо красиво накрашено и имеет серьезное выражение.

Эпизод девятый

МАТЬ. Может быть, она там в городе наркотики употребляет? От этого что-то с головой ее случилось?

АННА. Да уж конечно – колется, наверное. А этот чечен ее на иглу и посадил.

ВЕРА. Нечего ее было в город отпускать. Мы сами виноваты.

МАТЬ. Думала, хоть она поживет как человек...

Слышно, что за окном подъехала машина. Залаяла собака.

ВЕРА. Она!

Крестится.

МАТЬ. Сидите здесь. Сама ее встречу.

Поднимается. Идет к двери, переваливаясь. Причитает:

Хоть бы Андрюша не узнал...

Эпизод десятый

Во дворе.

Люба идет к дому. Она одета в топик и короткую юбку. У Любы очень красивое лицо, стройная гибкая фигура, красивые ноги. Огромная собака лает, но не грозно, а приветливо.

Мать выходит во двор, сделав пару шагов, останавливается. Когда Люба подошла, то мать со слезами обнимает ее, целует в обе щеки.

МАТЬ. Дочка моя родная...

И снова обнимает и целует.

Эпизод одиннадцатый

В избе Анна и Вера.

ВЕРА. Как смотреть на нее буду...

АННА. А нечего на нее смотреть, на бесстыдницу!

В избу заходят мать и Люба.

АННА. Явилась! Как блять размулеванная, почти голая! Страм!

ЛЮБА. В чем дело? Ты как разговариваешь со мной?

АННА. Она еще будет спрашивать! Щас волосы все напомаженные повыдергаю, будешь знать!

МАТЬ (с тяжелой отдышкой). Не кричите вы, дочки. Сядьте. Поговорить нада.

Люба тут же садится. Села и Анна. Молчат. Долго молчат. Вдруг:

Ты, правда, встречаешься с чеченом?

Люба не отвечает, она смотрит в пол. Пауза.

Замуж собираешься или просто любишься?

ЛЮБА. Он мне предложение сделал.

ВЕРА. Хосподи!

АННА. Чеченят, бабка, будешь нянчить!

МАТЬ. Дочка... Люба... Как же ты так с нами...

АННА. Андрюше они ноги оторвали, Антона убили, а ты!

МАТЬ. Так по нам война эта прошлась... Как ты можешь? (пауза) Родила я тебя поздно... Говорил мне гинеколог, что ребенок может быть с отклонениями разными.

ЛЮБА. Да сами вы с отклонениями!

Плачет.

ВЕРА. Любаша, ты ведь мне не просто сестра, ты мне и как дочка была. С нашими детьми – с моим и с

Анькиным – вместе росла. Ты Антона не помнишь? Как его во гробу привезли?

Люба рыдает.

МАТЬ. От Веры племянника твоего они убили, другого, от Ани, калеккой оставили. А ты с ними путаешься!

ЛЮБА. Да ни с кем я не путаюсь! Он-то не воевал!

АННА. И что? Звери они! Нелюди!

ЛЮБА. Ты хочешь, чтобы я так же, как вы, без мужа жила?! Чтобы вся жизнь наперекосяк? Я хочу мужа любимого! Хочу от него детей!

Ее лицо в потехах туши ужасно. Она похожа на бесноватую. На фурию. Огонь лампы отражается в глазах. И кажется, будто глаза горят каким-то неземным – дьявольским – огнем.

АННА. Как ты от него детей рожать собираешься?! Если ты понесешь, я этого волчонка сама выдавлю из тебя!

Люба вскакивает, хватая первое, что попадает под руку (мобильный телефон) и бросает в Анну. Промахивается. Телефон разбивается. Анна встает. Кажется, что она хочет ударить Любу.

МАТЬ. Я сама с ней поговорю! Отнесите Андрею поесть.

Вера послушно встает. Она вытаскивает что-то из буфета, берет что-то со стола. Анна садится на место. У нее каменное лицо. Все молчат.

ВЕРА. Пойду я к касатику нашему.

Выходит.

Эпизод двенадцатый

Вера идет через двор. Ветер плюется в нее листьями. Походка у нее угловатая, поспешная. Она о чем-то думает. О чем-то серьезном. Собака залаяла и осеклась, будто ей заткнули пасть.

Эпизод тринадцатый

Вера стучит в баню. Раздается голос: «Да входи!»

Эпизод четырнадцатый

В бане.

ВЕРА. Благослови тебя Бог!

АНДРЕЙ. И тебя так же, тетя Вера.

ВЕРА. Я поесть принесла.

АНДРЕЙ. Ооо! Давай! Жрать хочу! Хавать! (Смеется.) Чо грустная?

ВЕРА. Может, вернешься в дом? Что ты тут как... прости Господи!... собака?

АНДРЕЙ. Нее, тетя Вера, я, пока не очень холодно, здесь поживу. Не могу с вами... И так тоска. А тут еще вы.

ВЕРА. Ну Бог с тобой. Сам знаешь.

АНДРЕЙ. Отвернись, тетя Вера.

Вера отворачивается. Андрей пристегивает протезы.

Все, тетя Вера, можешь поворачиваться.

Встает, делает пару неуверенных шагов, потом идет ловко, будто и не на протезах, а на своих ногах, подходит к окну.

О! Любка приехала! Сестренка моя! Что же ты мне не сказала?!

ВЕРА. Тетка она тебе, бестолковый.

АНДРЕЙ. Для меня сестренка.

ВЕРА. Любишь ее?

АНДРЕЙ. Кто мне ближе может быть, тетя Вера?

ВЕРА. Ну да. Вместе воспитывались.

Вера тяжело вздыхает. Андрей выходит.

Ты хоть поешь!

АНДРЕЙ. Потом! Дай я к сестренке схожу!

ВЕРА (*шепотом*). Благослови тебя Бог.

Дверь бани захлопывается за Андреем с громким звуком, от которого кровь стынет в жилах.

Эпизод пятнадцатый

В избе мать, Анна, Люба. Врывается Андрей. Совсем незаметно, что он на протезах.

АНДРЕЙ. Любочка, привет!

ЛЮБА. Привет, Андрюша.

Анна встает с каменным лицом. Она хочет что-то сказать.

МАТЬ. Молчи уж, ненормальная!

Люба со слезами выбегает из избы.

АНДРЕЙ. Так! Что тут произошло?! Я за Любку в деревне любому горло перегрызу... А вам вот что скажу. Что вы до нее докапываетесь всё? От вас мужья ушли. От всех! Я жить в доме не могу – в бане все лето жил. Не знаю, куда на зиму пойти теперь... Что вы к ней пристали?! Все вам не нравится! Пусть живет, как знает!

АННА. Да, ты не знаешь просто.

МАТЬ (*Анне*). Молчи!

АНДРЕЙ. И знать не хочу!

Выходит из избы.

Эпизод шестнадцатый

Люба бежит по полю. Под ногами пожухлая трава, ворохи листьев. Она бежит сломя голову в никуда.

Эпизод семнадцатый

По тому же полю быстро-быстро идет Андрей.

Эпизод восемнадцатый

Люба падает на траву, на листья. У нее истерика.

Эпизод девятнадцатый

Андрей идет по полю.

Эпизод двадцатый

По полю идут мать, Анна и Вера. Дочери поддерживают мать.

Эпизод двадцать первый

Андрей доходит до Любы. Он обнимает ее за плечи, что-то говорит ей.

Эпизод двадцать второй

Мать, Анна и Вера доходят до Андрея и Любы. Мать отталкивает поддерживающих ее дочерей и садится прямо на землю.

АНДРЕЙ. Что увязались?

АННА. Андрюша, ты просто ничего не знаешь!

МАТЬ (*Анне*). Молчи!

ВЕРА. Господи, благослови!

АНДРЕЙ. Баба, уведи этих фурий! Я тебя Христом Богом прошу!

МАМА. Не уйдут они...

АННА. Она с чеченцем живет! А ты ее защищаешь!

Листья гоняет ветер. Все молчат. У Любы трясутся руки... губы. Глаза ее широко открыты.

АНДРЕЙ. Люба, это правда?

ЛЮБА (*плачет, кричит*). Он никогда не воевал! Он в России родился! Я его люблю! Убей меня за это!

Анна начинает плакать.

АНДРЕЙ (*Спокойно*). Дура, что ли?

АННА. Он Антона убишил!!

АНДРЕЙ. Он?.. Ты с ума сошла? Антона убил другой. И «чеха» этого тоже убили... Почти сразу.

ВЕРА. Благослови Антона, Господи!

АННА. Антошу убили, тебя без ног оставили, а тетка с ними путается... Мразь!

АНДРЕЙ. Брата убили, меня покалечили... А вынес меня «чех». Меня гантимировец на себе три километра нёс, когда я истекал кровью и без ног был. И нёс он меня по минному полю. Я сейчас письма от него получаю, и сам ему пишу, и, по-моему, роднее человека у меня нет и не было, и не будет. Убейте тогда и меня, раз Любу хотите убить!

МАМА. Ты не рассказывал...

АНДРЕЙ (*орет*). Да блять, зачем это рассказывать!!!

Садится на траву. Бьет землю.

Не трогайте её! Любит – хорошо! Любит – в этом мире это очень много! Не трогайте ее!

Плачет, обнимает свою мать и тетку Любу. Плачут все вместе.

Эпизод двадцать третий

Всей семьей идут по полю.

ВЕРА (*тихо матери*). Может, не так уж и плохо, что он чечен. Пусть живут. Андрюшу вот спасли, оказывается.

МАТЬ. Пусть. Ну их.

Эпизод двадцать четвертый

Снова в избе. Уже ночь. Темно, свет исходит лишь от лампы, которая висит у иконы. Вера снова стоит на коленях и молится. Пламя от лампы отражается в ее глазах...

ВЕРА. Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Ныне и при-сно, во веки веков. Аминь.

Встает, зевает. Подходит к своей кровати. Мать и Анна сидят за столом. Люба спит на кровати. Вера:

Нельзя все вот так оставлять. Вынесли они Андрюшу, а моего убили... А родит ребенка, и в какую веру его? Нет, нельзя так.

АННА (*жестко*). Уговорим ее.

МАТЬ. Я с ней завтра поговорю. Спи.

В комнате откуда-то подул ветер. Мать, Анна и Вера выглядят обескураженно. Ветер задул лампадку. Темнота.

Эпизод двадцать пятый

В полумраке кровать. На ней спит Люба. Она спит, укутавшись в старое одеяло. Она улыбается во сне. На ее красивом лице ангельская улыбка.

Эпизод двадцать шестой

Баня. Спит Андрей. Он стонет во сне. Ему снится что-то страшное. Он отмахивается от этого руками.

Сергей ШЕЛЕХОВ

Тени

Толпа все шла и шла. Полуодетые, мускулистые люди. Развевающиеся на ветру волнистые волосы. Ветер. Вздвигнувшийся над людским потоком конь. Выскользнувшая из сильных пальцев серебряная узда. Поток расступился, распался в стороны, прянул от заигравшей под бархатной белой кожей мускулами лошадиной груди. Цокот, дробь подкованных копыт. Огненные, умирающие искры над тысячетлетними тесаными камнями мостовой. Полукруг и – стремительный взмах белых огромных крыльев над замершим течением лиц в едином порывистом движении, обращенных к небу. Полупрозрачный крест тени, легко скользящий по оторвавшейся и упавшей вниз земле. Бескрайнее, глубокое небо. Ветер. Долго летящая, колышущаяся, словно призрак, в падении и земной тяжести и распластавшаяся на холодных камнях узда.

– Гораций, где тебя носит, черт побери? Сколько можно ждать, – Она резко повернулась и пошла по белым, широким мраморным ступеням бесконечной лестницы.

Высокий, в лоснящейся на солнце черной шерсти, сеттер, осторожно ступая, пошел следом.

Миновали сад. Зеленая, изумрудная трава раскачивалась медленными волнами. Со старых яблонь неслышно падали большие прозрачные яблоки. Ступени лестницы бежали вниз. Ручей выскользнул из ласковых объятий гибких травяных стеблей. В прозрачном быстром потоке искрились невидимые бриллианты, тяжело льнули к лону дна глубокого синего цвета сапфиры. Солнце неистово играло драгоценными гранями. Струи, прохладные, быстрые.

– Гораций, – сеттер ускорил шаг, догнал госпожу, пошел рядом. – Как хорошо, что у тебя нет таких крыльев. Какой бы ты был смешной, если бы умел летать, – Она звонко рассмеялась. Подол ее длинного, из серебристой ткани, платья соскальзывал с белого мрамора ступеней в такт маленьким, легким шагам. Сеттер, скося один черный глаз, следил за его ритмичными падениями. Шли длинной галереей. Стены, уходящие куда-то в невидимую высь, из молочного глубокого стекла, давали странный свет, колеблющийся, туманный. Сеттер медленно забежал вперед, остановился.

– Ну, кто там сегодня? – Она, не дожидаясь ответа, коснулась тонкими пальцами стекла. Словно туман под порывом утреннего ветра, стена быстро просветлела до прозрачности лесного ручья. Стал виден сад, обширный, странный, насыщенный светом и теплом. Плетеный стул с короткой спинкой. Человек в соломенной шляпе, в мягкой куртке, перед большим мольбертом, сидящий спиной. Быстро и точно бегала легкая кисть.

– А, упрямец. Скажи, Гораций, а ты его вновь уговаривал или... он сам...

– Видите ли, Ваша Милость, – изящная голова в черных, вьющихся, длинных, падающих на самые плечи волосах склонилась перед ней в легком поклоне, – о многих вещах не требуется говорить во второй раз, тем более, если речь идет об установленном от века порядке. – Черные, бархатные, внимательные глаза. Узкие стрелочки усов. Тонкий подбородок, упирающийся в крахмальную белизну жестких кружев воротника. Все подчеркивало аккуратность слов и дел.

– А он не будет вновь предлагать свои бесконечные варианты «Руанского собора» или «Лондонских мостов»?

– Нет, госпожа. Я подробно объяснил ему, что чести написать для вас главную картину удостаивается далеко не каждый земной гений.

– Когда он закончит, я хочу с ним говорить.

– Так и будет, госпожа.

– И все-таки, ты что-то не договариваешь. – Они вновь шли по галерее. – Неужели ты не приводил ему красноречивых примеров упрямства?

– Сознаюсь, госпожа. Но весьма поверхностно.

– Ты! Поверхностно! – Она вновь звонко рассмеялась. В призрачном свете галереи ее смех рассыпался мелкими осколками многоголосого эха. – Хочу услышать это – поверхностно...

– Э...

– Только не забудь: краткость – сестра таланта. Не разочаруй меня!

– Как вам будет угодно, – его шаги стали еще тише. Чуть отстав, скосив один черный глаз, он вновь внимательно наблюдал за размеренными падениями серебристой ткани ее платья с мраморных ступеней лестницы.

– Вначале я напомнил о наказании лорда Бекона за его упрямство. Вы соизволили отнять у него имя. Крестяний Шекспир остался в веках, а о лорде никто и не вспоминает.

– О... Очень красноречиво...

– Затем об упрямстве господина Давида. Его отказ подписать контракт имел весьма печальные последствия. В полном отчаянии, как известно, он все-таки его подписал, но, увы, слишком поздно и всего на одну картину и изгнание. Вы сдержали свое обещание вернуть ему славу, но только после смерти. Когда я упомянул о Генте, господин Моне заметил, что слава после смерти никому не нужна.

– Это все?

– С вашего позволения, я приоткрыл ему некоторые из будущих наказаний. Мне показалось, что самым впечатляющим для господина Моне будет история господина Малевича. Ваша Милость весьма изобретательна в части нововведений. По-моему, это гениально, на сто лет лишит краски художника – цвета. Правда, должен заметить, Ваша Милость, гений есть гений. Когда откроется тьма «черного квадрата», у многих может быть разочарование от истинного содержания этой картины. А так, в общем, и все. Более я ничего господину Моне не говорил и ни в чем его не убеждал.

Вошли в огромную залу. Каменные, древние плиты пола лизали волны морского прибоя.

Вдали, где небо обнимало море, тонули бледные облака. Вдоль правой, северной, колеблющейся под ветром стены залы бесконечным рядом стояли крас-

ные с золотом кресла, в высоком картуше спинки каждого – имя. Вдоль левой – картины, книги и статуи.

– Все время боюсь перепутать и обратиться вместо вас к ней, Ваша Милость, – Гораций подошел к Венере, стоявшей на пьедестале у входа и, наклонившись и мягко взяв в обтянутую черной шагренью ладонь, ее мраморные пальцы, прикоснулся к ним губами.

– Не груби!

– Нет, право, Ваша Милость, ведь никто не знает, что Зевс провел у Мнемозины не девять, а десять ночей.

– Я предупредила тебя, не груби!

– Что вы, Ваша Милость, и в мыслях не имел. Просто мне кажется, что некоторым из людишек это не мешало бы знать. – В глазах Горация на мгновение открылось звездное черное небо.

– Не уговаривай. Ни у одной из моих девяти сестер никогда не будет того, что есть у меня! Пусть лучше думают, что на свете нет ничего прекрасней моего безрукого изображения.

– Но ведь они называют вас Венерой!

– Пусть. Не имя истинно! И потом, должна же быть у меня тайна!

– О, этого у вас, Ваша Милость, предостаточно!

– Ну, хватит! Ты уже распорядился?

– Да, Ваша Милость, – Гораций приподнял и тут же опустил широкую полу черного бархатного камзола. Красным на мгновение мелькнул горизонт, и на плитах пола стояло новое, блистающее золотом кресло. В изголовье светилась голубым небом и облаками, пробитая насквозь неимоверной силой, золотая пластина – Claude Monet.

Восторг

Большой салатовый кузнечик выпрыгнул высоко из травы. Необъятное поле было обрызгано синим цветом колокольчиков. Сашка шел, не разбирая дороги, и улыбался.

– В это просто невозможно поверить! Я не верю, что это было сейчас... со мной.... Не верю! Господи, великий и всемогущий, неужели ты открыл мне свою самую страшную тайну! Она любит меня! Ее холодные пальцы, дыхание... А какие у нее были глаза! Боже, какие у нее глаза! Почему я так рыдал? Почему она так плакала? Почему ее горячие слезы так сладостны мне? Ее волосы, ее губы... Я же мог просто умереть от их прикосновения! Боже, а может, я все сделал не так? Зачем я плакал от восторга и счастья? Зачем я показал, что счастлив? Разве мужчина должен... Нет, вздор! Да, да, он должен плакать от счастья, от ее прикосновений, от ее глаз. Невыносимое счастье распирает меня. Я так счастлив, что сейчас лопну от восхищения и восторга. Лопну как воздушный шар, и родится тысяча маленьких шаров, и станут все раздуваться от переполняющего их счастья и снова лоп-

нут... И из каждого родится еще по тысяче шаров, и они будут раздуваться от любви и счастья и лопнут... И весь мир будет наполнен этими шарами счастья, и весь мир будет наполнен моей любовью к ней! Господи, и весь мир будет – Любовь! – Сашка упал на колени и стал вслух читать «Отче наш», и кланялся, и крестился, и по его щекам бежали слезы.

На веранде старой дачи стоял длинный дубовый стол со скатертью и пыхтящим самоваром. На перилах, поджав передние лапы, спал персидский, весь в клокастых вихрах шерсти, кот. Из соседнего открытого окна сквозняком вытянуло белую занавеску, и она трепетала под ласковым летним ветром, словно прощались с кем-то.

Абсолютная любовь

— Федор Федорович, – секретарша Нюся, а по паспорту Нинель Ефимовна Шинцель, пятидесяти восьми лет от роду, полная, в обтягивающих короткие ноги и внушительный зад с полочкой брюках, нежно-розового цвета, слегка гнусавя, пропела в селектор, – вас Александр Моисеич женским голосом спрашивает.

– Да, – Федор Кручинин, председатель солидного банка, взял трубку.

– Это я, – на том конце провода зашептал приятный женский голос.

– Александр Моисеич, – Федор надавил на окончание, – что случилось?

– Федя, я скучаю, я сама не своя, я скучаю и мечтаю, Федя!

– Что вы делаете, Александр Моисеич?

– Скучаю и мечтаю.

– Куда мечетесь?

– Федя, когда ты приедешь?

– Постараюсь сегодня, Александр Моисеич, часов в семь, восемь.

– Феденька, родной, купи вина, мандаринов, сливочного масла, сардины, сока яблочного, лимонные дольки и... и все. Остальное есть. Запомнил. Запиши, а то забудешь. Жду. Отбой воздушной тревоги. – Короткое молчание. Короткие гудки.

Эти короткие гудки носились в голове Федора заблудившейся «скорой помощью» всю вторую половину дня. Ровно в семь Федор отпустил водителя, не спеша, перешел старый, весь в роскошной летней зелени Чистый переулок, вошел в прохладную тень пахнущего кошками парадного.

– Феденька, родной, любимый, тепа-недотепа моя, я тебя так люблю, я тебя так жду. Ну, где ты? Мой родной, мой любимый, мой ласковый, где ты? – Маргарита висела у Федора на шее, стояла на одной ноге, на цыпочках, в мягких красных тапочках в белый цветочек.

Они бы еще долго целовались, но Маргарите очень давила консервная банка, лежавшая в пакете, а теперь и на ее спине, которую держал Федор.

За ужином пили вино. Каждый раз на брудершафт. Стукались бокалами и зубами. Закусывали мандаринами. Жареная картошка с телятинкой, с лучком, была отменно хороша.

– Феденька, я тебя безумно люблю, – Маргарита подняла бокал, смешно вытянула для поцелуя губы, наклонилась вперед и, на миг потеряв равновесие, оперлась рукой в открытую банку с сардинами. Сардинки веселым салотом брызнули в разные стороны. Одна аппетитная, бронзовая рыбка медленно сползла по рубашке Федора, другая нырнула под брючный ремень.

– Гоша, блин, ты что... Гоша! Ах, Гоша! Ну, Гоша! – Федор быстро расстегнул пояс и спустил брюки. В желтом масляном пятне, в гольфике белоснежных трусов от Тифани уютно лежала, искрясь в мягком свете старинной лампы, золотистая рыбка.

– Федя, я хочу!

– Ты лежи, а я побежала, во всех смыслах этого слова, – Маргарита, смешно перебирая ногами и покрывая про себя – Ой! Ой! Ой! – помчалась в ванную. Федор лежал на спине, сложив руки на пахнущем снегом пододеяльнике в мелкую синюю полоску. В мозгу неясные шепоты горячих губ Маргариты, мягкая покатливость ее груди, тропический жар и влага ее лона, запах ее волнистых светлых волос, по-детски маленькая мочка уха, светившаяся в солнечном утреннем свете тепло-розовым ... Мысли разбегались неясным хороводом, успокаивали...

– Феденька, пятно не отстирывается, – совершенно голая Маргарита стояла перед диваном с мокрыми трусами Федора в руках.

– Да Бог с ними.

– А в чем ты пойдешь?

– Во-первых, я сегодня уже никуда не смогу пойти, ты их выстирала в девять часов утра; во-вторых, я сегодня никуда не пойду.

– Феденька? Так ты сегодня останешься, да? Это что, правда? Ты останешься? Да?

– Да, я останусь. Я остаюсь! Остаюсь навсегда!

– Федя, у тебя температуры нет?

– Какой температуры?

– Федя, сегодня ночью ты сказал, что в десять у тебя важная встреча!

– Черт подери, Гоша, какая ты умница. Ведь действительно вылетело из головы. Впрочем, с тобой я забываю даже свое имя. Давай сушить утюгом.

– Феденька, – Маргарита озорно улыбалась, а хочешь я тебе дам свои, а?

– Зачем?

– Как зачем? Во-первых, высушить мы не успеем, во-вторых, магазин еще закрыт, в-третьих, все равно никто не увидит. Давай беленькие, да?

Нюся в неизменных розовых брюках внесла поднос с двумя маленькими антикварными чашками, серебряными, курящимися ароматно сваренным кофе, турочками и сахарницей.

– Что-нибудь еще? – Нюся вопросительно посмотрела на Федора.

– Нет, спасибо. – По лицу Федора Федоровича капнулись крупные капли пота. Секретарь на мгновение приподняла и опустила удивленные брови и вышла. Беседа только начиналась.

Собеседник Федора, начальник кредитного отдела Центробанка, средних лет дама, в плотном твидовом костюме и лицом укротительницы, сняла дорогие очки и, придерживая изящную чашечку двумя пальцами, осторожно отхлебнула.

– Федор Федорович, документы я просмотрела, они вполне подходят. Но в вашем обосновании есть абзац, который не внушает доверия и может сыграть негативную роль в последующем решении.

– Вы имеете в виду пункт номер три? – Федор Федорович, с трудом сдерживаясь и обливаясь потом, протянул руку и взял одну из толстых папок на столе.

– Вы хорошо себя чувствуете?

– Нормально. Не обращайте внимания. Все нормально.

Маргарита, не на шутку испугавшись вида Федора, бегущего, бледного, взлохмаченного, с блестевшим в крупном поту лицом, рвущего на ходу с себя ремень, отпрянула в сторону. Федор бежал по направлению ванной.

– Феденька, что с тобой? Тебе плохо? – Маргарита осторожно заглянула в ванную.

– Закрой дверь! – Федор с грохотом захлопнул дверь.

– Федя, что случилось? Тебе плохо? Ты отравился? У тебя желудок? Почему ты грубишь? Ты меня не любишь?

В ванной громко лилась вода. Федор молчал.

– Федя, я войду, да? – Маргарита распахнула дверь ванной комнаты. Председатель солидного банка, без штанов, сидел на краю ванной в странной позе. Одной

рукой он умудрялся держать за спиной душ, другой без конца намывливал то, что находится ниже спины, и громко стонал и сопел. Маргарита сначала побледнела, потом покраснела и, наконец, совсем по-детски заплакала.

– Феденька, прости меня, я совсем забыла. Прости, Феденька. Вот дура-то! У нас тогда воду горячую отключали! А финалгон в холодной воде не отстирывается! А ты у меня тогда был! А я простудилась! А ты мне спину натирал! А потом шалью обвязывал! А потом целовал сильно, сильно! А я тебе их и дала! Ах, Боже мой! Феденька!

– На столе кредит на сто миллионов, а в штанах раскаленная сковорода, смешно. – Федор все еще сопел и постанывал. Но было видно, что уже не сердится, отходит.

В центре Москвы, в Чистом переулке, среди бела дня, под шум воды, на краю ванны сидел по пояс голый человек Федор Кручинин. Одной рукой он держал за спиной душ, другой – обнимал Маргариту. Они целовались. Правой рукой Маргарита все намывливала, и намывливала, и намывливала обожженную финалгоном кручининскую задницу. Счастливые люди.

Последний листопад

Бабочка летела в октябре. Сумасшедшая, бархатная, черная бабочка на мягком золотом ковре кленовых листьев. И уже потемневшая прощальной, безжизненной, яркой зеленью трава. И темная, даже на взгляд холодная вода. И отраженная тень маленького, опечалившегося и уже обреченного на зиму каменного мостика над старинным каналом. И мелкий камень, долго летящий в густом осеннем воздухе. Безразличное солнце с еще высокого неба бросило в разрыв стремительных облаков горсть своих зайчиков, мелких светлых пятен на купол старого храма. Запутавшись в золотых растяжках высокого креста, они осыпались на землю, брызнули на тонущую в земле плиту. Бронзовой патиной давно ушедшего, тлеющего времени, проступили цифры – 1837.

Александр шел берегом Невки, глубоко поддевая острыми носками туфель золото кленовых листьев, и с силой выбрасывал их вперед, вверх. Легкий ветер подхватывал их и кружил. Пушкинские листопады.

В темном пальто, в такой же шляпе, на деревянном, раскладном, утонувшем в листьях стульчике на берегу сидел с удочкой полноватый господин.

– Клюет? – Александр тихо подошел сзади и смотрел, думая о своем, на темную воду.

– Бывает, что и клонет.

– А где же рыба?

– Так я ведь не ловлю, я ее отпускаю.

– Отпускаете?

– Да-с. А вы, осмелюсь спросить, не господин Пушкин будете?

– Нет. Я всего лишь похож. Знаете ли, такое тоже бывает.

– Знаю, – полноватый положил удочку на воткнутые в кленовый ковер рогульки, грузно поднялся, и теперь, из-под бровей поглядывая на Александра, раскуривал большую вишневую трубку. Сладковатый, терпкий запах английского табака и дыма на мгновение окутал собеседников.

– Что ж, давайте знакомиться, Пушкин Александр Сергеевич, – Александр приподнял высокий цилиндр.

– Островский Александр Николаевич, – полноватый приподнял шляпу.

– Осенняя пора, очей очарованье. Не правда ли, много листьев в этом году?

– Да, вы правы, желто все, даже в глазах кипит от этого огненного цвета. Небывалый листопад, небывалый.

– Коли озябнете, не почтите за труд, заходите запросто, я тут недалеко, Мойка 19. Приятного вам осеннего времяпрепровождения.

Александр вновь приподнял свой цилиндр и быстрыми энергичными шагами пошел прочь. Миновал деревянные, промокшие леса строящегося храма, перепрыгнул через сваленные, плачущие смолой доски на мостовой. Ему все еще чудился и приятный запах трубачного табака, и мягкий, располагающий голос нежданного собеседника. Уже с моста, оборотясь, он увидел только берег в узорчатом горящем кленовом золоте и почти занесенный листьями деревянный маленький стул, а может, это были старые лодочные обломки, или это ему просто показалось...

А листья все падали, кружились над Петербургом, над темной водой каналов, над черными крышами летящих экипажей, засыпали парки, и мощные мостовые, и чугунные решетки мостов, и летели, и летели, и летели...

Сергей ГРАБАР

КОФЕ МЕЛАЖЖ

НОВЕЛЛЫ И ПРИТЧИ

Перевод с украинского Елены Мордовиной

33.20

Оксане Козум

I

...музыка вилась лентой...

– Разве музыка может быть лентой? – спросила ты.

– Может, – ответил я и засмеялся, – а еще она может быть небом, волной, поцелуем. Может быть землей – холодной и печальной в прощании.

– Ты говоришь о музыке?

– Да.

– А еще чем может быть музыка?

– Она может быть – 33.20.

– Что такое – 33.20?

– Числа. Возможно – отрезок времени. Возможно – цена.

– Цена чего?

– Жизни...

II

– Ты мне расскажешь об этом?

– Попробую...

– Почему только попробуешь?

– Потому что об этом пытаются рассказать на протяжении двух тысячелетий.

– И что?

– Не выходит.

– А ты попробуй, вдруг... – ты засмеялась, создав вокруг едва уловимый серебряный перезвон.

– Тогда слушай... 33.20 – это остановленное время. То, что ищут столетиями люди. Это – поцелуй судьбы. Это – Его жизнь.

– Чья?

– Тсс... Неужели ты еще не поняла – Его! Цифры сложились вокруг магическим кругом. 33 – Его земные годы, ибо небесным нет счета. 33 – Великий крестный путь от рождения и до распятия. Страшный, мучительный путь. Похожий на путь каждого, но гораздо трагичнее. 33 – слияние обстоятельств и

поступков, которые привели к Голгофе. 33 – это искупление грехов наших.

– Я поняла: 33 – это возраст Иису...

– Тихо, не называй Его имени.

– Почему?

– Потом объясню.

– Пусть будет так. Но скажи мне, что тогда – 20.

– 20 – это Его жизнь, записанная в четырех Евангелиях, духовные заветы Бога, помноженные на пять телесных чувств человека: слух, осязание, зрение, обоняние и вкус. Другими словами – это 20 тайных состояний человека, когда он вплотную приближается к божественному. Это поиск истины. Вопрос, с которым к нему пришел Пилат. Пришел, но так и не понял. Не нашел ответа.

– А если бы нашел? Что тогда?

– Все произошло бы иначе. И не было бы цифры – 33. А появилась бы какая-нибудь другая.

– Ты в этом уверен?

– Нет.

– Как это?.. Учишь меня осторожности, а сам...

– Это, наверное, потому, что я человек и теряю голову, и забываю обо всем на свете, когда вижу тебя.

– Но мы говорим не обо мне, а о Нем.

– Мы говорим о нас, потому что без Него нас бы не было. Он наша совесть и наша любовь.

– Почему же ты боишься назвать Его имя?

– Потому что Пилат еще не умер...

Агапит

– Скажи, преподобный, а воск – исцеляющий? – Я смотрел на догорающую свечу, оставляющую за собой восковые замки.

– Конечно, – монах на минуту задумался, – можно тело окутывать им, и тогда все чирьи и коросты разные отойдут. Только воск должен чистым быть, без примесей.

– А ты меня вылечишь?

– Вылечу.

– Армянин говорил, что мне всего три дня осталось.

– Ну, Армянин... Срок жизненный отмерять – то не его право. Всевышнего.

– А еще Армянин говорил, что ты в лекарском деле ничего не смыслишь.

– Так и сказал «не смыслю».

– Нет, немного резче.

– Ну, ты не повторяй, не надо. Не бери грех на душу, – монах замолчал, его глаза поднялись к небу, губы зашептали молитву.

Через минуту преподобный снова посмотрел на меня. Что-то изменилось в его взоре. Он пристально глянул в глаза.

– На вот, съешь. Я этим питаюсь. Не так все просто, как сначала показалось, – монах бросил мимоletный взгляд, – ничего, промыслом Божиим...

– Что-то нехорошее? – смутился я, – если нет надежды, то так и скажи, монах. Вон, Армянин, меня уже похоронил.

– Не волнуйся, я же сказал: вылечу. Что напрасно воздух сотрясать. Лучше снимай одежду и ложись. Попробую новую мазь.

– Ох, и твердо. Как ты, отче, на нем спишь?

– Извини, перин не держим. Ты лежи спокойно. Сейчас я тебя натру, заснешь. Проснешься здоровым.

Он медленно натирал тело жидкостью. Она была густой и немного жгущей. Потом прикрыл холстиной. Последнее, что я услышал, были слова молитвы. Они растворились среди сна...

Когда я проснулся, преподобный сидел рядом. Шептал молитву. Его рука лежала на моем лбу. Она пахла чабрецом, мятой, ромашкой и воском.

– Ну что, болезный, с выздоровлением.

– Я долго спал?

– Три дня.

– Ничего себе! А сейчас?

– А сейчас все в порядке! Тут час назад Армянин приходил. Удивлялся, что ты до сих пор жив, – монах улыбнулся.

– А что теперь?

– Теперь будешь жить, слава Всевышнему!

– Спасибо, преподобный.

– Не меня благодари, Господа! Сотворим молитву на прощание, – монах сложил руки, повернулся к образу...

«Был некто из Киева, который постригся под именем Агапит..., что приходил к больному брату и служил ему, и давал ему свою пищу – вареные овощи, и оздоравливал молитвой».

Федор и Василий

Что за шум? Совсем сдурели. Едва светает, а они князя своего разбудили. Сейчас всем будет... не до шуток.

Во дворе хмурой толпой стояли монахи.

– По что пришли?

– Забрать тела умерших.

– Они еще живы...

– Нет.

– Да были живыми часа два назад.

– Ныне уж мертвые...

Люди в черном... Господи, и откуда они знают? Не напрасно я их всю жизнь боюсь.

Так и эти двое. Федор и Василий.

«Грех на тебе, – говорят, – князь, сребролюбия».

А как его не любить, Господи, как не любить? Ну, что этим двоим до клада? Нашли – поделитесь. Вам не надо – отдайте. Вы же отцы святые. Что вам золото-серебро? Да нет, упрямо: не знаем, где оно, не помним...

Все они помнят. Только теперь уж ничего не скажут.

А вчера чего с ними только ни делали. И били, и пытали. И по-доброму, и угрозами.

Того, что старше, Федор, кажется, за ноги подвели и начали жечь. А он не горит. Видали такое – не горит! Я такого отродясь не видел. Слышал о подобном, не верил.

Я так разозлился. В младшего, что Василием зовется, из лука – стрелой. А он вынимает ее из тела, и ко мне: «Этой стрелой сам повержен, князь, будешь», – и усмехается.

Я забыл раненым зверем. Бессилие разлилось внутри. Понял, скорее, почувствовал, что ничего не добьюсь. Им все равно: князь я или нет, им безразличны мои воины, мое богатство.

Они из другого мира, которого я не понимаю.

Выносит их сейчас братия в окровавленных власяницах. Выносит молча с моего подворья. Люди в черном...

...Чувство непонятное...

Может, они и впрямь святые?..

Через два года князь Мстислав, сын Святополка, был убит стрелой в спину.

«Аще кто не обрящется...»

У меня перехватило дыхание. Не от усталости, от того, что хочу и не могу принять решение – тяжелое, от которого все содрогнется, будто от толчка подземного. Громом ударит всех. Будут умолять, чтобы я не делал этого. Но... решено. Я не должен останавливаться.

«Аще кто не обрящется...»

А если не обрящется, если пойдет против воли моей, что тогда? Неужели и мне, человеку, который любит народ свой, людей этих доведется топить в крови, и давить-давить, пока не поймут правды моей.

«Аще кто не обрящется...»

А еще... Что делать с богами извечными? Куда их? Сбрасывать? Жечь? Топить? Что с ними делать? Как? Тайно или привселюдно? Как?..

«Аще кто не обрящется...»

С сыновьями, помню, непросто было, но заставил, запугал. То свои, кровные, а с чужими что?

А может, в воду первыми тех, которым все равно, чьему Богу поклоняться? Для которых главное, чтобы их место под солнцем не померкло. А остальное все к черту, потому что рождены они для измены. Поэтому использовать их для измены собственным Богам и уничтожить, ибо со временем предадут и меня.

«Аще кто не обрящется...»

Сдавило внутри: тяжелое решение – тяжело принимать. Да кому, как не мне? Ибо князь я – Великий князь Киевский – Владимир, и будут звать меня – Крестителем.

Так слушайте, чтобы завтра знали все:

«Аще кто не обряцется до утра на реце Почайне, богатый или убогий, нищий или работник – противен мне будет, а сам казнь примет...»

«Выдыбай, Боже...»

«Выдыбай, Боже, выдыбай...»

Я бежал, задыхаясь, по берегу Великой реки, реки, которая принесла жизнь мне и моему роду, моим друзьям и врагам – всем, кто поселился здесь много веков назад, жил, любил, рожал детей, защищался от варваров.

Но мы стояли крепко и не боялись обидчиков. Ибо спасала нас Вера и Боги наши.

И было бы так всегда, если бы однажды, по причуде властителя, Богов всех наших не скинули бы, и не остались мы наедине с этим миром.

Устоял – один: Перун наш всемогущий. Сказал князь: «Навсегда». Поверили. Сегодня пошатнулся и Перун.

И чинили над ним непотребное, и глумились, и скверной позорили, и потом – Гром на них и Молнии, на головы их дикие – бросили его в Великую реку, чтобы уничтожить, утопить, чтобы места ему на свете не было.

Теперь бегу по берегу и молю Небо, чтобы спасло Бога нашего последнего, надежду нашу, память предков. Я и другие, цепляясь за корни, захлебываясь от бессилия, бежим и голосим:

«Выдыбай, Боже, выдыбай!»

А река Великая бурлит, пенится, не хочет отдавать из своей пасти пленника. И мы умоляем Небо подарить надежду. И только он появится среди волн, мы освободим его. А со временем он защитит нас – от своеволия, от неизвестности, что надвигается черной мглой...

Перуна выбросило волной далеко под Киевом. Люди смеялись, люди плакали, повторяя: «Выдыбал, слава Небу, выдыбал, Перун!»

В 1070 году на этом месте был заложен христианский монастырь. Его назвали Выдубицким.

«...в память о ней...»

Это было лет двадцать назад...

Иудея. Галилея. Самария. Вифания. Все говорили о Нем. Но не все могли увидеть. Не то чтобы он прятался. Нет. Подойти было невозможно. Всегда толпа. Всегда ученики, которые больше напоминали охранников. И что я Ему скажу? Что верю в Его, Всевышним данную, миссию? Или в то, что он действительно является царем Иудейским?

Меня беспрестанно угнетало недоброе предчувствие. Что-то подталкивало к встрече. Я следила за каждым Его шагом. Все время была рядом. Знала, где Он сегодня и где будет завтра. Знала даже, что осталось всего два дня. Была ли я пророчицей? В какой-то

мере... Я не ведала, что произойдет. Но была уверена, что дней осталось – всего лишь два.

Сегодня он пришел к Симону. По законам иудейским никто к прокаженному (а Симон был таковым) не ходит. По законам иудейским женщине в мужском обществе (а общество было исключительно мужское) не место. По законам иудейским...

Но я преступила законы. Я вошла в дом. И никто меня не остановил. Никто не спросил моего имени. Почему я здесь? Я свободно подошла к Нему. Я посмотрела Ему в глаза. И увидела все, что произойдет. Предательство одного из тех, что сейчас рядом, за этим столом, и как раз пытается остановить меня. Муки, страдания, смерть и Воскресение. А главное, я увидела Его спокойствие. И это передалось мне.

Он знал, что Его ждет. Он был уверен в себе. Он был Мессией. Тем долгожданным Спасителем, который принес нам веру в будущее.

Тогда я достала драгоценный алебастровый сосуд и умастила голову Его благоухающим нардом. Мирры было много. Она пролилась с головы на все тело, до самых ног. Она наполнила ароматом жилище Симона...

Я омыла Его тело. Я подготовила Его к погребению...

Все замерли от неожиданности. Только он промолвил:

«Истинно говорю вам: где только будет проповедано Евангелие это по всему свету, сказано будет о том, что она сделала, в память о ней».

Брусчатка

Она грохотала под колесами старой, но еще годной для передвижения повозки. В городе уже давно никто на таких не ездил. У одних были мощные легковушки. Другие имели авто попроще. Но все они были участниками единого дорожно-транспортного братства. Повозка стояла отдельно в этой табели о рангах. Она была одна.

Повозка редко проезжала по городу, но, когда приближалась, брусчатка радостно замирала. Это была ее молодость. Повозка несла воспоминания.

I

Цокот подков, резкие команды, бравурные марши. Парад-алле. Запах конского навоза. Взволнованные слова: «Погляди, какой всадник!» Первые, невинные взаимные взгляды, первые чувства. Брусчатка помнила тот людской водоворот. Как сложилась судьба тех двоих? Брусчатка не знала. Она еще раз услышала этот голос много лет спустя: «Отпустите его, я вас прошу, отпустите моего мужа». И резкое, словно выстрел: «Назад!» – в ответ.

II

Шуршание подошв. Благовоние кадилыниц. Елейное пение. Слова молитв. Крестный ход от Верхнего Владимира до Нижнего, до Днепра. Слезы радости и

печали, слитые с праздником Воскресения. Внезапный крик – пронзительный, будто судорога. «Дитя мое! Верни, Господи, дитя мое...» И печаль снова сквозь всех. И понимание. Шепотом: «На все воля Твоя...» Идут, крепятся. Шуршание подошв, шуршание подошв.

III

Солнечный день. Крики: «Трамвай! У нас в городе трамвай!» Все весело гомонят, пытаются сесть первыми, чтобы потом всем своим знакомым и незнакомым: «Как, вы еще не ездили на трамвае? Странно!» И махерно, свысока: «А как вы, извините, сударь, собираетесь в городе жить без этого?» А трамвай весело тарактит. Он тут первый. Он – хозяин. Он – именинник.

IV

Сквозь всю ночь отчаянное: «Вернись, я все буду, прощу, только вернись...» Пронзительный визг тормозов. Предчувствие несчастья. Криваво-шокирующая смесь. Настойчивые сигналы скорой помощи и констатация: «Мы бессильны». Ощущение неотвратимости. Отчаянье. И укоры: «А если бы не закричал, а если бы не обернулась...» Слезы, злость на себя, на того другого, на весь мир. Шепот: «Любимая. Как же я без тебя...»

V

Смех. Дети. Парамы. О чем-то галдят, аж захлебываются словами. Осторожно, чтобы не поскользнулись на брусчатке. И все остановились, улыбаются, ждут, когда перейдет эта маленькая стайка. Пахнет весной, хоть и зима на дворе.

Дети. От них струится счастье.

VI

Запах потных тел, дешевого табака и перегара. Разговор:

– Послушай. А эту часть разве не будем менять? Мастер говорил, чтобы все плотно полностью.

– Дурак твой мастер. Знаешь, сколько ей лет? Она такого перевидала на своем веку. Нельзя ее трогать.

– Ну, как знаешь.

Повозка редко проезжала по городу, но когда приближалась, брусчатка радостно замирала. Это была ее молодость. Повозка несла воспоминания.

Валет пик

Они мелькали перед глазами...

Трефы, червы, пики, бубны...

Они оплетали – ласточками и воронами – мою судьбу, хоть она была решена раньше. Не здесь, не сейчас. Когда-то. Еще при рождении. Или еще до него...

Я видел карту, я знал, у кого – что на руках, я смотрел на партнеров, чувствуя, что скинет каждый. Я забавлялся и глумился, потому что не мог проиграть.

Но я проигрывал, специально, чтобы они играли еще, и ставки увеличивались, и глаза горели. И они выигрывали, выигрывали для того, чтобы со временем проиграть мне все, что у них было.

Так было всегда, ибо наградил меня Господь, а может, и не Господь, а другой, чье имя не смею произносить вслух, наградил меня виденьем – и я воспользовался этим даром...

...Мы играли третий час, и я видел, как потеет его лицо, начинают дрожать руки. Я мог все закончить давно, но это игра, и я должен довести ее до конца, а это до черты.

Я знал его карты, все, что он сейчас будет делать, какую карту скинет, с какой пойдет. Мне стало скучно. А потом...

Я на мгновение закрыл глаза и увидел, что будет после моего пикового вала: и утро следующего дня, и катафалк, и кладбище, и двоих маленьких деток, и полуживую молодую женщину в черном...

И тогда я пошел с бубны...

Они мелькают перед глазами... Трефы, червы, пики, бубны... Мелькают всю жизнь. Это – дар Господа, а может, и не Господа...

Посмотрел...

Оксане Козум

Посмотрел в твои глаза и увидел в них счастье. В последнее время начали одолевать сомнения, а есть ли оно? Взглянул – и сомнения рассеялись.

Ты сидела напротив и улыбалась. Ты и раньше улыбалась, даже смеялась громко, но глаза оставались печальными. А тут глаза – и в них радость. Умиротворение. Все вокруг зазеленело, загомонило. Холод перестал быть холодом. Нетерпеливый ветер смягчился, превращаясь в ласковый ветерок.

Звуки эхом отзывались в сердце...

Был город, яркий в своем величии. Разорванный эпохами на отдельные части. Город, расстеливший перед тобой свою красоту.

Ты принимала этот вечный город. Так, как только ты и могла принять правду дыхания веков. Линии ломались химерами, разбиваясь на маленькие смальтовые образки. Дома сходили с ума, пытаясь превратиться в дворцы. Сами дворцы стояли гордыми великанами, претенциозно подчеркивая свою значимость.

Но все ничто в сравнении с твоими глазами. Они полыхали огнем, безумием желаний. Они звали, отдавали, предостерегали. Они измеряли...

И единицей измерения было счастье.

Вдруг звуки музыки – резко, экспрессивно. Твой взгляд – слегка озабоченный. И глаза прозрачностью дня, среди чада и пыли, навеки в кружеве, известном лишь мне, разбрызганные радугой, вселенским сеятелем.

Глаза, дарившие...

Глаза, дарящие...

Счастье.

Хазри

Эльчину Искендерзаде

I

Губы солонели...

Я обернулась на крик. Не было никого. Только я и море. Оно надувалось судорожными тучами. Крик вторился. Он шел издалека, из большого ураганного пятна на горизонте. Крик летел кровавым сгустком. Через мгновение я ощутила его раскаленное дыхание. Я подняла глаза.

Он... Пугающий... протяжный... желанный... И я выпустила его в себя...

Он взял меня – нагло, по-мужски дерзко. Но отказать сил не было. Я упивалась им, безумствуя от брутальности. Я поощряла его, провоцируя и совращая. Я плакала и смеялась. Я купалась в этом сумасшествии. А он нежил и кромсал, ласкал и презирал. Он рвал меня на части, издевался, спутывая волосы. Он распинал меня, разбивал на осколки.

Он был со мной... Он был во мне...

II

С каждым днем нас становилось меньше...

Гончие кинулись вслед, окружили со всех сторон. Засада. Спасения не было. Но я выскользнул. Один из всех. Сумел вырваться. И началась бешеная гонка по краю степи. Гонка за жизнью...

Догнать меня? Ха-ха! Только он, который бешено рычал с северо-востока, мог.

Часто я спорил с ним: кто первым преодолет путь. И всегда проигрывал. Он был проворней, он всегда был первым. Я бросался за ним, но...

Сегодня пригодилось все, чему я научился в наших гонках.

Я выскользнул в последний момент. Только жесткая веревка с петлей больно ударила по спине. Ударил, но не захватила. Я полетел по степи. Последний вольный тарпан... Мустанг-иноходец. Я полетел быстрее ветра, научившего меня свободе...

III

Мы сделали шаг...

Впереди была вечность. Вечность в виде дул автоматов. Мы не думали о том: будут ли они стрелять? Мы были на своей земле. Мы стояли на ней прочно. Настолько, что не было силы, способной пошатнуть нас. Ветер защищал спины. Это был наш ветер. Он был с нами. Мы шли к свободе вместе... Шаг за шагом.

Еще шаг...

Послышался сухой треск. Что-то больно ударило в грудь и расплозлось по телу...

IV

Я был ветром...

Я родился давно – вечность назад. Я, как и все ветры, занимался любовью с женщинами и побуждал к

мужеству мужчин. Я помнил диких коней, птицами проносившихся по степям, и птиц, бросавшихся мне навстречу.

Я был ветром свободы. Жестким, агрессивным – ветром с северо-востока, по имени Хазри.

Шелк

I

Путь стелился утонченной нитью, вился, взбираясь на холмы, сбегая в долины. Это был путь безостановочного торжища, искореженных человеческих жизней, радостей, искушений, любви и измены.

Это был Великий Шелковый Путь.

Он тянулся караванами, лился реками, снежил горными перевалами, ревел прибойным морем.

Путь нежился шелком, искрил богатством...

II

...ее тело отсвечивало мрамором. Что шелк, в сравнении с этим телом? Попытка совершенства.

Она повернула голову и засмеялась – презрительно, высокомерно. В том смехе была победа гордыни. А еще откровенность унижающей пощечины. Это был даже не смех, а скорее рычание сытой дьяволицы, развратной, ленивой в своей развратности. Все могло произойти как всегда, и я стерпел бы, склонив голову, покраснев от обиды и бессилия ответа. «Я люблю ее», – уверил бы я себя, согласился, и на том все стихло.

Я поднял голову, и вдруг... судорогой стиснуло горло, воздуха начало не хватать.

Боже, какая она красивая! И это тело... шелковистое, мраморное... И этот шелк пурпурный у ее ног. Мой подарок. Ей. Сегодня.

Я резко поднялся. Еще раз посмотрел на нее. Какая она все-таки красивая. И шелк. Привезенный из Шеки. Пурпурный...

Она еще смеялась – презрительно, нагло...

III

...Шелк из Шеки. Помнишь, Караван-сарай? Небо, склонившееся над нами. Было тихо и звездно. Помнишь?..

А потом я рассказывал тебе о сказочных местах, о шелке, который ласкался, играл. Шелк из Шеки...

IV

...Зверь зарычал хищно. Зарычал и усталился на жертву. Зверь любил вкус крови. Сходил от него с ума. Но что-то сегодня сдерживало его от искушения сразу кинуться и разорвать в клочья это дрожащее существо. Это «что-то» трудно было объяснить. Зверь еще раз провел лапой.

Наконец. Он понял, что его останавливает. Кожа. Нежная, словно шелк. Зверь не знал, что такое шелк. Но вспомнил когда-то захваченный караван, и среди изувеченных, залитых кровью тел, раскиданные свит-

ки материи. Тогда, чувствуя вкус победы, пьянея от сытости кровавого дня, он, словно ребенок, качался среди тех свитков, захлебываясь в волнах тонкой материи. Настолько тонкой, что ее можно было сравнить только с волнением утреннего ветра.

Сейчас зверь ощутил нечто подобное. Он снова провел лапой. «Может, отпустить», – промелькнула мысль. Провел еще и зацепил когтем тонкую кожу...

Кровь брызнула внезапно. Вдруг изнутри начала подниматься волна, застилая глаза, пленяя мозг. Дикая. Яростный рык пронесся над землей...

V

...Нежные, шелковистые звуки ситара завораживали, перенося в мир неожиданный. Звуки были невинны, словно лепестки только что рожденного цветка. Они неслись и обволакивали, ластились тонким шелком, привезенным из далекого города Шеки...

VI

Звуки множились в воздухе...

Рык становился все громче...

Я сделал к ней шаг...

Шелк лился шелковым светом, распался на бессчетное количество шелковых лучей. Шелк лился звуком, взглядом, желанием, искушением, инстинктом, красотой. Шелк лился из Шеки.

Кофе Меланж

О. К.

Пенка напоминала изморозь. Но она была теплой, словно дыхание женщины, сидевшей напротив.

Ты смотрела на меня и смеялась, как могут смеяться только дети.

А потом мы встали и пошли, чувствуя друг друга.

Мы шли по городу. Бесцельно. Шли, как когда-то.

Ветер неистовствовал. Рвал волосы. Спрятаться – невозможно. Но это нас не касалось. Только ты и я.

Было тепло от взгляда. От дыхания, которое стелилось перекрестной дорогой под горизонт.

Мы шли, и через мгновение я понял, что земля давно закончилась. А там, где мы идем, уже не земля, а внезапность потусторонности. Обратная сторона жизни. Во что не верят, но догадываются. И зашли мы сюда случайно. Потому что только любовь может завести в дебри повседневности. Завести и вывести, преодолевая мглу препятствий.

То, что мы увидели, напоминало прочно переплетенные водоросли, которые чарами затягивали в омут. Они переливались и выбирались на поверхность, со временем снова погружаясь до самого низа.

Мы плотнее прижались друг к другу, ощущая каждым нервом стук сердец. Вспомнилась белая пенка в чашке кофе. Она была бы сейчас кстати.

Я посмотрел налево: за матовой пеленой – изогнутые спинки венских кресел в просторной кофейне,

чопорный кельнер, мужчина и женщина за столиком. Это были мы. Одновременно – там и тут...

Я обернулся к тебе и поцеловал. Ты ответила янтарным взглядом, вполоненным счастьем. Я поцеловал еще и почувствовал привкус кофе...

Пелена спадала...

Кофейня наполнялась людьми...

Белая пенка напоминала изморозь...

Кофе Меланж... Кофе Меланж...

Эскиз

А. Г.

В этот момент трудно было понять, насколько небо, маревом спадавшее на нас, удержится и не развернется, словно океан.

Все колебалось на грани любви и нелюбви окружающего. Мир не перевернулся и не обмяк пустотой существования. Он затрепетал одиноким листком на одиноком дереве.

Не было ярких вспышек в крошечной тьме. Не было катаклизмов и предчувствия беды. Не было ничего, что могло бы взбудоражить однообразие.

Так происходило когда-то. И до этого – когда-то.

Люди уже сжигали друг друга на кострах.

Зачем?

Ответ невозможно отыскать ни в канонических письменах, ни в закодированных намеках древних цивилизаций.

Столб, к которому тебя привязали, является не только твоим столбом, но и извечным проклятием земли.

Что это? Искушение за грехи или очищение перед прозрением?

Камни скатывались, а ты висел на скале, цепляясь из последних сил за жизнь. Она выскальзывала, и пальцы слабели. Разжимались...

Поиск ответов...

А может, лучше, чтобы оставались только вопросы...

И светлое утро разбудило тебя перед неизведанной страстью...

И ты вдруг понял –

ответ есть, и ты его узнаешь. Сегодня или никогда.

Валентина РАЙМЕР

Германия

АННА

Алексей Парамонов, новоиспечённый младший лейтенант, посадил запыхавшуюся от бега девушку в переполненный трамвай. Нечаянно коснулся её упругой девичьей груди: электрическая искра от кончиков пальцев руки прострелила сердце юноши, лицо заалело, по всему телу разлилось горячее мужское желание. Испуганно оглядываясь, боясь, что всем стремящимся проникнуть в вагон будет понятно его *постыдное* чувство, он потерял из виду взволновавшую его пассажирку. Стоя на одной ноге подножки и поглядывая на выходящих из трамвая, чтобы не упустить незнакомку, он проехал свою остановку. Протиснулся наконец вглубь набитого людьми салона. Прошёлся взглядом по черноволосым, белокурым головам всех особей женского пола. Сердце упало. Незнакомка не обнаруживалась. Надо выходить...

Вдруг он увидел легко выпрыгнувшую, как шарик, рыжеволосую толстуху. Она!!! Расталкивая огрызавшихся по случайной совместной поездке соседней, устремился к выходу... Трамвай тронулся с места. Недолго думая, Алексей дёрнул стоп-кран и выскочил на проезжую часть, едва не попав под проходящую «эмку». Не обращая внимания на возмущённые окрики и свисток милиционера, помчался за быстро удаляющейся фигуркой, предметом его неожиданно вспыхнувшей страсти.

Девушка от знакомства не отказалась.

Вскоре была сыграна скромная свадьба, и через год родилась прелестная Эллочка. Алексей купался в лучистых зелёных глазах своей голубушки-жены, бесконечно целовал прелестюшку – дочурку.

Война нарушила райскую идиллию. Алексею даже не удалось проводить семью в эвакуацию. Анна с сёстрами и четырёхлетней дочуркой добралась до далёкого Северного Урала и вскоре получила известие, что её муж, капитан Красной Армии, погиб смертью храбрых, защищая Ленинград.

И потекли чёрные беспросветные дни и ночи: хоть руки на себя накладывай.

Две её сестры, приехавшие с мужьями, работали на закладке площадей для будущего алюминиевого завода. Жили в тесном общежитии: обе семьи в одной восемнадцатиметровой комнате вместе с детьми. Анну, как жену Красного командира, поселили в отдельной

крохотной девятиметровке, холодной от почти не закрывающейся входной двери барака. Зябко и голодно было молодой женщине. От работ её освободили: пусть с ребёнком сидит жена защитника Родины. А после гибели мужа о ней и просто забыли.

Горе и гордость не позволяли прежде «богатенькой» родственнице обращаться за помощью к сёстрам. Смурное время старило Анну и делало её безразличной ко всему, даже к ребёнку. А девчужка быстро освоилась: её звонкий голосок звенел почти одновременно в разных концах длинной кишки барака. Утощения горой сыпались в подол детского платяца.

– Мамочка, съешь пряничек! – обнимая ручонками колени остекленевшей матери, упрашивала малышка, пытаясь вывести опустошённую женщину из оцепенения. И в ответ на ласку ребёнка мать бросалась на подушку с беззвучными рыданиями. А девочка бежала к тёткам с жалобами, что маме не понравилась их угощение.

Родня, постепенно обустроившись и привыкая к новым условиям, поняла, что Анну надо выводить из затянувшегося кризиса.....

Первой о младшей сестре подумала средняя, Клава: у неё тоже росла дочка Зина, на полгода старше Элочки. Девочка выглядела болезненной, слабенькой. Сопливая, гнусавая, с плаксивым личиком, длинными тонкими ногами, она не ласкала взоры окружающих своим внешним видом. Малышка вечно хныкала, злилась и завидовала весёлой бойкой кузине, которую все любили.

– Ма-а-а, а Элка-грелка не дала мне ни одного леденца... Дяденька Павлик отвалил ей полную ладошку. – Мать знала, что это неправда, что добрая племянница не могла не поделиться с сестренкой. Но, жалея свою неказистую дочь, говорила:

– В другой раз дядя даст тебе целую коробочку монпансье. Вот увидишь.

– Тогда я позову Элку и всё съем. А ей не дам ни крошечки.

– Доченька, так нельзя.

– Можно, можно! – топала ногами Зина.

Мать купила круглую коробочку и на глазах у дочери разделила сладости пополам между детьми.

– Мамка, ты дура! – Зина со злостью бросила в мать конфеты и убежала в общий коридор. Спрята-

лась там за необрушенной жильцами кучей хлама. Подобные сцены между детьми сестёр наводили на мысли, что так дальше дело не пойдёт. Надо возвращать к жизни Анну и дать ей понять, что она не должна забывать, что и у неё есть обязанности, хотя бы перед собственным ребёнком.

Стали устраивать общие ужины после работы. Сколотили из досок длиннющий стол и две скамейки. Поставили посреди комнаты, почти вплотную сдвинув все семь кроватей.

В один из воскресных вечеров почти силком затащили Анну к себе. Усадили за стол, по-царски уставленный тарелками: и с дымящейся картошечкой, и селедочкой под уксусом с крупными кольцами лука, и соблазнительным винегретом. Поставили и графинчик водочки.

Как ни отнекивалась Анна, но, пригубив чуточку из поднесённой ей Павлом рюмки, захмелела, порозовела, заблестела своими русалочьими глазами. Тут же вертелась Зина и Элла, а также дети старшей сестры: Николушка и Жёна.

После первой удачной попытки вернуть Анну к реальной действительности родные заметили, что убитая потерей мужа молодая женщина ожила. Потихоньку стали привлекать её к приготовлению несложных кушаний.

Анна и сама начала понимать, что ей нужно принимать участие в бытовых вопросах родни. Готовила ужины для всех работающих, следила за малолетними детьми. Мальчики были дружны и спокойны, всегда находили для себя занятия: что-то вырезали, клеили, рисовали. Гуляли вместе, катали комья снега, чтобы получилась снежная баба, строили крепости, а если соседские ребята разрушали их сооружения, то на следующий день восстанавливали их молча, в драку со сверстниками не лезли. Они были погодками, и все в отца, спокойного рассудительного человека.

Анна тянулась к семье Клавы и, отгаивая душой, показала в исполнении простых поручений сестёр свою изобретательность, особенно в кухарском деле: как-никак ей приходилось принимать гостей своего мужа и в их числе начальствующий состав военных. Она украшала простые кушанья розочками, ромашками из морковки, луковиц, свёклы, солёных огурцов, готовила, как говорят, из «ничего – конфетку».

Пришедшие с тяжёлых земляных работ взрослые не переставали хвалить Анну. И для детей будние вечера превратились в праздники. По воскресеньям устраивали общую стирку в корытах. А в будни Анна гладила высушенное бельё чугунным или паровым утюгом. Такое разделение труда быстро сказалось на самочувствии всей дружной родни. Оставались крохи времени для чтения, а то и для импровизированных концертов. Появилась гитара. Стали поочередно учиться игре. Лучше всех получалось у мужа Клавы. Веселый, заводной, он пробовал под гитару петь частушки. Приобрели и балалайку. Весь барак поддерживал веселье, особенно тогда, когда начались перемены на фронте.

На стройку завода пригнали каких-то странных оборванных мужчин. Их было около тысячи, а-то и

больше. Они строили себе бараки. Жгли костры, чтобы греться. Ночевали в брезентовых палатках.

– Немцы! Немцы! – кричали подростки и бросали в них снежки или комья смёрзшейся глины. Но странно – многие из них хорошо говорили между собой на русском языке.

– Шпионы! – решили сновавшие повсюду местные мальчишки, – ишь научились нашему языку, гады ползучие!

– А доходяги какие! – вторили другие.

– Здорово им поддали наши! Подохнут.

– Пусть дохнут! Воздух будет чище.

– Бей их, ребята! – и всё, что было под рукой, летело в головы бедолаг.

Несчастных оградили ключей проволокой, то ли от нападающих, то ли чтобы не сбежали в леса. Глазастые мальчишки замечали иногда, как падали измождённые «шпионы», и трупы их оттащивали охранники. Жили эти, говорящие на русском языке «немецкие шпионы», где-то невдалеке за лесочком, тоже за колючей проволокой; а в высоких будках, как в тюремных зонах, стояли охранники.

Потом, когда завезли на стройку военнопленных фашистов, население стало понимать, что те, говорящие по-русски, были «ненастоящие», а немцы, давно живущие в России, переносившие также все радости и невзгоды, выпадающие на всю страну. У некоторых жителей появилась даже жалость к безответным на злобу и издевательства со стороны особенно оголтелых ненавистников «заколючников», и более сердобольные горожане даже потихонечку подбрасывали несчастным соотечественникам узелки с пропитанием.

Алюминиевый завод строился скоростными темпами, рос на глазах, и ему требовались подсобные службы, в том числе и работники общепита.

Понемногу оживающая Анна не отказалась от предложенной ей работы на кухне в одной из столовых завода. За работу женщина взялась с рвением. Очень скоро она стала поварихой.

Зимы сменялись вёснами. Осени радовали картошкой. Почему-то она на Урале была особенно вкусной. Из неё Аня могла приготовить больше десятка разнообразных блюд. Боль от потери мужа немного притупилась. На молодую симпатичную женщину заглядывались многочисленные приехавшие на работу специалисты и другие вольные люди. Нельзя сказать, что это ей не льстило. И вообще настроение людей с успехами Красной Армии улучшалось. Дети росли. Мальчишки ходили в школу.

Удручали Анну бесконечные ссоры девочек, двоюродных сестёр. Зина считала себя старшей и важной. Раньше поступила в школу, так как родилась летом и к началу учебных занятий ей уже исполнилось восемь лет, а Элле не приняли – она была «осенняя». И хотя Зина не могла похвастаться успехами и ей грозило остаться в первом же классе на второй год, она всеми возможными способами старалась обидеть любимицу окружающих прелестную Эллочку:

– Ты – малявка и должна мне во всём подчиняться.

– Это почему?

– Ты ещё перечишь мне, переросток детсадовский!

– Я же не виновата, что не подошла по годам.

– Молчи! Сиротинушка бедная!

– Что? Что? Не говори так! – возмутилась Элла

– Безотцовщина!

– Дура! Мой папа погиб, чтобы ты осталась живой! Он герой!

– Герой! Да если бы не мы...

– А что вы?

– С голоду подошли бы. Вот что!

– Да ты!.. – слёзы душили девочку. Она замолчала. Зина, довольная произведённым эффектом, показала сестре язык и повернулась, чтобы уйти, на ходу что-то бормоча.

Этого Элла уже не могла выдержать и набросилась на сестру с кулаками, не находя слов и задыхаясь и от несправедливости навета. И так как она была покрепче сестры, то та быстро оказалась на полу и кричала, прося о помощи. Девочек разняли. Обе плакали. Но справедливости ради, обеих поставили в угол. А потом заставили мириться. И девочки опять играли вместе.

Приближалась весна сорок пятого года. Растаял снег. Горожане трудились, приводя улицы в порядок к любимому Первомайскому празднику. С нетерпением ждали окончания ненавистой войны. Рассчитывали, что Красная Армия преподнесёт народу этот долгожданный подарок.

В День Победы, когда все ликовали и вечером, принарядившись, собрались на заводской площади, Зина толкнула Эллу в кучу неубранного в спешке заводского мусора. И бедная девочка поцарапала личико металлическими стружками до крови, запачкав и порвав к тому же нарядное батистовое платьице. Матери девочек отвлеклись от митинга и стали успокаивать подравшихся сестёр:

– Зина, ты зачем толкнула Эллочку? – спросила мать, я же видела, что ты начала первая.

– Эллочку! Эллочку! А я Зина или ещё Зинка! – размазывая слёзы по щекам, выкрикивала драчунья.

– Зиночка, доченька моя, так нельзя!

– Можно! Можно! Почему у Элки бантик на голове красный, а я в косичках с какими-то заклёпками.

– Ну у Элочки ещё волосы не выросли для косичек.

– Не хочу косичек!

А в это время Анна прикладывала к лицу рыдающей Эллы лист подорожника и отряхивала платьице девочки. Но платьице было испорчено, и женщины решили сбежать домой и переодеть ребёнка.

– Я принесу Элле чистое платьице! Пусть постоит в маечке, – вызвался Павел, муж Клавды. На том и порешили. Не до конфликта было в такой праздничный день.

Празднование продолжалось дальше.

В 1948 году стройки города лишились рабочей силы в лице пленных немцев, и вся злоба местного населения инстинктивно переключилась на их несчастных российских сородичей – немцев России.

Девочки, Элла и Зина, в периоды перемирий между ними участвовали в «нападениях» мальчишек на тех российских немцев, которых называли мобилизованными в трудовую армию:

– Фашисты, проклятые!

– Ваш Гитлер – капут! Вам сделают тоже швах!

– Ну что? Не взяла ваша!

– Конец вам скоро! Уберёте всю грязь с завода и на улицах – каюк вам!

И камни летели в несчастных трудармейцев. Охрана отгоняла ошалевшую ребятню, пытаясь объяснить, что это русские немцы, что их скоро отпустят по домам. Но детям было безразлично: стадное чувство под предводительством озорников объединяло часто и вполне благополучных детей. Да и многие не всегда видели разницу между пленными и трудармейцами.

Своё участие в таких вылазках Элла объясняла для себя мстью за погибшего на фронте отца. Вспышки её гнева поддерживались Зиной, которая подслушивала перешёптывания родителей о том, что у Анны как будто бы не завёлся хахаль, её помощник по кухне, из тех немцев, которые работали уже не всегда, как чернорабочие. И Анна относится к нему как к обычному вольному: переговаривается, советуется, смеётся над его шутками, даже задерживается на работе с ним, якобы обсуждая меню следующего дня. Девочка уже знала в лицо этого невысокого сутулящегося худосочного мужчину, казавшегося ей стариком. Она помнила стройного высокого красавца отца с его лучезарной белозубой улыбкой. И не могла понять мать, когда случайно видела обоих вместе. Подружки, соседские мальчишки постепенно отдаляли её от матери, вечно занятой работой, общественными делами, и ещё непонятно чем. Училась она неохотно, шалила на уроках, за что получала наказания от учителей. Её больше занимали игры в лапту – летом, зимой – лыжи, катание с горок, особенно с той, которая начиналась почти у железнодорожного вокзала и была самой крутой.

В этот вечер Элла с нетерпением ждала маму: её приняли в пионеры. Она не снимала красный галстук и без конца поглядывала в окно. По звуку шагов определила, что тётя Маша – старшая мамина сестра пришла к себе. Побежала за ней по коридору и, не давая женщине снять пальто, спросила:

– А где мама? – тут же с радостью, не дожидаясь ответа, объявила тёте, – а я теперь пионерка! Вот мама обрадуется.

– Мо-ло-дец... – как-то вяло, без особой радости, протянула тётя.

– А мама? Почему её ещё нет?

– Ма-а-ма? – повесив пальто на гвоздик, протянула тётя Маша, – присядем. Они сели на кровать Марии обняла девочку.

– Доченька, маму положили в больницу...

– Маму? А что с ней?

– Ничего страшного... Она скоро выйдет... А пока я буду ночевать у вас. Ты не волнуйся – я буду с тобой... и Клавдия... тоже.

– Я хочу к маме! Пойдём к ней в больницу!

– Уже поздно.

– Ну, тогда завтра!

– Завтра будет завтра. А теперь будем ужинать!

Ни завтра, ни послезавтра в больницу они не пошли. Находились разные причины.

Через несколько дней, придя из школы домой, Элла обнаружила на маминой кровати довольно крупный свёрток. Подойдя ближе, увидела крохотное личико спящего ребёнка. Выбежав из комнаты, натолкнулась на смеющихся тёток с цинковой детской ванночкой и ведрами воды. За ними шла похудевшая и бледная Элина мама.

Автор не спешит в подробностях описывать события последующих пятидесяти лет жизни семьи Анны, не имея пока достаточного материала, надеясь в будущем его всё же получить в более полном объёме.

Опустив полвека жизни своих героев, остановимся на временном отрезке начала двухтысячных годов.

Младшая дочь Анны, Лида, отцом которой являлся российский немец, окончила, не без помощи влиятельной повзрослевшей Эллы, институт. Проигнорировав возможность остаться под крылышком старшей сестры, вернулась в свой город, где и устроилась в строительное управление.

Внешне похожая на мать, Лида не имела того женского шарма и манкости, которыми обладала Анна, не потерявшая этих привлекательных качеств даже в очень зрелом возрасте.

После пережитой в молодые годы гибели красавца мужа – советского офицера, вдова соединила свою жизнь с обиженным судьбой репрессированным рос-

сийским немцем. И как сильная женщина, сама много пережившая, вывела потерявшего смысл существования человека из ступорозного состояния, обделив своим вниманием обеих дочерей.

Бунтовавшая против непопулярного в те годы брака матери с немцем Элла удачно вышла замуж и достигла очень высокого положения в обществе, а подчинившаяся обстоятельствам незамужняя Лида тянула лямку унылой жизни.

Анна в свои престарелые годы уступила уговорам отца Лиды, настаивавшего на переселении семьи в Германию. И перед самым отъездом старики зарегистрировали брак. Лида, прожившая всю жизнь с родителями, согласилась на переезд в страну предков отца. Свой последний выбор Анна сделала, когда её старших сестёр уже не было в живых, и жизненный круг ограничился маленькой семьёй: мужем и младшей дочерью. На столь решительный шаг пожилая женщина решилась вопреки настойчивым уговорам Эллы – остаться. В возможности старшей дочери было множество вариантов устроить своим родителям и младшей сестре распрекрасную жизнь.

Автор не понимает: это подвиг маленького человека, тянувшегося интуитивно к справедливости – дать поруганному человеческому достоинству российского немца глоток возмездия, или просто старческий каприз Анны.

В Германии Лида после окончания языковых курсов и трёхгодичного обучения по уходу за больными устроилась на работу в одном из Домов для престарелых. Отец получил небольшую пенсию, мать – пособие по старости. Элла продолжала надеяться на их возвращение.

Евгений БЕЛОЗЁРОВ

Предлагаю вашему вниманию рассказы, написанные в те годы, когда я был молод, мечтал о театре и жил в несуществующей теперь стране.

Тогда говорили: «Этот парень сам не знает, что написал» и... не печатали.

– И вы думали, что вас напечатают? Ха! – воскликнул не так давно один образованный молодой человек, чьё взросление прошло уже в иных экономических условиях, когда за всё надо стало платить. – С первых же строк всё понятно: «надо, надо, товарищи...», – с издёвкой, впрочем, не злой, продекламировал он.

Я был ошарашен: Откуда он-то знает! Ведь такие перемены произошли в стране! И что, собственно, такого «крамольного» мной было написано, что, вдруг, стало ему «понятно»?

Да, много, что изменилось с того времени, но, видимо, люди, их характеры и поступки остались неизменны и узнаваемы даже, казалось, в совсем «другую» эпоху.

Итак, вперёд, в прошлое!

Я – «За!»

НЕ знаю, как вы, товарищи, а я обеими руками ЗА продовольственную программу. Надо, надо, товарищи, больше выращивать капусты, моркови, картофеля, – в общем, всяких там корнеплодов, чтобы стол наш был более богатым (в витаминном отношении) и красивым.

Кто я? Нет, я не колхозник. Нет, не тракторист и, тем более, не агроном. Я, товарищи, инженер. Проектирую, так сказать, дома. И хоть учился я, так сказать, в строительном институте и никакого отношения до недавнего времени к сельскому хозяйству не имел, могу с уверенностью заявить, что питаю к этой области народного хозяйства в настоящее время большую симпатию и притом имею от нее немалую выгоду.

А как же? Поехал в совхоз на денек в выходной – отгул! Поехал другой – еще один! И сколько их набегает за уборочную страду?! Вот и подумайте.

Да и вообще, работа в совхозе мне нравится. Привезут на «Икарусе» со всеми, так сказать, удобствами. Вот вам поле с капустой, вот вам поле с кабачками, вот вам поле с морковкой, а там и до речки рукой подать.

Вода, солнце, небо голубое, девочки из соседней организации (тоже на работу, так сказать, приехали) – благодать, да и только.

А то еще и автобус по дороге сломается. Так и все. Доберется, кто как сможет, назад, домой и, считай, поработали. Так тоже случалось. Так что «ДАЕШЬ ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ ПРОГРАММУ!»

А уж коли речь зашла о сельском хозяйстве, то позвольте и мне похвастаться.

Имею я за городом шесть соток. Землица ничего, то есть ничего нету – одна глина. Пришлось землю из

леса привозить, с корневищ поваленных деревьев счищать. Хлопотно, ну так знаем, как говорится, за что.

Теперь у меня на участке и помидорчики, и огурчики, и кабачки, и укропчик, и картошечка своя, да... и редис, и клубничка соком наливаются...

Встану, бывало, вечером и люблюсь всем этим. Колосится разноцветьем мой огород. Стебель к стебелечку, ягодка к ягодке.

А как земля пахнет! Ах, как пахнет. Навоз, благо совхоз рядом, сам размешиваю и жижей этой удобряю. Вон бочка – доверху наполнена. Бери да поливай.

И стою я так, бывало, десять минут, двадцать, час и все люблюсь.

Кукушка в лесу кукует. Солнце за березками скрывается, а мне хоть бы хны. Не берет усталость. Что бы еще такое сделать или посадить?

С соседнего участка песня доносится: парень, видно, деревенский, поет о небоскребах, небоскребах и что он такой маленький среди них... Ах, как я его понимаю. Давит на людей цивилизация. Вот куплю магнитофон, обязательно запишу эту песню. Родственников мы с этим пареньком души. Пой парень, пой!

Смородина в этом году уродилась, а вот малинки мало. Надо будет кусты рассадить: тесно им, наверное.

И стою я так до тех пор, пока супруга не позовет меня на чай с вареньем.

– Смотри, у Ивакиных-то смородина какая! Заглядень. И где они такую раздобыли? Надо будет к осени несколько кустиков попросить. И яблоньки у них не чета нашим. Уже яблоки дают... И сливовое дерево тоже...

«Поросят завести, что ли, – думаю я, – с курами-то оно хлопотно. Кроликов тоже выгоды нету...»

– А Мясницкие, смотри, какой домище отгрохали. А? А мы все в шалашике. Пора б и сруб ставить...

«Да, только поросят. Осенью сдавать будем. А то и продавать. А что, встану за прилавок – не украл же?»

Так и ложимся спать. А там домой, в город, на работу.

Всю неделю в голове будет вертеться песенка о небоскребах и о том парнишке, которому трудно жить

в большом городе... А в пятницу назад, так сказать, в именье.

Так что, как видите, дело это всем нужное. И мне, и государству. И никто не страдает.

А поросят я обязательно заведу. Земли бы только побольше...

1984 г.

Театральный рассказ

Петр Абрамович Подсебякин сидел на своем рабочем месте в мягком кресле и, в который раз уже бессмысленно набирал телефонный номер, когда в комнату вошел Миша Взвейветер, в руке которого была зажата газета.

– Петр Абрамович, прославил нас пресса!

Подсебякин положил трубку на рычаги и поднял свои затуманенные бездельем глаза на вошедшего.

– Что ты говоришь, Миша?

– Вот, в «Московской правде» про наш театр пишут.

С этими словами он протянул газету Подсебякину.

– Ну-ка, ну-ка...

Глаза Подсебякина тотчас посветлели, и в них блеснули даже искорки неподдельного интереса. Он широко раскрыл газету, и глаза его стали торопливо бегать по рябящим заголовкам листам.

– Где, Миша, где, – нетерпеливо, скороговоркой спрашивал он.

Миша одним движением руки остановил этот безумный глазной марафон, который, как ему показалось, мог обернуться для Подсебякина нервным припадком, указав интересующую его статью.

Подсебякин буквально впился глазами в черный бисер газетных строк – казалось, он утонул в них. Газета дрожала в его руках, как припадочная, истерично передергивая своими листами и обещая вот-вот разорваться.

Сам Подсебякин издавал время от времени что-то нечленораздельное: то загадочно «ухал», то злорадно «акал», то просто причмокивал губами, то начинал вслух сбивчиво зачитывать отдельные места...

– Ага! – неожиданно вскричал Подсебякин и стал декламировать:

– ...настоящим открытием явилась молодая и очень одаренная актриса... – Подсебякин опять забормотал что-то невнятное... – да, – продолжал он, – ...когда вокруг этой маленькой и хрупкой девушки, – голос его задрожал, – стали расстилать белые простыни...

Слово «простыни» Подсебякин прочитал с особым подъемом и... замолчал.

Потом, будто вспомнив что-то, снисходительно улыбнулся, аккуратно сложил газету и, одобритительно покачивая головой, вернул ее хозяину.

– Что случилось, Петр Абрамович? – поинтересовался Миша, не проронивший ни слова за это время.

Подсебякин, взяв телефонную трубку, поглядел на Мишу с видом человека, который знает чуточку больше, чем тот.

– Да так, ничего, Миша... – и помявшись, добавил: – ведь эти простыни я доставал. Он застенчиво улыбнулся: – Ну да ладно, пустяки.

И начальник отдела снабжения Петр Абрамович Подсебякин стал опять набирать чей-то номер телефона.

Ок. 1985 г.

Однажды в Свирске

Городок Свирск, что расположился на берегу большой судоходной реки, изнывал от летнего зноя. Каменные стены домов, серый асфальт улиц, кузова глухо урчащих автомобилей, газетные киоски, даже деревянные скамейки в городском парке были перенасыщены лучами южного солнца, и испепеляющий жар исходил не только сверху, но и снизу.

Даже море, которое плескалось всего лишь в двух часах дороги отсюда, не могло благотворно повлиять на местный климат. Пекло!

Казалось, что даже зелень вымерла, почувствовав свою ничтожность перед пылающим солнцем.

Но если есть город с домами и улицами, машинами и парками, значит, существуют и горожане.

Они тоже изнывали, правда, в меньшей степени. Одни прятались от жары в усиленно вентилируемых кабинетах учреждений, другие – в просторных цехах

заводов, третьи, и их почему-то большинство, на песчаном берегу реки, четвертые, уединились в затененных плющом, мансардах загородных домиков.

Последние – люди умственного труда, которых в городе Свирске было тоже предостаточно.

А как известно, именно они являются, без ложной скромности, движителями научно-технического прогресса, а значит, и роста благосостояния иногда, кста-ти, и не только своего города.

Естественно, возникает интерес проникнуть в тайники их мысли, узнать, а о чем же думают эти почтенные люди в такую невыносимую жару?..

...Сергей Крючковторов, молодой человек, недавний выпускник одного респектабельного института, сидел на деревянном стуле старой работы перед небольшим столом орехового дерева. На столе лежал лист бумаги, в центре которого крупными буквами было выведено:

ДИССЕРТАЦИЯ.

Чуть ниже, более мелко, но уверенно, было написано следующее:

Тема: «Некоторые проблемы влияния солнечной радиации на беспозвоночных моллюсков, обитающих в акватории Мирового океана».

В комнате было свежо и даже прохладно. Руки молодого человека лежали неподвижно. Голова, видимо, под тяжестью мысли, твердо упиралась в грудь.

Все эти дни его терзала одна единственная мысль: диссертация!!!

Впрочем, не она сама, а два конкурента, бывшие сокурсники по институту, которые тоже писали диссертации и на похожие темы.

Первый – Коля Бабник, раскрывал тему: «Некоторые проблемы влияния беспозвоночных моллюсков на солнечную радиацию в акватории Мирового океана».

Второй – Витя Поддавахин, писал диссертацию: «О некотором влиянии мирового океана на беспозвоночных моллюсков в акватории солнечной радиации».

Все они обладали славными, светлыми головами, и это знал Сергей, но...но у одного и другого был грех: один любил вино, другой – женщин. И это он тоже знал.

Так вот перед Сергеем лежал почти чистый лист бумаги и на повестке дня стоял один единственный вопрос: ликвидация конкурентов.

Велика же была сила мысли этого человека, когда думать приходилось за троих!

Да, Сергей Крючковторов был сильным человеком и очень предприимчивым.

Последнее его качество особо проявилось еще в детстве.

В возрасте пяти лет Сережа стащил у бабушки пятьдесят копеек мелочью. В доме поднялся шум. Так Сережа повернул дело так, будто деньги спёр Васька, соседский кот, который уже сутки отсутствовал по неизвестным причинам: пьянствовал, наверно.

На вопрос бабушки: «Да разве на 50 копеек напиться?» Сережа ответил: «А много ли коту надо?!»

Это был контраргумент!

Через неделю бедного Ваську нашли без признаков жизни на соседней улице и, кстати, прямо напротив магазина «ВИНО-ВОДЫ».

Сережина бабушка перекрестилась: туда ему, алкашу, и дорога.

И дело совсем забылось.

Когда Сереже было 15 лет, то произошла не менее интересная история.

Вместо домашнего сочинения на тему: «Как я провел выходной?», Сережа принес папин отчет о работе возглавляемого им коллектива за год. Сереже поставили «5» и даже посоветовали одноклассникам брать с него пример.

Узнав об этом, папа не стал сердиться на сына, а тот, в свою очередь, порекомендовал отцу писать в следующий раз под копирку.

Но вершины своего умения уходить от неприятностей Сережа достиг много позже.

Возвращаясь однажды, не без помощи товарищей, с крепкой попойки домой, он, перед тем как с грохотом рух-

нуть прямо в коридоре у ног обезумевшей бабушки, нашел в себе силы сообщить: «Я выпил только кружечку пивка». И все поверили в то, что Сереженька, трезв как стекло.

И вот он, Сергей Крючковторов, респектабельный молодой человек с аккуратно подстриженной бородкой, сидел теперь в уютной мансарде и думал, обдумывал и взвешивал...

Раздался телефонный звонок.

– А, Коля! Привет!.. да вот сижу и думаю, а не отправиться ли нам на недельку к нашим старым знакомым?.. Да какая работа в такую жару?! В общем, так. Завтра на машину и вперед... Да, заеду сам, собери вещи... ничего, благодарить после будешь. Пока!

Сережа повесил трубку и потер повлажневшие ладони рук.

Коля Бабник «клонул». Сережа на мгновение почувствовал себя заправским рыбаком, ловящим рыбу на «живца». Да и какую рыбу!

Кто будет «живцом», Сережа еще не знал, да и какое это имело значение. Хоть бы и родная бабушка. А что? В свои 73 года она выглядит молодцом!

Сережа сел за стол и написал следующую фразу:

«Итак, мы продвинулись еще на одну ступень ознакомления с жизнью семейства беспозвоночных...»

Вечерело. За окном в наплывающих сумерках, тускло мерцали далекие огни Свирска. Часы пробили ровно столько, сколько требовалось для прекращения работы. Сергей потянулся, встал – при этом стул облегченно скрипнул – и прошелся по комнате.

Да, времена меняются. В недалеком прошлом все это: и дом с мансардой, и мебель, в том числе и деревянный стул – принадлежали Сережиному дедушке – большой умнице и просто наиприятнейшему человеку из так называемой «старой гвардии».

Все вещи служили по прямому назначению, создавая минимум условий для нормальной работы и отдыха и охраняя хозяина от суеты городской жизни.

Теперь покой домовладельцев, в том числе и Сережин, охранял здоровенный ценной пес чистокровнейшей немецкой породы, выведенной накануне 1941 года...

«Пора», – подумал Сергей и, убрав в стол письменные принадлежности, спустился вниз.

Сегодня у него была назначена встреча с Витей Поддавахиным. Да, да, именно с тем, что пишет диссертацию на похожую тему.

Встреча состоялась в пивном баре «Вечерний перезвон», или, как любовно его называли сами посетители, «Яма».

– Не тем, не тем, Витюха, занимаемся, – вдохновенно говорил Сергей, подливая пиво в кружку Поддавахина, – ты посмотри вокруг! Мы же с тобой будущие ученые. Главная наша задача – это люди! Оградить по мере возможности от невыносимых условий цивилизации. Люди главное, Витек!

Витя молча, глубоко задумавшись, высасывал очередную порцию пива и решительно ставил опорожненную кружку на место, придавив доньшком некстати вылезшего таракана.

(Кстати, хочется заметить, что выпускники торговых и пищевых институтов тоже пишут диссертации.

Боря Мордасов, к примеру, ближайший друг Сергея, защищал недавно диссертацию на тему: «О перспективах ненавязчивой торговли и о дальнейшем прививании согражданам чувства глубокого уважения к работникам СвирскТОРГА». И защитил!»

В общем, заканчивались такие беседы тем, что Витя в расстроенных чувствах доползал до своей одинокой квартиры, хватал тетрадку с начатой диссертацией, судорожно рвал ее, кидал в мусоропровод жалкое напоминание о ней и в слезах валился на кушетку, шепча, как молитву: «Сергея – вот это человек, он за всех нас думает, а мы..., а я...»

И так продолжалось не один день, не одна неделя и даже не один месяц.

Коля разлагался под лучами солнца в обществе девицы сомнительного поведения, Витя оказался на излечении в одной из спецклиник города Свирска, а Сережа в накрахмаленной сорочке, с пеной у рта защищал свои исследования и призывал коллег обратить серьезнейшее внимание к своей работе, иначе, по его мнению, беспозвоночные моллюски передохнут к чертовой матери!

А городок Свирск, что расположился на берегу большой судоходной реки, изнывал тем временем от летнего зноя.

Около 1984 года.

В театре

С какого возраста, спрошу я вас, можно ходить в театр?

Что за вопрос, ответит уважаемый читатель, хоть с ясельного.

Да-да, ни в какой другой стране нет такого числа театров и именно для школьного и дошкольного возраста.

Да, и я так думал, до недавнего времени, а теперь вот засомневался...

Как-то раз, зимним погожим днем, собрались мы с женой в театр. Ну, это же почти событие! Праздник, если хотите!

Оделись, как положено. Я надел свой свадебный костюм и жена надела что-то из «выходного». Побрились, надушились и, счастливые, отправились в Храм Искусства.

Даже сутолока, которая охватила нас в метро, не рассеяла нашего праздничного настроения.

Как только мы попали в фойе театра, так и оцепенели: света – море, белый мрамор блестит – глаза режет, полы гладкие, полированные, люди ходят нарядные и, словно в ожидании чуда, радостные.

Наше оцепенение прервал звонкий колокольчик, возвещавший о начале представления.

Разделись и сразу влились в общий праздничный людской поток. Я достал из кармана, как полагается, программку, которую приобрел при входе в театр, посмотрел на список действующих лиц и исполнителей и, удовлетворенный, спрятал ее на место.

Заняли свои места, а пока в зале было еще светло, я стал рассматривать тех счастливцев, кто, подобно нам, стал участником сегодняшнего сказочного вечера.

Откуда-то сверху донеслось: «Сегодня играет Ляжкин вместо Брыдалова. А это, поверьте мне, не то! Ляжкин на прошлом спектакле вовсе раскололся». «Посмотрим, посмотрим», – не унимался чей-то женский голос.

Я позавидовал незнакомцу. Ведь, судя по разговору, он часто здесь бывал. Ну а отсутствие некоего, никем не расколотого Брыдалова меня ни сколько не огорчило.

Наконец, погас свет, и все стихло. Все взоры были направлены сейчас на единственно освещенное место – сцену...

В антракте, по традиции, что ли, почти все присутствующие направились в буфет. И мы с женой направились туда же.

Я не хотел ни пить, ни есть, а жена попросила стакан «фанты».

Встали в очередь. Подхожу к буфетчице, говорю: «Пожалуйста, стакан «фанты». И протягиваю рубль.

Буфетчица, взяв спокойно деньги, наливает мне фужер шампанского.

Вот тут-то и началось.

– Я, – говорю, – просил стакан «фанты»!

– А у меня сдачи нет, – так же спокойно отвечает буфетчица, а сама на жену косится, пристыдить меня хочет, мол, что это у тебя за кавалер...

А жене, скажу я вам, и самой известно, что до полочки десятка осталась.

Я огляделся и обрадовался. Оказывается, это был не единственный буфет в театре.

Взяв у ухмыляющейся продавщицы деньги, я занял очередь в другом месте. Впрочем, там сдачи тоже не оказалось, но на сей раз мне дали «фанту» и кулек шоколадных конфет. От конфет я, конечно, отказался, и пришлось занимать очередь в следующем буфете, где «фанты» совсем не оказалось. Когда я подошел к четвертой буфетчице и услышал все то же: «Сдачи нет», – я, как можно спокойнее, попросил жалобную книгу.

Что же тут произошло! Первая буфетчица закричала на весь зал: «Молодой человек, идите сюда, я вас обслужу!», вторая, в свою очередь, запричитала: «Что же вы ко мне не подошли, а сразу за книгу хватаетесь...» И пошло, и поехало. А кто-то сзади, из публики, упрекнул: «Нехорошо, молодой человек, она же вам в матери годится!»

Чем закончился спектакль, я, конечно же, не помню.

Возвращались из театра молча. Мне было стыдно перед женой, чувствовал себя побитым мальчишкой.

С тех пор и возник у меня вопрос: так с какого же возраста можно посещать театр?

А твой ответ, читатель, меня не убедил.

1984 г.

Марина БОЖЕНКО

Симфония* крыш

Мои мысли как вода, а вода течет с крыши...

Пилот

1

Залитые солнцем крыши. Ветерок. Жизнь бьет ключом.

Симфония крыш. Только-только весна. Капель.

– Откуда ты взялся?

Он засмеялся.

– Я здесь *всегда*.

– Почему же я тебя здесь раньше не видела? Мы тут уже больше полугода.

– Ты грустила.

– Да, мне было грустно. Я болела. И я никогда не выходила на эту крышу.

– Я всё время видел тебя. Я тебя ждал.

– Ты где-то рядом живешь?

– Я живу *здесь*.

– Здорово. Всегда мечтала так. Забирайся поближе. Отсюда лучше видно пряничный дом.

Мальчишка одним движением оказался рядом, на будке.

Так они весь вечер сидели и смотрели. То на ближайшие крыши. То на кота в окне последнего этажа голубого дома. То на пеструю крышу лавки Сэливана. То на облака. Когда смотришь на небо, время останавливается и можно жить вечно. Самая лучшая в мире вечная жизнь – глядеть на облака.

– Ну, пока!

– Пока! Завтра я тоже приду. Принести лимонад?

– Лимонад? А что это?

– Ты даешь, сколько тебе лет?

– Двенадцать, – он без тени улыбки смотрел на нее.

– Живешь на свете уже целую вечность, а никогда не пробовал лимонада. – Она смеялась, глядя ему прямо в глаза. – Значит, завтра ты точно придешь.

– Да. – Мальчик улыбнулся.

– Ладно, уже совсем стемнело, я побегу.

– До завтра.

Я аккуратно и очень медленно спускалась по хлипким ступеням с чердака, а сердце бешено колотилось, в ушах звучали аккорды незнакомой фортепианной мелодии.

*Симфония – это от греческого слова, означающего *созвучие*.

2

Я выбралась на крышу. Раннее-раннее утро. Его еще не было.

Никогда еще со мной не случались *настоящие* чудеса, а вчера... Утром, не успев открыть глаза, я уже помнила. Крыши, мальчишка, лимонад! А потом еще мелодия. Такая красивая, и... В ней было смутное потаенное чувство чего-то родного. Когда долго болеешь, а потом пробуждаешься, приходишь в сознание и вспоминаешь всё про себя. И самое *главное*. Что я есть! Я сладко потянулась. Постель такая уютная. Пусть комната маловата, зато отсюда обалденный вид. Если бы не эта новая комната под самой крышей, в мансарде, мне бы и в голову не пришло выбраться наверх.

В большом доме, где мы раньше жили вместе с отцом, у меня была просторная детская с волшебными желто-оранжевыми обоями, которые я разрисовала сама. Цветы, замысловатые узоры и животные. Особенно потрясающе получилась белая лошадь. Обожаю лошадей. Мама немного помогла мне с пропорциями, а вот выражение безмятежной задумчивости на мудрой морде (так выразился один папин знакомый) – это уже моих кистей и красок дело. Я жила на втором этаже. Ни у кого из моих друзей не было такой большой (и такой красивой!) комнаты, поэтому, если требовалось устроить собрание штаба или отметить праздник, всегда это делалось у меня. Так здорово: приходили друзья, мы были вместе, я всегда придумывала веселые игры. Поздно вечером, когда за Сэм и Лайтом приезжали родители (остальные ребята к тому моменту уже сами расходились по домам), они не хотели уходить, и иногда мама уговаривала их маму и папу оставить ребят на ночь. Тогда мы все брали спальные и ночевали на полу в моей комнате. Как настоящие туристы. Всё было таким праздничным и наполненным.

Я никак не могла понять, когда другие успевают скучать. У меня, если честно, на это не было времени. Мы играли, играли. Гуляли и постоянно делали что-то новое. Сэм ходила на танцы и в бассейн, а по вечерам они с отцом играли в мяч. Или ходили в гости.

Мы с папой читали друг другу сказки и истории, которые придумывали друг для друга. Прятались в

библиотеке и занавешивали шторами окна так, чтобы даже в самый разгар солнечного дня укутаться сумерками. Таинственный и прекрасный мир. Мама деликатно отправлялась на прогулку за новыми впечатлениями. Она тоже любила истории. Но чувствовала, что иногда мы с папой хотим побыть только вдвоем. С тех пор, как, катаясь с отцом на лодке, я чудом не утонула во время поднявшегося шторма, между мной и отцом появилась какая-то особая ниточка. Живая, она пульсировала во мне, позволяя без слов знать мысли и чувства отца, те, которые раньше были мне не видны. Мама это знала и немножко ревновала, что такого не произошло между мной и ей. Мы с ней друг друга очень любим, но я почему-то не ощущаю себя и ее как одного человека. А с папой такое с тех пор всегда. Поэтому и сейчас я знаю, что он жив...

Лайт учился играть на скрипке. Несмотря на то, что он вроде бы поздно начал заниматься, играл он действительно здорово. Мне всегда нравилось его слушать. Я сама играла на фортепиано. На слух я уже могла подбирать мелодии и стала потихоньку сочинять. Я люблю музыку. Народные песенки. От них такое чувство, что душа поет. Класс! Если честно, мне очень повезло. Потому что в школе, где я училась, мы все были друзья. Мальчишки и девчонки разных возрастов могли учиться в одном классе. Если я, например, обгоняла программу своего класса по математике, то меня переводили на класс или два старше, и я училась со старшими ребятами. Музыкой, изобразительными искусствами и литературой часто занимались все вместе. Весной и летом уроки проходили на улице, в школьном парке, который был больше похож на лес, чем на парк. В школе было всего около двух сотен человек. Остальные школы в нашем районе были переполнены. Сэм, которая раньше училась в обычной школе, рассказывала, что у них в классе было двадцать семь человек. А здесь со мной училось еще 10 мальчишек и девчонок. Правда, по литературе я уже давно занималась со старшими учениками. До этого мама и папа учили меня дома.

Крыши. Я смотрела вниз на пробуждающийся город. Странное здесь место. Чересчур шумно, суетливо. Мне сразу не очень понравилось. И вообще было очень-очень серо. Иногда бывали светлые деньки, когда выдавалась свободная минутка и можно было сочинять или мечтать в свое удовольствие. Но чаще всего не было ни времени, ни настроения. Пианино здесь тоже не было. Всего две комнаты и крошечная кухня. Некуда поставить. Гулять тоже было не с кем. Не знаю, как так получилось, что я не нашла тут друзей. Похоже, дело было не только во мне. Просто в нашей прежней школе все были доброжелательные, мы все были как одна большая семья. А здесь... Я и не знала раньше, что люди бывают... равнодушными и чужими!

Самое ужасное, что это чувство, когда просыпаясь в уютной постели от радости, предвкушая новые встречи, новые события, оно как-то незаметно сменилось серой, надтреснутой, как старая разошша-

яся балка, тоской. Тяжелой, как сто лет немытая чугунная сковородка. Ну а еще в школе я совершенно не могла сосредоточиться. Все постоянно галдели, учитель кричал, одергивал, делал замечания, и во всем этом гаме я терялась. Было ужасно неловко.

Я вспоминала об этом и чувствовала себя потерянной. Я посмотрела вниз. Отсюда был совсем другой вид на город. Мне кажется, сидя здесь на крыше, я могу даже немножечко его любить. Папа всегда говорил, что важно не то, что ты получаешь от мира каждый свой день, а то, как ты сама наполняешь его. Почему-то это стало очень сложно делать.

Тут появился он. Сначала во мне шевельнулась такая радость: папа пришел! Потом я пригляделась внимательнее – зрение стало портиться с тех пор, как мы переехали – и поняла, это не папа, а тот мальчик. Голова на мгновение закружилась. Я приветливо помахала ему, потом наклонилась, развязывая сумку, и, стараясь не смотреть на мальчишку, стала доставать гостинцы.

3

Лимонад был по-весеннему прохладен и всем своим вкусом выражал: я маленький лучик лета в этом царстве мокрой весны.

Сосульки, сорванные с козырька будки, с тихим шипением таяли в стаканах. Можно было облизывать их и запивать холодным обещанием лета из высоких прозрачных стаканов. Мальчик и девочка сидели на расстеленном пушистом пледе и звенели сосульками в бокалах.

Она спросила:

– Ты не делаешь уроки?

– Конечно, делаю, просто я учусь в *другой* Школе.

– Расскажи мне про нее. Наверное, это самая лучшая школа в мире!..

В тот день он так ничего и не рассказал. Внизу шумела дорога. Люди. Машины. Открывались и закрывались двери магазинчиков, парикмахерских, кафе. Юная продавщица в фирменном чепце открывает цветочный магазин, вывешивая табличку «Добро пожаловать». Прокатил свою тележку со свежими булочками соседский мальчишка.

Они иногда говорили друг с другом совсем мало. Ощущения переполняли так, что язык не поворачивался портить эту красоту неловким словом. Иногда кто-то из них брал другого за локоть и указывал на небо, кусочек улицы внизу, на странную переливчатую птицу, которая пристроилась около рюкзака и с удовольствием склевывала крошки, оставшиеся от пирога, который принес мальчик. Как красиво...

– Инга, Инга! – Ребята махали мне издали руками и улыбались.

Я почувствовала себя неудобно. Они так выговаривали мое имя, как будто совсем не понимали, что оно значит, и как не ко мне обращались. Трудно было откликаться на чужое имя и оставаться собой. Похоже, что всё здесь только и делает, что мешая мне оставаться собой. В таком подавленном настроении я припле-

лась в школу. Помахала им в ответ и поспешила внутрь. Ребята продолжали звать меня и улыбаться. Как будто я не знаю, что за спиной они называют меня странной!

Сегодня у нас праздничный концерт по поводу женского дня. Я приготовила для учительницы пирог с яблоками, корицей и изюмом.

Захожу в класс. Половины народу нет на местах. Нина, самая высокая девушка из нашего класса, сидит в наушниках за партой и фальшиво подпевает. Ник и невысокий парень, имя которого я не запомнила, стоят около окна и что-то обсуждают. На меня никто не обращает внимания. Подхожу к столу, аккуратно достаю из бумажного пакета большой хрустящий пирог, выкладываю на поднос, принесенный с собой, и ставлю на стол.

«Бум!» – в последний момент рука соскальзывает, я еле успеваю подхватить падающий поднос с пирогом. Пирог с грохотом приземляется. Все головы поворачиваются в мою сторону. Все глаза устремлены на меня. Все смотрят так странно, и мне не по себе. Я глупо улыбаюсь и начинаю говорить какую-то ерунду извиняющимся тоном, как будто я виновата и теперь должна оправдаться. Зачем я это делаю, непонятно. Потом сбиваюсь, путаю слова и молча смотрю на них.

Неожиданно раздаются звуки аплодисментов.

– Bravo! – в дверях появляется Киото-сан.

Он из театральной студии. На самом деле его зовут не Киото, но все привыкли его так называть, и я не знаю его настоящего имени. Приехал из Японии восемь лет назад, но всё равно говорит с сильным акцентом. Получается «Бураво». Я смущаюсь еще больше, но на душе становится приятно, всё напряжение утра и прошлых дней уходит. И я весело смеюсь и хлопаю в ладоши вместе с остальными – ребята тоже подхватывают аплодисменты и радостно переглядываются между собой. Они думают, что всё это было так и задумано и что учителя в курсе. Что это какой-то специальный сюрприз. Или розыгрыш от театральной студии.

Мама говорит, что это обычная школа и обычные дети, что они ничем не хуже остальных. Она выросла в этом городе. Ей здесь не так плохо, как мне. Но вот без папы... Так что маме тоже тяжело.

4

– Знаешь. Я всё жду, когда ты меня спросишь. Мое имя.

Мальчик приложил палец к губам. Девочка смотрела на него и ждала, что он сделает дальше.

– Пойдем!

Он повел ее к самому краю.

– Закрой глаза. А теперь смотри.

Неясно было, то ли уже можно было открывать, то ли надо смотреть с закрытыми, но она сразу увидела, и даже не успела сообразить, как.

Вот оно что... Сверкающее золото неба. Сверкающий ветер. Всё залито светом. И солнце, такое огромное. Немного можно было с первого раза вынести в мир слов. И дальше еще что-то было.

– Теперь ты понимаешь, почему я тебя не спрашиваю, как тебя зовут...

Девочка молча кивнула. Ей тоже не требовалось имя ее *друга*.

Мальчик положил руку ей на плечо. Так они сидели, молчаливые в полноте чувств. Большие души маленьких людей сидели рядом, слившись друг с другом в радостном объятии.

Он проводил меня до самой двери. Мы стояли и молча смотрели друг на друга. Я слышала тихую мелодию в этом молчании и еще, как трепетало сердце. Следующее мгновение я запомнила отчетливо. Он провел рукой по моим волосам, потом легонько приотнулся к щеке. Я начала тонуть в золотом сиянии.

5

Я расскажу вам о солнце.

Стоит только на мгновение прикрыть глаза, как видишь *это*. Становишься *этим*. С открытыми глазами тоже можно было видеть. Идешь по улице и видишь, тогда лавка булочника, цветочный магазин и сапожные ряды преобразуются. Лица прохожих и людей за стеклянными витринами добреют. Улыбки и повсюду... Всё залито светом, через который проступают очертания других городов, городов-парков, раскинувшихся среди высоченных гор, рядом с быстрыми реками, глубокими озерами. Там очень солнечно. И солнце, оно не просто свет и тепло, оно живое!

Так вот он какой, его мир. Не было ни малейшего сомнения, что это именно тот мир, откуда родом мой... друг. Я уже начинала кое-что понимать...

– Первый раз ты сказал, что живешь здесь. Теперь я начинаю догадываться, что ты имел в виду не совсем крышу. Хотя, возможно, что на крыше – это тоже здесь. Так?

– Так.

– Я вижу город, весь из света. Настоящий. Я не знаю, как это объяснить, но всё говорит мне, что это твой дом. Там очень красиво.

– Да, – улыбается. – Здесь – это значит, что я живу там, где я есть сейчас. Здесь – в это мгновение. Здесь – это всегда.

Эта улыбка. Я опять тону в золотом сиянии. Говорю я ровным спокойным голосом, но у меня весьма ощутимо кружится голова. Приятно кружится, как будто по голове долго-долго гладили, а теперь тепло и я вот-вот сомлею.

– Так как же ты оказался здесь?

– Я фантазия. Точнее...

– Но, ведь ты реально существуешь. Ты живой!

– Конечно. Ты тоже. Просто ты сюда родилась, а я не совсем родился. Там, где мой дом, я не имею плотного тела. Но при желании я могу создать себе тело и испытывать такие ощущения, как будто оно у меня есть. Я сотворяю себе тело, чтобы иметь возможность попутешествовать по тем мирам, где оно может пригодиться, чтобы жить в этих мирах по-настоящему, как их обитатели. Вот я и обрел плоть, чтобы посмотреть, как тут у вас. Подышать здешним воздухом, послушать ветер, погулять по улицам, держась за руки. Тут столь-

ко всего интересного, чего нет в других мирах! Мне рассказывали, что у вас живет много людей, способных мечтать, фантазировать и творить силой мечты.

– Мечта. Фантазия. Моя фантазия нашла воплощение. Я сам фантазия. И я настоящий. Все люди фантазии, и все миры, и твой мир – фантазия. Тот, кто вложил себя в эту фантазию, поистине Величайший Фантазер. Неиссякаемый. То, что ты сейчас ощущаешь – тепло, радость, свет, – это Он, тот, кто сотворил нашу великую Фантазию. И Он же, это тот, кто воплощает твои мечты. Когда твое воображение сливается с Его воображением, это великое творение, которое способно преобразить мир и тебя. Может происходить все что угодно. Любые чудеса. Человек, чья фантазия не слита с Его фантазией, почти ничего не может сделать. Не может ничего изменить в своей жизни. Тот, кто не чувствует, не видит этот свет, это солнце, он не может творить.

У меня возникло такое ощущение, что он старше меня как минимум на сотню лет. Какие уж тут двенадцать. Но я его понимаю, вот что удивительно! Понимала и верила каждому слову. Потому что всегда знала, что так оно и есть.

И мальчик рассказывал ей о том месте, откуда он приходит. Оно и не здесь, но в то же время любой человек, живущий здесь, на Земле, может попасть в тот мир. Или может жить одновременно и в этом, и в другом, почти невидимом обычному глазу, мире. Миров очень много. Все они реально существуют, хотя и отличаются от того места, в котором большую часть времени живут люди Земли. И связаны они друг с другом через их Создателя, великого мечтателя и фантазера. И тот, кто видит в своем мире за каждым существующим объектом Его, то может видеть и другие фантазии, созданные им. Другие миры.

– А школа?

– Школа жизни. Школа творчества. Мы все ее ученики.

– Знаешь, никогда не думала о жизни в таком смысле. Но ведь это же здорово! И так просто. И... интересно! Ведь я уже училась в такой же школе, только маленькой. А твоя школа, получается – это вся Вселенная?

– Моя и твоя.

Мы гуляли по улицам. А потом случилось что-то. Воздух вдруг замер, время остановилось, только сердце билось громко-громко, а по всему телу прокатилась судорога, когда я спросила:

– А зачем же ты сюда пришел, если у вас там так хорошо?

– Я влюбился.

Я ведь не хотела ничего говорить: мне так нравилось молчать и видеть вместе всякие вещи, это даже лучше, чем в детстве с Сэм и Лайтом, которые не настолько понимали меня, как он. Я всегда старалась спрятать свою хмурость от него. В общем, я так боялась, что всё это уйдет и я останусь один на один с не-

прошенной серой тьмой, поселившейся в моем мире, что я старалась как можно меньше делать такие вещи, которые могли бы испортить мгновение. Даже после сегодняшних его слов про фантазию я все еще не могла до конца поверить, что не потеряю это чудо. А зря. Мы с мамой как-то увидели чудесную радугу. Я побежала за фотиком, а она осталась меня ждать. По дороге я растянулась и больно ушибла колено. Когда добежала обратно, радуги уже не было. Я еще долго ходила расстроенная, вспоминая о той радуге. А потом увидела, что на свете есть много интересных вещей, которые могут быть только прямо *сейчас*. И они меня ждут. Нет времени на сожаления о прошедшем и о том, что волшебство, которое сейчас, потом уйдет и не вернется. Нет времени на сожаления!

– Я влюбился, – задумчиво повторил мой спутник. В уголках рта блеснула знакомая, чуть рассеянная улыбка. Взгляд согревал.

Я не убежала, хотя мои ноги сами уже направились к выходу на чердак.

Мы долго молчали, пока до меня доходило.

– А я вижу твой мир, потому что тоже влюбился?..

А потом поняла, что сказала какую-то глупость. И засмеялась. Я так много не знала, смутно чувствовала, просто видела. У меня почти не было никаких четких объяснений. Ну вот, положим, я легко могу объяснить с точки зрения моей учительницы те или иные вещи. Они как бы общеизвестны, и многие взрослые думают так. А так, как я, как он... мало кто видит и почти никто не думает.

6

– У тебя парень есть?

Не знаю, как так получилось. Обычно я старалась перевести тему с щекотливых вопросов, но тут я вдруг смело посмотрела на Нину и ответила:

– Конечно!

– Ну и где он учится, твой бойфренд?

– Да он уже работает, – встрял Ник, – я сам видел, как ее парень таскал какие-то тюки.

Конечно, ничего такого он не видел.

Мы стояли около школы, уроки уже закончились, ученики спешили кто куда – одни расходились по домам, другие шли в кафе, а третьи направлялись к корпусам для внеклассных занятий.

Вопреки моим ожиданиям, Нина не поддержала задиру Ника, а отшла:

– А сам-то ты что там делал? Школу опять прогуливал? Такого идиота, как ты, на работу не в жизнь не возьмут.

– Он учится в *школе*, – ответила я как можно выразительнее, не обращая внимания на Ника. Мне вдруг стало жалко этого паренька. Он из кожи вон лез, чтобы привлечь внимание. Заслужить одобрение обычными методами у него не получалось, вот он хулиганил, ругался.

Эта сценка напомнила мне историю про Мальша и Карлсона. Я подумала, что вот-вот случится то же,

что и с Малышом – его историю обозвали выдумкой, никто ему не поверил. Я подумала эту мысль, а потом вышла из нее и вошла в большое пространство. И огромное солнце сияло и всё-всё было наполнено светом. Я чувствовала себя просто огромной. Огромное существо, которому под силу всё что угодно. Любые изменения. Сейчас я со стороны наблюдала, как Нина объясняла внезапно присмирившему Нику:

– Ну что ты до человека докопался. Если ты из себя ничего не представляешь, то...

– Да она как инопланетянка какая-то. И не зубрила, и не из наших. Ни то, ни се, – выпалил Ник.

– Считай, что она просто хиппи. Или дочка какого-нибудь чудотворца. Вот и всё. Всё в порядке, одаренные люди всегда с причудами. Это и здорово. Классно быть странным человеком, не таким, как все.

– Все не такие, как все. – Это уже сказала я. Сама себя не узнавала. Голос громкий и глубокий. Нина аж вздрогнула.

– Да? А ведь правда.

Ник съезжился и выглядел как побитая собака.

– Прости, Ник. – Нина протянула ему руку. – Мир?

– Мир, – нехотя ответил Ник. А потом протянул руку и мне. – Это мне надо просить прощения. Я зря на тебя взелся. Если честно, ты мне сразу показалась какой-то необычной. И мне стало завидно. Сколько бы я ни выкаблучивался и ни бузил, я всегда оставался послушным занудой. А ты. Не такая. Ты настоящая! Хотел бы я когда-нибудь стать таким же. Чтобы все косились и говорили: «Ник, он странный какой-то». Ладно, забудь. Если это... ты только свисти! Друзья?

Я уже пришла в себя и тихо прошептала, все еще держа его большую лапу в своей руке:

– Друзья...

Потом поспешила попрощаться с Ниной и побежала домой. Стараясь смотреть себе под ноги, чтобы никто не видел, что я плачу. От счастья.

7

«Ох, а если мне все это приснилось? Задремала над учебником, сейчас проснусь, а за окном темнеет сумерками поздняя осень. Нет вестей с небес, и душа моя птицей сжалась на карнизе, нахохлилась, прячась от холода».

Они снова были на крыше. Мальчик ерошил ей волосы и молча улыбался. Потом девочка заснула, и дыхание ее пахло молоком. И немного цветами.

– Давай порисуем? – предложил он.

– А как, у нас же с собой ни красок, ни мелков? Да и не на чем здесь.

– А давай разрисуем дома.

– Дома? Мы будем раскрашивать их своим воображением?

– Да. – Обрадовался мой друг. – Ты уже пробовала. Только сначала нужно *увидеть*, что ты будешь рисовать. Картину. *Эталон*. Не рисуй то, что уже знаешь, рисуй то, что никогда еще не видела сама. Просто увидеть, а дальше все получится само.

Это было самое лучшее, что я когда-либо рисовала в своей жизни!

В тот день я также узнала, что можно закрыть глаза и слушать внутри музыку. Не просто слушать, а как бы творить. Творить силой мечты. Я совсем осмелела. Сегодня возможно все что угодно. Потому что он рядом. Потому что фантазия. Потому что Мечта!

– Хочу тоже сделать для тебя подарок.

– Это самый лучший подарок!

– Откуда ты знаешь? А ладно! Руку давай!

Они выбрались на крышу. Солнце клонилось к западу, заливая панораму вокруг золотом сиреневых, розовых, голубовато-серых и оранжевых красок. Она никогда еще не пробовала летать наяву.

8

Музыка всё лилась и лилась. Я остановилась, прислушиваясь. Кто-то играл «Зеленые рукава» на флейте. Да так красиво, что дух захватывало. Слезы выступили на глазах. Я стала всматриваться в здание школы, по звуку определяя, откуда доносится мелодия. Из всех окон открыто было только одно. Несмотря на очень теплую погоду. Оттуда лилась мелодия, увлекая, пробуждая мечту души. На втором этаже. Там младшие классы. Я еще послушала, а потом спохватилась и побежала внутрь. Чтобы найти того, кто там играл.

Маленькая девочка. Я вломилась в дверь классной комнаты, как слон в посудную лавку. Чуть не затоптала прекрасную мелодию, ох, балда. Но девочка, похоже, этого не заметила. Она вся расплылась в счастливой улыбке.

– Тоже любишь музыку, да?

Я все еще никак не могла отдышаться, поэтому только кивнула.

Она протянула мне флейту:

– Попробуй.

И я попробовала. Пальцы сами легли на нужные отверстия. Потом я осторожно извлекла одну ноту. Мне понравилось. Анна показала мне, какие дырочки и в какой последовательности зажимать, и я заиграла. А потом играла она.

И я вижу:

Слепой мальчик и музыкант.

Слепой мальчик сочиняет стихи, Скрипач помогает своему другу записывать его стихи, а когда тот ничего не сочиняет, играет ему на скрипке. Мальчик, слушая музыку друга, видит сначала просто свет. Потом начинает различать пятна. Его глаза! Какие необычные, новые ощущения, щекоцут, покалывают. Он может что-то видеть! Мальчик-музыкант каждый вечер приходит к нему и играет для него на скрипке. Музыка рождает что-то такое во всем теле, что слепой мальчик начинает видеть свет, затем расплывчатые пятна. Потом видит силуэты, затем всё яснее и яснее видит мир, цвета. Когда он смог видеть буквы своих стихов, он смеялся от счастья. А его друг написал об этом новую мелодию.

Кажется, я только что стала соучастником настоящего чуда! В который раз уже...

9

Мой друг не приходил уже очень давно. Но я не могу грустить. Иначе я перестану видеть свет, солнце и его мир. Совсем. Грусть как пелена, она всегда скрывает самое светлое. И кажется, что все потерял. До тех пор, пока просто не выбираешь радоваться. Это знание далось мне не сразу.

Сию, прислонившись к жесткой ворсистой спинке стула с закрытыми глазами. Закрываю глаза и всегда вижу крыши. Океан раскинулся вдали. Приморский город. Чаячи крики и много, невероятно много солнца. Все залито светом, небо спустилось к самой земле, оно начинается у самой ее поверхности, и в свете солнца уже неясно, где море, где небо, где земля. Я люблю с закрытыми глазами. Стоит открыть их, как постепенно прояснится маленькая комната, узор на обоях, окно, запахи с кухни, крики и шум с проезжей части. И на какую-то долю секунды, пока знакомый вид моей комнаты будет возвращаться на свое привычное место, я смогу видеть крыши и море с открытыми глазами. Я не знаю, происходит ли это в реальности или в моем воображении, но мне кажется, что реальность и воображение сливаются во что-то третье, и так я могу изменять действительность. Взаправду. Я делаю это так часто, как могу. Это волшебство захватило меня целиком. Он почти ничего мне об этом не рассказывал, только подталкивал аккуратно и бережно и давал попробовать самой. Мне сначала казалось, что все дело в моем необыкновенном спутнике, а сама я ничего такого ни в жизнь не смогу. И вот у меня получается. Я могу делать это сама. Вернее сказать, не сама. Делаю, но не я. Трудно объяснить, но это действительно так, иначе и не скажешь.

Так я путешествую. Способность получать удивительные впечатления зависит от восприимчивости. Можно объездить многие страны, но так ничего толком и не разглядеть, не увидеть, не почувствовать, не заметить. А можно просто выйти из дома на знакомую улицу в ближайший магазин и видеть, переживать каждый миг чудо. Насыщаться красотой явленного мира. И красотой, которая за ним.

Я сижу с закрытыми глазами и ясно-ясно вижу себя в своем цветастом вязаном свитере на крыше высокого здания – башни с часами. Отсюда отлично виден весь городок, и с каждым разом у меня все лучше и лучше получается разглядеть детали. Я не придумываю их, я их вижу. Они есть на самом деле, а мое воображение только помогает мне сделать так, чтобы видеть их. Все по-настоящему. Ветер свежий и чересчур холодный для такого солнечного дня. Я чувствую его касание через свитер, руки покрываются мурашками. Порыв ветра налетает на меня и стремительно бросается в лицо. У меня перехватывает дыхание. Я открываю глаза. И продолжаю получать яростные атаки ветра, сидя на самой высокой крыше приморского города. На мне свитер. Я моргаю, потом подпрыгиваю проверить, не сплю ли я, и не взлетаю. Но это еще ничего не значит. Иногда во сне не получается взлететь,

а наяву, наоборот, удается легко и неожиданно. Так что. Я просто встаю и молча смотрю на раскинувшуюся панораму. Никогда еще не чувствовала себя такой наполненной. Все имело смысл, и моя жизнь была переполнена смыслом.

Потом я очнулась у себя в комнате. На кровати. Я лежала на ней и, оказывается, разглядывала потолок. Мне было немного зябко, а на мне был мой разноцветный вязаный свитер. Ветер игриво стучал в стекло. Я накинула ветровку, взяла рюкзак и отправилась прогуляться по городу.

Вечерело. Я сидела, забравшись с ногами на кровать, и думала.

«А зачем же ты сюда пришел, если у вас там так хорошо? – Я влюбился». «А твоя школа, получается – это вся Вселенная? – Моя и твоя». Что всё это значит? Для чего он приходил? Почему его больше нет? Не может быть, чтобы он просто так исчез, ни сказав ни прощанье ни слова. Он не такой. Не мог он и попасть в беду. Просто не могло с ним такого случиться. Такое чувство, что все хотят, чтобы я что-то увидела.

Неожиданно рождается простая мысль. Как же я раньше до этого не додумалась!

А что, если попробовать? Это шанс! Я могу увидеть папу. Увидеть то место, где он есть, и оказаться там. У меня может получиться! Почему нет? Ведь получилось же оказаться на крыше в городе у моря. А потом, а потом я найду его. Моего... друга. Больше, чем просто друга... Как он говорил? «И тот, кто видит в своем мире за каждым существующим объектом Его, то может видеть и другие фантазии, созданные им. Другие миры». Я отправлюсь туда сама и найду его.

10

Ливень. Горячие струи. Раскаты грома плавили летний зной. Яркие вспышки. Они сидели совсем в другом городе и в открытое окно любовались красотой мира.

Запахи двух миров, смешиваясь, напоминали им о Доме. Ласкающее сердце чувство первой любви, которое было в каждом отзвуке грома, в струях, орошающих стекло. Как красиво... Далекая нежная мелодия была слышна, когда дождь и гром ненадолго умолкали.

Залитые солнцем крыши. Ветерок. Жизнь бьет ключом. Симфония крыш. Только-только весна. Капель.

Почти лето. Пыльные жаркие крыши, обдуваемые теплым ветром. Запахи асфальта и свежей травы.

Ночные крыши. Пахнет сырой листвой, дымом, пряной травой. Изредка доносится запах ванили и корицы. Острый. Иногда от запаха на мгновение голова описывает спираль, а сердце сжимается от пронзительной судороги.

Крыши, из распахнутого окна льется фортепианная музыка. Ветерок. Жизнь бьет ключом. Симфония крыш.

Такой любимый и особый мир

Наджарова Татьяна Владимировна, член Союза писателей России с 2002 года. Автор трёх поэтических сборников: «Знак судьбы», «Вечный полёт», «Заколдованный круг» – и музыкального альбома «Звонящая даль» (совместно с композитором Сергеем Светловым) с переводом на французский язык избранных стихов современных поэтов России. Её поэзия отражает романтическую одухотворённость, способность к философскому осмыслению жизни. В стихах воплощены её переживания, как личности, имеющей на многие явления жизни свой взгляд, что придаёт стихам особую художественную выразительность.

Наделённая уникальной слуховой памятью, Татьяна уже в раннем возрасте знала наизусть почти всего «Евгения Онегина». Тогда же начала и сама рифмовать. В пять лет спросила, почему её назвали Татьяной. Отец ответил: «Поэта русского любя, чтоб тоже Пушкина ценила, назвал Татьяною тебя». Много позже в шутку добавил:

*Итак, зовёшься ты Татьяной,
С армяно-русскою душой,
С азербайджанскою приправой,
С français, – как пушкинской порой.*

В детские годы Тая много печаталась. Газета «Пионерская правда» наградила её путёвкой в пионерский лагерь «Артек», где она была отмечена наградами за активное участие в работе лагерной прессы.

В настоящее время она систематически публикуется в разных периодических изданиях. В альманахе «Московский Парнас» выступает как литературный критик. Её критические статьи порой удивляют смелостью и новизной суждений.

С некоторых пор Татьяна серьёзно занялась переводом стихов. Как поэт-переводчик является победителем двух конкурсов, проходивших во Франции. Удостоена Дипломом в гор. Тулуза за перевод стихотворения «Колыбельная» Владимира Завикторина. В гор. Монтферье победили её три перевода стихов –

Максима Замшева, Дмитрия Дарина и Владислава Фатьянова. Переводила с французского на русский язык стихи французской поэтессы Флорианы Клери, а также пьесу Анес Марин «...Тебе через 100 лет». («...A toi dans cent ans») Переводила с русского на французский язык наших современных поэтов: Владимира Бояринова, Виталия Владимировича, Нину Дубовицкую, Дмитрия Дарина, Максима Замшева, Владимира Завикторина, Владимира Наджарова, Владимира Силкина, Валерия Вараву, Владислава Фатьянова, Нину Шевцову.

Трудовая деятельность Татьяны на протяжении времени разнообразна. После окончания ТСХА работала соответственно по специальности, к концу обучения в МОПИ (факультет романо-германских языков) работала учителем французского языка в Одинцовской средней школе, затем редактором в журнале «Химия в сельском хозяйстве». Во время перестройки жизнь заставила Татьяну подписать контракт на военную службу в МЧС, где она пребывала до февраля 2008 года. Где бы Татьяна ни работала, чем бы ни увлекалась, ПО-

ЭЗИЯ занимала и занимает в её душе значительное пространство. Сама она называет поэзию барометром души, могучим веслом.

*Поэзия – могучее весло!
Куда б волна меня ни заносила,
С тобою мчусь я всем ветрам назло
И черпаю магические силы.*

Сказать бойко, но я бы сравнила поэзию Татьяны с лёгкими, но сильными крыльями, выносящими её из трудных жизненных ситуаций.

Благодаря любви к труду и склонности к романтике, Татьяну можно назвать добросовестным романтиком.

*Романтики ждала её душа,
В реальности – работа и заботы.
Поэма «Просчёт»*

Читаешь «Вечный полёт» и замечаешь: Татьяна не столько пишет о себе, сколько о близких или удививших её чем-то людях: «Вы до последнего мгновения», «Талант писать», «Маме», «Мои друзья», «В рекламный век», «Тебе ещё так много надо» и др.

Поэтесса разделяет со своими современниками их тревоги, страсти, слабости. Её внимание к людям отчасти связано с романтической мечтой о совершенстве человечества.

*Поэт XXI века,
Какая судьба тебя ждёт?
Ты вновь вознесёшь человека,
Иль что-то прервёт твой полёт?!
«Поэту XXI века»*

Стихи, посвящённые детям, особенно теплы, отражают тонкость и грусть души молодой поэтессы, голубки и не просты, как кажутся на первый взгляд.

*Тебе ещё так много надо
Прочсть, прочувствовать, понять
И, может быть, как с веток сада,
Плоды поэзии срывать.*

*Вкушать живительные соки,
Внимать чудесным голосам,
Читая пушкинские строки,
Что возвышают к небесам.*

*Дышать волшебными стихами,
Постичь Цветаеву живой...
Лишь не уплыл бы под ногами
В какой-то миг вдруг шар земной...
«Марии Яхненко»*

Романтическое стремление к совершенству особенно ярко звучит в стихах поэтессы, когда она пишет о природе:

*Меня чарует красота сосны –
Она стройна, горда и величава,
А ветви дивной свежести полны,
И у природы нет над ней управы.*

*Ведь осенью, в лихие времена,
Когда щедро природа, словно в сказке,
Не соблазнится золотом сосна,
Верна своей естественной окраске.*

*Зато зимой, не потеряв наряд,
Чуть приподняв раскидистую крону,
Она свершит торжественный обряд –
Достоин примет белую корону!*

«Сосна»

Поэзия Татьяны Наджаровой складывается из музыки классического русского стихосложения, впитанной ещё с детства, врождённой романтичности, а

также из склонности к созерцательному философскому размышлению, возникающему от душевного переживания.

Философия её стихов ненавязчива, не прямого высказывания и требует порой размышления. Стихи психологичны, отражают многие сферы жизни. Иногда поэтесса прибегает к своеобразному символизму. Стихотворение «Пельмени» – развёрнутый символ крепкой, большой дружной семьи. Все всегда рядом, все всегда в месте.

Романтическая сущность Татьяны каждый раз проявляется своеобразно. Книга «Заколдованный круг» отличается от двух предыдущих поэтических книг лирическими переживаниями, связанными с её женской судьбой.

В стихах личного характера остаётся недосказанность, некая недоступная для читателей тайна.

*Несчастливая любовь – всегда засада.
Нас держит в заколдованном кругу.
«Заколдованный круг»*

Или:

*И как же мне быть недовольной судьбою,
Жалеть о погасшем огне,
Когда я живу не с тобой, а тобою
И всем, что хранится во мне?!*

Размышляя о поэзии Татьяны, вспоминаешь, что сказал великий Гоголь в своей статье под названием: «В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность»: «Даже в ту пору, когда метался творец в чаду страстей, поэзия была для него святыня, точно какой-то храм. Не входил он туда неопытный и неприбранный; ничего не вносил он туда необдуманного, опрометчивого из собственной жизни своей; не вошла туда нагишом растрёпанная действительность. А между тем всё там до единого есть история его самого».

Завершая отзыв о поэзии Татьяны, уверена – у неё ещё много будет интересных стихов, рождённых её романтической душой, склонной к философскому раздумью.

*Белый снег идёт без шума,
Незатейливый такой,
Чтоб никто не мог подумать:
Ишь, гордится чистотой.*

*Вся природа в белом платье –
Наградил так щедро снег.
А не хочет ли сказать нам:
Будь таким же, человек!*

«Белый снег»

Нина ДУБОВИЦКАЯ

Обрыв связи

**Юрий Нечипоренко. Начальник связи. М.,
Издательство «Арт Хаус медиа»,
2010 – 136 с., ил. (Для взрослых и детей).**

Обрыв связи у нас произошёл как-то незаметно. Наше поколение ещё писало сочинение о дедах. Нашим детям задают уже другие темы. Перед сном мы не разговариваем с детьми «о жизни» и не читаем книги, а смотрим телевизор (обобщаю, конечно). И сегодняшние школьники среднего возраста не знают не только, что такое коммунизм, кто такие пионеры, но и историю своей семьи рассказать не могут. По традиции, дети плохо понимают родителей. Потому что не знают их. Про конфликт отцов и детей много написано, меньше рецептов, как этот конфликт преодолеть, как эту связь наладить.

«Бывает так: отец во мне пробуждается. Сижусь я на кухне, глотаю картошку — вдруг движение локтя или плеча такое — когда за солью потянулся... — ба! — ба! — да это же мой папа! И не то чтобы я видел, будто он именно так это делает — нет, он прямо внутри ощущается, оживает. Интересно так — будто он в меня просыпается — понимаете, когда один человек спит, а просыпается — в другого? Так и он во мне шелохнётся иногда — и «я» моё получается какое-то новое, как будто вырастает — и мальчик в этом «я», который отца видел, и «дядька», и сам отец — он из нас самый главный...»

Передо мной стопка новых книг о современных детях и их родителях — переводные «Самокатовские», всё наше, что успела выпустить «Заветная мечта», ОГИ, обласканный критиками «Похороните меня за плинтусом», но я нигде не нашла и абзаца, который бы так пронзительно, психологически точно восстановил эту связь, который бы побудил посмотреть внутрь себя так глубоко, чтобы обнаружить там предков.

Почему мы такие — какие есть? Откуда мы такие взяли? Каждый, конечно, сам на этот вопрос отвечает, но Нечипоренко даёт читателю матрицу. Схему, пунктир, которые помогут каждому лично восстановить разорванную связь. Вот папа рассказывает истории, вернее, дети пристают с просьбой рассказать, хотя слышали это уже сто раз. Но им хочется слушать ещё и ещё — очень интересно! Читатель надеется, что тоже услышит эти привлекательные истории. Но нет, они не для нас, не наша эта связь с отцом. В нашей

семье есть свои истории, а если нет, то просто мы ещё не достаточно расспросили родителей.

Между сыном и отцом всё очень даже непросто. Не раз мальчик обижается на несправедливость отца. «Я бы на его месте...» — говорит автор, как много раз и мы, будучи детьми, говорили при ссорах с родителями, как наши дети сейчас говорят, и предлагает свою версию.

«Отец мой попал в плохую компанию и катился вниз. Я уже ничего не мог для него сделать. Папа, куда ты катишься? Ведь совсем недавно ты был свой — а теперь ты совсем чужой...»

— Да, я не буду, не буду, — я говорю наконец желаю тобой, вырванную силой ложь...»

Тебе нужна эта жалкая показуха — ты добьёшься того, что я уйду в подполье и буду делать опыты не в благоустроенном гараже, а в тёмном грязном подвале. Ты подвергаешь мою жизнь риску — и всё ради них...»

Папа, папа... Ведь всё равно они не будут любить тебя — а теперь и я не буду любить — а только жалеть, следить за тобой и сокрушаться...»

И опять мне придётся тебя простить. В кого же ты у меня такой — наивный, непутёвый? Ведь объединись мы тогда, в самом начале — и мы победили бы их! О, как они этого боялись, как завидовали нам с тобой: вот идут отец с сыном — весёлые, смеются и свистят... И сын чуть выше сапога — да отец его не даст в обиду. И сам не обидит. А всё остальное — ерунда.»

Это пронзительный разрыв по живому; концы связи ещё тянутся с двух сторон друг к другу, извиваются, стараясь опять срастись, током из них бьёт. Со стороны взрослого обрыв ровный, как лезвием: есть принятые нормы, соблюдай, нельзя допустить, чтобы соседи плохое про нас говорили. Со стороны ребёнка обрыв рваный, нити тонкие, почти невидимые — свистулька, купание общее — зато очень прочное у них энергетическое продолжение, не обрубить одним махом. Прощение, любовь, понимание, что в тебе твои предки, а ты — в детях своих — те энергии, что восстанавливают связь.

«А для сына своего — я начальник связи, и передаётся в него всё — слово, и жест, и поступок — усиливаются под напряжением — и дальше пошло...»

Книга состоит из трех частей: повесть в рассказах «Мой отец — начальник связи», рассказы о детстве и воспоминания Дмитрия Нечипуренко, отца писателя Нечипоренко.

«Мой отец – начальник связи» написан давно – двадцать лет назад появилась публикация в «Пионере». А книгу всё не выпускали. Напечатали про детей, у которых мать отравилась средством для чистки труб, а единственный родственник – гей. Вышла книга, как ребенка мучают ночные страхи из-за проблем его родителей – папа никак не может реализоваться в этой жизни. Есть и о том, что должен сделать мальчик, чтобы помочь своей маме выйти замуж. Много неплохих книжек вышло. А этой не было. Пока не взялся за дело издательский дом «Арт Хаус медиа» (www.ahm.ru). Тут же словно от спячки проснулись и конкурсы – трижды отмечены за последние два года рассказы Нечипоренко – на «Заветной мечте», на конкурсах им. С. Михалкова и им. А.Н. Толстого. Но, к сожалению, лауреатство не гарантирует появление книги, поэтому смелому издательству – спасибо огромное. Заметим, что иллюстрации в книге, которые сделал Голя Монголин, очень точно передают её настроение; они лаконичны, и европейский авангард (на котором сосредоточился, например, «Самокат») сочетается с традиционной для рисунка в отечественной детской книге душевностью.

Даже показалось, что Монголин – это «нецветной» ученик Мавриной. Важно в этом издании то, что, если повесть читатели могли увидеть в «Пионере» или на сайте журнала «Электронные пампасы» (www.epramp.narod.ru), то рассказы о детстве писателя были разбросаны по публикациям в разных журналах и альманахах, а вместе хранились лишь у автора в портфеле. Среди них «Смеяться и свистеть», откуда я и вытаскала процитированный в самом начале отрывок, и «Три ведра» – очень трогательный рассказ, посвященный матери. Два этих рассказа надо включить в обязательное чтение для подростков: один – на День отца, другой – на День матери.

«...и пусть вишни не принесли тогда выгоды – деньги, вложенные в этот проект, обратились в чувства. Нас с мамой связало дело, в котором соприкоснулись на миг миры родителей и детей. Но понимать это я стал только сейчас, повзрослев. Когда я вспоминаю эту историю, меня охватывает желание оказаться в детстве, найти там маму – и сказать ей то, чего никогда не говорил, что не было принято говорить у нас в семье, но что подразумевалось – как воздух вокруг нас:

Спасибо, мама. Я тебя люблю».

Рассказ «Три ведра» я сначала услышала в исполнении автора. А потом только прочитала. Это были два разных рассказа. В первом интонация автора передавала чувства самого героя. Читая с листа, пространство души наполняешь своими собственными чувствами к маме.

Читая рассказы Юрия Нечипоренко, не хочется говорить о рассказах Юрия Нечипоренко. Хочется говорить о жизни.

Третья часть книги – рассказы отца писателя – воспоминания человека, которому есть на что огля-

нуться. Возможно, и подростки прочитают эти незамысловатые, искренние рассказы. Но я, в первую очередь, подумала о моём дедушке: ему, тоже прошедшему войну, будет, бесспорно, интересно сравнить свои впечатления о первых днях войны, о порядке в армии, о репрессиях, с тем, что оказалось важным в жизни Дмитрия Нечипуренко.

Эпизоды воспоминаний пригодятся педагогам-историкам и литераторам, библиотекарям и просто неравнодушным родителям для серьезных разговоров с подростками. Они нехрестоматийны, что, кстати, прослеживается в современной литературе. Вспомните «Борискину войну» Чернова или «Когда я был маленьким, была война» Олифера. Вот первые дни войны: немцев никто ещё и в глаза не видел, зато советские люди в критический момент у героя перед глазами: майор, оставивший людей без оружия; кричащая женщина, которой никто не может помочь; брошенные инвалиды; согласие советского водителя посадить раненого на машину... только за деньги. Автор даёт оценки этим действиям, коротко и чётко пишет про водителя, затребовавшего с него денег – «гад», брошенные раненые бросают вслед их бывшим товарищам – «предатели». Читатель видит, как трудно быть смелым, ещё сложнее быть добрым, особенно когда автор пытается и сам оправдаться в эпизоде с женщиной, звавшей на помощь к раненому в живот мужу: «Как же ей поможешь?» Тут надо отметить смелость отца, честно вспомнившего и описавшего даже те сюжеты, которые не вызывают у читателя симпатии к автору. Что было, то было. Читатель может и на себя примерить: а ты бы как поступил, что сделал?

Один из лучших рассказов этой части о том, как Дмитрий шёл к брату. Это было в военное время настолько непросто – добраться до брата, что из обычного солдата брат сразу стал ЧЕЛОВЕКОМ, К КОТОРОМУ БРАТ ПРИШЕЛ. Мы же, получив в руки книгу Юрия Нечипоренко, стали читателями, к которым пришёл в гости хороший писатель. Двадцать лет шёл.

Ольга КОЛПАКОВА

“ХИТРЫЙ АРШАК”

Альберта Оганяна

Многие годы – более сорока лет! – моя творческая и просто человеческая судьба связана с двумя выходцами из Закавказья: прозаиком Ваном Гагуа и поэтом и эссеистом Альбертом Оганяном. Объединяет их, пожалуй, лишь то, что оба еще в юные годы связали свою биографию с Россией, с Москвой. В остальном же они люди абсолютно разные. Ваню в шестнадцать лет оставил отчий дом в селе Бабушара недалеко от Сухуми, посвятив свою жизнь изучению русской глубинки и овладению живым языком России, чтобы писать рассказы и повести на чистом, природном русском языке. Мы вместе с ним закончили творческий семинар прозы Евгении Леваковской в Литературном институте имени М. Горького. За прошедшие годы он успешно реализовал себя как русскоязычный писатель, выпустив десятка полтора книг, героями которых неизменно был грузин, более или менее успешно врастающий в русскую среду.

Альберт Оганян, выросший на узких улочках Авлабара, старого тбилисского квартала, населенного грузинами, армянами, азербайджанцами и курдами, также в юности покинул родные места ради обретения знаний в Московском университете и навсегда связал свою жизнь с этим городом. Москва стала ему второй родиной, а для его детей – единственным на земле местом, которое они называют родным. В творчестве же своем Альберт (армянин по рождению и по языку, на котором не только говорит, пишет, мыслит и, наверное, даже видит сны) принадлежит двум культурам – армянской и русской.

Согласитесь, находясь в самом, как теперь модно говорить, эпицентре русской культуры и творческой мысли, будучи погруженным в литературные процессы России, совсем не просто творить, пусть и отгородившись малым пространством кабинета, на армянском языке. И, тем не менее, все эти годы Альберт Оганян почти ежедневно, по вечерам, а часто и по ночам, погружается в глубины древней армянской письменности, создавая свой собственный, лишь ему подвластный мир. Мир армянской поэзии, которой он верен повседневно. Мир необъятной души маленького человека, авлабарского армянина, грузина,

азербайджанца, объединяющих в своей душе весь конгломерат обычаев и быта трех народов, не мыслящих своего существования друг без друга. Здесь, на страницах его рассказов, живут, трудятся, дружат и прекрасно понимают друга поистине «дети разных народов» – продавец газетного киоска Лилипут Вардан, инженер-строитель Омар Сомхишвили по прозвищу Тарзан-Великан, сапожники Гурам и Симон. Их жизненное пространство заключено между армянским национальным театром, мостом Николоза Бараташвили и храмом Сиони, турецкими серными банями и григорианской церковью Сурб-Саркис, остатками Метехской крепости и новым кафедральным грузинским собором Самеба, что значит Святая Троица.

В этих пределах неслышной поступью незримо проходят тысячелетия. И герои рассказов Оганяна в полной мере осознают свою причастность к великому прошлому. Потому каждый свой шаг и поступок соизмеряют с веками. В их беседы об эпохальном иногда вкрапляются и более незначительные темы, бытового характера. Ведь жизнь есть жизнь, а хлеб насущный порой значит не меньше, чем высокая пища духовная! Как и животрепещущая тема прекрасных женщин, культ которых находится на недостижимой высоте у кавказского мужчины, будь ты инженер, продавец газет, писатель или сапожник. Особого накала жаркое общение друзей достигает в те дни, когда из Москвы приезжает на побывку в родные пенаты столичная штучка, уважаемый Аршак. Достигнув солидного положения в столице России, профессор Аршак Аршак-Кович остался все тем же сыном интернационального Авлабара, что еще больше возвышает его в глазах друзей. Его жадно расспрашивают, «как оно там, в Москве», консультируются по вопросам международной политики, знакомят с самыми яркими событиями, героями которых стали знаменитые авлабарцы, просят рассудить в непростых ситуациях.

Справедливо ли, что по лотерейному билету «Волгу» выиграл Карлик Вардан, которого из-за руля не увидишь, а Великан Тарзан, весом в полтора центнера, должен ходить пешком? Есть ли в мире хоть один еще классик литературы, кроме Саят-Нова, который

писал на трех языках и считался бы классиком всех трех литератур? Если кто-то назовет такое имя, Омар Тарзан готов дать обед на десять персон в честь этого знатока в самом лучшем ресторане Тбилиси! («Думы и жалобы Тарзана Великана»). Аршак Аршакович, которого старые друзья за глаза называют Хитрым Аршаком, так как он способен «видеть на три метра вглубь земли», то есть обладает способностью разрешить любую проблему и разгадать любую житейскую головоломку, с тонким, чисто армянским юмором отвечает на вопросы, попутно как бы походя передавая им свою недюжинную мудрость и обширные познания.

Иногда, благодаря своей необычайной отзывчивости, Аршак и сам попадает в сложные положения. Желая спасти известного на Авлабаре непьянеющего тамаду, когда все-таки опьяневший Иван Гапанян перепутал в своем поминальном тосте усопшую восьмидесятилетнюю девственницу Лизу Саноян с недавним представившимся другом детства Григором, сказав,

что часто они вместе засыпали в одной постели, Аршак сполна получил от оскорбленных Саноянов и за опьяневшего тамаду, и за вызывающий красный галстук, неуместный на похоронной тризне («Роковая ошибка тамады»).

Но хитрый Аршак не унывает. В жизни ведь всякое бывает. Тем более что в итоге пристыженный Иван Гапанян напрочь отказался от «застольной» профессии. Ведь и тамада имеет право уйти на пенсию!

Тонкий юмор, витиеватое кавказское красноречие, свойственное героям рассказов Альберта Оганяна (цикл «Похождения хитрого Аршака»), давно и хорошо известно армянскому читателю и в Тбилиси и, разумеется, в городах и селениях Армении. Сегодня такая возможность появилась и у русского читателя, благодаря публикациям в газете «Московский литератор» и в номерах журнала «Российский колокол». Остается пожелать и автору, и читателю скорейшего знакомства с новыми героями Оганяна в его очередной книге прозы.

Валентин ДОЛЬНИКОВ

Вдруг нагрянет слово...

О творчестве Анатолия Аврутина

У Константина Случевского есть стихотворение о божьей птичке:

*Присев на острый штык, омоченный в крови,
Поэт, счастливая, о мире и любви.*

Почему счастливая? Радует, что верный выбор сделала. Проблема выбора, о чем петь, издревле заботит и служителей слова. В русской литературе с давних времен кроме ярко выраженных «державников» – Державина, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Маяковского, Евтушенко – существует блистательная плеяда поэтов несколько другой направленности – Случевский, Анненский, почти весь Серебряный век, Бродский, Кушнер, Аврутин... Нет, они ни в коем разе не второстепенны, просто у них другая задача.

Случевский с Анненским для своего направления сделали главное, определив его назначение на много лет вперед. Последователям остались полутона, оттенки, блики, нюансы или, как выразился бы живописец, рефлексы, требующие более изощренного зрения и слуха.

Роднит их с державниками ожидание слова. Внезапного, как удар тока или молнии. Зачастую вся жизнь протекает в ожидании этого потрясения. И вдруг, под занавес, когда силы на исходе и глохнет разочарование... Вот оно, настоящее! Ради чего стоило родиться, годами выдерживать глумление недобросовестной критики – этих внухов в гареме Литературы, присвоивших себе право судить о творческой потенции избранных.

За тишайшее слово, которое способны услышать единицы, порой приходится расплачиваться жизнью. Один из тончайших поэтов Серебряного века Иннокентий Анненский умер на Царскосельском вокзале, возвращаясь домой. Иосиф Бродский перенес несколько операций на сердце. Пастернак, Цветаева, Ахматова, Мандельштам – судьбы одна трагичнее другой. Примеры можно множить и множить.

Но грянуло слово, а творец случайно остался жив. И задумывается он: «А перед кем его изречь?» Достойна ли публика, получившая его даром, ничем не рискуя, услышать такое?

У Анатолия Аврутина есть свой благодарный и благородный читатель, о котором и сам автор не подзревает. Пускай не Блок, не Тютчев, не Фет, с которым поэт запросто мог бы общаться на равных, не разойдись они во времени. Но постоянный в своей любви к его творчеству.

Мне часто звонят незнакомые люди, спрашивают об Аврутине. Почему мне? Я опубликовал несколько статей о его творчестве, и читатели, заметив их, полагают, что мы близкие друзья. Интересуются, что нового создал поэт, с которым мы, на самом деле, и виделись-то всего несколько раз. Да вот, отвечаю, в Питере вышла его новая книга «Август в декабре».

Сегодня поэт приближается к тому возрасту, когда хочется каждую книгу превратить в «Избранное». Подвести какой-то предварительный итог сделанному.

В сборнике три раздела: новые стихи, произведения, известные по прежним изданиям, и переводы. Собственно, по такому принципу Аврутин в последние годы выстраивает все свои книги.

Естественно, я набросился на новые стихи. Затем перечитал знакомые, чтобы удостовериться, что они не вылинялы, не стали привычными. Второе-третье прочтение – самая страшная проверка для стихов...

Говорить о поэте – это не только рассуждать о его метафорах, интонации, рифмах. Аврутин из тех воителей, которые словом и делом добиваются того, чтобы русский язык не хирел в Беларуси. О «братстве народов» речей мы наслушались, но сегодня в русскоговорящей и русскодумающей Беларуси русскому автору публиковаться негде, кроме как в аврутинской безгнорарной «Немиге...». Можно и ноги протянуть...

Слава Богу, в последнее время сам Аврутин издается все чаще. Подарочным изданием в серии «Золотое перо» вышла его книга избранных стихотворений «Наедине с молчанием». Классика нашего времени. Подборки его стихов регулярно появляются в «Литературной газете», авторитетнейших российских журналах, которые мы по привычке называем центральными. Частый гость он и на «брегах Невы». За молчать поэта не удалось, хотя охотников было много. Сейчас они не то чтобы смирились с присутствием в стране подлинного Мастера русского слова, просто чуток притихли.

А посему воспользуемся тишиной, поговорим о новой книге поэта.

По традиции мы пренебрежительны к современникам, читаем медленно, въедливо, смакуя и выплевывая каждую строчку.

В новой книге не много так называемых социальных значимых стихов. Содержание ее проецируется не на злобу дня, а на вечность:

*Ничтожный сын ничтожнейшего мира,
Как ты велик в ничтожности своей!
Разрушил царство... Сотворил кумира,
На переправе поменял коней.*

О ком это? Об императоре Гонории, сдавшем Рим варварам? А может быть, о Горбачеве? Разве это не созвучно нашему времени? Но для Аврутина:

«Безмерен миг, столетия мгновены...».

Многозначность аврутинского слова. Он вообще не стремится быть разгаданным с налёту. Он предлагает:

*Ты попробуй услышать всего на мгновенье,
Как сгорает простор в одичавшей ночи.
И, быть может, увидишь невидящим зреньем
Отлетевшую душу умершей свечи.*

Для одних темно, для других красиво, и лишь для немногих – свое, пережитое:

Где иная печаль, где иная душа...

Ему знакомо состояние:

*Когда подпрыгнуть норовишь,
А все упавшего обходят.*

И все-таки еще можно по-доброму усмехнуться над старостью:

*Старик должен жить со старухой,
(Иначе всем сказкам конец), –
Сварливою и тугоухой,
Твердящей, что он – не жилец.*

Мягкое, улыбочное стихотворение. И дальше:

*Старик должен шаркать по скверу,
С газетой на лавке сидеть,
А если и выпить, то в меру,
Чтоб в рюмочке было на треть.*

Все больше горечи в стихах от житейского опыта, от которого не отмахнуться:

*Всё ведомо. Всё пройдено. Давно
Не веришь ни посулам, ни щедротам.
Душа темна... И в комнате темно.
И темнота за ближним поворотом.*

Порой поэту хочется на равных перемолвиться с самим Богом о делах небесных, что так похожи на земные. Во сне, разумеется, чтобы не шокировать православную публику:

*Я Богу отпущу грехи,
А он затеплит мне лампаду.*

Конечно же, Господь сетует на старость, на то, что с архангелами нету сладу. Ну, совсем, как на земле:

*И тот – шельмец, и этот – вор.
Лжецов в священники набрали.
И в пост – казенный пьют кагор
Да девок мнут на сеновале.*

Впечатляет и концовка:

*И он уйдет, седой старик...
Я ж побреду тропой неторной.
Но рукавом свой скорбный лик
Сотру с иконы чудотворной.*

Подобное «кощунство» позволено только настоящему поэту. Архангелы его на том свете встретят: «Ругал? Отвечай!». Без Бога с Аврутиным не разобратся... Многое он постиг. И то, «что страна и судьба умещаются в это окно», и то, что в поэзии бессмысленно кого-то перекрикивать:

Зачем кричать? О тихом говорю.

И о том же в другом стихотворении:

*Там каждая последняя минута
Лишь для того, чтоб тихо говорить.*

В диком столетье, гремящем петардами и бомбами, приходится отстаивать право на тишину, чтобы быть услышанным. И как много надо успеть, ведь поэт отвечает за все времена:

*Спаси Есенина от петли
И Гумилева – от ЧК.*

Сумей и ничтожным мигом распорядиться. Он даётся для прозрения. Например, для такого:

*Не прекословь! Бреди, пока бредешь.
Мирское исполняй предназначенье.
И не гадай – откуда эта дрожь
И стальных глаз высокое свечение.*

Или выхватит глаз первую попавшуюся строфу:

*Пойду, спотыкаясь, по свету,
Скулой обдирая столбы...
И больше мне имени нету,
И больше мне нету судьбы.*

А ведь так плохой поэт даже случайно не скажет!

Ранние и поздние стихи легко различимы. В ранних больше конкретики, привязанности к месту действия. Давно ставшая хрестоматийной «Грушевка», «Автодорожка. Детство», «Нерон»... Они более плотны, что ли, на них потрачено больше энергии. Поздние стихи более одухотворены, сотканы из более тонкого материала – не из гроз, а из грез.

Над такими стихами боязно дышать – настолько бесплотна ткань, которую отыскал в природе этот изумительный поэт.

Сколько ни говори об Аврутине, все равно хочется вернуться к стихам, о которых прежде говорил, да недосказал чего-то важного. Вспоминаются, манят к себе давно прочитанные строки:

Свет вечерний, тихий свет вечерний...

Это не слова – молитва, вздох изболевшейся души. Осторожней, читатель, готов ли ты такое воспринять? А замечаешь ли, насколько безукоризненна строфа:

*Веранда. Полдень. Дождь отвесный.
На всём – напрасности печать.
И мне совсем не интересно
От женщин письма получать.*

Мы так привыкли к неряшливым, приблизительным рифмам, что это, обычное для Аврутина четверостишие, кажется недостижимым совершенством.

Мне нравится перечитывать и другие стихи поэта, чаще других – «Мне всё слышнее веток перестук». Сколько здесь подробностей, которые хочется сохранить! Смешной и юркий паровозик, обруч, который гонит приятель, патефон... Навсегда исчезнувшая жизнь. По этим приметам можно определить: «Наш он... Здешний... Местный...». Тутушный он, говоря по-белорусски – «тутэйшы». И никуда этого замечательного русского поэта ни из русской, ни из белорусской литературы не денешь.

Сколько пережито, высказано. Взять стихотворение «Есть два понятия – Родина и смерть». Как оно заканчивается?

*Когда Отчизне смертников не хватит,
Тогда Отчизна хватится тебя...*

Эти строки могут повторить миллионы.

Порой поэт возвышается до стихов, которые хочется назвать великими. С журавлиной тоской выкричано во всю ширь души: «Мы пришли и уйдем...». Таких стихов даже у самого Аврутина не много. Разве что «Как призрачно всё! Как мгновенно!...». Жесточайшая правда о том, «какую конечную цену Отчизна назначит тебе?».

Как принято по нынешним временам считать, два-три отличных стихотворения на сборник – достаточно! Аврутин живет в других измерениях, где с ним соседствуют Овидий, Гораций, Катулл, Шекспир, Пушкин, Аполлинер, поэты Серебряного века... Хочешь-не хочешь, а приходится держать уровень. Поэтому и ждет он Слово, которое можно было бы изречь перед Тютчевым, Блоком, Фетом...

Ах, все он понимает, этот Аврутин, потому и филин у него ухаает повинно: «Все на свете деется не так...». На Руси, разумеется:

*Где всегда не торена дорога,
Где всегда избенка без дверей,
Где над крышей хмурого острога
Небо – не бывает голубей.*

Почему поэта, которому всегда есть что сказать, тянет к переводам? Безусловно, желание померяться силой с великанами. Я выделил бы из этого ряда «Пьяный корабль» Артюра Рембо и стихотворение Тенниси Уильямса «Голова ее на подушке».

Перевод стихотворения Рембо представляет колоссальную трудность. Несмотря на это, к нему обращались не раз, и, думаю, терпели поражение, хотя качество переводов внешне вполне достойное. Тут нет противоречия. Великолепными переводчиками создан русский Рембо, но это вовсе не означает, что мы имеем полное представление об оригинале. Не зная французского, не могу судить, насколько точен и эмоциональнейший перевод Аврутина. Скажу только, что предпоследняя строфа в переводе Антокольского, на мой взгляд, выглядит предпочтительнее...

«Август в декабре»... Чувствую, что мне, как и многим читателям, еще не раз перелистывать эту книгу. Я – не Время, только оно вправе отсеять не жизнестойкое, брэнное. Но уже сегодня можно утверждать: «Август в декабре» – чрезвычайная редкость.

Юрий ФАТНОВ

Наконец его оставили в покое...

В США на 92-м году жизни умер культовый американский писатель Джером Дэвид Сэлинджер

«Да, стоит только умереть, они тебя сразу же найдётся умный человек и вышвырнет мое тело в реку, что ли. Куда угодно – только не на это треклятое кладбище. Еще будут приходить по воскресеньям, класть тебе цветы на живот. Вот тоже чужья собачья! На кой черт мертвецу цветы? Кому они нужны?...» (Джером Сэлинджер «Над пропастью во ржи»)

Конечно, упрячут! И никто тело в реку не вышвырнет! И по воскресеньям будут приходить, будут! И обязательно класть цветы на живот! И это правильно. Как бы Сэлинджер этого не хотел. Теперь он себе точно не принадлежит. Хотя при жизни это ему удалось настолько, насколько это вообще возможно при жизни.

А прожил он долгую жизнь (если вообще жизнь можно назвать долгой). И эту жизнь он разделил на две половины. Провел четкую грань между ними.

Первая половина жизни была довольно типична для его поколения. Растерянного, потерянного, не верующего ни в бога, ни в черта. С богом и чертом в душе.

Он родился 1 января 1919 года в Нью-Йорке, в зажиточной семье. Отец так мечтал дать сыну хорошее образование! В 1936 году Сэлинджер закончил военное училище в Вэлли-Фордж (Пенсильвания), затем слушал лекции в Нью-Йоркском университете, Урсинус-колледже, Колумбийском университете, но ни одно из высших учебных заведений так и не закончил.

Как и положено в юношеском возрасте, безумно влюбился. В Уну О'Нил, актрису, дочь известного драматурга Юджина О'Нила. Писал ей романтические письма, но она не ответила Джерому взаимностью. Как и положено в юношеском возрасте, первая любовь его отвергла. Она предпочла Чарли Чаплина. Как и положено. Потому что Сэлинджер еще не стал Сэлинджером. А Чарли Чаплин стал Чарли Чаплином уже давно.

Сэлинджер, как и многие его ровесники, был захвачен идеями здорового американского патриотизма. В 1942 году призван в армию, закончил офицерско-сержантскую

школу войск связи, в 1943 году в чине сержанта переведен в контрразведку и направлен в г. Нэшвилл (Теннесси). Уже 6 июня 1944 года сержант Сэлинджер в составе отдела контрразведки 12-го пехотного полка 4-й пехотной дивизии участвовал в высадке десанта в Нормандии. Работал с военнопленными, принимал участие в освобождении нескольких концлагерей. Он участвовал в открытии второго фронта в Европе, освобождении Парижа, видел Хемингуэя и гибель сотен своих товарищей. Война, кровь, война. Он не хотел это вспоминать. Не хотел рассказывать. Ни в жизни, ни в творчестве. Он ненавидел нацизм. И, как многие, надеялся, что вот после войны... как хорошо! Будет мир!.. Страшная война закончилась. Мир наступил. Но принес только разочарование.

Что ж, если полное разочарование... Иного выхода нет. Только стать поэтом, музыкантом, художником. Сэлинджер стал писателем. Впрочем, его первый рассказ «Молодые люди» (Young Folks) был опубликован в журнале «Stories» еще в 1940 году. Но для настоящего писателя нужно настоящее разочарование. «Самое худшее, что бывает с художником, – это никогда не знать полного счастья». (Джером Сэлинджер, «Голубой период де Домье-Смита»)

После войны он лицом к лицу столкнулся с миром. И этот мир его не обрадовал. И счастья Сэлинджер не узнал. И написал свой единственный культовый роман «Над пропастью во ржи» (The Catcher in the Rye, 1951), который имел ошеломляющий и на все сто оправданный успех. Точное попадание в этот насквозь лживый мир, увешанный крикливыми рекламными. Затоптанный ловкими дельцами. Одурманенный лицемерными политиками. Смирившийся с расовым произволом. Обескровленный пошлым, бездушным искусством. Мир, где все-все можно продать. И все-все купить. Чтобы вновь продать. Но уже подождите. Даже девочку «с худыми-худыми плечами».

Как нам это знакомо! Только теперь знакомо! И мы добровольно к этому бежали. К этой чудовищной

и вульгарной несправедливости, от которой добровольно сбежал Сэлинджер.

Книгу тогда запретили в нескольких странах и штатах США за депрессивность и употребление бранной лексики (!). Учителей, рекомендующих старшим школьникам читать Сэлинджера, выгоняли из американских школ... Эти факты говорят сами за себя. И при чем тут депрессивность и бранная лексика! Сказки для дураков. Это был социальный роман. Да, именно социальный, смелый и очень антибуржуазный роман, откровенно разоблачающий и американскую демократию, и американскую мечту о демократии. И не только о ней. Как бы суть книги ни замалчивали американские ретрограды и наши сегодняшние очень умные и очень продвинутые критики.

Кстати, в 1961 году роман был переведен уже в двенадцати странах, включая СССР, где его напечатали в журнале «Иностранная литература». И советская критика, и советские читатели приняли его восторженно. Он был не о нас. Мы даже не предполагали, что когда-нибудь он станет еще более современным. И настолько правдивым. И настолько о нас. Что ж! Догоним и перегоним Америку! Догнали и перегнали! Почти по Сэлинджеру.

Это произведение возмущало многих не только социальной резкостью. Оно было написано по-особенному! Что особенно усиливало его гуманный смысл. Оно было бесспорно гениально! Оно не поддавалось анализу и не имело аналогов.

Так до Сэлинджера никто не писал. И вряд ли напишет. На уровне – конечно. Но, чтобы так... Эксклюзив, раритет, уник. Ну, как «Маленький принц» Сент-Экзюпери. Понять, как он написал, – невозможно. А вот о чем – более чем понятно. Это и называется – талант.

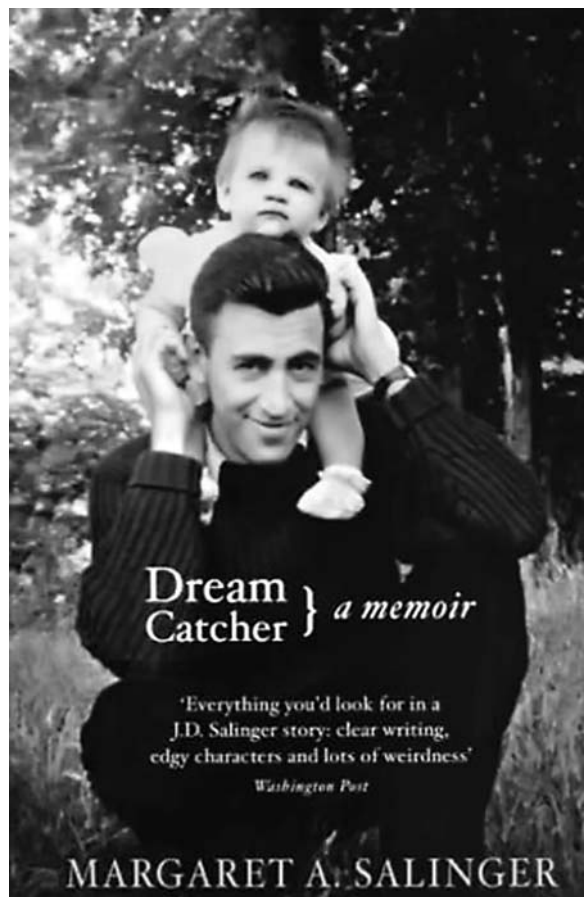
Сэлинджер пролил на бумагу, словно чернила, свое разочарование жизнью. И успокоился. И, возможно, тогда осознал, что настоящую свободу в этом несвободном мире может дать только одиночество. Мечта о свободе была настолько сильной и бесконечной, что в один миг он уперся лбом в стену. И в один миг понял, что свобода возможна только тогда, когда свободен лично ты. А для этого нужны стены, крепкие кирпичные стены, железный забор и вокруг – ни души. Только щебетанье птиц и завывание ветра.

Во вторую половину этой жизни он стал одиночкой, затворником, отшельником, – как угодно. И, наверно, именно в эту половину жизни и сбылись его мечты. Насколько, опять же, могут сбыться мечты при жизни.

«Хижина будет стоять на опушке леса – только не в самой чаще, я люблю, чтобы солнце светило на меня во все лопатки. Готовить еду я буду сам, а позже, когда мне захочется жениться, я, может быть, встречу какую-нибудь красивую глухонемую девушку, и мы поженимся. Она будет жить со мной в хижине, а если захочет что-нибудь сказать – пусть тоже пишет на бумажке. Если пойдут дети, мы их от всех спрячем. Купим много книжек и сами выучим их читать и писать...»

Допустим, не хижина, а дом за высокой оградой (в городке Корниш, штат Нью-Хэмпшир). Хотя со свойственным упрямством он построит и настоящую хижину, чтобы прятаться и от родных. И жены были не глухонемые, и дети частенько перебежали на сторону тех, кто хотел нарушить, еще хуже – вероломно вторгнуться в жизнь отшельника. Но в остальном... Лес рядом. И звенящая тишина природы. И ее волнующий покой и умиротворяющий не покой. И бледные восходы солнца, и яркие заходы. Не навсегда. А главное: вокруг на несколько километров – ни души.

Сэлинджер добровольно отгородился от мира. Не потому что его не любил. Просто ему не нравилось,

как он устроен. В этом мире он выбрал то, что еще можно по-настоящему любить, то, что молчаливо, бесконечно и вечно.

И его можно понять. Это он хлопнул перед жизнью дверью, закрывшись на все замки. В тот самый момент, когда жизнь распахнула перед ним все двери. И за этими открытыми дверями, там, вдалеке виделась благополучная судьба писателя с мировым именем, разбалованной славой, деньгами, поклонниками и поклонницами, роскошью, Нобелевскими премиями, Оскарами и аплодисментами... И он пнул эту судьбу ногой. Захлопнул двери и повернул ключ.

«Я приду домой и крепко-накрепко запру дверь. Сварю кофе, поставлю пластинку – и крепко-накрепко запру дверь. Буду читать книги, напьюсь кофе, наслушаюсь музыки и – крепко-накрепко запру дверь. Открою окно, впущу девушку, милую, кроткую – и крепко-накрепко запру дверь...» (Джером Сэлинджер «Солдат во Франции»)

И все же была маленькая надежда, что он – однажды – приоткроет чуть-чуть дверь, ну хотя бы для того, чтобы бросить миру в лицо: «Пошли вы все к черту! Наконец оставьте меня в покое!»...

Эта надежда умерла вместе с писателем 27 января 2010 года в американском городке Корниш.

Сэлинджер запер свои двери навеки. Наконец его оставили в покое. Навсегда. Только его талант вряд ли оставит в покое живущих.

Можно утверждать, что он ненавидел жизнь. А можно, что он любил ее так сильно, что возненавидел. Потому что хотел видеть ее совершенной, а этого не бывает. И он так понятен в этой ненависти! Ворчли-

вый и недовольный, он все же был сентиментальным романтиком. Хотя вряд ли мы об этом узнаем наверняка.

Можно сказать, что он все в жизни категорично отрицал. А может быть, просто принимать было нечего?.. И он так понятен в этом отрицании!

Что он по-настоящему принял и с чем согласился? Вряд ли мы об этом узнаем наверняка.

Он так хотел, чтобы мы ничего о нем не узнали. Чтобы никогда, ни под каким предлогом не вторгались в его жизнь. И тем более в его смерть. Но его желание вряд ли сбудется... И себя защитить он уже не сумеет. Ни от шумихи вокруг его имени, ни от лжи, ни от славы. И, возможно, от экранизации его великолепного романа, на которую он дал прижизненное табу. Потому что не верил, что можно что-то снять стоящее, особенно сегодня. Справедливо не верил. Как можно снять такое? Если и написать такое просто невозможно!

«Пропасть, в которую ты летишь, – ужасная пропасть, опасная. Тот, кто в нее падает, никогда не почувствует дна. Он падает, падает без конца...»

Иногда кажется, что он оставил нам выбор в жизни. Колосящаяся рожь. Край пропасти. Или ее дно.

«Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом – ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело – ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему. Наверно, я дурак...»

Иногда кажется, что он остался в огромном поле, во ржи. А мы так и стоим на краю пропасти, не зная, что делать дальше. То ли повернуть назад, туда, где жили они, настоящие. То ли упасть. Потому что падать всегда легче, чем удержаться. Особенно, когда уже некому удержать.

Елена САЗАНОВИЧ,
член Союза писателей России

Кристина РОССЕТТИ

Избранные стихотворения

перевод с английского и комментарии Дины Грандовской

Кристина Россетти (1830 – 1894) – английская поэтесса, творчество которой примыкает к так называемому прерафаэлитскому направлению в английской поэзии. Кристина была сестрой знаменитого Данте Габриэля Россетти, художника и поэта, основателя Братства прерафаэлитов (1848), сыгравшего огромную роль в развитии английского искусства и литературы второй половины XIX века. Ее первая официальная публикация состоялась в 1850 году, когда в прерафаэлитском журнале «Росток» появилось несколько ее стихотворений, в том числе «Земля сна», ныне считающееся одним из ее лучших произведений. К. Россетти – автор нескольких поэтических сборников (1862, 1866, 1881), поэм, в том числе знаменитого «Рынка гоблинов» – пожалуй, самой необычной, сложной и интригующей из всех ее работ.

Ее стихи, «омытые темными волнами смерти, забвения и покоя», перефразируя известные слова Вирджинии Вулф, при всей своей суггестивной мрачности, меланхолии и грусти, являются, тем не менее, выдающимся явлением в поэзии викторианской эпохи, оказавшим влияние на последующие поколения английских поэтов, а техническое совершенство и оригинальность многих ее работ на протяжении вот уже полутора столетий не перестает восхищать как критиков, так и читателей.

За сто с лишним лет со дня ее смерти, произведения Кристины Россетти почти не переводились на русский язык. Настоящая подборка является одной из немногих публикаций за последние полвека.

Земля сна

Где сонная волна
С волною сплетена,
Ее – там спит она –
Ты не буди.
Ведомая звездой
Полночною порой,
Пришла искать покой
У тьмы.

Покинула рассвет,
Полей зеленых цвет
И сумеречный свет
Нашла.
Сквозь сон – свою вуаль,
Глядит куда-то вдаль,
Песнь соловья, как встарь,
Слышна.

Сон, сон, глубокий сон,
Ее окутал он,
И бледен алый тон
Зари.

Ей не видны поля,
Колосья ячменя,
Не чувствует дождя
Струи.

Сон, сон ее сковал,
И мох ей ложем стал,
И час ей не настал,
Пока
К ней радость не придет
И свет свой не прольет,
Оков не разобьет
Вдруг сна.

Л.Э.Л.

Чье сердце страдало от малой любви¹

Внизу улыбаюсь, смеюсь и со всеми шучу,
Но наверху, у себя, лишь останусь одна,
На стену уставясь, в молчанье, часами грущу:
Хочу я любить, но, увы! любовь не дана.
Хотя уж морозы прошли,
И птички пару нашли,
И почки набухли, и весело злаки взошли.

Цветенья не чувствую я, хоть вокруг все цветет,
Птицы вьют гнезда, ликуя, шагает весна,
Но сердце рыдает и слезы незримые лет,
Ибо любви оно жаждет, что мне не дана.
Хотя греют солнца лучи,
Беспечно сбегает ручьи,
И бьют среди зелени свежей лесные ключи.

Все кем-то любимы, любят кого-то – только не я,
Весна наполняет их сердце, любовь, теплота,
Не ведомо им, что творится в душе у меня,
Что сердце разбито, в нем вместо любви – пустота.
Хоть пчелы, проснувшись, гудят,
И зайцы сменили наряд,
И каждый живущий теплу и цветению рад.

Себя украшаю и одеваю в шелка,
Будто голубка, порхаю, легка и чиста,
Так веселюсь, будто жду своего голубка,
Будто любовь в моем сердце – не пустота.
Хотя белоснежен наш сад,
Цветенья ласкает взгляд,
И всякий живущий весне стремительной рад.

Возможно, святые – им тайные знания даны –
И ангелы, видя, как я страдаю одна,
Вскричат однажды, печали и скорби полны:
«Ее сердце разбила любовь, что ей не дана».
Хотя вокруг все поет,
Цветет и рожденье дает,
Весна поит землю, и ясен, и чист небосвод.

И скажут святые: «На все ты терпенье имей»,
И скажет мне ангел: «Испей свою чашу до дна
И ты обретешь – ты, та, что в мире людей
Любви не нашла – той, что, кажется, всем здесь дана –
Любовь, что Небо дает,
И Весну, и иной Небосвод,
И Землю увидишь, что вечно поет и цветет».

Сбор яблок

Цвет яблони я по весне сорвала,
С беспечностью, косы украсив, гуляла,
Когда же пора сбора яблок пришла,
Ни яблочка я, увы! – не сыскала.

С пустою корзинкой пришлось мне уйти
Тропинкой, знакомою мне с давних пор,
И те, кто встречали меня по пути,
Смеялись во след мне, ведя разговор.

Лили и Лилиан тащили с трудом
Корзины свои, спелых яблок полны,
Спеша до заката успеть, хотя дом
Был близко их: рядышком жили они.

Толстуха Гертруда мимо меня
С корзинкой своею неспешно прошла,
И рядом с ней голос услышала я:
Весь мир обойти – слаще б я не нашла!

Ах, Вилли, неужто яблок плоды
Дороже любви, хоть и розов их цвет,
Я раньше считала, – веришь ли ты? –
Сравненья меж ними, милый мой, нет.

А ты все смеялся во тьме, как со мной,
На тропке, знакомой мне с той весны,
Я помню, по ней мы гуляли с тобой –
Как весел был ты!

Покорно дала я соседкам пройти,
И кто-то сказал: «Грядут холода»,
А я все бродила до ночи, до тьмы,
Бродила одна.

Песня

Она поет среди листвы
И на речной поток взирает,
Ей стая рыбок, бег воды
И каждый листик взор ласкает.

Безмолвна я, глаза полны
Горячих слез, и увлекает
Поток те майские цветы,
Что в воду дерево роняет.

Мне память – вот причина горя.
Надежда ей – причина пенья.
Испило слезы мои море,
А песня предана забвенью.

¹ «Л.Э.Л.» – инициалы, под которыми публиковалась англ. поэтесса Летиция Элизабет Лэндон (1802 – 1838). В эпиграфе – парафраз строки из стихотворения Э.Б. Браунинг «Последний вопрос Л.Э.Л.» (1844).

Триада

Трое вместе пели песню о любви:
 С головы до ног первая в сиянье,
 Алы губы были, будто цвет зари;
 Голос же второй – мягкое журчанье,
 Ветерка весной хладные лобзанья...
 Третья так грустна, будто не могла
 Утолить любви тайные желанья –
 Вот на что похожа песня их была.
 От стыда горела первая из них.
 От любви бездушной мучилась вторая.
 Не могла желаний утолить своих
 Третья из триады, в грезах умирая.
 О любовных жертвах сложен этот стих:
 Равно все увяли, от любви сгорая.

Птичьи трели

Жаворонок любит солнце и восход,
 Время соловья на заходе солнца;
 Тьма и тишина, ты ускорь приход
 Дивного певца – песня пусть прольется,
 Сердце пусть в груди трепетно забьется.

Ты скорей взойди над горой, луна,
 Лунный свет, спеши пташку пробудить,
 Пусть настанет ночь, тьма и тишина,
 Чтобы мог певец в тишине разлить
 Песню и без слов сердце усладить.

Жаворонок, милый, миг лишь подожди,
 Пусть еще хоть раз пенье соловья
 Нас погрузит в мир грусти и мечты,
 Скоро уж взвоется белый парус дня –
 Внять еще хоть миг пенью соловья!

Рай: во сне

Однажды во сне мне предстали цветы,
 Цветы, что растут в небесном Раю,
 И хоть в поисках я весь мир обойду,
 Глаза не отыщут такой красоты.
 И меркнет роз ослепительных цвет,
 И лилий с их снежною белизной,
 Нежнейших фиалок нежнейший цвет
 Затмили собой.

И райские птицы мне снились во сне,
 Их пенье среди цветущих дерев,
 И был столь сладостен дивный напев,
 Что фимиамом казался он мне.
 Каждая пела соседке своей,
 И вторили им десятки других,
 Соловей, и тот не сравнится, поверь! –
 С песнями их.

И Реку в том сне ясно видела я,
 Текла глубока, и песок золотой,
 Берега, поросшие мхом и травой,
 И воды блистали ее в свете дня.

И жажду любую поток утолял,
 И душам слабеющим силы дарил,
 Лекарства такого не знает земля –
 Столь славен он был.

И Дерево Жизни в виденье моем
 Взору явилось, на древе – плоды,
 Сок корня – живее живой воды,
 И тени, влекущие к отдыху днем.
 Целебна листва того древа была,
 И можно плодами весь мир накормить,
 Они слаще меда и лучше лекарств
 Способны лечить.

И взору предстали врата Красоты,
 Я лишь едва заглянула за них,
 Но краешком глаза у лиц золотых
 Сияние видела, и пруды.
 О арфы, короны бесчисленных звезд,
 Несчетных деревьев кроны в цвету –
 Не описать, умом не объять
 Ту красоту.

Надеюсь, что явится все то опять,
 Но только не ночью, в сладостных снах,
 Желаю я в яви познать, не в мечтах,
 И видеть, и трогать, и обонять,
 Чтоб Рай открыл предо мною Врата,
 Пространства простерлись у моих ног,
 И с сонмом святых оказалась я,
 Там, где мой Бог.

Горечь за сладостью

Лето ушло, унеся свой розовый цвет,
 Солнце, и сладость цветенья, и аромат,
 Осень за нею, бросив прощальный привет,
 Также ушла и уже не вернется назад.

Осень холодным дыханьем своим обдала
 Все, что вокруг, но будет зима холоднее.
 Иней, травы пожухли, листва умерла,
 И хладные ветры все сильнее и смелее.

Разбудить вдохновение

Так получилось, что Георгия Сердюкова я в Литинститут не принимал. Поступал он к другому мастеру, а ко мне перешел в середине обучения. Бывает такое в нашем творческом вузе – свидания и разлуки предвосхитить невозможно. Но мне сразу показалось, что в начинающем авторе есть два очень важных для писательской профессии качества: умение слушать и умение наблюдать.

Мне было интересно следить за духовным взрослением Георгия, попробовавшим за время обучения себя в разных темах, в неоднозначных психологических коллизиях. Достаточно сказать, что студент пытался раскрыть тему Великой Отечественной войны в своих рассказах, что само по себе редко (и у нас на семинаре даже началась сложная дискуссия на тему о том, имеет ли право человек, не переживший войну, писать о ней). Но, в

конце концов, в творчестве Георгия победила современность.

И теперь, уже выпустив птенца из гнезда, мы с удовольствием наблюдаем за его уверенным полетом. Приятно, что среди молодых авторов есть такие, как Георгий Сердюков. Потому что он – нетипичный представитель нынешнего молодого поколения. А бежать от стандарта и сложно, и опасно. Свидетельство тому – повесть Георгия «Когда камера лжет». Рассказ о жизни молодого парня, с любопытным характером и, в то же время, глубокого, страдающего и умеющего сострадать. Конечно, герой повести – «alter ego» автора. Несомненная удача – образ бабушки героя. Это вообще редкая тема в современной литературе – любовь внука к бабушке, любовь, показанная с доброй иронией и нежной снисходительностью. Автору удалось характеры и девушки героя, и его сестры. Но главное – перед нами пор-

tret современного молодого человека. Преодолевающего житейскую суету и собственную суетность, пытающегося жить своей независимой, даже возвышенной жизнью, в которой есть место и родным, и близким, и возлюбленным.

И главное достоинство литературного творчества Сердюкова – умение на фоне подлинной «бытовки» рассмотреть психологический тип молодого «нетипичного» современника – человека страдающего и пытающегося преодолеть духовное одиночество.

С.П. ТОЛКАЧЕВ,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры
литературного мастерства
Литературного института
имени А.М. Горького*

Георгий СЕРДЮКОВ

Когда камера лжет

Я сидел на кухне и грыз семечки. На столе лежали книга «Афоризмы великих людей» и пачка сигарет. Очень хотелось курить, но я ждал, пока бабушка выйдет из туалета. В коридоре стояла ее «колесница» – так я называю инвалидное кресло. Я должен был отвезти бабушку обратно в комнату и уложить в кровать.

Концерт в клубе начинался в восемь. Так что я все чаще поглядывал на часы. «Точное московское время – восемнадцать часов, двенадцать минут, тридцать секунд», – отчеканил женский голос в телефоне. Я подправил отстающие часы на мобильном и снова принялся ждать.

Бабушке девяносто шесть лет, но всем говорит, что ей уже сто. Она всегда кладет по восемь ложек сахара в чай, отказывается от чуть пригоревшего омлета, гоняет своей палкой кошку, днем спит, а ночью прикатывает ко мне, будит и требует приготовить поесть. Если я сразу же не встаю, то она шипит и называет меня «свинья!».

«Что можно делать так долго в туалете? Я же опоздаю! Хорошо, что хоть билет уже заказан!» – восклицаю про себя. Нервно барабаню пальцами по столу, ощущаю зажимку в кармане, включаю-выключаю лампу на подоконнике, наблюдаю в окно за мужиком в белой майке. «Надо бы сделать чай», – мелькнуло в

голове. Нажал на кнопку, чайник зашумел; настроил радио.

Я живу вдвоем с бабушкой. Мама в третий раз вышла замуж, и теперь у нее другая семья. Есть у меня и сестра, но она в Австрии.

Наконец, я не вытерпел и пошел проверить. Стучу в дверь:

– У тебя все в порядке?

Молчание.

Стучу сильнее, уже кулаком.

– Ты меня слышишь?! Все в порядке?

Смеется.

– Андрюша, я сейчас выйду.

– Хорошо, только поскорее, мне уходить надо.

Пошел покурить в подъезд. Когда вернулся, чайник уже вскипел. Налил себе кипятком в пожелтевшую изнутри чашку и стал в ней мучить пакетик, который заваривал себе уже два раза.

– Уже без пятнадцати семь! – я начинал злиться. На кухню бесшумно вошел кот, потерял о мою ногу. Рыжий меня немного успокоил, я смотрел на него, но не гладил. Неприятно потом вылавливать из чашки шерсть. Чай уж слишком горячий. Молоко из холодильника или лед? Пожалуй, лучше молоко. Угостил молоком и кота. Английский чай с молоком – обожаю! Еще люблю бобы, особенно с омлетом. А если добавить туда немного помидоров, ветчины, щепотку черного перца и полить майонезом, то!.. Люблю сыр. И, наверно, сейчас чуть-чуть отрежу.

В туалете зашумела вода, но я не торопился, – знал, что, пока бабушка справится с замком (как будто я зайду к ней!) и откроет дверь, пройдут минуты две. Поэтому макаю ломтики в горячий чай и не торопясь ем обмякший сыр.

Наконец в коридоре появляется ее сторбленная, похожая на голубя, фигура. Она изо всех сил сжимает свою палку. Аккуратно сажаю ее в кресло, везу в комнату, помогаю пересесть на кровать. Очень громко еще раз говорю ей, что ухожу и вернусь поздно. В ее глазах испуг, она менятся в лице.

– А дома наши есть?

– Никого нет.

– А Света?

– Нет никого. Все, я пошел. Никому не открывай!

– А если стучать будут?

– Даже если стучать будут! Не открывай! Поняла?

Она отворачивается от меня. Я перекрываю воду и газ, иду в прихожую обуваться.

На улице сумеречно, небо в тучах. Слышу, как по узкоколейке к ТЭЦ цистернами мазута гремит тепловоз – мой дом находится на самой окраине района, ближе к ТЭЦ и заводам. Начал моросить дождь. Я накинул капюшон.

Иногда больше, чем обычно, думаю о своей матери и о сестре. Чувствую себя отрезанным ломтем. Мама теперь живет в Петербурге. Два раза в месяц она мне звонит и переводит деньги, но я не люблю ходить к этим пиджачникам в банке. Лучше бы она просто чаще звонила или приезжала. Сестра бывает в Москве

раз в году, но мы с ней постоянно переписываемся по электронной почте или отправляем друг другу смс.

Дождь усиливался. Я прибавил шаг и старался думать о приятном: давно мечтал купить шестиструнную акустическую гитару, покрытую черным лаком. Хотелось освоить ее и играть до мозолей на пальцах.

Забегал в метро, снял куртку и поехал в центр. Точка А – станция Октябрьское поле, точка В – станция Китай-город. Надеюсь, что маршрут будет именно таким, линейным. Я знаю за собой одну черту: могу запросто увлечься и поехать совсем в другое место или встретить старого знакомого и уйти с ним. Но сегодня твердо решено – у меня будет концерт.

Я зашел в вагон. Достал плеер и стал выбирать исполнителя. Мой айпод полностью нагружен музыкой, фильмами, фотографиями и клипами. Знаете, он мог бы рассказать обо мне не хуже меня самого.

Когда я учился в музыкальном училище по классу фортепьяно, то встречался с Леной, моей однокурсницей. Потом ее отец внезапно разбогател на бирже и организовал свой бизнес. После этого я не видел её дважды в одной и той же вещи. Она стала ездить на «Ауди ТТ» с аэрографией под костромскую хохлому, а чуть позже нашла себе четкого парня из МГИМО. А в прошлом году через службу доставки я получил от нее на день рождения подарок – айпод. На обратной стороне было выгравировано пожелание: «Не думай о будущем. Помни прошлое – оно было прекрасно!» Вначале у меня был порыв разнести этот жесткий диск об пол, но я, хоть и с трудом, все же подавил это желание. Как-никак, но об айпode я мечтал уже давно, и, кажется, даже говорил ей, что хотел бы его купить. Помню, тогда в растерянности сел на пол и бессмысленно вертел небольшую черную коробку от плеера. До этого момента мне легко было думать о Лене как о богатой, избалованной девчонке, а она, оказывается, помнила обо мне, возможно, даже любила, и напоследок решила сделать приятное, даже не представляя, как мне будет больно. А может, она таким образом просто хотела извиниться?.. Я долго потом пытался зацарапать те строчки, но ничего не получилось.

Я вышел из метро. Торопился: идти до клуба довольно долго. Дождь сюда еще не добрался. Приятно обогнать непогоду. Свернул в неприметную подворотню, обналчил билет и легко прошел нестрогий фейс-контроль.

Внутри было уже шумно, накурено и довольнолюдно. Концерт еще не начался. Я пробирался к бару, стараясь не толкнуть ничью девушку, никому не наступить на ногу. Все вокруг улыбались. Заказал пиво и осматрелся. Когда вижу счастливых людей, радующихся жизни, вечеринке, выпивке, да чему угодно, то кажется, что им гораздо лучше, веселее, чем мне. Я сперва стараюсь подтянуться до них, быть таким же, потом понимаю, что ничего из этого не получится и так, наверно, будет всегда. Что тут поделать, если я просто не умею расслабляться. Отчего так происходит? Может быть, они что-то еще принимают? Я медленно по глоточку потягивал свое пиво и откровенно скучал. Музыканты задерживали выступление почти

на сорок минут. Я подумал, что они пока не настолько известны, чтобы заставлять себя ждать. Рядом со мной села девушка. Она долго выбирала, что заказать, читала меню, задавала вопросы бармену. Я решил, что или ей действительно сложно определиться с выбором, или она просто с ним пытается флиртовать. Когда парень принялся за приготовление коктейля, девушка стала смотреть по сторонам. Ее блуждающий взгляд задержался на мне. Я сразу почувствовал себя неловко. Мне всегда неудобно, когда рядом красивая девушка. Она сидела вполоборота от меня, на правой щеке я разглядел две маленькие родинки. На девушке было короткое плотно облегающее платье и джинсы с мелкими блестками. Волосы густые, прямые, цвета горького шоколада. Я пытался сосредоточиться на своей кружке, чтобы не смотреть на девушку, лишь мельком взглянул на ее руку. Девушка закурила. Тонкое запястье, довольно изящная кисть, пальцы, хоть и не длинные, но тонкие, в затейливых кольцах, держали уже испачканную помадой сигарету. Ничего не могу с собой поделать, всегда обращаю внимание на руки. Честно говоря, не очень люблю курящих женщин. Сам-то начал курить после расставания с Леней. И с тех пор каждый день бросал. Потом дал себе слово, что перестану курить, когда у меня появится девушка. С той, что уже курит, – это будет гораздо сложнее.

За спиной раздались аплодисменты. Я повернулся к сцене: прожекторы освещали пятерых участников группы, музыканты поприветствовали всех и начали играть. Играли они хорошо, правда, звук был никудышный. После третьей песни на танцполе находилось уже довольно много людей, а поскольку танцевал я неважно, то старался обычно смешаться с толпой и забыть про свою неловкость. Одним глотком допив пиво, стал перебираться поближе к сцене.

Люблю смотреть на людей вокруг, чувствовать общее движение. Но лишь до тех пор, пока со мной не начинает танцевать девушка. Тогда это полный провал, я себя настолько стесняюсь, что хочется незаметно улизнуть в туалет или не отходить от бара до конца вечера.

Четвертая песня подходила к концу, когда девушка, сидевшая со мной за стойкой, стала танцевать очень близко. Я почувствовал чуть приторный запах духов. Когда песня закончилась, она мне улыбнулась.

– Ты мне напоминаешь одного знакомого, – сказала она мне. Я увидел небольшой зазор между ее передними зубами. Мне это понравилось.

– Какого знакомого?

– А, неважно! Просто вы очень похожи и так же плохо оба танцуете.

– Я, знаешь ли, не навязывался в партнеры, – заметил я.

– Это верно! Давай отойдем, здесь шумно, – предложила она.

Мы прошли на балкон. Она достала сигарету.

– Тебе не стоит курить.

– Ха! Это кто сказал?! – она усмехнулась.

– Тот, кто похож на твоего знакомого, – улыбнулся я.

– Хорошо, я подумаю над этим, – положила сигарету обратно в пачку, – я Вероника.

– Андрей.

После концерта Вероника наотрез отказалась, чтобы я ее провожал. Поймала частника и поехала к подруге. Я лишь пожелал ей хорошего продолжения вечера и захлопнул дверь автомобиля. Успел в метро до закрытия, ехал в пустом вагоне. Был счастлив. Перегон между станциями оказался длинным, и я прилег на сидения. Казалось, состав, как ракета, несется вверх в космос. Я еще раз достал телефон, там был записан его номер. Я несколько раз его перечитал, чтобы запомнить. «Красивое имя – Вероника», – подумал я.

В прихожей бесшумно разулся. Заглянул к бабушке, она негромко храпела. Вся одежда была липкой от пота и пропахла куревом. Переоделся в домашнее. Пошел на кухню, разогрел себе ужин. Решил принять ванну; пока наливалась вода, включил компьютер. Зашел в интернет, Вероника дала свой номер айсыкью. Но ее сейчас не было он-лайн. Жуя бутерброд и запивая его чаем, думал о своей жизни. Мне давно уже хотелось многое изменить в себе, хотелось перемен. Я чувствовал, что не хватает самого главного. Смысла существования. Оправдания того, что я живу, а бесконечному большинству так и не дали на это шанс. «Сегодня суббота», – подумал я и потер глаза. Ужасно хотелось спать. Я представил себе, как через день снова отправлюсь на работу. По правде сказать, мне порядком надоело работать официантом, но ничего другого на данный момент найти не мог. Вспомнил о коте. Он сидел на полу и облизывался. «Надо дать ему поесть», – приказал я себе.

Я давно один. Так свыкся с этим чувством, что теперь даже боюсь потерять его. Боюсь, что если впущу кого-то в свою жизнь, эта хрупкая материя разрушится, и я словно стану голым, открытый всем ветрам на свете.

Я давно мечтаю отправиться в путешествие: сесть на поезд и поехать в Одессу или Петербург, Киев или Минск, Ригу или Вильнюс. Я хочу почувствовать свободу, хочу, чтобы в моей жизни появился мотив дороги. Но прекрасно понимаю, что сейчас, пока думаю об этом, одновременно происходят две вещи: спит бабушка, которую я не могу надолго оставить одну, и в ванной льется вода, которую пора уже выключить. «Хватит мечтать, – говорю себе, – лучше пойдй выключи воду». Я не могу куда поехать из-за бабушки, которая сейчас мирно спит. Я ее люблю. Мне необходимо заботиться о ней. Без меня ей даже в туалет трудно ходить (снова посмотрел на монитор проверить статус, но Вероники по-прежнему не было в сети). Когда мои мысли станут явью и желание путешествовать осуществится, я буду покупать билеты в кассах вокзалов или заказывать их через интернет, но бабушки уже не будет. Я стану свободен. Квартира перейдет ко мне. Но так ли мне все это в действительности надо?

– Мне не настолько и нужна эта поездка, я совсем не хочу, чтобы ты умирала, – я прошептал последнее слово и услышал, как заскрипели пружины матраса в

ее комнате. Бабушка перевернулась на другой бок и продолжала спать. Но мне стало немного не по себе. Явственно ощутил, что рядом есть нечто, пристально смотрящее на меня, заглядывающее в каждый уголок моего сердца и подслушивающее любую мысль. Как слепой, стал шарить в пустоте руками, но ничего не нашел.

Я глубоко вздохнул, переборов желание курить, пошел кормить кота и принимать ванну. Наверно, я был немного пьян той ночью.

Рыжий с удовольствием ел, поминутно оглядывался и облизывался: ему было вкусно. А мне грустно. Я думал о матери. Если хотите сделать мне больно или, по крайней мере, испортить настроение, просто спросите, когда она последний раз мне звонила или когда снова придет навесить. Первое я буду вспоминать, углубляя мимические морщины на лбу, на второе просто не смогу ответить. Там у нее новая работа, новая семья. Я ее, конечно, понимаю. Уже взрослый.

У меня есть старый альбом. В нем собраны семейные фотографии. Я часто его просматриваю и думаю о маме. Раньше я брал телефонную трубку и долго стоял, не решаясь набрать последние цифры ее номера. Соединение сбрасывалось, и я повторял все то же заново: восьмерка, код города и номер ее телефона без последних двух цифр. Но она не любит, когда я звоню ей сам. Всегда очень занята: на переговорах, в ресторане с партнерами, в командировках или уже спит. Везде успевает и лишь пару раз в месяц выкраивает время на полчасовой разговор со мной. Иногда назло хочется причинить себе вред, чтобы сделать ей больно. Так бы она скорее вспомнила обо мне. Недавно, протирая от пыли книги в шкафу, я в справочнике по тибетской медицине нашел фотографию своего отца. Теперь мне думается, что, повзрослев, я внешне, может, даже чертами характера, стал маме неприятно напоминать его.

Бабушка постоянно осведомляется, когда придет ее дочь. Ее вопросы бывают такими неожиданными, словно эта мысль, как капля с худого потолка, падает ей на голову. Бабушке кажется, что ее дочь Света уехала в командировку, и она увидит ее уже к концу месяца, а может и раньше. Я долго пытался ей объяснить, что никто к нам не придет. Но она продолжала упорно думать, будто мы по-прежнему живем целой семьей. Я теперь стараюсь не говорить, что у Светы другая семья и она больше не живет с нами. Когда бабушка это вдруг понимает, то, на несколько дней, пока снова не забудет, становится капризной, больной, целый день ездит за мной и, не умолкая, брюзжит, что стала всем обузой, не нужна даже собственной дочери, и все будут только рады, когда она умрет. Чтобы ее отвлечь, я советую ей посмотреть телевизор. Она не слышит, переспрашивает, и мне приходится ей кричать.

Мой голос гасится о ковер в бабушкиной комнате. Ковер старый, выцветший, с проплешинами от моли, он висит над ее кроватью. Еще он очень пыльный. На нем всегда много шерсти от кота. Мне приходится раз в месяц его пылесосить. Но бабушка не дает его сни-

мать, ворчит, что я могу с ним делать что угодно после ее смерти. Этот ковер – последний подарок ее мужа. Я ее понимаю и потому смиряюсь. Бабушка очень любит говорить о дедушке, причем меня всегда удивляет, что она в мельчайших подробностях помнит о вещах, произошедших тридцать лет назад, но к вечеру забывает, что ела на завтрак.

Смотрю на Рыжего и вспоминаю, как мы с мамой купили кота на птичьем рынке. Я был тогда очень рад ему, да и сейчас рад. Решил поторопиться принять ванну, пока вода не остыла. Свет на кухне я не погасил: кот продолжал есть. Мне пришло смс от Вероники. Я вдруг почувствовал, как сильно бьется сердце. Она писала: «Андрей, давай встретимся на следующей неделе». В груди разлилось тепло, и в это мгновение я ощутил некое подобие счастья. После короткого сигнала телефона вокруг была лишь звенящая тишина; я держал телефон, принявший ее сообщение, как величайшее сокровище. Я ответил Веронике и пошел в ванную. Это странное чувство замершего в груди счастья не покидало меня до конца ночи, пока я не уснул.

* * *

Домывая пепельницу последнего посетителя, вспомнил из своей книги афоризмов цитату Рональда Рейгана: «От тяжелой работы еще никто не умирал, это верно, но зачем же рисковать?»

– Ох, как же мне надоело все это рестораторство! – вздохнул Кирилл, вспенивая молоко, чтобы приготовить себе кофе.

Я на это ничего не ответил – сам очень устал после смены. Мы с Кириллом работаем в кафе «Бель Канта» уже полмесяца и стали приятелями. Сам Кирилл из Саратова, ему двадцать три года, сейчас учится на краснодеревщика. О себе он рассказывает редко. Знаю только, что его дед тоже раньше делал мебель. И внука он кое-чему успел научить. Так, например, табуретку Кирилл мастерит за пятнадцать минут.

Кирилл с наслаждением сделал глоток кофе. На секунду задержал напиток во рту, надув щеки, потом проглотил; так и застыл с закрытыми глазами и чашкой в руке. Он высокий парень, под два метра, широкоплечий, с широким, чуть приплюснутым лицом и вьющимися русыми волосами. Всегда очень молчаливый, погруженный в себя. Больше думает, чем говорит. Не знаю, всегда ли он был таким или переезд в Москву сделал его замкнутым. Отпив еще немного кофе, он стал есть шоколадный эклер, упавший на пол, когда мы снимали его горячим с противня. Я закрыл кассу и выключил свет в витрине. Кирилл медленно скользнул по ней взглядом. В темноте стеклянных полок яркая выпечка казалась несъедобной, пластмассовой. Потом посмотрел на меня и усмехнулся. Я смазывал руки кремом. Хлорированная вода, мыло, средства для чистки поверхностей раздражают пальцы пианиста.

Мы занесли в подсобку столы и стулья с летней веранды. Открыли небольшие, возле самого потолка, зарешеченные окна-форточки и поставили поме-

щение на охрану. Заведению, казалось, тоже нужно было отдохнуть от шума и голосов посетителей, от звона посуды на кухне, с облегчением выдохнуть сигаретный дым, смешанный с дистиллированным воздухом кондиционеров, и наполнить свой зал ночной прохладой.

Недалеко от кафе стояла иномарка. Пожилой мужчина, облокотившись на свою машину, громко разговаривал по телефону. Возле него крутился маленький мальчик, не знавший, чем себя занять. Увидев нас, он стал пальцем показывать на Кирилла и возбужденно говорить: «Дед, я знаю его, он работает официантом в этом кафе!» Его дедушка скользнул по нам безразличным взглядом и погладил внука по голове. Кирилл густо покраснел и искоса взглянул на меня. Я хохотнул.

Подходил к концу понедельник. Клиентов было много, чаевые давали хорошо: в обеденный перерыв народ валил из офисов поостынуть и поговорить. И так до самого закрытия. Этот день всегда очень утомительный, но можно неплохо заработать, около трети недельной зарплаты. Так что мы возвращались уставшие, но довольные деньгам в кармане.

Лето шло на убыль. Были первые числа августа. Теплый ветер трепал волосы, в складки сминал одежды и тут же разглаживал. Каждый думал о своем.

– Знаешь, первое время, когда я приехал в Москву, мне было страшно ездить на эскалаторе, – неожиданно признался Кирилл, – перед тем, как зайти в метро, я себя внутренне готовил. Честно говоря, я и лифты не очень-то люблю, если есть возможность, всегда поднимаюсь по лестнице.

Я удивленно посмотрел на Кирилла. Даже таким здоровякам, как он, бывает страшно из-за пустяков. В самом деле, Кирилл был внушительных размеров. Помню, менеджер нашей кофейни упорно настаивал на его приеме на работу только в качестве охранника, но никак не официанта. Однако молодой человек настолько проворно летал между столиками, что за испытательную неделю у начальства не возникло претензий, и они сдались.

– У меня день рождения в августе, приглашаю тебя, – поддержал я разговор.

– Какого числа?

– Двадцать второго.

– Прости. Но не могу. Я уже отпросился на неделю до учебы съездить домой, к родным.

– Понятно.

Мы зашли в метро, попрощались, каждому надо было в свою сторону. В вагоне было много свободных мест. Я с блаженством сел на крайнее возле двери. В сумке лежал сборник рассказов Сарояна, я решил почитать.

Неделя начиналась довольно скучно, все как и всегда – работа, дом. Вероника не отвечала на смс, не выходила в айсикью. Последнее средство – позвонить ей. Но решил не навязываться. В комнате даже с открытым настежь окном было душно, а в городе невыносимо жарко. Обливался потом и четыре раза в день принимал холодный душ. На улице – не гуляется,

дома – не спится, книга – не читается. Единственное, что всегда приятно – это сесть за свое старое пианино, с вечно западающей до первой октавы, открыть рассыпающиеся этюды Шопена и начать играть. Забыть про время, бегать пальцами по клавишам, держать ноги на педалях. Когда смолкнет последний звук, надо набрать в грудь побольше воздуха и медленно выдохнуть, чтобы успокоиться. Как это глупо – зависеть от нескольких строк, но с надеждой ждать их от нее? С отчаянием хватать звонящий телефон, чтобы прочитать уведомление о состоянии счета. Зачем она мне тогда написала? Просто пошутила? Непохоже. Или уже ничего не помнит? Но я-то помню! Так прошла неделя.

В среду из Одессы вернулись мои старые друзья. Всех троих знал еще со школы. Они футбольные фанаты ЦСКА. Встретил их на вокзале прямо с поезда, потом пошли в бар на Киевской. Жалели, что меня не было с ними. Слушал их вполуха. Много рассказывали про курортные победы, о том, что одесситы хорошо дерутся; привезли вино в глиняном сосуде и метровой длины бамбуковую ложку для обуви. О себе молчал, да они особо и не спрашивали. Договорились сходить на матч.

Пытался бросить курить. Кирилл рассказал, как это удалось его знакомому. Он обмакнул сигарету в молоко, дал ей высохнуть, и после первой же затяжки его чуть не вырвало. С тех пор парень уже год не курит. «Еще, – добавил Кирилл, – можно в сигарету засунуть свои отстриженные ногти. Говорят, помогает». Ногти я засовывать не стал, а с молоком попробовал, но ничего, кроме неприятного запаха, не получил.

Наконец в пятницу, после долгих дней молчания, получил смс от Вероники. Она писала, что в воскресенье будет свободна и приглашает в галерею современного искусства «Максим Горький» на открытие выставки. А если у меня есть фотоаппарат, то было бы здорово захватить его с собой. Перспектива быть скорлупенным современному искусству меня не очень порадовала, а вот на встречу с Вероникой я уже и не надеялся.

Весь следующий вечер я рылся в своем шкафу – совершенно нечего надеть для свидания. Сконфуженный, я стоял перед зеркалом и оглядывал себя со всех сторон. Ничего не годилось, гардероб уже давно не обновлялся. Все мои выцветшие, застиранные майки, протертые и выдутые на коленях джинсы, стоптанные старые кеды, растянутые свитера и рубашки с желтыми полосами на воротниках – абсолютно не годились для встречи с этой девушкой. Я, морщась, выкидывал вещи на пол и чувствовал, как мои шансы падают. Чем дальше от меня уносился тот вечер в клубе, тем более удивительной становилась Вероника. А наш с ней разговор казался мне теперь таким остроумным.

Я не знал, как поступить. Уже размышлял над предложением для отказа. От волнения откупорил подарочное вино. Оно оказалось на редкость кислым. Оглядел напоследок шкаф: в углу висел серый костюм с хронически длинными рукавами. В нем я выступал на концертах, ходил на экзамены и получил диплом.

Он, так и не дождавшийся ушивки, сиротливо висел в полиэтиленовом пакете. Я вспомнил, что к нему где-то были ботинки, и долго потом их искал.

На одежду было жалко смотреть. Я упал на диван и стал думать. Рядом валялись кое-как заштопанные мною носки. Покрутил их в руках, потом со злости разорвал. Мне уже окончательно не хотелось никуда идти. Для меня была ужасной мысль выглядеть глупо на первом свидании, которого я так ждал. Еще раз пересмотрел все вещи и выбрал несколько самых удачных, из тех, что поновее. Но потом вспомнил, что именно в них Вероника и видела меня на концерте. От досады, скомкав одежду, я швырнул ее обратно в шкаф и пошел курить на лестничную площадку.

На плите тихо кипела картошка; я резал овощи для салата, когда на кухню прикатила бабушка и стала наблюдать за тем, что я делаю.

– Тетя, как ее, я не знаю. Как ее звать? – сказала она наконец.

– Кого? – я выбивал семечки из перца.

– Готовит нам, – обронила бабушка, глядя в окно. Наплыли тучи, накрапывал дождь.

– Кто?.. Нам никто не готовит, – долго рылся в холодильнике. Вместо майонеза решил заправить салат сметаной.

– А?.. Как ее звать-то? – свет проникал только через окно. Я посмотрел на бабушку. Ее маленькая, хрупкая фигура чернела в углу возле белого холодильника.

– Да кого?! – включил свет.

– Ну, какая готовит! – бабушка с нажимом смотрела на меня.

– Я и готовлю! – картошка в мундире была старая и вся почерневшая, я обжег руки, пока ее очищал.

– Ты же нам не стряпаешь! Света вот скоро придет! – бабушка жевала свой язык.

– Хм... А кто нам интересно готовит? – налил в размятую картошку подсолнечного масла.

– Не знаю, как ее звать, – она взяла колечко лука с разделочной доски и съела.

– Да, я тоже не знаю, как ее звать. Сама, наверно, приходит, – я поставил перед бабушкой тарелку с картофельным пюре и салатом и порезал хлеб. Бабушка стала есть, на том разговор и прервался.

Я нажал на кнопку чайника, подогреть воду. Мы жужили молча.

Когда она доела, положил тарелку в раковину и стал наливать чай. Пока заваривал пакетик в чашке, она спросила:

– Который час?

– Полпятого, – ответил я и пододвинул ей чашку с чаем.

– Какого? – в ожидании ответа бабушка всем телом наклонилась ко мне.

– Какого? – мне стало смешно.

– Полпятого? – переспросила она, – что ты говоришь?

– Что написано, – я еще раз поглядел на часы, – то и говорю!

– Темно! Андрей, что наших нету?

Мне пришло смс; пошел посмотреть, от кого. Это была моя сестра Люба. Спрашивала, как дела, и обещала приехать через две недели, к моему дню рождения. Я ответил, что про свои дела напишу ей сейчас по электронной почте. Включил компьютер и пошел на кухню допивать чай с сушками и вишневым вареньем. Было очень приятно, что Люба скоро приедет. У нас с ней хорошие отношения. Возможно, это из-за большой разницы в возрасте. Сестра меня старше почти на десять лет. Я помню, что она всегда делилась со мной своими вещами: плеером, дисками, компьютером. Однажды, когда я был совсем маленьким, подруга моей мамы сказала, что самой стричь сына – дурная примета. С тех пор до девяти лет, пока меня не стали водить к парикмахеру, это делала Люба. Мне, правда, было жаль, что, выйдя замуж, она уехала в Австрию.

От теплого чая по телу разлилось приятное тепло, стало хорошо и спокойно. Я отвлекся от мыслей об одежде, чувствовал себя любимым и нужным, раз сестра и Вероника вспомнили обо мне. Отвез бабушку в ее комнату и уселся за компьютер.

* * *

После окончания мерзляковского училища я поступал в консерваторию. Но на бесплатное обучение не прошел. Слишком разнервничался на последнем экзамене и сыграл не так чисто, как мог бы. Меня официально зачислили, только требовалось до начала учебного года оплатить первый семестр. Поэтому устроился на работу, чтобы откладывать деньги на обучение, но их явно было недостаточно. Я договорился с мамой, и она обещала добавить.

Сейчас я сидел на диване и держал в руках тонкий конверт. В нем была моя зарплата за полмесяца работы. Меня разрывали сомнения. Нужно было взять оттуда совсем немного, чтобы прикупить одежду для свидания. Но, с другой стороны, я уже точно оговорил с мамой сумму, которую заработаю. И теперь, если я начну таскать деньги из конверта, – а за первым разом всегда следует второй, – то я буду очень глупо выглядеть перед матерью. Стану блеять невинные оправдания в трубку. Черт возьми, как мне все уже надоело! Мне хочется доказать и ей, и себе (но в первую очередь, конечно, ей!), что я уже могу хоть на половину, но обеспечить себя сам. А значит, на эту половину не зависеть от нее.

Я подошел к окну. Хотелось курить. Еще, может, даже выпить немного вина, чтобы успокоиться. Почувствовал, как от волнения просыпается нервный тик возле глаза. Я больно ущипнул себя за нижнее веко. Желтый свет фонаря выхватил парочку, которая шла по тротуару. Я стал наблюдать. Они подошли к краю дороги и стали ловить попутку. Мимо них, даже не останавливаясь возле пустой остановки, проехал в сторону центра тридцать девятый номер автобуса. Было начало первого. «Значит, он последний», – прикинул я. Парень и девушка сели в семерку и скрылись за поворотом. Я вдруг подумал, что могу завтра услышать в криминальных новостях, что на окраине Москвы нашли два трупа: молодого человека и девушки.

И если есть хоть какие-то свидетели последних минут их жизни, просьба позвонить по номеру телефона в нижнем правом углу телевизора. «Какой бред я несу», – я поморщился и снова вспомнил про деньги. Явственно услышал словно сейчас произнесенные над ухом слова мамы. Что она гордится моим поступлением. И ей очень приятно, что сын сам пытается заработать на обучение.

Я открыл конверт. Снова и снова пересчитывал деньги, по купюре разложил их на столе. Я вгляделся в пятисотки. На них был изображен Соловецкий монастырь, но только без крестов на куполах. «Значит, на банкноте – Соловки, лагерь для заключенных», – подумал я. Мне стало как-то не по себе. Я взял одну пятисотку, повертел ее, немного помял уголки, посмотрел на свет. «На крайний случай, если не удастся получить много чаевых, можно дополнительно выходить и в утреннюю смену. Ведь Вероника стоит этих усилий», – я сложил деньги обратно в конверт и оставил на столе три тысячи.

Накормил бабушку завтраком и пошел на улицу. После вчерашнего дождя было свежо и слегка прохладно. Заскочил в поликлинику, взял для бабушки в льготной аптеке лекарства и поехал в центр.

Всю ночь мне не давала покоя мысль, что, гуляя, в центре между старым и новым Арбатом я видел вывеску одежды секондхенд. Тогда я прошел мимо, но вчера, вспомнив про тот магазинчик, подумал, возможно, это вариант выйти из положения и сэкономить деньги. С Баррикадной я направился на Поварскую, перешел дорогу к памятнику Ивану Бунину, мимо старого вяза, затем свернул в переулок к Новому Арбату. Все это время, напрягая память, пытался вспомнить дорогу к этому магазину. На улице играло «Арбат радио», мимо меня, стуча досками, пронеслись скейтеры, девушки раздавали флаеры, люди шли, разговаривая и улыбаясь, и, кажется, были счастливы. Я представил себя с Вероникой на их месте. Веселые, беспроblemные, мы идем, обнявшись или держась за руки. Я вспомнил ее улыбающуюся: губы в блеске, крупные белые зубы и чуть широкий от улыбки нос. Сам не зная зачем, я свернул к меховому салону и стал спускаться по лестнице. Слева от меня была привинчена уже немного выцветшая вывеска секондхенда.

Я зашел в магазин. Резко пахло одеждой, свет был приглушен. За кассой сидела худощавая, уже молодая женщина. При свете настольной лампы она читала журнал и даже не обратила на меня внимания. Я огляделся и решил подойти к вешалкам с трикотажем. Некоторые свитера были не лучше моих, а кое-что совсем даже ничего. Я присматривался: из разных размеров и всевозможных цветов можно было долго выбирать. Следом висели сорочки, в большой корзине валялись галстуки, а возле единственной примерочной на вешалках громоздились пиджаки и брюки. Я все просмотрел, но мне так ничего и не приглянулось. Одежда выглядела чужой, даже сиротливой. Оставленные вещи с собственной судьбой. Кто их носил? Где сейчас эти люди? Может, человек умер, а родственники сдали сюда его одежду? А другой отнес

последнее, чтобы купить дозу и забыться? Я посмотрел на продавца: она по-прежнему была поглощена журналом.

Тихо вышел на улицу. Подул сильный ветер, я почувствовал влагу на щеке, словно остался след от поцелуя. Похолодало. Мне стало очень грустно. Подумалось, а вдруг мои усилия тщетны? Или если все сбудется, почувствую ли я потом себя счастливым? Я брел, руки в карманах, хотелось курить, но я себя сдерживал. Купил плитку шоколада – от сладкого у меня всегда поднимается настроение. Но, передумав есть, не выдержал и все же выкурил сигарету. Шоколад бросил в сумку.

Я прошел пешком до Красной Пресни. В магазине «Бенеттон» была большая распродажа. Я зашел посмотреть. Купил черные брюки с атласными лампасами, темно-синие джинсы, белую сорочку и серый свитер – даже удивился, что мне на все хватило денег. Счастливый, шурша бумажными пакетами, я поехал домой.

В комнате бабушки, сколько бы я ни проветривал, всегда ощущается стойкий запах медикаментов. Это оттого, что ее тумбочка полна лекарств. Я знаю их все наперечет, и в какое время их положено пить. Правда, не всегда успеваю проследить, вовремя ли она их принимает. Признаться, мне довольно тяжело ухаживать за пожилым человеком, выслушивать ее капризы, придумывать, что бы еще приготовить, так как она отказывается есть одно и то же блюдо в течение двух дней. Ей кажется, будто еда уже успела испортиться и я пытаюсь ее отравить. Подчас мне не хватает времени, чтобы позаботиться о себе. Все, чем я спасаюсь, это музыка, интернет и шатания по Москве.

Я приоткрыл дверь в ее комнату. Бабушка сидела совсем близко к телевизору и смотрела новости. Меня она даже не заметила. Я отнес покупки к себе и пошел на кухню за водой, бабушке нужно было принять лекарство для снижения давления. Закончив с этим, я пошел в свою комнату, бросился на кровать и сразу же заснул.

Я удивленно смотрел на мобильник, часы на нем показывали 25:20. Приподнявшись, я перевернул телефон – без восьми минут три часа ночи. Во рту пересохло, облизнул губы, они были, как наждачная бумага. Я вспотел, во всем теле, особенно в руках, чувствовалась слабость. Голова кружилась, я сполз с кровати на пол и начал шарить руками в поисках сумки. Мне почудилось, будто спальня выросла в размерах – в темноте не было видно противоположной стены. Искать сумку больше не мог, я почувствовал, что если сейчас не заставлю себя встать, то снова засну, уже на полу. Медленно, опираясь на кровать, я встал. Ноги в коленях дрожали. Я сделал шаг и, чтобы не упасть, ухватился обеими руками за стол. Немного постоял, пытаюсь прийти в себя. Стер с бровей капли пота. Потом вышел в коридор и, держась за стену, направился на кухню. Все вокруг было нереальным, казалось, что я хожу во сне. Хлопнув ладонью по выключателю, зашел на кухню. Я решил искать мед. Банка всегда стояла на нижней полке буфета, но сейчас я не мог

ее найти. Стал выкидывать с полок крупы, рис, муку, пакетики с лавровым листом, но меда нигде не было. Как я мечтал о нем в эту минуту! Осмотрелся – все плыло перед глазами: белые стены, белые занавески, белый холодильник, белая газовая плита и раковина. Я подошел к раковине и смочил лицо холодной водой. Затем взял чайник, он был еле теплым. Сделал себе сладкий чай, с подоконника взял банку варенья. Я знал, что отсутствие аппетита в такие минуты обманчиво, требовалось, пусть даже через силу, есть сладкое. Столовой ложкой принялся зачерпывать вишневого варенья, запивая его чаем. Количество сахара в крови постепенно повышалось, и вялость медленно проходила. Прикончив баночку, я опустился на табурет и, допивая чай, старался припомнить, что со мной произошло сегодня.

Я никому не говорю, что у меня сахарный диабет. Этот страх у меня не прошел с детства. В третьем классе школьная медсестра разболтала всем, что у меня диабет. По ее словам, жить мне оставалось недолго и все должны проявлять ко мне внимание. Так и получилось, из обычного парня я превратился в объект насмешек. Мне пришлось уйти в другую школу. С тех пор о диабете знают только самые близкие. И вы об этом никогда бы не догадались, не случись со мной такого... Я инсулинозависимый с трех лет. Каждый день мне приходится его вкалывать. Но чтобы он расходовался, нужно регулярно есть. А я сегодня перехватил только легкий завтрак. Допив чай, я пошел в свою комнату.

Я устроился в кресле и включил телевизор. Начинался фильм с Делоном и Габеном, но я так и не досмотрел его. Заснул прямо в кресле. Проснулся от того, что бабушка своей палкой тыкала меня в ногу, требуя приготовить завтрак. Было уже около часа дня, и она, видимо, здорово проголодалась. Я поспешил на кухню. Разогрел блинчики с творогом. За едой бабушка ворчала, что нет больше вишневого варенья. Все, что произошло прошлой ночью, я помнил очень смутно.

Я оделся в купленные вчера вещи; ботинки от костюма отыскал на антресоли. Они были как новые, так редко я их носил. Когда с этим закончил, вспомнил, что у бабушки в шкафу есть несколько шелковых платков. Порывшись, я нашел черный с тонкими белыми полосками. Я подумал, что в нем она могла быть на похоронах дедушки. Но, отмахнувшись от этой мысли, повязал им шею. Я преобразился, чувствовал себя теперь элегантным. Так захотелось сесть за пианино, сыграть. Но времени оставалось только на то, чтобы объяснить бабушке, что возвращусь к ужину.

Я торопился: опаздывать было неудобно. По дороге пытался решить, стоит ли покупать цветы? Мы ведь едва знакомы, да к тому же идем на выставку, так что цветы могли бы выглядеть в данном случае не слишком уместно.

Мы договорились о встрече на станции Кузнецкий мост в центре зала. Прибывали и убывали поезда. Я надеялся, что каждый новый состав может привезти Веронику. Я ее ждал, и мне становилось страшно, как

бывает страшно мужчине перед женщиной. Вокруг – вечное движение людей, но я все же надеялся увидеть в толпе Веронику.

В моей голове всегда звучит музыка. От нее никуда не деться, и подчас она доводит меня до безумия. Тогда мне хочется биться головой об стену, чтобы она умолкла. Теперь же какофония звуков метрополитена в моей голове превратилась в эклектичную симфонию. Мне даже захотелось попробовать перенести ее на бумагу, передать шум метро через музыку. Но я не был уверен, что справлюсь. Может, мне просто хотелось сесть за свое старое пианино, которое уже давно нуждается в заботливых руках и чутких ушах моего знакомого настройщика? Открыть обшарпанную, сколотую крышку и начать импровизировать? Или нет, может, я до сих пор мечтаю сесть за тот блестящий концертный рояль из консерватории, вновь коснуться его лакированных клавиш и без помарок (чего мне не удалось на последнем экзамене) сыграть «Серьезные вариации» Мендельсона? Я стал искать плеер в сумке, но вместо этого нащупал запутавшуюся в проводах от наушников вчерашнюю плитку шоколада. Развернул обертку и надломил один ломтик. Как бы она здорово выручила меня прошлой ночью, не оставь я свою сумку в бабушкиной комнате!..

Я еще не оправился после вчерашнего. Во мне снова пробудилось глубоко спрятанное ущербное чувство неполноценности, затаенная боязнь перед женщиной. Девушки быстро прекращали всерьез интересоваться мною, когда я говорил им о своей болезни. Мне всегда казалось, что я буду вечным холостяком. У меня нет тыла, у меня никогда не будет семьи. Мне просто не создать ее.

Время остановилось, я почувствовал, какими холодными от волнения стали руки. Достал мобильник – Вероника опаздывала на пятнадцать минут. Я начал волноваться, а вдруг не придет. Потом вспомнил, что читал на форуме в интернете, как одна девушка любила наблюдать за тем, сколько времени, ожидая ее, простоят парень. Я нервничал. Новых сообщений или звонков от Вероники не было. Мне уже вся эта встреча начинала казаться несколько сомнительной.

Неожиданно со спины ко мне подошли две женщины – блондинка и рыжая. Обеим было за сорок. Женщина с рыжими волосами очень приветливо спросила:

– Простите, вы не могли бы ответить – как вы относитесь к введению Библии в школе?

Я немного опешил от такого вопроса. Хотел даже спросить, почему, собственно, их интересует мое мнение, но передумал.

– ...Ну, я считаю, что это неправильно, поскольку Россия – многоконфессиональная страна. И вводить такой предмет – значит ущемлять права людей с другими религиозными убеждениями. Кроме того, есть много атеистов, – я чувствовал, что начинаю нести околесицу.

Обе женщины меня внимательно слушали. Смотрели прямо в глаза. Или, скорее всего, на переносицу. А Рыжая продолжала.

– Да, я понимаю вашу точку зрения. Но я имею в виду именно Библию, ведь она источник знаний о прошлом и моральных установок для людей.

– Знаете, конкретно о Библии мне трудно что-то сказать, – чувствуя еще большую неловкость, ответил я.

– Хорошо, скажите, а вы ее когда-нибудь читали? – не унималась Рыжая.

– Ну, да. Открывал, – я забеспокоился. Мне очень не хотелось, чтобы Вероника увидела меня в обществе этих женщин.

– Тогда, знаете что, я вам сейчас дам одну очень интересную брошюру, – голос женщины стал очень сладким. Мне даже показалось, что она сюсюкает со мной.

Рыжая принялась доставать из сумочки тонкую книжку с разукрашенной обложкой, на которой была нарисована башня.

– Ой, нет, мне это точно не нужно! – запротестовал я, лишь только разглядев башню.

– А, ну тогда ладно, – обе женщины приятно улыбнулись и пошли к эскалатору.

Я увидел Веронику, когда она выходила из вагона, пряча в сумку небольшую книгу серии «Азбука классики». Первое, что пришло в голову, – спросить, что она читает, но передумал. Она была очень элегантно одета: черное платье с красными и желтыми цветами, сандалии из блестящей белой кожи и белая льняная сумка на длинной лямке. Заметив меня, она заулыбалась и помахала рукой. Воздушные, чуть взбитые локоны каштановых волос скрывали небольшие золотые сережки в форме капель.

– Привет!

– Привет, привет! – она продолжала улыбаться.

– Ты просто потрясающе выглядишь! – сказал я искренне.

– Спасибо, мне очень приятно! – прозвучало так, словно «спасибо, я и сама это знаю!»

Мы пошли к выходу в город. Она молчала. Я же никак не мог найти подходящую тему для разговора. Отчасти из-за интонации, с которой она меня поблагодарила за комплимент, а, возможно, еще оттого, что я и вправду не знал, о чем с ней говорить. Я обычно нервничал, когда в беседе с мало знакомым человеком наступали неизбежные паузы. В такие моменты мне приходилось судорожно думать, чем бы их заполнить, чтобы, не дай бог, не показаться неинтересным или откровенно скучным. Ведь далеко не всегда молчание – это золото.

– Спасибо, что пригласила меня на выставку, – начал было я.

– Ну что ты! Кстати, я забыла дать тебе приглашительный, – она вытащила из сумки плотную глянцевою бумагу с изображенными на ней черно-белыми роботами и протянула мне. Приглашительный был на две персоны.

– А ты часто ходишь на такие выставки? – спросил я.

– Да как тебе сказать. Вообще-то у меня не так много свободного времени, чтобы куда-то часто вы-

бираться. Но у меня есть одна знакомая – замечательный художник. Она либо курирует выставку молодых художников, либо сама выставляет свои работы. И всегда обижается, если я не нахожу времени, чтобы прийти. Кстати, платье, что сейчас на мне, сшила она, – Вероника чуть искоса посмотрела на меня.

– То есть там, куда мы сейчас идем, выставлены работы твоей знакомой? – уточнил я. Она слегка кивнула головой.

Мы поднимались на эскалаторе. Вероника стояла совсем близко. Я разглядел тональный крем на ее лице, я снова почувствовал тот же запах духов. Чуть приторно-сладкий, с легкой горчинкой. Мне казалось, что этот аромат источают ее волосы. Я вспомнил, что когда был маленьким, почти год копил карманные деньги, отказывая себе в удовольствии полакомиться шоколадом в школьном буфете, немного подворовывая из кошелька сестры и мамы. И все для того, чтобы на день рождения преподнести маме небольшой флакон духов. Знаю, воровать, тем более у мамы – это плохо, но свое поведение я оправдывал тем, что на себя ни копейки из этих денег не потратил. Потом мама весь год душилась этими духами. Может быть, как раз запах моих духов и привлек к ней мужчину, увезшего ее впоследствии в Питер и ставшего теперь моим отчимом.

Все это время мы молчали. Эскалаторная лента подняла нас на поверхность, и мы направились к переходу. Я спохватился, что Вероника, может, уже скучает, и начал быстро соображать, о чем бы с ней заговорить. Первое, о чем подумал, это случай с распространительницами религиозных брошюр, которые подошли ко мне пару минут назад. Но я боялся, что слишком увлекусь и меня понесет, поэтому решил задать нейтральный вопрос: «Ты работаешь или учишься?»

– Работаю. Секретарем в одной фирме. У меня уже есть образование, в прошлом году закончила художественное училище в Ярославле.

– А почему не по специальности?

– Ну, как тебе сказать... по моей специальности, особенно в Москве, очень трудно устроиться на хорошее место. Все мы в основном «свободные художники». Как моя подруга, например. Но ей в этом смысле повезло. Она зароманила одну шишку из министерства культуры.

– Разве твоя знакомая не может тебе помочь?

– Анжела? Понимаешь, каждый в жизни пробивается сам. Она все прекрасно знает про меня, однако же помощь свою не предлагала. Уверена, попроси я ее о небольшой персональной выставке – вряд ли она осталась бы моей подругой. Да и времени на творчество у меня совсем нет. Мои дипломные работы выполнены в сугубо реалистическом ключе, и представлять их на выставках современного искусства просто смешно. А Анжела курирует только подобные проекты. Для этого надо быть, что называется, в теме. А мне это, наверно, не дано. В глубине души я даже старомодна. Конечно, я интересуюсь модой, новинками и всем таким прочим, но есть вещи, которые я вряд ли

смогу сделать... Вот и работаю пока секретаршей. Извини, я что-то все только о себе и болтаю.

– Нет, нет! Что ты! Мне очень интересно. Просто жаль, что ты свой талант не развиваешь. Я с тобой согласен: действительно, не просто зарабатывать на хлеб одним лишь творчеством. Но это, по-моему, так прекрасно! В этом есть некоторая неподкупная автономность, независимость художника. Конечно, востребованного художника.

– Быть сейчас востребованным и не впасть при этом в дешевую категорию популярного – весьма не просто. Но знаешь, скажу тебе честно, теперь бы я не отказалась быть какой-нибудь раскрученной, знаменитой модной художницей.

– Я где-то читал, что девушкам-художницам не нравится, когда их называют художницами. Предпочитают мужской род – художники.

– Поверь, мне все равно.

– А почему ты решила пойти работать секретаршей?

– Я ничего не решала. Знаешь, я думаю, мы вообще мало что решаем. Нас просто судьба в определенный момент ставит перед фактом. И ты волей-неволей должна сделать для себя выбор.

– Странно. Я всегда думал, что девушки не прочь работать секретаршами. Это не самая тяжелая работа.

– Не самая, согласна. Но в ней много подводных течений. Я вначале мечтала получить ее, на такую работу в хорошей фирме устроиться сложно. Помню, на собеседовании со мной даже не хотели разговаривать, когда я сказала, что у меня средне-специальное образование, а не вышка. Я тогда возмутилась: «А что, работать в России могут теперь только с высшим образованием?!» Начальнику мой напор понравился! Хорошо, что у меня были курсы машинописи. Так что меня взяли.

Галерея располагалась недалеко от метро. Несколько мраморных ступенек вели в полуподвальное помещение. На стенах возле входа были развешаны большие полотна-афиши с таким же изображением, что и на моем пригласительном. Мы с Вероникой зашли внутрь, пахло ремонтом, вернее, краской. Помещение напоминало длинный, ярко освещенный пенал с раздвижными разноцветными дверями, за которыми, как потом выяснилось, в маленьких комнатах-кабинках скрывались инсталляции художников.

Мы открыли первую дверь и увидели голую железную кровать, ножки которой болтами крепились к полу. На ней не было ничего, даже матраца. На этом аскетичном ложе возлежали два робота. Конструкция их корпуса имела половые признаки: у девушки были ярко накрашенные красные губы и довольно выраженная грудь. Что касается половых органов, то у девушки имелось отверстие. Периодически оно могло само открываться и закрываться. У мальчика был отвинчивающийся пенис, который он заботливо смазывал тонким носиком изящного флакона с машинным маслом. По комнате валялись разбросанные упаковки с пенисами разной формы и длины. На упаковках

можно было прочитать: «Изделие из титана, модель №34», или «Изделие из алюминия, модель № 78», или «Изделие из платины, модель номер №96». Из небольших колонок, встроенных в стену, доносилась совершенно убитая, лишенная гармонии мелодия, обработанная на компьютере. А роботы при этом издавали разные механические звуки страсти. Никакого больше действия в этой инсталляции не происходило. Мы с Вероникой недоуменно переглянулись и пошли дальше.

За дверями следующей комнаты была свадьба двух роботов. На невесте было красивое белое платье, на женихе блестящий черный костюм. На их безымянные пальцы были навинчены золотые гайки. В комнате был установлен проектор, который проецировал на стену длинный белый лимузин.

В ближайшей кабинке разыгрывались роды. Из робо-роженицы на небольшом конвейере выезжали разные детали и части корпуса, из которых роботы-акушеры, одетые в белые врачебные халаты, прямо на кушетке собирали будущего робота. А в следующей комнате изображалась молодая семья роботов на прогулке. Женщина в длинном, коричневом платье на манер моды начала двадцатого века, мужчина был в черном костюме с цилиндром на голове. Рядом стоял их сын – робот, одетый в матроску. В его механической руке была зажата тонкая цепочка, к ней крепился небольшой дирижабль, который кружил над мальчиком.

В других комнатах были другие эпизоды из жизни этой семьи роботов. В конце была смерть родителей, их утилизация. Проектор на стене высвечивал бесконечные поля могил, а на переднем плане возле одной стоял сын-робот на могиле своих родителей. Он издавал звуки, похожие на плач.

Закончив осмотр главной экспозиции, мы стали разглядывать картины. В основном, как мне показалось, это был абстракционизм. Я был удивлен тем, что художники в своих работах использовали совершенно разные материалы: алюминий, стекло, пластик, дерево, резину и латекс.

Из незаметной двери подсобного помещения вышла эксцентрично одетая молодая женщина лет тридцати. Увидев Веронику, она тут же подбежала к ней, обняла и смачно чмокнула в щеку. На ней была широкая ярко-желтая мини-юбка, которая топорщилась, словно накрахмаленная, и тонкие кружевные легены того же цвета. Это была Анжела. Девушки сразу же заговорили о выставке. Вероника хвалила, находя все это чрезвычайно оригинальным и остроумным. Анжела жаловалась, что приходится постоянно выбирать между невероятно талантливыми художниками, многим она вынуждена отказывать, потому что либо они не формат для их галереи, либо все уже занято на месяцы вперед работами других, более удачливых соперников. Вероника меня представила. Мы поздоровались. Я не принимал участие в их разговоре и испытывал довольно странное чувство: едва зная Веронику, уже хотел защитить ее, помочь ей устроить выставку, пусть даже маленькую, но собственную. Я

подумал, что было бы любопытно потом посмотреть на ее работы. Конечно, они могут мне сперва и не понравиться. Что ж, я надеюсь, ее картины не вызовут во мне неприязнь к самому автору. Я представил, что в качестве натурщицы можно использовать мою бабушку, у нее довольно интересное лицо, оно буквально все задрапировано морщинами.

Анжеле уже надо было бежать по делам. Процаясь с Вероникой, она настойчиво повторяла:

– Обязательно приходи, здесь соберутся все.

– Постараюсь, если у меня не будет много работы, – ответила Вероника. Девушки еще раз обнялись, Анжела протянула мне руку, чуть расслабив кисть, словно меня допустили к ручке для поцелуя. Я учтиво пожал ей руку. Мы попрощались и вышли с Вероникой на улицу.

– Совсем заболтала меня, – начала первая Вероника, когда мы немного отошли. – Как она не понимает этого?! Все работы просто ужасные. И это очень печально.

– Работы или рОботы, – пошутил я, заметив, что после выставки Вероника выглядела слишком задумчивой.

– И работы, и роботы! – она повеселела. – По мне, у такого искусства не то что будущего нет, я бы отказала ему и в настоящем. Главное, у них стыда нет выставлять свои работы публично; я бы просто постеснялась, – возмущалась она.

– Я уверен, что время потом все расставит по своим местам. Из этого огромного количества имен останутся самые достойные, – я боялся, что сейчас впаду в ненужную риторику, поэтому больше ничего не сказал.

Вероника взглянула на меня чуть виновато:

– Прости, что пригласила тебя сюда, прошлый раз было интереснее.

– Ну что ты, все в порядке. Главное, что встретились, – мне ужасно захотелось взять ее за руку. Но я не позволил себе этого.

Мы решили посидеть в уютной кафе-булочной.

– А чем занимаешься ты? – поинтересовалась Вероника, когда мы, заказав кофе, сели за столик.

– Работаю и учусь. Вот этим летом закончил музыкальное училище и поступил в консерваторию по классу фортепьяно. А работаю в кафе, – мне сначала не хотелось ей говорить, что я работаю официантом. Но в последний момент передумал: стало интересно, как она на это посмотрит.

– Какой ты молодец, поступил в консерваторию! А в каком кафе у тебя можно сделать заказ? – шутили спросила она.

– Знаешь, пожалуй, я тебе не скажу. У нас такая дурацкая форма, особенно фартуки. Ты потом не захочешь со мной общаться.

– Какой глупый! Я, знаешь ли, не из тех, которые бросают парней, если у них трусы дешевле тысячи рублей.

– Да, но речь-то не о трусах идет, – я улыбался.

– Согласна. Но теперь я от тебя не отстану, пока не узнаю названия этой кафешки, – она придвинула свой стул поближе ко мне.

– Хорошо, хорошо, – тут же капитулировал я, – эта кофейня называется, – я потянул немножко времени, – кафе «Бель Канто». И мы всегда рады вас видеть с девяти утра до десяти вечера.

– Ты знаешь, я вроде там была. Оно находится на Проспекте Мира?

– Да, точно. Но я тебя не видел. Хотя я там и месяца еще не работаю.

– Я давно туда ходила с подругами, еще зимой.

Мы сидели и болтали о разных вещах, пока незаметно не наступил вечер. Мне уже нужно было домой, кормить бабушку, давать ей лекарства, убирать за котом. Договорились встретиться на следующей неделе.

* * *

– Опять по девкам шляется! – бабушка была раздражена. Не успел я прийти, бабушка и кот тут же собрались на кухне – всех надо было накормить.

– И не говори! – пробормотал я. У обезжиренного творога, купленного для бабушки, сегодня истек срок годности. Я решил не рисковать и бросил в кипяток пельмени.

После ужина я пошел в свою комнату, сел за пианино и начал играть. Это была даже не импровизация, а настоящая фантазия. Эмоциональный порыв, когда я обыкновенно забывал обо всем и просто наслаждался музыкой. Дверь чуть приоткрылась, из коридора показалась бабушка. Ей нравилось слушать мою игру. Она, замерев, смотрела на меня и всегда приговаривала одно и то же: «Как пальчики бегают, как пальчики бегают». Когда на часах было ровно десять вечера, умолк последний аккорд. Я больше не позволяю себе играть после десяти. Раньше из-за этого часто возникали конфликты с соседями этажом выше. У них растет ребенок, которого укладывают спать очень рано. А мне все эти годы приходилось играть на пианино по четыре-пять часов. И чаще всего ближе к вечеру. Соседи как-то раз даже вызвали милицию, жалуюсь на шум снизу. Они не могут мне запретить играть хоть целый день, но если я продолжу хоть на минуту после десяти – сразу начинают стучать по трубам.

Я пошел на кухню и заварил крепкий чай. Потом вернулся в комнату и включил компьютер. Никто мне ничего не написал. Я задумался о том, кого можно пригласить на день рождения. Я не хотел собирать вместе друзей из училища и со школы. Поэтому решил позвать только Веронику. Я открыл окно – теплый ленивый ветер наполнил шторы, как паруса; я лег на диван, пил чай и слушал город. Проезжали машины, доносились гудки поездов, смех прохожих на улице, и чувствовал, как незаметно ускользает от меня этот прекрасный день.

Я никогда раньше не вел дневник. Порывлся в столе, достал тетрадь, которая осталась еще со школы. Выдернул несколько исписанных листов и начал с того, что поставил сегодняшнюю дату. Немного поразмыслив, решил описать наше знакомство с Вероникой и сегодняшнюю встречу. Перечитав, поморщился: это был один восторженный лепет. «Ладно, – закрыл тетрадь, – как есть, так и есть».

Заглянул в бабушкину комнату: ей перед сном полагалось принять лекарство от давления. На тумбочке возле кровати неярко горела лампа, свет от которой легкими соломёнными мазками падал на стены и потолок. Рядом, возле платяного шкафа, стояла ее коляска, из-под кровати выглядывал горшок. Бабушка любила читать перед сном, лежа в постели. Вот и теперь в ее руках был томик Тургенева и большая лупа. Она склонилась над книгой и медленно водила лупой по странице, чуть бормоча. Ее тонкие седые волосы, днем собранные в пучок, сейчас были распущены и скрывали лицо. Выглядывал только широкий, слегка приплюснутый нос. Она им почти уткнулась в книгу – так плохо видела. Днем она носила старые, чуть перекошенные очки с толстыми стеклами, делавшими ее глаза в два раза больше обычного. Я про себя называл эти очки – телескопами. Она их постоянно забывала: то в ванной, то на кухне, то теряла в своей комнате.

«Интересно, кто будет заботиться обо мне, когда я состарюсь?» – неожиданно для себя подумал я.

* * *

Мы встретились с Вероникой на следующей неделе в среду, затем еще в субботу. Потом еще и еще, и виделись уже почти каждый день. Но в душе у меня было гадко. Чем ближе она мне становилась, тем дальше я пытался отодвинуться от нее. Когда она тянулась, закрыв глаза, чтобы поцеловать, я не мог разжать своих губ. Казалось, что я ее обманываю. Не спорю, что, может, слишком преувеличивал значение своей болезни, но уже одна мысль о ней сильно угнетала. Я часами просиживал в интернете на форумах людей, больных диабетом с рождения. Так, многие вели абсолютно полноценную жизнь, не замыкаясь в себе. Меня же преследовали потаенный страх и вместе с тем сокровенное желание – признаться ей сразу, пока отношения между нами не затянулись в крепкий узел. Я вздрагивал, когда она вдруг говорила, что чувствует, будто я от нее что-то скрываю. Я отводил глаза, когда видел в зеркале вместо своего лица одну лживую маску. Тогда я спрашивал себя: «А стал бы ты дальше встречаться с такой девушкой, зная про ее недуг? Да, в разы больше обычных здоровых, полных жизни девушек. Зачем ей бросать на жертвенный алтарь свою молодость?»

Однажды утром, когда колол себе инсулин, телефон принял сообщение от Вероники. Она писала, что я лучшее, что было у нее в жизни. Я со злости швырнул мобильный о стену. Поломался корпус, отлетела батарея, чуть треснул дисплей. Я кое-как собрал его и ответил, что очень люблю ее.

Я почувствовал, что больше не могу скрывать от нее свой диабет. В субботу мы должны были пойти в кино. Я размышлял, как деликатнее поступить: сказать ей об этом до фильма или после. Но ничего не вышло. Бабушке с пятницы на субботу стало очень плохо. Подскочило давление, разболелось сердце. Я только и успевал, что капать валокордин, класть ей под язык валидол, обмахивать картонкой из-под ко-

робки конфет. Ей было так плохо, что я уже думал вызвать неотложку.

Наступило утро, я всю ночь не спал. Померил давление, оно все еще было выше нормы. Как назло у бабушки закончился нормодепин. Я собирался уже бежать за ним в аптеку. Но мне позвонили на мобильный. Это была Вероника.

– Привет, Ника. Ты знаешь, боюсь, что сегодня кино отменяется.

– А что так?

– Просто бабушке очень плохо.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Ну, если тебе не сложно, пожалуйста, купи в аптеке такое лекарство, – я продиктовал по слогам, – нор-мо-де-пин. Хорошо? – я назвал свой адрес.

– Не волнуйся, через полчаса буду.

Она приехала даже раньше. Встревоженная, с большими от волнения глазами, с неуложенными волосами. Сразу такая родная. Мне было необычно смотреть на нее в обстановке собственной квартиры. Из коридора увидела на кровати мою бабушку. Спросила, чем еще может помочь. И приготовила завтрак. Я решил пока не думать о болезни, не допускать мысли, что недостойн Вероники. Конечно, неизбежно наступит такой момент, когда я ей обо всем расскажу. Но сейчас стоит попробовать, дать возможность ей решать все самой.

В те дни я по двенадцать часов работал в кафе. У меня даже оставались лишние деньги, появились клиенты, которые знали меня по имени и, жмурясь от удовольствия, говорили: «Мне как обычно, пожалуйста». Вечером я готовил обед для бабушки, утром перед работой разогревал первое и наливал для нее суп в большой термос. На выходных ездил на оптовые рынки цветов – Вероника очень любила белые розы, я покупал сразу пятнадцать и дарил ей. Они стоили дешевле, чем пять таких же роз в цветочном ларьке.

По вечерам бабушка прикапывала ко мне в комнату и жаловалась, что я больше не разговариваю с ней. Мне было неловко слышать от нее это. Тогда я спрашивал, как прошел ее день, чем она занималась и интересные ли показывали новости.

* * *

У Вероники есть огромный пес, бразильский мастиф по кличке Дизель. Это крупная собака, песочного окраса, с длинным хвостом и висячими ушами. На внутренней стороне левого уха было поставлено небольшое клеймо заводчиков. Собака сначала меня здорово облаяла и уже потом, обнюхав ноги, подпустила.

– Учуял твоего кота, – заметила Вероника.

– Откуда у тебя такой? – не выдержал я.

– На улице валялся, – усмехнулась Вероника и погладила мощную шею собаки.

– Да ладно, чтоб такой и валялся. Серьезно, откуда?

– Говорю же тебе – на улице подобрала!

– Ладно, раз не хочешь говорить...

Мы втроем отправились на прогулку во Владыкинский лесопарк. Сели на скамейку, Дизель улегся рядом. Прохожие улыбались, глядя на собаку; те, кто гулял с детьми, показывали на ее пальцем. Дизель был очень добродушным, постоянно лизал руки Веронике, а мне давал себя гладить.

– Так жарко! Хочешь мороженого? – спросил я.

– Нет, спасибо! Что-то не хочется, – лениво ответила Вероника.

– Мы с тобой встречаемся почти три недели, а я не знаю твоего любимого мороженого.

– Нет такого! Я его не ем.

– Почему? – удивился я.

– Знаешь, когда ты удивляешься, у тебя брови поднимаются домиком. Совсем как у Пьеро.

– Эээ... Что-то я не припомню, чтобы у Пьеро поднимались брови, – смутился я.

– А я помню!

– Не важно! Так почему ты не ешь мороженое, следишь за фигурой?

– Да, нет. Глупо говорить, но я просто боюсь заболеть.

– От мороженого в такую жару не заболеешь! – запротестовал я.

– Слушай. У меня работа с одним выходным в неделю. Мне болеть никак нельзя! Да, я не ем мороженое! Я и воду холодную не пью! Но я же тебе не запрещаю самому есть.

«У каждого свои тараканы», – подумал я. Мы купили два больших пакета чипсов. Дизель пристроился рядом с ними и поджедал картошку, оброненную на землю.

– Я бы очень хотел, чтобы ты пришла на мой день рождения.

– А кто еще будет?

– Никого не приглашал. Хотя обещала приехать моя сестра. Я тебя с ней познакомлю.

– Ой, лучше не надо! Я уже чувствую, что не понравлюсь ей.

– Брось говорить ерунду!

– Знаешь, я вчера подумала, что хочу написать твой портрет. Ты красивый, только не зазнавайся.

– Ты же знаешь, я самый обычный! Но перед тем, как соглашусь, я могу посмотреть на твои работы?

– Я же тебе уже говорила, что нет!

– Ну, это же глупо стесняться непонятно чего. Ты меня этим обижаешь!

– Какой обидчивый! – фыркнула она.

– Нет, правда! Слушай, давай так, я тебе сыграю на пианино, а ты мне покажешь свои картины! Идет? Она с минуту молчала.

– Хорошо. Уговорил. Только обещай, что не будешь смеяться.

– Клянусь тебе! – я поднял правую руку.

Наплыли тучные тучи, закрыли собою солнце. Стало прохладно. У меня в сумке лежала толстовка с капюшоном, и я предложил ее Веронике. Она так необычно на меня посмотрела, словно была удивлена тем, что я угадал ее мысли. Вероника обвила руками мою шею и первый раз поцеловала в губы. Дизель сра-

зу занервничал, стал протискиваться между нами и, встав на задние лапы, передние положил ей на плечи.

– Фу, Дизель, испачкаешь меня, – она легонько оттолкнула его, – даже не знаю, что с ним делать? – вздохнула Вероника. – Ест много, а это тоже денег стоит, еще гулять с ним по два раза в день. Я уж не говорю про прививки там разные. Да и ребята по квартире стонут от него.

Вероника с подругой снимали комнату в двухкомнатной квартире у станции Речной вокзал. В соседней комнате жили парень с девушкой. По словам Вероники, конечно же, было тесновато, особенно по утрам, но зато весело по праздникам. Единственной проблемой была огромная собака Вероники. Ее подруга, Ольга, жаловалась, что из-за Дизеля не может приглашать своего молодого человека. Выгнать в коридор такую псину в отсутствие Вероники – непростая задача. Он всегда лежит возле дивана хозяйки, рычит, лает и скалит зубы.

* * *

За неделю до моего дня рождения Люба написала, что прилетит в Москву двадцать второго вечером, и предупредила, чтобы я не встречал ее в аэропорту. Прикинув, я решил, что лучше всего позвать Веронику утром, она все эти дни ныла, что стесняется знакомиться с моей сестрой. Я немного волновался: уборка квартиры, праздничный стол – все было на мне.

Начав уборку с самого утра, я кое-как закончил ее к вечеру. У бабушки в тумбочке лежала небольшая записная книжка с пожелтевшими, заляпанными страницами ее любимых рецептов. Сложность заключалась в том, чтобы разобрать бабушкин почерк. Немного полистав, я решил испечь яблочный пирог, поскольку рецепт к нему был написан наиболее разборчиво. Я еще с детства помнил его вкус, он был одним из моих любимых, после зефирного торта и «Наполеона». Сбегав в магазин за продуктами, я удержался и не купил сигарет. Эта маленькая победа над собой была для меня особенно важна: я начал выполнять данное себе обещание бросить курить, как только у меня появится девушка.

Но очень скоро на смену моему приподнятому настроению пришло неприятное волнение; хоть я и месил тесто, а руки словно нечем было занять. Я начал раздражаться. Бабушка прикатила на кухню и удивленно, во все глаза смотрела, как у меня на всех четырех конфорках варится и жарится. Потом стала докучать разными вопросами: к чему это все, кто столько есть будет? Меня разозлило, что она напрочь не помнила про мой день рождения. Потом, учуяв запах мяса, пришел и кот. Сел напротив меня и стал нервно бить хвостом. Я всех прогнал – места было мало, одна коляска бабушки занимала полкухни, но кот не уходил, а только и ждал, как бы чего-нибудь стянуть со стола.

Хорошо, что я умел немного печь. В нашем кафе всю выпечку мы делаем сами, прямо на месте, поэтому был уверен, что справлюсь.

Интересно, что мне подарят, – размышлял я, мечтая о гитаре. В свободное время, гуляя по горо-

ду, я выискивал разные магазины с музыкальными инструментами. Все искал, где подешевле. В нотном магазине на Тверской не устоял перед самоучителем по гитаре. Однажды она мне приснилась. Удивительно даже, я никогда во сне не видел Вероники, а вот гитару обнимал. Но меня это, напротив, расстроило. Я давно замечал за собой такую странность, когда я чего-то очень хочу и это вдруг мне снится, я никогда не получаю желаемого. Может, в этот раз примета не сработает, – тоскливо думал я, – мне так не хотелось остаться без гитары.

Приятно просыпаться, когда солнце будит тебя. На часах без пятнадцати двенадцать. Я быстро оделся: в час должна прийти Вероника. Бабушка к этому времени встала и уже успела сама позавтракать. Я немного волновался, решил купить шампанского, но потом передумал и принес бутылку красного вина. Я заметил, что этим утром бабушка вела себя гораздо активнее, чем всегда: сама, без моей помощи, сходила в туалет, позавтракав, пыталась помыть за собой посуду, много ездила по квартире. Обыкновенно она почти целыми днями не выходила из своей комнаты. И мне совсем не хотелось, чтобы она увидела Веронику. Я знал, что она сразу же разворчит, поднимет шум, мол, чужие по квартире шастают, что я непонятно кого в дом привожу, девок разных. Потом обязательно как можно тише подъедет к комнате, в которой находятся гости, и станет незаметно наблюдать за нами.

Такие моменты в ее поведении меня ужасно раздражают, если даже не огорчают, поэтому я практически не приглашаю к себе друзей. Разумеется, я прекрасно понимаю, что она уже очень старая, и мне приходится просто терпеть и смиряться. Неизвестно еще, каким я буду в ее годы.

Чтобы немного отвлечь бабушку, я сказал, что сегодня прилетает Люба и ей следует немного прибраться в своей комнате. Она вначале мне не поверила, пришлось ее долго убеждать, прежде чем она удалась к себе и закрыла дверь на ключ. Через минуту услышал из ее комнаты звуки телевизора. Было уже около часу дня, мне оставалось только накрыть на стол. В серванте я отыскал бежевую праздничную скатерть, но на ней оказались пятна. Пришлось бежать в ванную и отмывать их, потом сушить скатерть феном. Наконец, я расстелил ее на столе, принес из кухни еду, красиво разложил все по тарелкам и салатницам, поставил пиалу с конфетами, а в центр стола блюдо с фруктами и открыл вино. Напоследок решил проветрить комнату.

Вероника опоздала минут на двадцать. Она послала сообщение, что уже стоит перед входной дверью. Мы еще вчера договорились по телефону, что Вероника придет не одна, с Дизелем. Ольга настояла, чтобы в воскресный день в отсутствие хозяйки пса в комнате не было. Я тихо открыл, чтобы не услышала бабушка, и пригласил ее зайти. Дизель осторожно ступил внутрь и стал обнюхиваться. Мы дали ему немного мяса и заперли на кухне.

– Поздравляю, это тебе! – зашуршала подарочная упаковка.

В моих руках оказалась небольшая коробочка, обернутая фиолетовой бумагой.

– Интересно, что там? – я легонько потряс подарок.

– Разверни и увидишь, – Вероника уже косилась на праздничный стол.

Я осторожно, чтобы не порвать бумагу, развернул подарок. Это была коробочка с мобильным телефоном. Я удивленно поднял глаза на Веронику. Она смотрела на меня и улыбалась.

– Я просто заметила, что твой телефон весь разбит. Вот и нашла тебе подарок. Нравится?

Я ступешался, ведь сам по глупости, распалившись на Веронику, со злости швырнул свой мобильный об стену. А теперь она, словно догадавшись о случившемся, дарит мне новый телефон.

– Спасибо тебе, родная. Это дорогой подарок, – обнял ее, поцеловал. Я чувствовал себя неловко – прекрасно знал, что Вероника зарабатывает немного, экономит на всем. Правда, имеет слабость к дорогой косметике. «Вот и я знаю, чем ее порадовать». Неожиданно вспомнил, как ровно год назад получил в подарок от Лены айпод, по спине побежали мурашки. Продолжая обнимать Веронику, зарываясь ладонью в ее густые волосы, я подумал, что сегодня еще должна позвонить мама.

Помог Веронике сесть за стол. А сам вокруг крутился, наполнял ее тарелку, хвалил приготовленные мною же свиные отбивные, подливал вино.

– Как вкусно! Неужели это все ты сам приготовил?! – восхитилась Вероника.

– Знаешь, у моей бабушки столь взыскательный вкус, что она меня просто вымуштровала на кухне.

– Да, кстати, как она себя чувствует? – поинтересовалась Вероника.

– Гораздо лучше! Очень бодрая сегодня! Как бы она тебя сейчас не увидела! Другую женщину в этом доме она, боюсь, не потерпит!

– Ха-ха, она тебя ревнует. Значит, любит.

– Да уж, любит, – крякнул я, наконец усевшись за стол.

Вероника принесла из проката фильм Жана-Люка Годара «Две или три вещи, которые я знаю о ней». Все актрисы в фильме были удивительно красивы, почти все курили, что заставляло меня все чаще сожалеть о данном себе обещании.

– Я заметил, ты больше не куришь?

– Как видишь, нет, – она поставила фильм на паузу, – а ты бросил?

– Да, со вчерашнего дня бросил, – ответил я не без нерва в голосе.

– Хм, знаешь, я где-то слышала, что производители антитабачной продукции больше всего прибыли получают в новый год. Когда люди говорят себе, что с нового года изменят навсегда свою жизнь и завяжут с этой привычкой. Вот, так и ты.

– Хочешь кофе?

– Да, не отказалась бы.

– Тебе черный или с молоком?

– Со сливками, пожалуйста.

– Но у меня нет сливок. Я могу сбежать за ними в магазин.

– Нет, нет! Тогда уж черный, и четыре ложки сахара.

– А не слипнется столько сахару? Моя бабушка кладет по восемь, но ей девяносто шесть.

– Знаешь, мне уже расхотелось.

– Все, я уже иду.

Я принес половину пирога из кухни, мы пили кофе, пытались понять сюжет фильма, я больше смотрел на нее, чем в телевизор.

– Тебе не нравится фильм, – она сложила руки на груди.

– Нет, почему же. Просто ты такая красивая, – я потянулся к ней, чтобы поцеловать.

– А мне вот не нравится. Не люблю фильмы про проституток. Я взяла его только из-за Марины Влади.

– Тебя можно поцеловать, или ты так и будешь рассуждать о фильме?

– А ты не спрашивай. Просто поцелуй.

– У тебя что-то к зубу прилипло.

– Вот идиот! – она резко встала. Возле противоположной стены стоял платяной шкаф с зеркальной дверцей.

Я удержал ее за руку, повалил на диван и стал целовать. Она обхватила мою шею. Нестерпимо захотелось сказать, что люблю ее.

– Подожди, мне неудобно, – Вероника достала из-под спины пульт от телевизора.

– У меня еще никогда не было такого потрясающего дня рождения.

– На зубе есть какая-то ерунда, правда?

– Дай взглянуть. Теперь уже нет.

– Зачем ты сказал это? Мог бы и промолчать.

– Вероника, я люблю тебя. Я должен тебе сказать это.

Она крепко обняла меня. Я дышал ароматом ее волос. Мне показалось, что слышу всхлипывание. На ее ресницах замирали слезы, потом падали и текли по щекам в два ручья.

– Что случилось?! – не понял я.

Она не отвечала и продолжала реветь.

– В чем я виноват? – испугался я.

– Ни в чем! Просто я боюсь, что, если ты переспшишь со мной, то потом бросишь.

– Что за глупость? Почему я должен так поступить?

Она немного успокоилась, потянулась за своей сумкой и достала бумажный платок. Я сел на пол и разглядывал ее покрасневшее лицо с потекшей тушью и хлюпающим носом.

– Вероника, я не знаю, поступали ли так парни до меня, это не мое дело. Но просто поверь, что я никогда так не сделаю. Я буду потом противен самому себе, понимаешь?

Мне показалось, что она почти не слушала, но когда я закончил, быстро закивала. Мы молчали. Она сидела, словно сломанная, обхватив колени руками, мыслями далеко отсюда, вся такая несимметричная и

грустная. Я присел рядом и обнял ее. Впервые увидел ее слезы. Меня так и подмывало спросить про ее бывших, но я не позволил себе любопытства.

Мы около часа сидели на диване, обнявшись, давно позабыв про фильм и мой день рождения, что вообще есть пространства, кроме этой комнаты. К нам зашел кот, он понюхал воздух, потом стал вертеться у ног и прыгнул на колени.

– Я немножко боюсь котов, – Вероника осторожно погладила Рыжего.

– Это странно слышать от девушки, у которой живет такой динозавр.

– У Дизеля нет маленьких острых когтей. Неприятно, когда коты царапаются.

– Он у нас добрый! Правда, Рыжий? – я взял его на руки и стал тискать.

– Знаешь, извини, что я тебе здесь устроила. Просто нервы немного сдали. Очень устала на работе.

– Не извиняйся! Я все понимаю, с каждым бывает, – смущенно посмотрел на нее.

– Еще раз с днем рождения! – она меня поцеловала.

Раздался звонок из домофона. Я пошел узнать, кто это. Это была сестра. Я занервничал и заглянул в комнату предупредить Веронику.

– Она сказала, что придет вечером, – пробормотал я, словно оправдываясь.

– Я так и знала, что мы с ней обязательно встретимся, – Вероника забилась в угол дивана и сидела, обхватив руками подушку.

Я распахнул входную дверь, заскрипели раздвигающиеся двери лифта, и я увидел Любу. Про себя я отметил, что она сильно изменилась. У сестры были теперь пышные, очень светлые волосы, с длинными вьющимися локонами. Ее маленькие широко посаженные глаза стали на удивление выразительными. Она была одета в красивое легкое платье цвета бирюзы. – Потрясающе выглядишь! – улыбнулся я. Мы расцеловались, я взял ее сумки. Сестра зашла в комнату.

– О, да у тебя гости! – она оценивающе посмотрела на Веронику.

– Добрый день, – Вероника встала и неуклюже кивнула головой.

– Добрый. А бабуля где? Как она себя чувствует? – Люба пошла в комнату бабушки.

– Она у себя. Отдыхает, – сказал я вдогонку, – ну что ты так сконфузилась? – я обнял Веронику.

– Мне лучше уйти, – она достала диск с фильмом из плеера.

– Если хочешь, останься.

– Нет, нет! Я ведь тем более не одна, с собакой пришла! – заторопилась Вероника.

Я не нашел, что на это возразить, но внутри просто разрывался. Мне было очень неприятно, что Вероника уходила прямо сейчас, расстроенная, с еще красными от слез глазами. С другой стороны, мне так хотелось посидеть вдвоем с сестрой, угостить ее с дороги, узнать, что нового. Потом вечером прогуляться с ней по Патриаршим, посидеть в баре, а ночью прийти домой и включить старую советскую комедию или сы-

грать в карты. Я обнял Веронику за плечи и поцеловал. Квартира наполнилась басистым лаем Дизеля, и сразу же за ним раздался Любин визг. Мы помчались на кухню. Люба стояла возле холодильника, не смея шелохнуться, с огромными от ужаса глазами, а из-под стола выглядывала оскаленная, вся в слюнях, морда Дизеля, который не переставал лаять.

– Фу, как тебе не стыдно! Плохая собака! – накинулась на него Вероника.

– Чей это пес? – еле слышно произнесла Люба.

– Мой, извините, пожалуйста. Он вообще тихий, просто увидел незнакомого человека.

– Это значит, я теперь чужая в собственной квартире?! – передернула Люба, когда Вероника, крепко держа пса за ошейник, повела его из кухни в прихожую. – Мы потом еще поговорим, – фыркнула она мне.

Я уже не мечтал ни о прогулке, ни о баре, ни о фильме. Пошел в комнату за Вероникой. Дизель сидел на поводке, привязанный к ручке от входной двери. Вероника уложила диск в коробку и бросила в сумку.

– Пожалуйста, передай Любе мои извинения. Мне очень неловко, что так все вышло, – шепнула она мне на ухо, затем чмокнула в щеку.

– Вы что тут, издеваетесь надо мной?! – из коридора снова донесся вопль моей сестры.

Я ринулся первым в коридор. Дизель, задрвав лапу, мочился на туфли Любы. Увидев это, Вероника с такой силой ударила собаку по задку, что Дизель аж присел, рывком развязала узел и, вся раскрасневшаяся от стыда, выбежала в подъезд. «Извините за все!» – крикнула она, с грохотом сбегая по лестнице.

– Это же Маноло Бланник! – чуть не плача воскликнула Люба. Она подняла туфлю, из нее на пол вытекла струйка мочи.

– Сейчас все уберу, – заторопился я.

Побежал за тряпкой, вымыл пол в прихожей, протер туфли и незаметно опрыскал их освежителем для воздуха. Люба минут на десять пропала в ванной, моя руки.

– Давно ты с ней знаком? Кстати, как ее зовут? – в голосе Любы чувствовалась насмешка.

– Чуть меньше месяца, а зовут ее Вероника.

– Ах, Вероника... А почему она пришла в дом с собакой?

Я немного подумал, прежде чем ответить.

– Просто я думал, что ты прилетишь вечером, как мне и сообщила. А днем мы планировали вместе с собакой пойти погулять в Ленинградский парк.

– Знаешь, судя по твоим словам, ты словно не рад тому, что я вообще прилетела.

– Люба, прошу тебя, не начинай! Мне действительно неприятно, что тут такое произошло. Но это не моя вина и даже не Вероники... – сестра перебила меня.

– Правильно, это моя вина! Что я приехала и вам помешала развлекаться, – Люба помолчала немного, – ладно, может я и вспыхнула. С днем рождения! – она улыбнулась. – Ты ведь еще не открывал свой подарок.

– Нет, когда у меня на это было время, – ответил я, а про себя подумал, что лучшим подарком были бы просто деньги.

Я достал из пакета небольшой сверток с большим желтым бантом. Срезал бант, порвал бумагу – там оказался футляр с дорогими часами.

– Люба, ну зачем! – это же такие деньги.

– Все для моего младшего братишки, – как в детстве, стала сюсюкать со мной Люба.

– Знаешь, если я поеду с такими в метро, то все будут уверены, что я, как дурак, купил дешевую подделку в переходе. И теперь красуюсь.

– Надеюсь, ты доволен? – вопросительно подняла бровь Люба.

– О чем ты говоришь?! Я просто счастлив! – я так крепко обнял сестру, что она взвизгнула.

Мы поставили на стол чистые тарелки и столовые приборы. Потом позвали бабушку и помогли ей пересестись на стул. Никаких пожеланий и тостов не произносили, все просто молча ели, каждый думая о своем. Потом мы с Любой отнесли грязные тарелки и бокалы на кухню, а в самый центр стола поставили мой яблочный пирог, я разлил по чашкам чай. Бабушка ела свой кусок пирога, почти уткнувшись носом в тарелку. Люба, видно, отвыкла от таких картин и, смешавшись, отвела глаза в сторону, потом подняла взгляд на меня. Я сделал вид, словно ничего не заметил.

– Знаешь, а тебе тут не позавидуешь, – произнесла она негромко.

– Ты имеешь в виду бабушку? – я перешел на шепот.

– Да, ее.

– За ней же должен кто-то ухаживать, – я сделал невозмутимое лицо.

– Да, да. Все верно. Ты, наверно, только и думаешь, когда же она умрет.

– Бог свидетель, что нет, – я покосился на бабушку. Она поймала мой взгляд и заулыбалась своей блаженной отстраненной улыбкой. – Все забываю тебя спросить, – я решил сменить тему, – а почему ты приехала сегодня раньше?

– Ну, я собиралась навестить маму. Но ее в последний момент задержали еще на день в командировке, и я полетела к тебе. Ты же знаешь, она всегда найдет время для работы, но не для семьи. Вот ты когда последний раз с ней встречался?

Я в ответ пожал плечами.

– Что это за девушка...ммм... Вероника, правильно? – продолжала Люба.

Я утвердительно кивнул.

– Как тебе объяснить. Это девушка, с которой я познакомился в клубе около месяца назад. Она снимает комнату вместе со своей подругой, и у нее есть большая собака, которую зовут Дизель.

– Что у нее есть невоспитанная псина, я это и сама уже знаю. Кстати, какие хозяева, такие у них и животные.

Я нашел в себе силы промолчать.

– Ты говоришь, она снимает комнату; по всей видимости, она приезжая, так?

– Да, она из Ярославля.
 – Из Ярославля! Зачем, скажи мне на милость, тебе девушка из Ярославля? – холодно рассмеялась Люба.

– Затем, что она мне нравится.

– Все правильно, она тебе нравится, а у нее глаз лежит на твою московскую двухкомнатную квартиру в сталинском доме.

– О чем ты говоришь? Какая квартира?

– Слушай меня. И слушай внимательно: трех месяцев не пройдет, как она позвонит тебе и скажет, что беременна. Как они эти фокусы делают с дырявым презервативом, будь уверен, я-то знаю. Сама уже пятый год замужем за австрийцем живу.

Я смотрел на сестру в упор и уже готов был бросить ей: «Не суди всех людей по себе», а потом вернуть часы. Но Люба налила себе еще чаю и, словно ничего не замечая, продолжала дальше:

– У меня до сих пор в голове уложиться не может, что ты просто так взял и отшил Люси. А сейчас нашел себе какую-то Веронику из Ярославля, – она отвернулась и стала барабанить пальцами по столу.

С Люси меня через интернет познакомила Люба. Эта девушка жила в Айзенштадте и тоже была больна с детства диабетом. Она являлась дальней, седьмая вода на киселе, родственницей мужа Любы. Моя фотография этой девушке понравилась, и она решила начать переписку. Мы писали друг другу по три-четыре коротеньких письма в неделю. Немецкий я совершенно не знал, английский же на твердую четверку, на нем мы и общались. Все это время я и понятия не имел, как она выглядит. Сестра ее фотографию мне так и не прислала, а спрашивать ее у Люси мне было не совсем удобно. Так мы переписывались около двух месяцев, постепенно ее письма становились все более интимными и доверительными. На зимние каникулы она даже хотела приехать ко мне в Москву, чтобы встретиться. Чтобы расширить общение, она предложила купить веб-камеры. Вот тогда-то я ее впервые и увидел. Она оказалась далеко не такой красавицей, как ее рисовала мне сестра, и вела Люси себя очень странно: раскладывала вокруг себя на столе разные мягкие игрушки, разговаривала со мной якобы от их лица, придумывая каждый раз им новый голос. Это было совсем не забавно, как потом доказывала мне Люба. Я постепенно прекратил общение с Люси, сначала соврав, что не работает камера, а потом, что и вовсе неполадки с интернетом: «You know, that this is Russia. And that here nothing works well»* – была моя последняя фраза в нашем эпистолярном романе.

Я помог бабушке встать из-за стола и, усадив обратно в коляску, отвез ее в комнату. Люба пошла на кухню мыть посуду.

Около семи вечера позвонила мама. Я очень обрадовался, услышав ее тихий, уставший голос. Она поздравила меня с днем рождения. Сказала, что в качестве подарка перевела мне деньги. Мы говорили около часа. Оказалось, что у нее на работе проблемы:

она боялась попасть под намеченное на конец года большое сокращение. У меня сжалось сердце, когда она извинилась, что почти не звонит и редко приезжает. Спрашивала о здоровье бабушки и хватает ли мне денег. Я рассказал, что у меня появилась девушка и работать теперь приходится гораздо больше обычно. Ей было приятно, что у меня есть любимый человек. Набравшись храбрости, я сообщил ей, что она не москвичка. Это, к моему удивлению, маму совершенно не взволновало. Заручившись ее поддержкой, я немного успокоился. Потом телефон пошел по кругу сначала бабушке, потом сестре, а в конце снова мне. Мама еще раз поздравила меня и обещала на несколько дней вырваться к нам.

Вечером мы с Любой прогулялись по центру, посидели в кафе на летней веранде, пили фруктовый чай, болтали, дурачились, словно ничего не случилось сегодня днем. Было прекрасно и немного грустно. Жаль, пройдут эти несколько дней, и сестре придется уезжать обратно. Потом будет тоскливо на душе, скоро наступит осень, я останусь снова с бабушкой, один на один со своими заботами и проблемами. Но, словно очнувшись от этих мрачных мыслей, я вдруг вспомнил, что в моей жизни теперь есть Вероника. Я на мгновение представил ее осенью, стоящей в ленинградском парке под зонтом, и зимой на Малой Грузинской возле католического костела, когда падает снег, чуть припорашивая выбившиеся из-под шапки волосы. Я улизнул от сестры в туалет, чтобы позвонить и просто услышать ее голос, узнать, как она после сегодняшнего переполоха у меня дома.

Я помог сестре устроиться на раскладном кресле-кровати. В свое время сам спал на нем, но с тех пор перерос его так, что спереди свисали ноги.

Засыпая, я вспомнил Дизеля и обдутые туфли сестры. Когда я был маленьким, то частенько еще с вечера начищал до блеска свою школьную сменную обувь, а заодно и туфли сестры и мамы, им всегда это было очень приятно. Мне всего двадцать лет, но сейчас детство кажется таким далеким, словно все это было и не со мной вовсе. В сознании это время представляется сначала, как кадры из мультфильма: там я видел нарисованные рукой непременно советского художника свой детский сад и девочку, которая больно щипалась за руку, дворовую площадку для игр и новогоднюю елку в Кремле, потом школу и начальные классы. Затем постепенно мультфильм превращается в черно-белое кино без звука. После школы я поступаю в музыкальное училище, и в моей жизни становится так много звуков, что постепенно самым желанным для меня стал звук тишины. Я не знаю, как в зале звучит инструмент во время моей игры; когда пою, не слышу во всей полноте свой голос, в действительности, мне даже неизвестно, какой он при разговоре. Однажды мама записала на видео стихотворение и песню, которые я исполнил на школьном новогоднем концерте. Потом, когда все это воспроизвели, я откашивался верить, что так незнакомо и необычно для

* Ты же знаешь, это Россия, у нас тут все очень плохо работает.

меня слышится мой голос окружающим. Но с тех пор понял: камера не лжет. Все последние лет десять своей жизни я вижу со стороны, как автобиографический фильм без звуковой дорожки.

Люба уже дремала, а мне не спалось, я все размышлял над ее словами. Как она выскочила за своего австрийца? По любви или по расчету? У меня из головы не выходила фраза, сказанная ею этим вечером в кафе: «Запомни, родной мой, приличная женщина продается однажды, но задорого, а другого сорта женщины по многу раз, но задешево». Я не сомневался, что сестра всегда знала себе цену, но не хотел с такой стороны теперь думать о Веронике. Да, я допускал мысль, что, будучи влюбленным, идеализирую этого человека. Но ничего плохого в том, как ни искал, так и не нашел.

После приезда Любы Вероника почти не писала, лишь скупо отвечая на мои смс. В другое время меня бы это встревожило, но сейчас я даже не пытался найти возможность встретиться с ней. Я упрямил менеджера помянуть мне на неделю график работы на три через два дня. Мне неудобно оставлять сестру одну, пока она гостила у меня. Мы все время проводили вместе: гуляли по городу и ели мороженное, ходили в кино, отдыхали в парках и на аттракционах. Нам было весело, у обоих накопилось, что рассказать: Любе про семью, детей, работу и отношения с родственниками мужа; мне же – немного о себе и о бабушке.

Люба по вечерам включала компьютер и долго сидела в интернете. Ей приходило много деловых писем – она работала инженером в крупной строительной компании. Я в это время обычно ставил пианино на педаль и тихо играл, или включал телеканал «Дважды два».

Вечером накануне отъезда сестра позвала меня к компьютеру. Она зашла на сайт для иностранцев, где предлагались все развлечения Москвы. Помимо перечня музеев, выставок, экскурсий, клубов и ресторанов на этом сайте в небольшом окошке справа Люба заметила красивую девушку и позвала меня. «Лучшие вечеринки с нами» – гласила надпись под фотографией. Когда я взгляделся в монитор, мне показалось, что девушка очень сильно похожа на Веронику. Так же думала и моя сестра. Люба кликнула мышкой – это оказался сайт эскорт услуг. Мы долго искали Веронику, но среди фотографий девушек ее нигде не было. Я облегченно вздохнул. А сначала, честно говоря, даже забеспокоился. На последней странице были даны телефоны и электронные адреса, ниже в качестве специального бонуса предлагалось посетить сайты-друзья. Люба, не долго думая, открыла первый. Это был сайт специально для иностранцев, все надписи только на английском и немецком языках. Сайт предлагал видеочат с девушками. Среди моделей была одна, похожая на Веронику. Мое сердце стало ныть. Рядом сидела сестра, и я чувствовал, что ее просто съедало любопытство зайти как можно дальше. Она щелкнула на эту девушку, и мы стали смотреть. На девушке был фиолетовый парик, она игриво прохаживалась по комнате, медленно облизывала свои губы, не спе-

ша снимая с себя полупрозрачную блузку. Я, напрягаясь, вглядывался в это существо. Сестра исподволь поглядывала на меня, ожидая моей реакции. Я же просто смотрел дальше. Движения девушки были такими раскованными, скорее даже развязными, что она совершенно не походила на мою Веронику, которая смущалась перед фотоаппаратом, говоря, будто совершенно не фотогенична. Кто это мог быть там в компьютере? Девушка в парике осталась только в открытом купальнике. Что я чувствовал в этот момент? – свое ничтожество, продажность мира, удушливую мерзость, заполняющую мою душу, мое сердце просто вынули и растоптали. Я, еле сдерживаясь, продолжал смотреть дальше, уже и не зная, искать теперь приметы сходства или различия. Девушка еще раз прошла по комнате, затем села на стул и стала ласкать себя руками. Я все больше убеждался: она была чудовищной копией Вероники. Встав со стула она, вся выгибаясь, близко наклонилась к камере и страстно посмотрела в объектив. Я разглядел на ее лице родинки, такие же точно были и у Вероники на правой щеке. Потом она улыбнулась, – у меня потемнело в глазах, я почувствовал, как пульсирует кровь в голове, – у нее был такой же небольшой промежуток между передними зубами, что и у моей девушки. Это была Вероника. Без сомнений.

Через несколько секунд девушка исчезла, видеосеанс прекратился.

– Думаешь, она? – после минутного молчания спросила Люба.

Чтобы успокоиться, я вздохнул и медленно выдохнул.

– Меня сбил с толку ее парик... Они действительно очень похожи, но не думаю... Мне кажется, Вероника более худая. Да нет, я уверен, это не она, – мой дрогнувший голос не убедил бы никого, тем более мою сестру. Она прекрасно видела, что я вру, пытаюсь отмазать Веронику.

– Тебе виднее, – с тонкой понимающей улыбкой обронила Люба. Эта улыбка и такой незнакомый пристальный взгляд сестры были мне неприятны. Она словно почувствовала мое состояние и отвернулась.

Я ощутил во рту привкус крови – даже не заметил, что от напряжения искусал себе щеки и губы. Больше мы ни о чем не говорили. Сестра так и продолжала сидеть в интернете, а я вышел на улицу покурить.

Ночь была душной. Ни единого дуновения ветерка. Воздух застыл, словно студень, хоть ножом режь. Я пошел к железнодорожным путям. Смотрел вдаль, курил уже третью сигарету и думал. По правде сказать, мне казалось, что все это похоже на кошмарный сон. Я стоял и подсознательно ждал, когда же я пронусь. Я ощущал себя сжатой пружиной, заведенной до упора ключом и уже готовой выстрелить. Вышел на пути, возле поворота дороги горел зеленый свет семафора. Стал ждать поезд, здесь всегда ездят только товарняки. Если помахать машинисту – пожелать доброго пути – они всегда прогудят в ответ. Я почувствовал легкую вибрацию на рельсах. Пусто смотрел на свет в окнах дальних домов. Гул поезда с каждой

секундой все нарастал. В кармане джинсов я нащупал телефон, что она мне подарила. Свет фар поезда становился ярче. Я достал телефон, аккуратно положил его на рельсы, отбежал в сторону и стал наблюдать. Потом подумал, что мог бы еще перед этим набрать Веронику и так положить мобильный на рельсы, но было уже поздно что-либо менять. Я ощущал внутри себя воронку, она вращалась и при этом вбирала в себя все мои воспоминания о Веронике. Чувствуя в груди холод от ее вращения, я думал только о себе, Вероники мне не было жаль. Единственно, чего бы я хотел, – просто не знать ее. Никогда не встречать и постараться забыть навсегда. Поезд давно проехал, я не смотрел ему вслед. Обычно я жду его появления с замиранием, с легким волнением. В колоссальном напряжении всех его механических мускулов, в грохоте, который он издает, есть завораживающее, почти гипнотическое воздействие на меня. Я засыпаю крепче, когда, лежа в кровати, слышу его протяжные гудки и далекий стук колес. Помню, еще в детстве мы ходили сюда с бабушкой и смотрели на поезда. Она быстро уставала стоять, поэтому я всегда волновался и ждал появления поезда. Как же давно это было, будто и не со мной!

Я продолжал смотреть на далекие окна новостроек, горел шпиль нового высотного дома на Соколе. После поезда тишина стала еще более густой. Я понемногу успокаивался, но прекрасно знал, что это обманчиво. «Мне надо с ней встретиться», – думал я. Я искал в наших с ней разговорах моменты, когда бы можно было догадаться о ее действительной работе. Но я ничего не находил. Мысль о том, что сегодня я соприкоснулся с миром, о котором знал только косвенно, заставила меня задуматься о собственном взрослении. Еще вчера я считал себя взрослым и, как оказалось, ошибался. Было интересно наблюдать, как мое собственное мнение претерпевает метаморфозы. Удивительная власть обстоятельств, когда за каждым поворотом новая история. В моей голове родилась странная смесь фатализма и свободы выбора. Я пришел к мысли, что фатализм нашего мира как раз и заключается в долженствовании выбора, в его строжайшей неотвратимости.

Я почувствовал запах сигарет. Недалеко от меня стоял военный и курил. Звезды на небе были в эту ночь яркие и близкие. Я нащупал в куртке пачку, там оставалась последняя сигарета.

* * *

Меня разбудил звук колокольчика. Я чуть приподнялся на кровати, взял с тумбочки телефон, на треснутом дисплее было четыре утра. После отъезда сестры бабушка придумала новый способ привлечь мое внимание: во время уборки своей комнаты она нашла старый колокольчик, и теперь вместо того, чтобы звать меня, она стала в него звонить. Я терпел это первую неделю, но теперь мне это уже начинало надоедать. Пошел к ней в комнату узнать, что снова стряслось.

Когда сестра уехала в Питер навестить маму, я прямо на вокзале зашел в бар. С того дня я пил уже почти трое суток без перерыва, сил хватало только накормить бабушку и кота. Вероника не объявлялась, по вечерам ее не было он-лайн. Запустил работу, мне несколько раз звонил менеджер, но я не отвечал. Очень даже может быть, что меня уже уволили.

Все, что я чувствовал в тот момент, – это полнейшее безразличие. Мир оказался на удивление жесток. Как я, слеза в море, мог противостоять ему? Единственно доступной мне формой протеста могло быть лишь безрассудное игнорирование всего, что происходит со мной и вокруг меня. Что я и делал. Мне стало любопытно достигнуть через возлияния такого мертвенного состояния, когда человек становится частью остановки или скамейки, улицы или лужайки. Правда, я пока становился лишь частью своей комнаты, чтобы не слышать дребезжания колокольчика или телефона.

Возле моего дома работает парикмахерская эконо-класса. Это один маленький зал на три посадочных места. За триста рублей могут сносно подстричь. На крыльце возле входа в парикмахерскую всегда стоят несколько девушек. Они там работают и во время перерыва выходят курить. Мне всегда нравилась чуть полноватая блондинка, она носила розовые спортивные брюки и такого же цвета резиновые шлепанцы. Я старался не заглядываться на эту девушку и до последнего удерживался, чтобы ее руки меня не подстригли.

За эти летние месяцы я здорово оброс, до сентября оставалось меньше недели. Нужно было срочно приводить себя в порядок, бросать пить, снова садиться за пианино, искать деньги на консерваторию. Я так и не объявился больше на работе, хотя меня могли бы рассчитать. Мне было стыдно показываться на глаза менеджеру.

Был вечер, я возвращался домой. На улице был не ливень и не мелкий морозящий дождик, а самый противный затяжной средний дождь, становящийся от ветра косым, – тогда от него не спасает ни воротник, ни даже капюшон. Я сразу представил свою комнату. Первое время, когда заходил в нее и, не включая свет, крался, как вор, в темноте к дивану, действительно, казалось, что это не моя комната и я нахожусь в чужой квартире. Не пахло, а уже несло спиртным, и я был рад, что хоть это еще могу почувствовать. Ватными ногами задевал пустую бутылку, она падала и катилась. Я понимал, что пора бы уже остановиться, но реальность на утро была такой удручающе однообразной, что все повторялось заново.

У меня не было зонтика. Голова вся промокла, мне становилось зябко. Но идти домой совсем не хотелось. Проходя мимо крыльца парикмахерской, я увидел в окне ту девушку. Через двадцать минут парикмахерская закрывалась. Я поднялся на крыльцо и незаметно заглянул внутрь. Все три места были свободны. Рука сама толкнула дверь, над головой испуганно звякнул колокольчик.

– Мне понравилась квартира, теперь, думаю, буду напрашиваться к ней в гости.

Я зашел в маленький зал. Девушка сидела на небольшом столе, полировала ногти и разговаривала по телефону. Увидев меня, она от неожиданности вздрогнула и чуть не уронила телефон.

– Мы сегодня больше не обслуживаем, – неуверенно сказала она.

– Но ведь до закрытия еще двадцать минут.

– Все мастера уже ушли, – она крепко сжимала телефон обеими руками.

– Ну, а вы разве не можете подстричь? Мне очень надо.

– Хорошо, садитесь, – отрезала она и кивком показала на сидение номер один.

Я сел в кресло, волосы у меня и так уже были мокрыми, поэтому девушка немедленно приступила к стрижке.

– Как вас подстричь?

– Честно, я понятия не имею.

– В смысле, как это? Но я же должна знать, что вы в итоге хотите видеть у себя на голове?

– Хорошо, тогда просто подровняйте.

– Просто подровнять, это мы быстро.

В зеркале, что висело напротив, отражалось мое помятое, небритое лицо и ее застенчиво выглядывающая из-под майки грудь. Руки девушки колдовали надо мной ножницами и расческой. Она поворачивала мою голову, как хотела, приближалась и отходила. Я разглядел кольцо на безымянном пальце левой руки.

– Вы католичка? – спросил я и сразу же устыдился. Это был пьяный вопрос, который сорвался с языка.

– Кольцо разглядели, – неохотно отозвалась девушка. – Да, муж литовец.

Стригла она меня дольше, чем двадцать минут – на часах было уже, наверно, начало десятого, когда девушка закончила работать. Я был похож на воробья. После стрижки лицо, несмотря даже на щетину, стало словно детским – овальным и вытянутым, таким я себя помнил в начальных классах школы. Я несколько раз провел ладонью от макушки до лба. Всегда необычно смотреть на себя подстриженного, но через день-два уже привыкаешь.

* * *

Все чаще черт искушал меня продать часы, подаренные сестрой. Признаться, я в этом ничего ужасного не находил. Но только вот дальше правильно распорядиться этими деньгами было непросто. Еще даже не получив за них деньги, я мысленно воображал, как и где я буду их тратить. Это были настолько приятные мысли, что я начинал бормотать их себе под нос и даже подмигивать своему отражению в зеркале. Сблэзн прокутить их в баре или клубе накатывал на меня ближе к вечеру и был особенно велик к выходным. Я стал присматриваться к себе, словно во мне скрывался второй человек, от которого следовало

прятать ключи от всех дверей моей души. Тогда он отмычками уговоров и убеждений пытался проникнуть внутрь. Бороться с ним было очень тяжело, и я с ужасом понимал, что со мной начинает твориться ужасное. Места, где бы я мог найти наркотики, я обходил далекой стороной, но вот с выпивкой все сложилось куда хуже. Она была повсюду и всегда так близко. Причем с друзьями не пилось, хотелось одиночества, пусть даже в шумном баре. Деньги, которые я планировал получить, загнав в ломбарде часы, необходимо было потратить на консерваторию. Поэтому подарок сестры я даже не надевал, а хранил в футляре, глубоко в столе, в ящичке, запертом на ключ. Они были моей последней надеждой на обучение и фактически возрождением к прежней жизни.

Когда в воздухе стала ощущаться прозрачность близкой осени, я стоял в арке моего дома, опершись рукой о стену, и жадно дышал ртом. Мышечные спазмы побуждали меня к рвоте, и я снова готовился к тому, что на несколько секунд мне будет казаться, что я задыхаюсь. Моего плеча осторожно коснулась рука. Обернулся. Передо мной, словно видение, сотканное из воздуха, стояла Вероника. Я уже и забыл, что она была в моей жизни. Она встревоженно смотрела на меня. Мне стало еще хуже, теперь нужно было подавить в себе очередной накатывающий приступ рвоты. Я уже не мог стоять на ногах и медленно сполз по стене, в этот момент меня вырвало на свои куртку и джинсы.

Мы добрались до моей квартиры. Я разделся и пошел в ванную. Пробовал стоять под холодным душем – не получилось. Как мог, помылся и почистил зубы, замочил в тазу свои вещи.

Вероника сидела на кухне. Она пристально смотрела на меня. В одно мгновение мне стало ее жалко, но тут же захотелось послать к черту, сделать больно и унижить. Я промолчал и по привычке поставил закипать чайник. Мы сидели рядом и молчали.

– Андрей, я не понимаю, что произошло? Почему ты стал вести себя так странно? Что, в конце концов, случилось?! – она всплеснула руками. В этот момент кнопка чайника выстрелила вверх, вода закипела.

Разлил чай по двум чашкам.

– Я не стану сейчас вдаваться в лирику или наоборот рвать на себе от злости волосы, все это я делал еще не так давно. Вероника, – мне захотелось прямо посмотреть на нее, но я не выдержал и отвел взгляд, – я знаю, чем ты занимаешься, – я чувствовал, что несу полный бред.

В небольшом круглосуточном ресторанчике строго питания картошку фри мне дали почти холодную. Я пил колу, теперь меня мучила икота. Посетителей почти не было, мы сели в дальнем углу у окна. На столе картошка фри одна на двоих, кофе, кола и два початка кукурузы. Мы не остались дома, так как к нам прикатила бабушка. Увидев Веронику, она стала ворчать, что я «разных девок вожу домой». Вероника после ее слов недоуменно посмотрела на меня. Я рассмеялся, и этот момент утратил всякое напряжение. Мне вдруг захотелось принадлежать этому человеку,

оправдаться перед Вероникой и сказать, что это все чушь. Но я назвал ничего не сказал, мне доставило удовольствие ее волнение.

– Вероника, я видел, где и кем ты на самом деле работаешь. Причем, что хуже всего, это видела и моя сестра. Я надеюсь, ты не стаешь отрицать, что ты просто... не хочу даже смягчать тон... да, просто шлюха, – на этот раз мне удалось прямо взглянуть ей в глаза. Я ликовал. Но эти глаза стали очень быстро наполняться слезами. Потекли по щекам и закапали в ее стаканчик кофе. На долю секунды я подумал, что уже видел нечто подобное по телевизору. Вероника плакала. Так горько и навзрыд, закрыв лицо руками, что я стал нервно оглядываться по сторонам. Сперва решил хладнокровно подождать, пока она сама успокоится, но этого все не происходило. Смотреть на плачущую Веронику было невыносимо. Я заметил, что персонал начал поглядывать в нашу сторону. Ситуация становилась неловкой. Мы кое-как вышли на улицу и сели на остановку. Картошку и кофе я прихватил с собой. Вероника допила свой кофе и немного успокоилась. Она глубоко дышала, прохладный ночной воздух действовал благотворно. Мы машинально доедали картошку и молчали. Неожиданно она положила голову мне на плечо. Я подумал: «Вот они! Их манки и секретные приемчики». Подъехал к остановке тридцать девятый автобус. Мы сели. Она по-прежнему молчала, положив одну ногу ко мне на колено. Скоро мы остались в салоне одни. Дальше шофер даже не останавливался возле безлюдных остановок.

– Ты простишь меня? – тихо спросила она, – от неожиданности эти слова мне показались такими громкими.

– Я не знаю. Попробуй объяснить, зачем тебе все это? Почему нельзя было иначе? Такую работу, как у тебя, еще найти надо!

– Я тебе уже, кажется, рассказывала, что одно время работала секретаршей. Мне пришлось уйти с этой работы, потому что мой босс стал откровенно помогать мне.

– Уж лучше бы ты была с этим боссом.

– Не говори, если не знаешь! Да, я раздеваюсь, но зато я ни с кем не сплю! Может, для кого-то в этом разницы особой нет, то для меня она огромна! Да, я готова раздеться перед камерой, в этот момент я не вижу всех этих онанирующих перед своими мониторами козлов. И всем кажется, что я устраиваю перед ними целое шоу, но это все неправда! Камера поставлена так, что они не видят в действительности того, что происходит в этот момент в комнате. Понимаешь?

– Это все на хрен не убедительно! – я вспылел. – Знаешь, но мне все равно, как там у вас стоит камера. Меня напрягает то, что ты вытворяешь перед этой камерой!

Но если быть откровенным, меня немного успокоила новость, что она ни с кем не спит. Впервые за столько дней я почувствовал облегчение, которое мне так и не могла дать выпивка.

– Я понимаю, – она замолчала, – пойми меня, устроиться на нормальную работу очень непросто!

– Конечно, обслуживать посетителей, мыть за ними посуду тебе не хотелось. Там платят меньше, я согласен! Но, черт возьми, зато это честные деньги!

– А ты думаешь, я там не толкалась?! За эти два года, что я в Москве, кем я только ни работала: и официанткой, и продавцом в магазине одежды, и консультантом в книжном, и распространителем косметики, раздавала пробники крема и духов, – она замолчала, – вся моя жизнь, как один пробник.

Наш автобус подъезжал к центру. Я подумал: «Где бы нам посидеть с ней?»

– Да зачем вообще ты уехала из своего Ярославля?

– Просто не могла иначе. Мои родители развелись, когда мне было десять. Отец бывал у нас редко, я думала, что он очень занят и ездит по своим важным делам. Повзрослев, я поняла, что все гораздо проще – у него была другая семья. Когда моя мать дала наконец ему развод, отец навсегда исчез из моей жизни. Не могу понять, как мужчины, увлекшись другой женщиной, могут совершенно забыть семью, детей. В общем, потом мама нашла себе другого. Почти на целый год меня отравили жить к бабушке на другой конец города. Когда мама родила, мы снова стали жить вместе.

Отчим мне сразу не понравился. Он грубо шутил, много пил и хозяйничал в нашем доме. А когда у меня появилась грудь, мне стало страшно возвращаться домой. По некоторым дням мама и отчим работали в разные смены – он в утреннюю, а она в вечернюю и наоборот. Оставаться наедине с ним дома было жутковато, он приходил выпившим и продолжал пить уже дома. Окончательно охмелев, пытался приставать ко мне. Я ужасно боялась пожаловаться маме. Однажды, правда, намекнула, но получила в ответ упрек, что, мол, сама виновата, хожу бог знает в чем и не ложусь ночью спать, как все нормальные люди. Вот и нарываюсь. Так я жила шесть лет.

Последний каплей был вечер, когда он снова пришел после работы подвыпивший, пытался шутить, потом стал ненавязчиво приставать. Я уже к этому привыкла и просто ушла к себе в комнату, думала, на этом все и закончится. Где-то через час он ввалился ко мне в комнату и стал требовать, чтобы я купила ему еще водки. Я хотела уйти, но это его, похоже, разозлило, и он ударил меня в грудь. Потом я ничего не помню. Когда я очнулась, его уже не было. У меня болело все тело. Я схватила сумку и, в чем была, бросилась к подруге. Это был вечер пятницы, выходные я прожила у нее.

– А твоя мама?

– Она обо мне даже не спохватилась. После этого я окончательно решила уйти из дома. Ведь я уже была совершеннолетней и закончила училище, так что, все обдумав, поняла, что здесь меня больше ничто не держит. Конечно, я могла просто переехать к бабушке. Но мне хотелось новых впечатлений, попросту говоря, я мечтала вырваться из этого города, увидеть мир, попробовать себя в Москве. За неделю до отъезда я стала незаметно переносить свои вещи к подруге и уже там их паковала.

У моего отчима был огромный пес, Дизель, ты его знаешь. Так вот, он жил в машине отчима, как в конуре, и охранял ее, пока тот не купил гараж. Потом же собака ему стала не нужна, и он решил ее усыпить. А так как мне одной приходилось кормить Дизеля, гулять с ним, мыть его, то я очень сильно к нему привязалась. Вечером, когда мама работала, а отчим был снова пьян, я вытащила из его пиджака ключи от машины и выпустила Дизеля. Пес ни на шаг от меня не отходил. Моя мать работает кассиром на вокзале, меня все там знают, поэтому, я решила «на собаках», меняя электрички, доехать до Москвы. «Вдвоем будет не так страшно», – подумала я. Так мы и оказались в Москве.

С этого и начались настоящие испытания в моей жизни. Я не знала, где мне удастся переночевать завтра: останавливалась у друзей и знакомых, коротала ночи на вокзалах, на скамейках в парках. В летние месяцы ночью не так холодно. Однажды, я никогда этого не забуду, мне удалось целых две недели прожить с Дизелем в хостеле. Потом, когда пришла пора выслезаться, мне разрешили приходить и пользоваться душевой. Для меня это было подарком!

– И ты не жалела, что ушла из дома? Не думала вернуться?

– Да что ты! Поверь, все, о чем я сейчас рассказываю, было гораздо лучше, чем жизнь в моей семье.

Почти все мои проблемы возникали из-за собаки. Я искала самые дешевые комнаты в Подмоскowie, но даже там мне отказывали, когда узнавали, что у меня есть здоровая псина. Но не могла же я его бросить! Мне даже советовали за большие деньги привести Дизеля в один ресторан для участия в собачьих боях. А однажды предложили в обмен на жилье – два раза в неделю заниматься любовью с хозяином квартиры.

Полгода назад мне удалось устроиться секретарем в довольно крупную строительную компанию. Тогда эта работа показалась мне верхом счастья. Что для меня строжайшая дисциплина и отсутствие перерыва на обед? Зато у меня было свое рабочее место, страховка, двухнедельный отпуск, оплачиваемая мобильная связь и, самое главное, зарплата. Это уже были ощутимые деньги по сравнению с зарплатой официантки или продавца в книжном магазине. Все было хорошо, пока мой начальник – премерзкий старик – не начал оказывать мне знаки внимания. Он ужасно много курил, кстати, это там, на работе, я стала курить. Ведь единственным перерывом, который его подчиненные могли себе ненадолго позволить, был перекур. Первое время он пытался ухаживать за мной, потом стал откровенно домогаться. В общем, я решила не испытывать судьбу и вовремя уволилась.

Несколько недель я просидела без работы, листала газеты, часами сидела на сайтах в поисках подходящей вакансии. Денег уже не было, я ела один раз в день, хотя комнату оплатила на месяц вперед. И вот неожиданно мне пришло письмо. Обычный спам, ничего особенно, предлагали всего лишь приработок. Для одного интернет-проекта требовались девушки. Я отправила свои фотографии и в тот же день мне от-

ветили. Поначалу меня это все шокировало. Я хотела сразу отказать, потом долго колебалась и все ругала себя: как я могу еще размышлять над таким предложением! Но мне так нужны были деньги! Никаких кредитов, сколько я ни билась, ни один банк мне выдать не захотел. От голода у меня уже начала кружиться голова. Поэтому я решила пойти туда, а, разговорившись с девчонками, которые там работали, немного успокоилась. Я думала увидеть там нечто вроде притона. Но это были обычные девчонки. Причем многие с высшим образованием, которые попросту не могли найти работу. Потом посмотрела со стороны, как это все происходит, и перестала сомневаться. Деньги платили в конце каждой недели. Там установлен специальный счетчик, и можно во время сеанса смотреть, сколько денег ты уже заработала, это очень приятно. Ты пойми, почти все, что там происходит – фикция, это как раз тот случай, когда камера лжет.

Ну, я даже не знаю, что еще рассказать. Это, пожалуй, и все. Да, самое главное, забыла – я там больше не работаю!

Пока Вероника вела свой рассказ, автобус успел доехать до Арбатских ворот, где мы и вышли. Оглядевшись, решили зайти в ресторан «Синдбад». Было тепло, накурено, меня клонило ко сну. Играла восточная музыка, мы заказали большую тарелку мазы и три лепешки. Устроившись в самом углу, скрытые от случайных глаз, мы недоверчиво смотрели друг на друга. Я пытался говорить о чем угодно, только не о ее недавней работе. Вероника, почувствовав, что я изменился, осторожно расспрашивала о моих делах: собрал ли я деньги на учебу и куда я дел ее подарок. Я ответил как есть. Я почувствовал себя обязанным открыть ей свой секрет. «Странная сегодня ночь выбрана для исповеди», – подумал я. Вытащил из сумки специальный шприц-ручку, которым я делаю инъекции инсулина, и положил его на стол. «Знаешь, что это?» – спросил я. «Да, догадываюсь», – ответила Вероника. Со шприца она перевела взгляд на меня, в ее глазах я впервые увидел блеск нежности и странную глубину. Такую необычную, будто за ее глазами прятались еще одни глаза, а за ними еще и еще. И через такую глубоко посаженную оптику ее глаз проходил чистый, точно отфильтрованный взгляд нежности и усталой доброты, с которым она просто смотрела тогда на меня. Мне не пришлось дальше пускаться в объяснения. Они не потребовались, и я был этому рад.

Мне было искренне жаль Веронику, я хотел помочь, защитить ее от всех бед. Обнять так крепко, как я никого не обнимал. Исчезла злость, и рассеялась ненависть, однако неприятный осадок все же лег пеплом на сердце, но я знал – и это пройдет. Главное, что человек открылся, исповедался даже, и оттолкнуть ее в этот момент значило глубоко унижить и навсегда отвернуть от себя.

Мы молча гуляли. Город дышал зажженными огнями. Ночью люди кажутся погруженными в свои мысли, они меньше разглядывают друг друга, чем днем. Я шел – руки в карманах джинсов, она грела ладони в карманах куртки. Нам было что сказать, но

мы молча шли, обмениваясь лишь взглядами и улыбками. Это напоминало игру. А потом все снова стало гладким: улыбки разгладились, радужные морщинки возле глаз исчезли. Мы прищаркивали, смотрели перед собой и мечтали.

* * *

Когда я лег на спину и немного отдышался, мы стали оба смотреть на потолок ее комнаты. Она прилепила к нему светящиеся в темноте звездочки. Все они были салатно-желтого цвета. Я чувствовал, что засыпаю. «Расскажи мне еще про это место», – прошептал я. «Мне нечего больше рассказывать, – призналась Вероника, – но, – она скривила набок рот, – я могу тебе его сейчас показать». Я не успел ответить, как обнаружил, что мы идем, прижавшись друг к другу, ночью по незнакомым улицам, дворам и плуаем, словно хотим запутать свой след. Наконец, возник подъезд, Вероника набрала код, писк домофона – и мы прошли на плохо освещенную площадку.

Квартира, в которую нас пустили, пахла женской комнатой в общежитии. Смесь запахов необжитого пространства с попытками это пространство организовать – это первое, что я почувствовал. Мы прошли длинный коридор, по которому то и дело пробегали девушки. На стене между ванной и туалетом висел график работы на этот месяц. Мы свернули на кухню, там закипал чайник. Несколько девушек курили и смотрели сериал. На нас они не обратили внимания. Оглядевшись, я взял Веронику за руку, и мы пошли дальше. Возле ванной стояло прозрачное пластмассовое ведро, наполненное разноцветными трусиками, в нем рылась рыжеволосая девушка. Отыскав нужные, она развернулась на каблуках и исчезла в ванной. На двери ванной были приклеены разные вырезки из журналов с забавными карандашными подписями и лист с просьбой соблюдать чистоту. Комнат было три. И в каждой перед мониторами работали две девушки, позируя камерам, которые чутко следили за их движениями и стирали недостатки внешности. Девушки ходили каждая по своей части комнаты, улыбались в камеру, делали томные глаза, печатали приветствия. Я незаметно подсматривал за каждой и думал, что так же действовала и Вероника. Увлечшись этим вуайеризмом, я вдруг осознал, что Вероники давно нет рядом со мной. Она действительно исчезла, незаметно выскользнула из этой квартиры.

Я проснулся от легких прикосновений рук Вероники. Она гладила мою грудь и плечи, я лежал в полудреме, в легком забытии, еще до конца не расставшись со сном. Кончики ее пальцев добрались до спины и, едва касаясь, скользили по ней, вызывая приятную волну мурашек.

* * *

Заложив в ломбарде часы и, естественно, не собираясь их выкупать, я наконец собрал деньги на консерваторию. Снова началась учеба, время стало таким быстротечным, невесомым. Я слышал его свист в ушах, дни стали напоминать раскадровку фильма

моей жизни. В день, когда с момента нашего знакомства прошло четыре месяца, я купил Веронике пять янтарных роз. Вечер мы провели в тихом кафе. Я возвращался домой, улыбаясь, не пряча улыбку в карман – было темно, и никто не мог подглядеть за мной.

Приготовил ужин, заглянул к бабушке, – она спала. Решил пока ее не будить и пошел кормить кота. Убрав за ним, снова тихо прошел в ее комнату. Бабушка была укрыта толстым шерстяным одеялом. От света через приоткрытую дверь блестела ножка ее коляски. Я склонился над ней – в комнате было слышно только мое дыхание. Я дотронулся до ее плеча, сквозь тонкую ночную рубашку почувствовал прохладу ее кожи. Одеяло, которым она была укрыта, сохраняло не до конца потухшее тепло ее тела.

Поминки бабушки всего на день воссоединили семью. Это было невероятным, как и то, что бабушки нет больше с нами. Ее существование казалось незбылемым, само собой разумеющимся, как закат и восход солнца, приливы и отливы, сменяющиеся времена года, как даже само время, присутствие которого мы все чувствуем. Мы ощутили, что в нашей и без того разметанной по свету семье словно сдвинулись невидимые полюса, пошатнулись незбылемые твердыни бытия. Когда все разъехались, я впервые понял, что значит быть одному. Возвращаться в пустой дом, где все напоминает о днях жизни родного тебе человека. Тишина становится скользкой, она сползает со стен и проникает в уши. Отделаться от нее поможет только время. Даже кот не мог ничего изменить. Он был частью того старого мира, к которому принадлежала бабушка. На сороковой день это время как раз и подошло. Я почувствовал, что плотность моего одинокого существования разрядилась, стала не такой тягостной.

Еще через месяц Вероника перебралась жить ко мне. Мы оба чувствовали, что у нас странные отношения – ей трудно было найти подходящую квартиру, а мне непросто встретить девушку, которая бы осталась со мной, зная о моем диабете. Это не было похоже на взаимный холодный расчет, но и нельзя было назвать горячей любовью. Все же мы крепко держались друг друга и чувствовали взаимную потребность. Такие отношения казались мне гораздо прочнее перегорающих в момент страсти. И я впервые за долгие годы почувствовал себя счастливым.

Геннадий ГОЦ

С Луной наедине

ПОЭМА

1

Я заполночь, устав,
Спал в тишине один.
Вдруг
 странною волной
С дивана поднят властно.
Открыл глаза:
 светло.

В окне плафон, как блин,
Румяный и поджаристый,
Распластан.

Ну, что за чудеса?
Откуда здесь волна?
Смотрю:
 на потолке
Плафон. Причём, погашен...
Зато в окне –
 Она,
Роскошная Луна.
Я никогда ещё
Её не видел краше.

Вот кто меня поднял.
Вот кто в моём окне
Повиснул, как плафон,
И может быть, транзитом...
От шока отойдя,
Смекаю, что ко мне,
Знать, волею небес, –
Сама Луна
С визитом.

Сударыня Луна!
Поклон Вам низкий мой!
Я тронут,
Я польщён.
Вы на макушке лета
Не заглянули, нет!
Вы всей своей красотой

Не обошли в ночи
Обители поэта.

Вмиг осветили Вы
Газетный бурелом,
Компьютерный экран,
Да книг рабочих стопки.
С готовностью,
 тотчас
На месте, под стеклом,
Как память о друзьях,
Сверкнули лихо стопки.

Взыскательница! Мой
К услугам Вашим дом...
Вы в новом веке так,
По-свойски, появились.
Тетради, слышу, все,
Что на столе моём,
Листы, карандаши
Зашевелились.

Ваш лучезарный лик
Как будто вопрошал:
«Что с Вами стало? Вы
Смотрю, ночами спите?
И сколько лет от Вас
Не поступал сигнал –
Должно быть,
 по иной
Вращаетесь орбите?»

Явила тут Луна
Все чары полноты.
На диске золотом
Загадочные тени:
«Землянин каждый, знай,
Что с колыбели ты
Полит моим лучом –
Иди,
 штурмуя ступени...»

Матрона!
 Как сказал
 Великий наш поэт,
 «Другие юноши поют другие песни...!»¹
 Теперь, Матрона, дел
 Ночных, геройских нет
 И смен бесплатных нет,
 Целинных, –
 Хоть ты тресни!...

2

О, как мы ждали Вас
 В тревоге и тоске:
 («Даёшь для фронта хлеб!»)
 Мальчишки-работяги...
 Снопы тяжёлой ржи
 Я, стоя на полке²,
 Снимаю с острых вил
 И – в жерло молотяги.

А сколько их за ночь
 Принять,
 поднять,
 послать...

Не рухнуть. Устоять,
 Бросая к небу взоры.
 Как медленно Луна
 До нас плывёт опять,
 Не зная, что она –
 Знак пересмены скорой...

Зерно к зерну в бурты
 Послать я, значит, смог,
 Располоснув ножом
 Снопов тугие связки.
 Не чуя рук и ног
 Спать отправляюсь в стог –
 До новой смены срок.
 Мне на хрена сдались
 «Волшебной ночи» сказки...

3

Маяча в облаках
 Над сотнями дорог
 Моих,
 степных,
 ночных,
 Когда, как в танке, глухо,
 Вы помогли найти
 Затерянный порог,

Став спутницей,
 И свахой, повитухой.

Огни подлунных смен
 Гагаринской поры
 Измазали говном
 Наймиты-журналиги.
 Вы помните, Луна,
 Те штурмы Ангары,
 Целинников прорыв
 Сквозь жар степной и вьюги.

Я вместе с ними был
 И жил одной судьбой –
 Отчизне крылья мы
 Готовили тугие.
 Пусть был я винт,
 иль болт,
 Зато стране дефолт
 Не подложил подлянкой,
 Как другие.

На бреге Иртыша –
 Невиданный размах:
 Возводим «Нефтехим» –
 Посланцы всех народов.
 Здесь тысячи парней
 Держали тыщи вахт,
 Но не было среди нас
 Владельцев тех заводов.

В Тургае³ ночью степь
 Освещена Луной.
 Гудящий космодром
 За горизонтом где-то.
 И видит Целина:
 Могучею стрелой
 Уходит в звёздный мир,
 Оставив шлейф, ракета.

О, сколько их ушло,
 Разведчиков – ракет,
 Не наше дело – счет:
 Паши, пшеницу сея...
 Смотрю газетный лист:
 Для мира не секрет –
 «За каждый звёздный пуск
 Давай, плати, Россея!»

И так, куда ни глянь,
 Похоже, дело дрянь:
 Как ураган ночной

¹ Из стихотворения С. Есенина «Русь советская». Собр соч., М., «Художественная литература», 1977, т.2, стр.81

² Полók – деревянная площадка-пристройка к молотилке для приём снопов, навильников колосьев и загрузки барабана молотилки.

³ Тургайская ложбина, пересекающая с Севера на Юг Тургайское плато и соединяющая равнины Западной СИБИРИ и Северной части Туранской низменности Республики Казахстан. В сельском хозяйстве преобладает не поливное земледелие, главным образом пшеница. В годы освоения целины – важный район производства зерна.

Прошла дурная сила.
 Что в Пуще⁴
 под Луной
 Озлоблённая пьянь
 С великою страной наворотила!

4

Вновь к прочности болтов,
 Сварных,
 крепёжных швов,
 Которых в микроскоп
 Не разглядит планета:
 Умом конструкторов,
 Талантом мастеров
 Над миром пронеслась
 С Гагариным ракета.

Потом за годом год,
 Мои друзья, мадам,
 То двигались броском,
 То трудно,
 понемногу,
 Чтоб первый Луноход,
 Давно известный Вам,
 На Вашем грунте
 всем
 Прокладывал дорогу.

Мой друг нас породнил.
 Он – космонавт Титов.
 Один из самых первых
 Звёздных братьев века.
 – «Землянин?»
 – «Мой земляк.
 И он из тех «болтов»,
 Что стали эталоном
 Человека!»

Бесстрашен был.
 Красив
 Лицом, душой.
 Умён
 Алтая сын. Знаток
 Высот родного слова.
 На лунной карте ряд
 Прославленных имён.
 И кратер, вижу, есть
 Здесь имени Титова.

5

Сударыня, Виват!
 Выходит, мы в родстве.

К тому же, дружим мы
 Давно в подлунном мире
 И значит, нам в своём,
 Сермяжном естестве
 Жить,
 ладить по-людски
 И в небе, и в квартире.

Боюсь,
 Не задержал ли
 Вас в своём окне.
 Минутую-другой
 Мне, значит, подфартило...
 Я благодарен Вам
 И счастлив я вполне,
 Моё ночное
 Страдное Светило!

И без эмоций Вы,
 Отчаливая ввысь,
 Понять мне дали:
 К цветовому спектру
 Ты, знаешь, своячок,
 Получше приглядишь.
 Даю дорогу
 Солнечному ветру.

Растаял в келье свет,
 «Чудны дела твои...».
 Так душу гостюшка
 Мою разворошила...
 Спасибо, что была,
 «Чужой» не проплыла,
 И о землянах, нас,
 Луна, не позабыла.

Расскажу хочешь верь,
 Земляк,
 Или не верь.
 Быть может, и тебя
 В ночи Луна разбудит.
 Ну, кто, скажи, теперь
 Тебе откроет дверь
 Да исповедь твою
 Бесплатно слушать будет?!

Судьбы крутой
 моток
 В тревожной тишине,
 Пока дневных забот,
 Не пронесётся стая,
 Яснее разгляди
 С Луной наедине,
 Но нить из честных рук
 Своих не выпускай.

⁴ Беловежская пуца. Место где проходило совещание руководителей республик России, Украины и Белоруссии, сыгравшее известную роль в развале Советского Союза.

*С. Вороново, Московская область.
 12.08.07.*

Евгений ЕФРЕМОВ

Корабельный строй

ПОЭМА

Плывет. Куда ж нам плыть?
А. Пушкин.

Синеет высь. Как море в час отлива,
Пока дрожит Полярная звезда,
Ночная тьма лавиной торопливой
Из города уходит в никуда.

Густой, немой – ей не было предела.
Внушая неуверенность и страх,
Она на шумных улицах редела,
Стеной стояла в парках и садах.

Как призрак, проникала в рамы окон,
Недвижно застывала у дверей.
И, тая в ней, светились одиноко
Жемчужины стеклянных фонарей.

Мне не спалось. Вращая ось земную,
Вращало время Землю меж планет,
И вспоминал я ночь совсем иную,
Иной – за нею вспыхнувший – рассвет.

Не здесь, в Москве, с компьютерной начинкой,
С пейзажем в кухне в рамке на стене
Она осталась – там, в лесной глубинке,
В не проданной под дачи стороне.

Круг памяти. Его живые звенья,
Лишь потяни, ничем не оборвешь.

Мелодия озерного бриза

Потрескивали сучья, как поленья,
Плясал костер, как загулявший дождь.
Желанный гость привала и кочевья,
Надежный страж полуночных бесед,
Он освещал снопы кустов,
деревья,
Шальному ветру кланялся вослед.

То непонятно: кем
и чем манимый,
Склонялся быстрым пламенем туда,
Где под навесом стлавшегося дыма

Чуть дыбилась озерная вода
И пенилась.
И мне в ту ночь казалось
Бескрайним ключевое озеро.

Горел костер.
Пылало и смеялось
Моей подруги юное лицо.
Никто б не смог,
клянусь,
без обожанья
На бревнышке сидеть с ней у костра.
Сам берег наш
из края мирозданья
С ней становился центром до утра.

Необъяснимо, что зовется чудом,
Как мыслей ни стремителен полет,
Я понимал лишь чувством,
только чувством –
Вот-вот оно сейчас произойдет.

И близость,
словно сок хмельной из рога,
Вольется в нас
и бросит в бездну лет.
Где холст цветет
под кистью у Ван Гога,
Петрарке душу жжет живой сонет.
Где боги благосклонны к мудрым грекам,
Туда, туда – к истокам наших дней,

В единый миг
солются век за веком,
В одно дыханье
мы сольемся с ней
И – воспарим.

Нет, сердце не забыло
Ни глаз ее,
ни боли,
ни огня.

В свой час такое с каждым в жизни было,
Впервые –
у нее и у меня.

Стихал костер, и медленное пламя
Сужало света прыгающий круг.
Плащ-дождевик, расстеленный под нами,
Уже не обжигал горячих рук.
Над озером, прибрежными лесами,
Шум умолкал.
Грибы в лесу росли.
И я увидел, как под парусами
Идут в туманной дымке корабли.

Под поющими парусами

«Потешный» флот – Петровская забава.
И надо ж выплыть этой старине?
Как в марше
за октавою –
октава,
Шли парусники строем по волне.

За ними вслед, кружась,
бурля,
качаясь,

Катилась снежной пены полоса.
Вдруг я – откуда? – в резких криках чаек
Стал различать людские голоса.

Вот мистика!
Но то ясней, то глуше,
Мне слышалась, как эхо, чья-то речь...

Голос первый:
Послал Господь царя по наши души,
И крепость в них теперь не убережь.
С утра глядит на всех страшнее черта,
Упрям,
горяч,
как будто полунынь.

Зачем-то допустил к себе Лефорта,
Связался с немкой, точно басурман.
И все кивает на варяжский берег,
На похвальбу поспешную горазд:
Мол, дайте срок...
А кто ему поверит?
Постой-постой,
ан, Русь тебе воздаст!

Пока в Москве сильны заветы Рима,
Угрозой не заткнешь орущий рот.
Он терпелив,
покуда боль терпима,
Люд православный,
взятый в оборот.
Ты сам затеял эту тяжбу с нами
Известь устои прежнего житья.
Не придавила б Русь тебя лесами,

Пудами колокольного литья.

Кто может знать, что станет с ним
заране?

Сидельцу страшно двинуться вперед,
Когда его, как будто в наказанье,
Чужая воля из дому ведет.

Сопротивляясь,
мучаясь,
страдая,
Не понимая, в чем он виноват:
Чем прогневила жизнь его простая
Тех, кто силен, и знатен, и богат?

С какой нужды ему терпеть мытарства?
Он сам усвоил,

что чего ценней,
Какое лучше царствие из царствий.
Не рвать души –
подальше от царей.

Поближе к пашне,
лугу
и водице.
Жить, как живется, помнить про семью.

Голос второй:

Чем горевать,
так лучше удавиться,
Сложить на плахе голову свою.
Оно, конечно, царь –
не медовуха,
Ну и не жёнка,
чтоб с ней токовать.
Чего не видит глаз – услышит ухо,
При случае с ним можно толковать.

Пускай себе потешится в усладу,
Войдет в года,
рассудит что к чему,
Ну, а придет конец любви и ладу,
Дадим понять, как тошно одному.

К чему цепляться: русский ли, немецкий
Сидит, толстея, в лавке плут-купец.
Преображенский полк

или Стрелецкий
В Москве порядок правит.
Наконец

Не все ль равно,
откуда каплет золото –
С посадских крыш,
с Кремлевских стен,
с небес?..

Такой, подумал я, продаст и брата:
Иуде – сват,
а властолюбцу – бес.
В любой потоп живучая порода

Сумеет удержаться на плаву.
 Как подлый вор, утащит с огорода
 Все без остатка, корни и ботву.
 Нет ничего наивней и нелепей
 В вражде эпох довериться ему.

Голос третий:

Изволь взглянуть,
 Твой бот плывет, что лебедь,
 На волнах оседаю на корму.
 Послушный парус выгнулся,
 как месяц,
 И кормчий зорок, взгляд его свинцов.
 С живцой идут,
 не воду в ступе месят
 Три пары бронзовеющих пловцов.
 Еще взгляни,
 приятней нет подарка,
 Икнет голландец и угрюмый швед:
 Вон там,
 за островком,
 красавца барка
 С охотой густо выкрасил рассвет.
 Они про нас:
 недавно с веток слезли...
 Мы про себя:
 настал и наш черед...
 Посмотрим, кто окажется прилежней,
 Когда держава силу наберет
 И мощь свою в стараньях приумножит,
 Достигнет берегов иных широт.
 И нас тогда пожалует,
 быть может,
 Не поскупится от своих щедрот.

Хрустальный кубок славы и почтенья
 Сама предложит из счастливых рук.

Заметный голос – вкрадчивый,
 с волнением:
 Мелькает чей на пристани треух?
 По-свойски прост на вид его владелец,
 Но не поймешь по бледному лицу
 Кто он – умнейший шут?
 Творец безделиц?
 Или наперсник грозному творцу?
 Потраченный тщеславьем и обманом,
 Он знал свое искусство от аза...

Разбуженный подкравшимся туманом,
 Я еле-еле приоткрыл глаза.
 Еще звезда полночная дрожала,
 Свет прибывал в прибрежном соняке.
 Моя подруга рядышком лежала,
 Раскинув пышно кудри по руке.

И грудь ее при вдохе поднималась,
 При выдохе
 спадала, как волна.

Не все тогда мной в жизни понималось,
 Но смысла жизнь сама была полна.

Зов века

Теперь другие дни. Уже три века
 Меняя скорость,
 облик,
 веру,
 власть,
 По светлым и недобрым самым вехам
 С времен Петра Россия пронеслась.

И двадцать лет,
 как двадцать дней,
 мелькнуло
 С тех пор, когда по чьей-то воле
 мне
 Под пережат космического гула
 Петровский флот привиделся во сне.
 Во сне ли?
 Жизнь порой мудреней чуда.
 Упрямо проживая день за днем,
 Как в Библии,
 лишь отчасти –
 откуда,
 Куда? – совсем, не ведая, бредем.

И смысла нет особенного вроде
 Копаться в черепках родной земли,
 Как говорить издавна в народе,
 Они свое отжили
 и ушли.

Нет времени построже приглядеться
 Да разобраться в прожитом своем,
 Что в нем легло
 мелодией на сердце,
 А что сгорело будничным огнем.
 Что в прожитом?
 Боль свежих поражений
 Сегодня не тревожит, как вчера.
 И все-таки
 в дни смут и потрясений,
 Душевной ломки,
 порчи злом добра –
 Не в безысходном гневе и обиде
 Или на пике горькой маяты
 Еще пока дано нам в нем увидеть,
 В прошедшем,
 века нашего черты.
 Не в том живом естественном обличье,
 Оно истлело,
 крась его, не крась,
 Но в самом главном –
 гордость и величье.
 И в том же главном –
 дикость всю и грязь.

Я не люблю поспешных аналогий:
 Они всегда с бездушием в ряду.

В Петровский век,
как путник на пороге,
Стою.
Еще мгновение –
и войду.

Притча об утраченной вольнице

Чем напуган город многоликий,
Почему привычно не звонит? –
Казнь в Москве.

Под скорбные молитвы
Солнце забирается в зенит
Нехотя.

Доносятся рыдания,
У колдуньи в ранний этот час
Просит девка сотворить гаданье,
Отвести антихриста от глаз.
Не судья всеобщему смятенью,
Не хмельной: сочтут за дурака –
Бражник еле движущейся тенью
Сторонится двери кабака.

День завис. Над гиблой черной бездной
Пролегла последняя черта
Меж стрелецкой злобой бесполезной
Пенной змейкой царскою у рта.

А еще не стерлись, не просохли
Двух недавних казней колеи.
Неужели это письма Софьи
Вновь беду на город навлекли?

И стрельцы – причина злой развязки –
Позабыли, кто взошел на трон,
Кем побитый гнилью Милославский
С кладбища на свиньях привезен
В полк Преображенский?

– Дела мало,
Надо с ним управиться быстрее...

И на синий лоб его стекала
Кровь из тел безглавых бунтарей.

Что гадать, могло ли быть иначе?
Правота не в письмах, а в вине.

Не до шуток. Напряжен и мрачен,
Едет Петр по кругу на коне.

Смертный хрип,
проклятья, стоны,
ругань

Слушает Преображенский пруд:
Эй, бояре, так голов не рубят! –
Бешено подручники орут.

Остр топор, лихим тавром клейменный,
Рассекает воздух, как таран.

Кто еще там шествует с иконой?
Патриарх Московский, Адриан.
Призывает мягче быть в расплате,
Молодых простить за «баловство».
И пресветлым ликом Богоматерь
Тоже

как бы просит за него.
В ярости – щека дрожит от злости,
Вместо глаз горят осколки льда –
Петр кричит вступившемуся гостю: –
Ты зачем

пожаловал
сюда?
Думаешь, что здесь твоя подмога
Поубавит зла и суеты?
Может, Богородицу и Бога
Почитаю больше я, чем ты?!

Что ты хочешь?
Праведного дела.
Я – пресечь измену и разброд.
Суд есть суд, и Русь не подобрела.
От воров не убережешь народ,
На него замысливших.

Опомнись.

Убирайся.
Поставь икону в храм.

Я свой долг
пред Господом исполню,
Ты исполни свой...
По городам: Белому,
чуть дальше – Земляному,

На Новодевичьем, у ракии,
Виселицы ставят.

По живому

Режет царь.
И висельник скрипит.

Волны зренья

Устройство мира знал француз лукавый,
Непризнан, неизвестен как поэт,
Как предсказатель,
Жив всемирной славой,
Воображенье дразнит сотни лет.

Ему не верить было бы нелепо,
Не зря же потрудились человек
С грядущих потрясений сделать слепок,
Эпох по числам указать разбег.

Ну а всерьез: в одной упряжке все мы,
Ушедшие и будущие.

Связь
Меж нами не прервать,
Не втиснуть в схемы –
Какой бы ни казалась эта связь.
Легенда? Быль? Или предположенье?
Но сила ведь какая-то была,
Которая, дав Сергию прозренья,
Над Куликовым старца вознесла.

Астрологи пусть головы остудят:
Лет предстоящих смазан оком.
Едва ли прозорливей станут люди,
Не знаю –

я о зренье о своем.

Найдет и в память вклинится внезапно
Картинок акварельных череда:
Дом возле речки,

солнечные пятна,

Кувшинками цветущая вода.
Качанье ив, заката ветер свежий.
Настил купальни новой без перил,
Как век назад. Но век назад я не жил,
Хоть тем настилом точно проходил.

Или, привычной логике перечая,
На этом я ловил себя не раз,
Ни с кем не назначавшаяся встреча
Происходила

ровно

в день и час,

О чем я мельком думал накануне
И позабыл:

у мыслей нет числа.

А то в Петровском ботике «Фортуне»
Себя гребцом я видел у весла.

По вечерам с архивной папкой сидя,
Вникая в суть событий давних дней,
Я в ней искал как некий очевидец
Приметы биографии своей.

Неточным словом сердце не затронешь:
Не тот поэма примет поворот.
Азов сейчас мне видится, Воронеж,
Где Петр рубил Гребной военный флот.

Азовский крюк

Еще его не видела Европа,
Еще народ не взял он на излом,
Хотя уже тогда бродил в нем ропот,
Замешанный на святости со злом.
Зима в Москве.

Январь.

Столпотворенье.

Морозный воздух звонок, как сосуд.
А ну-ка, смерд, нишкни, и – на колени:
Гуляет свадьбу ловкий царский шут.
Взрывает снег процессия хмельная,
Весь двор в дурацких красных колпаках
К венчанью едет.

Так-то, Русь родная,
Кто – на собаках, свиньях, на быках.

В одной повозке – знатный иностранец,
В другой – простой породы езуит.
И жуть на лицах зреет, как румянец
Мирян, кто вдоль их поезда стоит.

И крик, и визг,
и мерзлой глины шмотья,
И шепот про царя как про врага:
Не зря на смерть

змеиный яд Авдотья

Ему плеснула в след от сапога...

А он – кто знает, в чем первооснова
Настроя овладевших им забот, –
Коварных турок выгнать из Азова
Задумал – первый парусный поход.

Характер так возрастает понемногу,
Из слова – в речь, корабль – из чертежа.
В свой срок предназначенье и дорогу
Находят сами разум и душа.

И тут не до игры, забав и смеха.
Мужания невидимая грань
Заступлена, и манит зов успеха,
Хоть весь себя сомненьями изрань.
Взывает возраст действий, а не слова,
К ним обратиться – о замыслах молчи.

Закрыто устье Дона у Азова,
По берегам две башни-каланчи
Связали цепи. Острые, как пики,
В речное дно забиты сотни свай.
Ну, что же, Петр, пока ты – не Великий,
Судьбу свою на прочность испытай.
Настало время настоящей драки,
Она и кровь гоняет горячей.
Смотри, на штурм идут твои казаки,
Берут и жгут одну из «каланчей».

Вот-вот вторая сверзится громада.
Добавь огня, удар направь точней,
И крепости недельная осада
Найдет в воротах прорезь для ключей.

Укрывшись за кустами краснотала,
Пробиться к морю, в ширь его и синь,
Твои будары скрытно ждут сигнала –
Ты прикажи,
ты взгляд свой властный кинь.

Не удастся.
Гаснет дух отважный.
Палящий зной из Дона воду пьет.
Голландец Янсен, хитрый и продажный,
Засадных турок к лагерю ведет
С раскольником кубанским. Оба вора,
как две прибрежных дудки на ветру,
Им спели, где у русских нет дозора,
Где спят они беспомощно в жару.
Пальба и сеча. Сивый дым пожара.
Одним стрельцам не встать теперь с земли,
Но не подняться битым янычарам,
Они урон свой тоже понесли.

Гнездо их рушат пушки и мортиры,
Стремится войско к крепостному рву.

Не славу –
 только званье «бомбардира»
Ты привезешь той осенью в Москву.
Конец походу. Давний враг – не шутки,
Бой – не охота по глухим лесам.
Для будущих побед

 оставь зарубки,
Не паникуй
 и сильным станешь сам.
Тебе ль не знать:
Не страсть – страстишки губят.

Одолевая века крутизну,
В воронежских чащобах спешно рубят
Морозную гудящую сосну.

Грамота воронежских верфей

Я говорил о зренье,
 о явленье,
Какому с давних лет не дан ответ.
Один его расценит как виденье,
Другой, отвергнув,
 сразу скажет: нет.

Здесь лишь игра фантазии, и только.
А мы давай
 рискнем с тобой, вдвоем
Лесами от Козлова до Сокольска
К Воронежу, читатель мой, пройдем.
И поглядим,
 послушаем,
 поищем,
А повезет, увидим и Петра.

Доносит гиблым дымом пепелища,
Сосновым сладким дымом от костра.
Метельный наст,
 глубокий и упругий, –
в прослойках гари. Черные кусты.
Леса горят.

Горят они, где струги,
Галеры ладят, лодки и плоты
Людишки из окрестных мест и дальних.

Вблизи больших и малых рек, проток.
Звон топора, пилы и наковальни
Летит под небо, как под потолок.

Витают дух щепы и мерзлой стружки
На самодельных верфях.

 Без трубы
То тут, то там виднеются избушки
Придавленные тучей, как грибы.
Согнали к стройке тысячи народа
Чем жить ему,
 царю в Кремле видней.
От неудачи первого похода

Он не остыл,
 а стал еще сильнеей,
Стремительней,
 настойчивей,
 жесточе.

Родная среднерусская земля
До лошадей всегда была охоча,
А не до моря,
 не до корабля.

Залить поля пшеничной позолотой,
Испить медку, подставив ветру грудь,
Куда милей,
 чем с пущей неохотой
Крепить борта и киль в оглоблю гнуть.
А не сбежишь: стрельцы кругом.

 и все же
Бородачам и жизнь не дорога,
Нож – под тулуп
 и – шашть на Запорожье
От царской злой неволюшки в бега.
Купца с товаром встретят в глухомани,
Поставят на боярина силки.

Петр недоволен:
 время ждать не станет,
Суда не встанут сами у реки.
Вредна задержка с флотом и чревата,
К весне готов быть должен «караван».
Похоронив с душевной скорбью брата:
Был не здоров и немощен Иван –
Он сам спешит в Воронеж.

 В этом году
Сначала март, а вслед ему апрель
Почти что бунт устроили в природе,
С календарем затеяв канитель.
То нудный дождь, знобящий, как простуда,
Льет день и ночь, вскрывая русла рек,
То буря с сатанинским перегулом
Вновь налетит
 и вновь постелет снег.
И с флотом мешкота, сиречь, затишье,
Об этом так в письме своем:
«Мороз, –
С досадой Петр к Винниусу пишет, –
Сегодня поутру ост-вент принес».

Оскалилась природа, как волчица –
А что она? –
 с нее и спроса нет.
Расстройство делу царскому чинится
Заводчиками –
 им держать ответ.

За всем смотри, куда там до застоля,
Во все вникай: нарвешься на обман –
Чтоб не кончались в кузницах уголья
И скобы были,
 думай, «капитан».

Учись и не приемли слов на веру,
Тогда, глядишь, и выйдешь в мастера...
И рубит плотник-царь свою галеру
Из рук не выпускаемая топора.
Лефорт приехал.

В рвенье небывалом
Другие мысли зреют в голове:
Из досок, привезенных «адмиралом»,
Собрать суда, стоявшие в Москве.

Не гаснет в царской горнице светильник
До поздней ночи.

Лес гудит вокруг.
Не ментор и отнюдь не собутыльник
Беседует с Петром, а верный друг.

Петр:

Непрочен лед, считай, к Святой неделе
Он весь сойдет, очистит дно реки.
И мы бы к сроку этому поспели
Спустить суда.

И Шеина полки
Почти все в сборе.
Близок путь опасный,
От первой сшибки турок не ослеп.
Так ведь и мы трудились не напрасно,
Недаром в эту зиму ели хлеб.

Сегодня немцы или англичане
Поверить не хотят в звезду мою –
Виктория, я зрю, нас не обманет,
Не обойдет на этот раз в бою –
О том молюсь...
Стучится ветер в двери,
Крадется за поварней битый волк.

Лефорт:

Не торопись. Европа силе верит,
Тому, кто в снаряженья знает толк.
Давно рекут:

без жала не ужалишь,
От недруга погибнешь без щита.
Они от нас в искусстве убежали
Военном

лет, пожалуй, на полета.
Не зря гордятся знаньем и культурой,
Порядок чтут,

считают наперед,
Не то, что Русь, с ее блажной натурой,
разгулом, так что оторопь берет.
Я из Ельца писал тебе,

припомни,
Или напомню я тебе сперва,
Сколь в марше,
точно черти в преисподней,
Солдаты натворили дуровства.
Скота побили, пили до отрыжки.
Мужицких баб помяли,
подивись...

Петр:

Да, как из вновь приезжих лекаришки
Промеж собой до юшки подрались
Из-за лекарств.

Понятно, в пьяном споре
Порты продашь, чтоб выглядеть умней...

Глубокое молчанье в разговоре.
В промерзших окнах сполохи огней.

С печалью: Верно, туго без науки,
В молитвах протекала жизнь отца...

Опять молчанье. Шорохи и звуки
До них едва доносятся с крыльца.
Легла ночная темень до Урала,
На сотни верст –
ни церкви,
ни жилья.

И резко встав:
– Довольно Русь дремала,
Была б она чужая, не своя.
Греховная, дурная – брошен жребий,
Для отступленья годы истекли...
Стоит шумиха на земле и в небе,
Спускают корабелья корабли
Без суеты и спешки,
но с напрягом.

Садятся на борт пешие войска
И, вот, плывут.
командуя под флагом

В своей галере Петр.
У виска Прядь вьется.
Взгляд открытый,
Голос чистый,
Летит между безлюдных берегов.
И солнца луч, прямой и золотистый,
Путь по воде им кажет на Азов.

На сотни верст –
ни церкви,
ни жилья.

Прощание с «Тишайшим»

Как музыка не терпит малой фальши,
Так век его – насильный передел.

Царь Алексей Михайлович «Тишайший»
О благочестье более радел
В родной земле.

Народ полуразутый,
И набожный,
и битый,

и хмельной,
Измученный изменою и смутой,
С ливонцем затянувшейся войной,
Подъячим и свирепым воеводой –
В нем и на них еще хватало сил –
Как конь тамбовской жилистой породы,

Сады растил,
и сеял,
и косил.

Стрелец в долгах за жито не увязнет.
Анис созрел,
 рассыльник тут как тут –
В обозах из Можайска, Рузы, Вязьмы
В Москву в амбары яблоки везут
В дубовых бочках.
 С патокою грушу.
В рассоле сливу
 стряпчим в уговор,
Дабы едок хрустел за милу душу
И вспоминал крестьян и Хлебный двор.
Из Астрахани, версты не преграда,
В соломе с осетрами заодно
Привозят сочных гроздьев винограда
И молодое красное вино
 к обеду,
Если гость нахмурит брови
Или посольский глянет свысока.

В избытке поставляет двор Коровий
Сыров, сметаны, сливок, молока.

Двор кормовой с усердием и жаром
Готовит каждый день три тыщи блюд.
Солощим домочадцам и боярам
От царского стола их подают,
Точней, разносят.
 Мерюю суконной,
Парчой, сафьяном, мехом соболей,
Шелками
 наделяет двор Казенный
Служивых государевых людей.
И божьих слуг.

 По-русски не закрыта
Дверь к казначею этого двора
Для серба чернеца,
 архимандрита,
Пришедшим в Русь за толикой добра
И упроченьем веры.
 Прорву денег
Метет Москва и тратит каждый год.
Кликуши голосят:
 – Народ – бездельник.
А где их взять, когда бы не народ?

Не доводя правож до зуботычин
И за собой не чувствуя вину,
Котельник,
 оловянишник,
 кирпичник
Исправно платят подати в казну.
Покуда жила в теле не ослабла,
Посадский из царевой слободы
И приписной крестьянин
 тянут тягло

И для мирской, и воинской нужды.
Таков уклад.

Бег иноходца

Философ, не иначе,
 с усмешкою заметит мне:

Постой,
Ты сам сейчас невольно обозначил
Средневековья кризис и застой,
Болото мангазейского размера
Под ряскою московского пруда.

Возьмем достаток в качестве примера:
Какая доля вложена труда
В устройстве деловых
 и прочих связей
К его преумноженью?
 Алексей,
С его упрямством и богобоязнью
Не понимал их значимости всей.

И уточнит ученый академик
Почти с наивной детской простотой:
До наших лет в стране
 излишки денег

Для многих
Остаются лишь мечтой.

Богач у жизни просит постоянства,
А нищий – шей погуще да затей.
Подумай, почему считают пьянство
У нас всегда из прибыльных статей?

А бунты, грабежи, разврат, мздоимство?
От них во все века не продохнуть.
Но давит нас не бедность – материнство,
Самой России непонятный путь...

Ишь как хватил? Как девку, мать облапал.
Остынь, любезный, уши пожалей.
Не забывай, с чего гектарный Запад
Не только в страхе восхищался ей.

Нельзя корить за поступь иноходца,
Когда он в общей гонке отстает,
Не потому, что силы нет бороться –
Дистанции

 продвинуться вперед.
Нет в этом ни лукавства,
 ни загадки,
А есть пространства
 воля

 и простор.
У нас – свои, у них – свои повадки,
Зачем пускаться снова в давний спор
Неразрешимый?

 Склоки и наскоки
Переборов,
 устроив производ,

И в копиях наследники души
прапращуров...

А злость разящих танков
Не бредила памяти, скажи?
А мне напоминала.

Не в соблазне
Свести концы – ни-ни, ни боже мой:
Неистребимый дух стрелецкой казни
Витал в то утро снова над Москвой.

Немного в ней от прежней сохранилось.
Там, где речной струится поворот,
Не воронье испуганно кружилось,
А ястребом парящий вертолет.

Над оцепленьем и запасным взводом,
Над зоопарком с высохшим прудом
Безвестным служжкой
с людом,
Крестным ходом
С иконой обходившим Белый дом.

Ничто не ускользало от вниманья.
Сверкнул в луче осеннем, как топор,
По синевато-серым стенам зданья
С моста огонь, ударивший в упор.

В предчувствии беды непоправимой
Сдавило грудь от боли и тоски...

В проемах окон, в черной пасти дыма
Огни рвались, как волчьи языки.

И лбы свинец искал прицельной пули,
Она чернела дыркой от гвоздя
На лицах мертвых.

В нараставшем гуле
Мне захотелось чистого дождя.
И он пошел...

В начале непройденного

В шатре, прохладном, волгллом,
Сморенный легкой дремой дождевой
Петр прикорнул

и в забытье недолгом
Себя увидел в даях над Невой,
Где прежде не был,
разве только думал

О них
годам и верстам вопреки,
Он ощутил, как ветер финский дунул
И волны вздулись, словно желваки.

Качался и шумел над островами Сосняк.
Валун гранитный, точно кляц,
Душил протоку.

В этой панораме
Все замечал
его неспешный взгляд.

И четче вырисовывались дали:
Причалы, верфи, штабеля стропил, –
О чем и планы строил он едва ли,
Надежду, может, тайную хранил
До времени Полтавы и Гангута...

Историк, вольность мне мою прости,
Ты знаешь время чуть по минутам,
Мне хочется мосты с ним навести.

Пускай туманна их архитектура,
Но ты не назовешь ее игрой
рассудка.

Такова вещей фактура
И мой, вполне естественный, настрой.

Вот и сейчас судьбу опережая,
Понятно, ей не быть уже другой,
Петр, перенесшись
из степного края,
Шагал во сне
ботнической водой.

Где в наши дни под крики юрких чаек
Бродил я вдоль каналов и аллей
И любовался белыми ночами
Маневрами входивших кораблей.

Терялся,
присмирев,
в картинных залах,
Шалел от ярких брызг Петродворца
И никогда не чувствовал усталость,
Хоть город понимал
не до конца,
Пообветшавший,
вечно в чем-то новый,
Трехвековой,
но точно – не старик.

Ода русской силе

Вновь пушки громяхают у Азова,
У стен его
вновь слышен русский крик.

И на Дону – все двинулось к итогу.
Воронежской закладки
зимний плод:

Судам татар,
пришедшим на подмогу,
Загородил дорогу русский флот.

Штурм закипел. Копьем, секирой, грудью,
Ломись
и хриплым стонам не внемли.

В осаде враг,
и ядра из орудий
Летят в него с погудом,
как шмели.

Жилье его в золе.
От лихоманки,

Что запирались снова стали зря,
Азовца жен попрятали в землянки,
Ругая зло московского царя.

Голос в крепости:

Да толку в том?

В атаках каждодневных
Из минарета видится ясней,
Сильнее дух победный у неверных,
Острей секиры,
кони их сытней.

Пусть прут они,
как встарь, еще навалом,
Не сунься загушить их фитили,
Они уже и насыпь вровень с валом
Для приступа, собаки, возвели...

А русский лагерь бодрствует в отваге:
Дождался вор, и свет тебе не мил.
Искусною стрельбою мастер Граге Верх крепостной
горбушкой отломил.

Как маки, фески красные сминая,
В пролом бегут,
карабкаясь ведут
Донских казаков
атаман Минаев,
Малороссийских –
гетман Лизогуб.

Трубят трубач о воинской удаче,
Она сегодня ратникам сродни.
«Хватило б только
удали казачьей

И прыти.
Не спасуют ли они?» –
Взволнован Петр.

Июньским солнцем вымыт
Весь лик его зовет: «Вперед, вперед!»
Он жало у змеи сегодня вырвет,
Приморский город вновь Руси вернет.

Пришла пора. Еще и ядра рвутся,
И раненые корчатся в траве,
Слабеют осажденные.
Сдаются. Виктория!

Звонят по всей Москве
О доброй вести.
«Сел с испугу на кол
Азовский озорник...» – гудит молва.
А патриарх от радости заплакал:
«Вот, дождалась и праздника Москва.
Минуют годы домислов досужих.
Сейчас он, сатана, унынье сгинь,
Не меньше для души
молитвы нужен,
Прости Господь.
Воспрянь, народ.
Аминь...»

За верстовыми даями

Обратный путь домой всегда короче,
Какой бы транспорт путника не вез –
Кобылка, шагом чуть ли не сорочьим,
Рысак, снабженный парюю колес.

В купе с неразговорчивым соседом
И в ТУ, полет сверяя по часам,
Он рвется и спешит за мыслью следом
К родным пейзажам, лицам, голосам.

Простой пустяк, возникнув из забвенья,
В дороге,
как с площадки смотровой,
Приобретает новое значение,
Совсем иной оттенок смысловой.

Понять несложно чувства человека:
С домашними заботой разлучен,
На месяц-два, а кажется, полвека –
Ни глаз родных, ни губ не видел он.

Наедине с дорожной думой вязкой,
Кружа в минувшем, словно наяву,
В карете – где по суше, где в коляске
Петр с Дона возвращается в Москву.

Свиданья с Анной, взор его туманя,
Опять пред ним проходят чередой.
Вот в лодке, как по солнечной поляне,
Плывут они кокуевской водой.

А вот гуляя в зарослях жасмина,
О чем-то говорят наедине.
Ей губы вяжет
листьев паутина,
Ему мешают шпага на ремне.

И каждый увлечен своей игрою.
Что общего меж ними? – не секрет,
Давно косятся в стольной: «Немчурюю
Царь окружен,

и проку в этом нет.
Чего тут ждать? – любое может стать.
Добро, ему был русский поводырь.
А то живет похлеще святотатца.
Жену упрятал силой в монастырь.
Она – не в сласть, подумал бы о сыне.
Без матери ему-то каково?
Пускай он – царь, но от его гордыни
Всем только вред и больше ничего...»

Ах, эти языки! Коснись любой из судеб,
Что не по ним, ни в чем не пощадят.
Да, царь, но – юный,
пусть свое отлюбит,
Пусть напоит ознобным хмелем взгляд.

Еще он в чувствах прочно не уверен,
Еще душа дотла не сожжена,

Он верит ей, так пусть свое отверит,
Она хитрит, так это ведь она.
Кому судить?

Занятие пустое –
Чужому чувству предьявлять права.

Летит карета – версты за верстою,
Вот-вот вдали покажется Москва.

Гангутский мари

Откуда взялся трубный глас валторны
В живом оркестре птичьих голосов?

Я начинал с мелодии озерной,
Развернутых потешных парусов.
Горячих рук, восторженных мгновений
У пламени ночного костерка
И шелеста безвестных откровений,
Меня в ту ночь настигших сквозь века.
Ну мог ли я тогда себе представить,
Не вымысел и не игра ума:
Со мной,

как на вселенской переправе,
Заговорит история сама.
О силе духа, замыслах, тревогах,
Не оставявших с юных лет Петра,
Его судьбе, земных, морских дорогах,
Жестокости и приступах добра.
Когда он руль закладывая круто,
Не без греха казнил и сек народ.

Утих норд-ост июльский у Гангута,
На скалы зорю выплеснул восход.
Пройдя сквозь горловину
в бухту шхера –

Твердине –
финны звали так фиорд,
Готовятся к баталии галеры,
Гребной – речной, по сути – русский флот.
Как кровный брат флотилии озерной.

Пуускай эскадра шведская крупней –
Подвижней он, ловчей в своем маневре,
До рукопашной схватки голодней
Линейных многопалубных фрегат.

Петру уже за сорок с небольшим,
И многое,
что замышлял когда-то,
Пришло к нему,
добыто было им.

Исследователи в разные эпохи
По-своему поведали о том.
Одни – чем для России были плохи
Его поступки.
Смысл свой в ином –
В их пользе находили оппоненты.
Меняют взгляды жизнь и времена,

Хоть устояли факты и моменты
И глубь веков
просвечена до дна,
Как в омуте осеннем.

В смертной гонке
От напряженья скулы сведены
У моряков.

Их весла выют воронки
Кружится вихрь Северной войны.

А тут застыла стрелка на компасе,
И над водой парит морская хмарь.
Присев на камни, адмирал Апраксин,
Контр-адмирал, по рангу – государь,
Заводит речь о зыбкости позиций.

Петр:

Смотри, Господь опять нас не забыл,
Хитрец Ватранг
сам хитрости боится –
Галеры мы ему затащим в тыл.
Тогда нам с ним никак не разминуться,
К тому же, стихший ост – союзник наш,
Эскадра не сумеет развернуться,
И кто сильнее –
покажет абордаж!

Пуускай скалист пустынный полуостров,
Пуускай светла над ним в июле ночь,
Из Олонца разве было просто
Суда к Неве болотами волочь?

Идущим в рост, как водится, нередко
Не меньше, чем сопернику везет.

Апраксин:

Что говорить,
Ватранг – орешек крепкий,
Не мы его, так он нас угрызет.
Тот верх возьмет,
кто крепче по ухватке,
Швед опытней в секретях ремесла,
Так мы ему сыграть предложим в прятки,
Он с парусом,
да мы не без весла.

Его друзья на Балтике известны,
Но он не очень доверяет им.
Вон, как он резвой рысью снялся с места,
Узнав, что мы для флота путь мостим.

Петр:

Я с авангардом сам пройду протоки
И атакую, вряд ли он уйдет...
Опять зажглось полнеба на востоке,
Горит и яркой радугой цветет.
Бодрит и добавляет силу жилам
Чистейший ранний воздух.
Даль ясна.

Эскадра? – Вот, она.
Одним прорывом
Достать ее не стоит ни рожна.

Как Флинт, трет боцман глаз оторопело
 На шведском корабле сторожевом.
 Со скал сорвались чайки.

Закипела

Вода от взрывов.

Петр напролом

Ведет свои суда.

По одиночке

Растаскивая шведский строгий строй,
 Как звенья разорвавшейся цепочки,
 Ущербной в обороне круговой.

Увертливость, вот где она согдидлась,
 Ухватку век матросам русским дал
 В наследство.

В шведах что-то надломилось,
 Когда костром их флагман запылал.

Потом, скрививши рот, Европа скажет:
 Велик царь Петр. Ослаб с годами швед...
 А он последним не был в абордаже,
 И флот врага слабее не был, нет.

За фразами лукавыми, сухими
 Видны черты отнюдь не простаков,
 Они то знали, что придет Нахимов,
 Взрастет на русской почве Ушаков.

Поднимет флаг Андреевский держава
 И корабли до вечных льдов дойдут,
 Но помнится:

стоят в начале славы

Два пункта – град Воронеж, мыс Гангут.

Белый ялик

Пока туман речной не разметало
 И в устье рыбоохраны вроде нет,
 На озеро выходит белый ялик
 В густую синь, в стремительный рассвет.

Борта его белей коры березки.
 Резвы, как чайки, весла и легки.
 Покачиваясь в такт, еще подростки,
 Прихваченные солнцем пареньки
 Гребут, мозоля веслами ладони.

Я с некоторой завистью смотрю
 Им вслед. Когда-нибудь, да вспомнят
 И ялик свой, и озеро, зарю.

Вон, как накрыло заревым атласом
 Холмы, кусты прибрежные, волну.
 И даль ясна от этого окраса,
 И ходят блики стаями по дну.

Все в памяти останется мальчишней,
 Когда наступит зрелости пора,
 Прочтут они, быть может,

и услышат,

Как строился здесь первый флот Петра.
 В диковинку он был мирянам здешним,
 Привыкшим к плоскодонке и веслу.
 Что из того, что звался флот «потешным»,
 Купелью стал морскому ремеслу.
 Не будь его, сумел бы Петр едва ли
 Земным пространствам прирастить моря.

Идет в рассвет, как в небо, белый ялик,
 И вновь всплывает молодость моя.

Акпер АКПЕРЗАДЕ

Азербайджан

– И как ты назовёшь всё это, синьор АКПЕРЗАДЕ?
– «UNO MOMENTO SIGNORINA».
– А как тебе – «ВЗАИМНАЯ СЕРЕНАДА ДВУХ ТЕНЕЙ»?
– Гениально.
– А вот это? – «ДАВАЙ ПОМОЛЧИМ НА ИТАЛЬЯНСКОМ!»
– ТЕБЕ как нравится, так и назови. Но если полаконичнее: «ТЫ».
– Наши точки зрения совпадают, маэстро. Я тоже выбираю –

ТЫ

* * *

– Это – серенада без гитары, полна мелодий, посвящается не только ТЕБЕ. А также всем. Ради ТЕБЯ.
– Всем-всем?
– Да. Всему миру.
– Ради меня?
– Да, ради ТЕБЯ!
– Ради меня всему миру! Ой... Как здорово...

* * *

– Что же с тобой сделали?
– Кто?
– Все.
– Не поняла.
– Неужели?.. Гады поганые! Предатели!
– Кого ты имеешь в виду?
– Да всех. Кто сделал это.
– А что же сделали?
– Разве сама не знаешь?
– О чем ты?
– О том, как поступили с тобой. Они же хотели уничтожить тебя.
– Как?
– Одинаково, но по-разному. Беспощадно и безжалостно. Кто-то заботами, кто-то богатством, кто-то желаниями и инстинктами. А кто-то подлостью, ничтожеством и жестокостью своей.
– Да пошёл ты..! Дай мне воздухом подышать у себе на балконе. И не морочь мне голову.
– Оглянись, умоляю тебя. Ты же не у себя на балконе. Ты у пропасти, на краю света. Я то уйду, если захочешь. Но не на ... а к себе – на родину.
– Эй... Алё (свист)... Эй, ты...; а где твоя родина?
– Чужбина...
– Черт побери, кто ты? Что тебе нужно?
– Какая разница, кто я, просто Сэм. И нужно мне немного, всего лишь улыбка.

– Слушай, говори, чего хочешь, и проваливай побыстрей.
– Почему же тебя так волнует то, что хотят другие? Ты попробуй понять то, что хочешь ты сама. А насчёт «побыстрей», прости. Я так не умею.
– Смотри...
– Извини, я перебыю. Запомни раз и навсегда – я не просто смотрю, я вижу.
– Ну ладно. Не хотела тебя обидеть.
– Я знаю, что ты не хочешь – даже не умеешь обижать. Тебя научили этому.
– И кто же?
– Безбожники, идолопоклонники. Последователи сатаны.
– И откуда же ты это знаешь?
– Догадываюсь. А потому я и здесь, перед тобой. И если понадобится, постою вот так ещё тысячи лет. Пока ты не выслушаешь меня. Ты должна выслушать меня, услышать мои мысли.
– А если я не услышу тебя?
– Тогда я сделаю харакири.
– Эй ты, Сэм. Значит, ты японец?
– Нет, я ТЮРОК. И я ищущу справедливость, как свои предки.
– Собрался спасти мир, как свои предки, что ли?
– Нет! Я давным-давно познал ошибки предков. И не стану кричать об этом. Родная моя, кровь моя! Человеку не суждено спасти мир. Ибо мир принадлежит Богу.
– А люди?
– А мы все принадлежим друг к другу.
– Даже не пытайся доказывать мне, что я не знаю этого... Я не хотела...
– Я знаю, чего ты не хотела...
– И чего же я не хотела?
– Ты не хотела стать счастливой.
– Ха-ха-ха. Откуда тебе знать, чего хочет женщина? Слушай...
– Я опять перебыю. Я могу только видеть. И вижу, что ты хотела быть первой, красивой, модной, необыч-

ной, значимой, сексуальной, богатой. И в суете этих желаний ты забыла о самом главном. О желании быть счастливой. Согласись, ведь ты перепутала суть. Если бы ты захотела, ты была бы счастливой. Тебе же не было отказано ни в чем. Захотев самого главного, ты бы добилаь всего.

– Эй ты...Мужчина...Я знаю вас всех. У вас на уме только одно – «шерше ля фам»!

– Ошибаешься! Нежность заблудившаяся. Ошибаешься, думая за мужчин. Перестань же думать за нас! Перестань желать вычислить наши думы. Ведь, чем больше ты пытаешься отгадать желаний мужчин, думаешь, как мы, тем больше изменяется вся твоя природа. Твои гормоны не выдержат такого натиска. Перестань смотреть на всё нашими глазами. Ты потеряешь себя. Ты потеряешь ту женщину, которая заложена в тебе.

В конце концов, взгляни на всё СВОИМИ ГЛАЗАМИ! Ведь ты пока ещё не окончательно потеряла женственность. Заметь хотя бы ту красоту веснушек на своём теле.

А что касается «шерше ля фам», то это понятие придумала женщина-писательница, не реалистка. А есть другая формула, которую придумал настоящий мужчина.

– И какая же это твоя формула настоящего мужчины? – А вот такая: «Женщина – скрипка, а мужчина – скрипач. Он, благодаря своему таланту и мастерству, извлекает из нее чарующие звуки».

– Эх... Сэм, такие рассуждения давным-давно устарели. А может, даже скончались вместе с автором. Впрочем, это было так давно...Наверное, ты тоже об этом даже и не думаешь. Мой старый, добрый Сэм.

– Я о многом думаю. Даже о том, что испытывал пророк Мухаммед, когда собственными глазами видел заживо погребённых девочек.

– Мужчинами?

– Нет!

– Арабами?

– Нет! Безбожниками! Идолопоклонниками! Гадами погаными. Теми, которые и тебя хотели заживо похоронить.

– Вот видишь, опять мужчины.

– Безбожники и идолопоклонники не имеют пола.

– Ха-ха-ха...

– Не иронизируй!

– Это просто мой обычный смех...

– Это не смех, а восстание женщины против грусти. Еще раз услышу – уйду.

– Нет не уходи! Я больше не буду. Вернее, больше так не буду.

– Мне становится не по себе, когда женщина грустит.

– А почему?

– Очень просто. Потому что женщина священна.

– Все, что ли?

– Конечно, все без исключения.

– И чем же мы все священные?

– Утробью.

– Фу... Ты что?

– Объясню. Где был создан первый человек?

– В раю.

– А кем?

– Богом, конечно.

– Так вот, Бог наделил женщин некоторой частью своей способности творить людей. И подтвердил данное матерям полномочие тем, что сотворил без участия отца пророка Иисуса.

Женщины – носители этой функции, а их чрево символизирует место, где был сотворен первый человек, то есть рай. У них признаки Бога и рая. Вот почему женщины священны. Логично?

– Вроде бы да. Сэм, а где находится твоя родина?

– У всех на виду.

– Сэм, а ты любишь свою родину?

– Да, очень.

– Пригласи меня к себе на родину.

– Сначала я приглашу тебя в своё одиночество. Но имей в виду, что там полная темнота.

– Почему?

– Я туда не провёл электричество.

– Почему же?

– Потому что темнота – это самый лучший фон для истинного света. В темноте ничего не видно. Ни макияжа, ни модных костюмов, ни дорогих украшений. Даже белых простыней не узреть. Там можно только слышать голос искреннего сердца, который превращается в свет. В истинный свет.

– А чем мы займёмся?

– Фильм снимем или же спектакль поставим.

– Ой как интересно... А сценарий?

– А зачем нам сценарий?

– Ты читаешь мои мысли.

– Читать я тоже не умею.

– А писать ты умеешь?

– А что?

– А давай ты напиши все это. И мы сыграем.

– Сыграем?!

– Ты же сам сказал про фильм, про спектакль...

– Да, сказал. А про игру ничего не говорил!

– Да, ты прав. Мы не будем играть. Мы будем жить. Я что-то запуталась. Откуда же ты родом? Из чужбины, из темноты? Откуда же, в конце концов?

– От утробы, как простой смертный. А как человек – из РАЯ. Ведь наш предок Адам был сотворён там. Значит, наша истинная родина – это РАЙ. И мы должны стремиться туда. К корням.

– Сэм, мой Сэм...

– Повтори!

– Сэм, мой Сэм...

– Повтори столько, сколько звёзд на небе.

–

–

– Сэм, мой Сэм, я повторила.

– Так мало звезд на небе???

– Вроде бы нет.

– Тогда, значит, время летит очень быстро. Обрати на это внимание.

– Сэм, а ты отблагодари меня!

– За что?
– Ну за то что я повторила твоё имя миллиарды раз.
– Чем же мне отблагодарить тебя, затрудняюсь.
– Посвяти мне стихотворение.
– Ты же сама стихотворение. Самое живое, самое гениальное. И непрочитанное. Поэзия – это ТЫ.
– Сээммм...
– Можно я прошепчу тебе кое-что?
– Давай, давай.
– Я не терплю всё то, что чуждо для поэзии. Ненавижу, как безбожников и идолопоклонников. Не забывай этого никогда. Никогда – никогда.
– И всё же ты оставляешь меня без стихов?
– А зачем тебе стихи.
Ты и так отражаешься в моих глазах, в воздухе, в воде. Ты Есть в свете, в темноте, в жизни. И будь там вечно. Не дай мне высохнуть. Ради Бога. Ведь я так нуждаюсь в поэзии.
– Благодарю за комплимент.
– Это не комплимент. Это горькая правда.
– Горькая? Для тебя?
– Нет. Не для меня. Одна только твоя походка – это смертный приговор всем морским волнам, весенней листве, орлиным крыльям. Разве ты не слышишь их стон?
– Сэм, а ты боишься темноты?
– Нет. Темноты я не боюсь.
– А чего ты боишься?
– Я боюсь потерять друга. Очень боюсь.
– А кто твой друг?
– Тот, кто слышит голос моей души.
– Сэм, а ты не бойся. Если кто-то услышит голос души, его не потерять. Но если кого-то потеряешь, значит, он не друг.
– А ты боишься темноты?
– Но... Как бы правильно выразиться...
– Не беспокойся. Я подарю тебе СВЕТ – в форме 14-дневного хилаля.
– А как смогу я удержать его? Он же такой огромный...
– Я помещу её в твою вселенную, в твой внутренний мир. И она покажется там, как маленькая звездочка. Твои руки нам понадобятся. Ведь ты будешь главным художником нашего произведения.
– А краски?
– Ты будешь рисовать моими слезами.
– А я подведу тебя.
– Чем.
– Я забуду кистья дома.
– Не делай этого. Умоляю. – Я придумаю что-нибудь.....
– Какая же у тебя чарующая улыбка.
– Сэм, ты всегда плачешь красками?
– Нет. Это было ради нашего произведения. Ты же так понимаешь краски. И нуждаешься в них. А так для себя я плачу морской водой.
– Ты плачешь, когда тебе бывает больно?
– Мне бывает больно от того, что я плачу один.
– Милый, а почему ты назвал себя Сэмом? Это имя как-то не по-нашему и немножко грубовато.

– Просто пришло в голову. Это имя моего любимого персонажа. Если считаешь грубым – добавь мягкий знак.
– Тогда же почти получится цифра.
– Какая же разница?
– Впрочем, да. Имя не самое главное. Но учти, даже мягкий знак тебя не выручит. Грубиянчик.
– Это ваше окончательное решение, синьорина поэзия?
– Да! Окончательное решение! Ты не посвящаешь мне стихи, даже комплиментов не говоришь. Сравнивал бы с цветочком, с лунной...
– И не надейся на такие комплименты. Цветы- это красота временная. А луну я увидел в телескопе. Такая вся в рытвинах, такая безжизненная. Даже сияние её не своё. Это всего лишь отражение чужого света. Луна такая холодная. У луны есть единственный плюс. Она вечный спутник. От начала до конца.
– А не хочет ли мой Семь утверждать, что я сияю?
– А не хочешь ли ты узнать, зачем я здесь?
– Хочу, конечно.
– Я УВИДЕЛ ТЕБЯ – такую невинную, такую девственную, такую женственную, так и не непонятую никем. Я увидел твоё сияние. Но это сияние с каждым днём тускнеет. И я задыхаюсь и слепну от этого.
– Мой старый-добрый Семь.
– Да, синьорина поэзия.
– А ты любил когда-нибудь?
– Давай помолчим.
– Но...
– Я знаю, что ты любишь итальянский язык. А я, к сожалению, не знаю его.
– Так давай хотя бы помолчим на итальянском.
–
– Как же красиво ты улыбаешься.
– Семь, как ты думаешь, а рыбы любят?
Они ведь не прикасаются друг другу. Всё на расстоянии. Как-то неромантично.
– А по-моему, наоборот. По-моему, рыбы – плывучие Купидоны. Они выпускают свои икры-стрелы миллиардами. И море становится океаном любви. И рыбы живут в такой среде. Морские воды испаряются, а потом льются дождями на нас.
– Как же романтично...
– Обещай, когда меня не будет на этом свете, хоть раз погулять под дождем. Ради меня.
И хоть раз подумать обо мне. Ты так красиво умеешь думать. Я задыхаюсь без красоты.
–
– Я уверен, что рыбы жалеют нас.
– Почему?
– Ведь люди так эгоистичны... А если мы могли бы любить, как рыбы. Подумай только. Мужчина и женщина, объединяясь всеми чувствами и сливаясь в одно единое, тонут в океане любви.
И вот так рождается божественная НИРВАНА, то есть любовь. По-моему, именно это блаженство почувствовал Бог, когда создавал человека. А люди изменяют божественным чувствам, когда ломают цель-

ное ощущение Бога и хотят получать удовлетворение, наслаждение и ощущения по отдельности.

– А говорят что...

– Да, говорят, что «любовь – это объединение двух свобод, объединение двух фантазий». Пусть говорят. Это всё сплетни.

– А ты лично что думаешь об этом?

– А для меня любовь – это телесная скука и духовная необходимость. Это покаяние перед Богом. Это путь к корням. Это спасение из чужбины.

– И кто же прав?

– Каждый рассуждает по-своему. Каждый предаёт Бога по-своему. А ты читала о лососях?

– Да. Вот это – самоотверженная преданность...

Преданность и стремление к корням.

– Да, милая. Любовь, преданность и смерть в одной рамке. Вот портрет жизни. Вот суть победы над течением, над исчезновением.

– Семь, а что мне делать?

– Насчет чего?

– Насчет безбожников и идолопоклонников.

– Пошли их всех куда подальше!

– И что потом?

– Выбери для себя спутника.

– Как Земля и Луна?

– Точно так.

– А дальше?

– Влюбись в него. Влюбись, изо всех сил.

– Qrazzia signor. Это просто bellissimo!

– А как на итальянском «прощай»?

– А!... Нет! Нет! По-моему, у них нет этого слова.

Точно нету. Я стёрла из итальянского языка это слово. И тебе тоже запрещаю произносить его.

– Двоечница, простого слова не знаешь.

– Нет, ошибаешься, это непростое слово. Это непростое слово! Поверь мне. Поверь пожалуйста. Это очень даже непростое слово!

– Верю. Еще как верю. Но все-таки мне показалось, что ты вроде чего-то не договорила?

– Я не сказала «алё». Это первое слово, которое мы произносим, отвечая на телефонные звонки.

– Это же французское слово, точно так же, как «шерше ля фам»

– Не обижай меня. Хватит!

– Ты права, хватит! Хватит с меня! И с тебя тоже! Я увезу тебя.

– Куда..?

– К корню. К раю. Мы убедим Бога в том, что мы осознали его цельное блаженство. И тогда, может быть, Бог простит ЧЕЛОВЕКА. И разрешит вернуться на родину. Из изгнания, из Земли. Из чужбины. И мы победим смерть.

– Увези меня! К корням увези! К раю. Ну же.

– А ты не хочешь попрощаться?...

– С кем?

– С безбожниками, с идолопоклонниками. С теми...

– Ля иляха иллаллах!

– Одна моя очень уважаемая подруга как-то говорила, что на итальянском языке нет прошедшего времени. Это правда?

– Si signor. Ваша подруга права.

– Упо momento signorina, а как они высказываются о прошедших болях?

– Такие понятия не высказать. Я как-нибудь покажу.

– Микеланджело сказал в своё время: «Любой кусок мрамора – это шедевр. Если удалить излишки».

– А давай найдем мрамор?

– Зачем тебе мрамор?

– Чтобы удалить излишки.

– А у меня для тебя сюрприз. Я достал очень большую смугленькую жемчужину.

– Откуда, Семь?

– Плывучие Купидоны подарили. Достлар саг ол-сун!

– И где же находится ваш сюрприз, маэстро?

– Он в зеркале. Загляни туда и быстренько за работу. Создавай шедевр. Только не итальянский, а тюркский.

– Прости, я уже не могу быстренько.

– Как же красиво ты смеёшься! Могу ли я поцеловать тебя?

– Si signor.

– Это значит да?

– Вы правы.

–

– А почему в ладонь?

– Я поцеловал линии твоей судьбы. Твое прошлое, настоящее, будущее.

– Я убью вас, маэстро...

– И ты тоже, да? Вы хотите убить меня, синьорина?

– Si!

– Си – это «да» на итальянском, ведь так?

– На этот раз ошибаетесь, маэстро. Это самая высокая и последняя нота под номером СЕМЬ на языке музыки.

– На бис si, на бис si! ТЫ до слёз СИМФОНИЧНАЯ – СИНЬОРИНА НИРВАНА!

– Давай помолчим, маэстро. Помолчим. На итальянском, на музыкальном и на этой ноте.

Эльчин ИСКЕНДЕРЗАДЕ

Гей, поэты-чужестранцы

Я немного поэт, немного безумец...
Али Каньк

Гей, поэты-чужестранцы,
Клин залётных журавлей,
Богачи и голодранцы
Чистых песенных кровей!

Не один в миру не лишний
Из вершителей чудес.
Да хранит нас всех Всевышний,
Зрящий пристально с небес.

Я умён в беседе с умным
И безумен с дураком.
О душе в сиянье лунном
Я расплакался тайком.

Остаёмся журавлями
И детьми своей земли.
Пусть надежда нам крылами
Машет, машет издала.

Перевод Владимира Бояринова

Песнь Токата

Токат – город поэтов и учёных.
Эвлия Челябин

Душа моя, здесь не чужбина,
Здесь туча, как цветочный лист,
Здесь небо звёздное едино,
Здесь родина, здесь воздух чист.

Здесь издревле живёт великий
Непритязательный народ,
Маслиноглазый, луноликий,
Смотрящий далеко вперед.

Здесь реки мчат, волной играя,
Здесь горы встали у дверей.
Подобно ароматам рая
Дыханье здешних матерей.

Кто сам поэт, кто чтит поэта,
Тот почитаем здесь и мил.
Здесь на вершине минарета
Гнездо счастливый голубь свил.

Стихи здесь тюркской мерой мерят,
Поэт признанием богат,
Народ в свои святыни верит
И песнь свою поёт Токат.

Перевод Владимира Бояринова

Янычар*

Едва на закате потянет пожаром –
Я вновь становлюсь молодым янычаром
Священной земли.
Горят города и долины Турана,
Под сердцем горит моя смертная рана
Цветком Физули.

Готов я для подвига, вызрели сроки.
Ущелья красны, и красны мои строки –
Я кровью пишу.
Я верен и клятве, и отчему крову.
Я воин. Я в жертву великому Слову
Себя приношу.

Перевод Владимира Бояринова

Песнь доброй вести

Мы с именем Всевышнего
Пойдём на смертный бой.
За родину любимую
Пожертвуем собой.

*Янычар – воин привилегированного пехотного войска в султанской Турции

Там месяц новорожденный
С улыбкой встретит нас
И песню величальную
Подарит в звёздный час.

В напеве слово доброе
Останется навек,
То слово ветру вольному
Подарит человек.

Перевод Владимира Бояринова

Песнь цветку жизни

Ты со мной в ночном забвеньи,
Ты – в сиянье дня,
В потаённом откровенье,
В сердце у меня.

Словно ангел, в миг раздумья
И в пылу борьбы,
Охраняешь от безумья,
От лихой судьбы.

Я под ангельские трубы
Не проснусь, пока
Не прошепчут мои губы
Имени цветка.

Перевод Владимира Бояринова

Песнь песней

Ах, какие пали росы
На цветы родной земли!
Ах, какие пали косы
И в ладони потекли!

Ах, какие пелись песни! –
Мне таких уже не спеть.
Мне любовь твердит: «Воскресни,
Над тобой не властна смерть!»

Ах, пройди, пройди росую,
Вырви, милая моя,
Ты своей тугой косою
Друга из небытия!

Перевод Владимира Бояринова

Ещё одна песнь любви

Прими с чужбины пару строк,
Прости за откровенье.
В конверте ты найдёшь цветок,
Что вянет без цветенья.

Ты – первая моя любовь,
Я – твой уже навеки.
И не смогу влюбиться вновь
Я ни в кого на свете.

Когда я в дальний путь ушёл,
Взгрустнула ты в разлуке?
Когда харыбюльбюль расцвёл,
Ты вспомнила о друге?

Прозрение среди дорог
И радует, и ранит:
Моя любовь – не тот цветок,
Что до цветенья вянет.

Перевод Владимира Бояринова

В моих глазах

Неисполненных сколько желаний!
И высот, что уже не достанешь!
За версту обходи меня, странник!
Мир давно уже рухнул в глазах.

Жизнь с грехом отвратительным схожа,
И никто уж помочь мне не может,
Безнадежность унылая гложет,
И любовь умирает в слезах.

Коль учёных завистливы мысли,
Низ и верх – одинаково скисли,
Если всё это жизнь, то повисли
Жизнь и смерть на единых весах.

Перевод Максима Замшева

Звезда моей судьбы

Судьба меня вела к высокому порогу,
Лишь правде я служил, служил безгрешно, много,
А правда лишь одна – нет бога выше Бога.
Звезда моей судьбы! Она взойдёт однажды.

Есть истина одна, так люди говорили!
Но вот мои глаза туманным сном прикрыли,
И тянет изнутри меня к моей могиле,
Звезда моей судьбы, она взойдёт однажды.

Для бедняков Мовлан, стихи Эмре Юнуса,
Как истина моя, как хлеб, что полон вкуса,
На Истине стоим, а сердце пусть не трусит.
Звезда моей судьбы, она взойдёт однажды.

Перевод Максима Замшева

Песнь смерти

Вершины гор в тумане дремлют,
А мир объят огнем смертельным.
Ну что за жизнь? Лишь сон бесцельный,
Пусть встанет тюрок и вспомнит волка...

Рыдает грудь, в ней горя много,
Дойти бы мне скорей до Бога,
И прозвучать призывом строгим,
Чтоб спать не дать Отчизне долго.

На смерть обиду не держу я,
Не дай в могилу лечь чужую,
Шехидом стать теперь хочу я,
Чтоб умереть в Отчизне только...

Перевод Максима Замшева

Песнь мечты

В Баку безлунен небосвод,
Луна без Шуши не вошла,
Как келья, сердце здесь моё,
В которой окна без стекла.

А над равниною Джыдыр
Была ли нынче ночь светла?
И падал ли на листья свет,
Луны, что бусы расплела?

Гаргара воды в серебре,
Не слушал песнь их ночью ты?
Когда луна опять взойдёт,
Поэт найдёт свои мечты.

Перевод Максима Замшева

Песнь настроения

Дробь несётся простая,
Души чистые тают,
А на склонах отвесных
Мы чадыры расставим.

Вдаль коней мы направим,
Крылья гордо расправим,
И в горах незнакомцев
И родных мы прославим.

Тонут грех и страданье
В материнском дыханье.
Только стрелы игидов
Точно бьют в мирозданье.

Что певец нам поведал?
Пусть забудутся беды,
Спляшут девушки яллы,
Горы вспомнят победы.

Перевод Максима Замшева

Аромат Родины

Эльдару Гасанову

В Дунае облака видны,
И я на них смотрю.
Не передать, как облака белеют...
Я вместе с ними плыть стремлюсь и буду плыть.
Откуда здесь они?
Куда они плывут?

А сердце будто облако,
Влюблённое, свободное...
Мне этой ночью снилась Шуша,
И я Дунаю рассказал об этом...
А нет ли в этом городе поэта,
Чтоб в дверь его я тихо постучал?
В Дунае сердце – как золотая рыбка.
А хлеб, что здесь вкушать мне довелось,
Таил родной для сердца аромат...

Перевод Максима Замшева

Девушки Бухареста

Невинны в Бухаресте девы,
Белы, как чудный цвет акаций,
В глазах две капли из Дуная,
Здесь невозможно не влюбляться...

Цветы акаций в Бухаресте,
Как девушки, таят влеченье.
И разноцветны на Дунае
Огни, что льются по теченью.

А в небе взмах широкий крыльев –
Журавль, на облако похожий,
Весною здесь дожди беспечны,
Как девушки с небесной кожей.

Перевод Максима Замшева

Назыму Хикмету

Я твой Дунай узрел, Хикметоглы,
Во мне теперь живут тоски глубины,
Он в море Чёрное течёт из мглы,
Неся на водах скорбный лик чужбины.

Я на мосту стою и облака,
Которых в синем небе нет роднее,
Показывают мне, как велика
Мечта о небе. Мы погаснем с нею...

Хикметоглы, с тобою мне идти,
Чужой землей по горло будем сыты,
О, Мастер, я сегодня на пути,
Где оставлял ещё вчера следы ты.

Над нами светит ясная луна,
Дороги нас измучили сполна,
Прощай, Дунай! Прощай, прощай, Дунай...

Перевод Максима Замшева

В клубе «Готика»

Акварель моего друга,
Незаконченную картину о любви
Художника Чингиза Азиза,
Напомнил мне клуб «Готика»
В Петербурге, в белую ночь.
Так зазывно пестрил огнями

Этот зал запретных страстей.
 Возбуждённый голос диджея,
 Обнаженные девочки
 Пили и жеманно смеялись.
 У них в глазах лишь валюта,
 И любовь их из пластилина.
 Но всё это почему-то напомнило
 Незаконченную акварель
 Чингиза Азиза – «Муза».

Перевод Максима Замшева

Дождь в Бухаресте

Идёт дождь,
 В Бухаресте расцветает май,
 Совсем промок под дождём,
 Мой красавец Дунай...

В этот пасмурный день
 Я думаю о тебе, моя принцесса,
 И не знаю, куда мне деваться
 На улице Эминеску.

В кафе от звуков шансона
 Меня пробирает дрожь.
 Думаю о тебе на чужбине...
 И льётся холодный дождь.

Перевод Максима Замшева

Первая ночь в Стамбуле

С высокого синего неба,
 Весенней загадочной ночью
 Сошёл я в объятия Стамбула.
 Как бабочка рвётся в цветочную прелесть,
 Летел в разноцветье огней я.
 Пока я на землю спускался,
 На крылья легли облака,
 А после – огни, минареты,
 И долгие песни надежды.

Перевод Максима Замшева

Неиссякаемо число моих красавиц

Я в маки превратил девиц на склонах гор,
 Чтоб, став одной луной, с небес дарили взор,
 Ведь солнце сжечь они способны до сих пор.
 Неиссякаемо число моих красавиц.

Всё совершенство в них, сердца стучат сильней,
 И жизнь всегда цветёт в девичьей стороне,
 Я всё для них создал в моей родной стране.
 Неиссякаемо число моих красавиц.

Как ангелы живут, они – сама душа.
 И страстная любовь – безмерно хороша,
 Ласкаю взглядом их, ласкаю не спеша,
 Неиссякаемо число моих красавиц.

Перевод Максима Замшева

Невское побережье

Я думаю, что Санкт-Петербург –
 Это ангел всех городов,
 Речной порт, побережье Невы...
 Необузданные танцы
 В ресторане «Куракина дача».
 Все голоса перемешались,
 Даже негра ди-джея и Рафет-эль-романа.
 Но в сердце моём – твоё лицо,
 Никто не растопит лёд разлуки.
 В глазах моих спокойная грусть
 И образ Назыма Хикмета,
 Берег Невы, лишенный света...
 Чужбина поёт голосом змеи...

Перевод Максима Замшева

Письмо из Бухареста Адылю Мирсеиду

Ты в эту ночь приснился мне, мой друг,
 Здесь, в Бухаресте, я тебя искал,
 Но нет следов на улицах центральных –
 Ты в Бухаресте?
 Я обошел все бары и кафе и вдруг подумал,
 Что ты, наверное, в Париже в эту ночь,
 А, может, в зале ожидания на вокзале...
 А было время, ты писал мне из Парижа
 И в письмах раскрывал Парижа тайны.
 Теперь пришёл и мой черёд тебе раскрыть
 Все тайны Бухареста.
 Я знаю, ты прислал мне голубей,
 Твои стихи они курлычут над Дунаем.
 Дунай течёт. В груди его луна...

Перевод Максима Замшева

На концерте Эрен Гюллю

Душа любви как лист,
 От дерева беспечно отрываясь,
 Она летит на гриф виолончели.
 И кажется, что дух вояк старинных
 Идёт от стен кровавых монастырских,
 Но нет, то жёлтый соловей,
 И в трелях серенада Дебюсси.

Теперь я понимаю, как прекрасно
 Что эти стены выстояли в бури,
 Отдав себя совсем другим эпохам,
 Но всё же заслужив одну победу.
 Как дождь весенний лица нам ласкает,
 Так с губ медлительных виолончели
 Мелодия бессмертия течёт.

Перевод Максима Замшева

Димчо ДЕБЕЛЯНОВ

«Умираю и опять рождаюсь...»

Перевод с болгарского
Ивана Голубничего

Димчо Дебелянов (1887–1916) – признанный классик болгарской поэзии. Родился в 1887 г. в городе Копривштица в семье ремесленника. Учился в гимназии в Пловдиве и в Софии, позже – на юридическом, а впоследствии на историко-филологическом факультете Софийского университета. Работал чиновником метеорологической службы, стенографистом Народного собрания, корректором, журналистом. Впервые выступил в печати в 1906 г. Был близок кругу молодых болгарских символистов – Л.Стоянова, Н.Лилиева и др. На начальном этапе своего творческого становления испытал влияние прославленных болгарских поэтов П.Славеякова и П.Яворова, а также весьма влиятельных в то время французских и русских символистов. Этот период творчества Д.Дебелянова отличает обречённость и безысходность тональности его поэзии, тоска по несбыточному, скорбь по несовершенству мира, неприятие мелочных обывательских радостей. Со временем, под влиянием жизненных обстоятельств и достижения творческой зрелости, Д.Дебелянов заметно эволюционировал в направлении традиционных, реалистических форм и мотивов. В творчестве Д.Дебелянова отчётливо просматривается влияние русской поэзии – как классического периода (А.Пушкин, М.Лермонтов, Е.Боратынский, Ф.Тютчев), так и «Серебряного века» (прежде всего, А.Блок). В целом поэзию Д.Дебелянова характеризует напряжённость ритмов, контрастность образов, красота поэтического голоса.

В 1914 г., с началом Первой мировой войны, Димчо Дебелянов ушёл добровольцем на фронт. Погиб поэт в 1916 г., совсем немного не дожив до тридцати лет.

Первые отдельные издания стихов поэта были изданы в 1920 г. Книга «Стихотворения» была восто-

женно принята болгарским народом и впоследствии выдержала несколько переизданий.

На русский язык стихи Д.Дебелянова переводились такими корифеями отечественной школы художественного перевода, как В.Соколов, Д.Самойлов, А.Арго, А.Гатов. Однако полноценного представления российскому читателю творчества Димчо Дебелянова пока не было, хотя ряд поэтов-переводчиков уже проделали значительную работу в этом направлении. Предлагаемая подборка является одним из фрагментов этой работы. Большинство переводов, представленных здесь, публикуется впервые.

Посвящение

I.

Той, что крошечной ночью заглянула
В мой бедный дом, как призрак неземной,
И жизнь иную в грудь мою вдохнула,
Блаженством райским дух наполнив мой!

Что в сердце расцвела моём, как роза,
И, как звезда, мне озаряет путь,
Что утлый ялик мой ведёт сквозь грозы
Навстречу счастью, вдаль, куда-нибудь!

Той, что, объята скорбью беспросветной,
Когда паду в неравном я бою,
Придёт к моей могиле в час заветный
Оплакать жизнь пропавшую мою!..

II.

Когда цветёт младая вишня,
То, одурманенный весной,
Лежу под ней, и ветер дышит
Пыльцой душистой надо мной.

Но нынче утром, на рассвете
Смерть победила красоту.
И не пыльцу вздымает ветер,
А почерневшую листву.

III.

О, запах уст, малиной напоённых,
О, сладкий, о, весенний запах их!
И тот блажен, кто первым в час влюблённый
Отведает малину уст твоих!

Подснежник в волосах твоих смеётся,
Что бриллиант, сияя в дебрях кос...
О, тот блажен, кто ночью обовьётся
Душистым золотом твоих волос!..

IV.

Солнце утонуло за горою,
Над землёю тишина плывёт;
Бледный месяц тёмною порою
Серебро с небес пустынных льёт.

Странник упокоился навеки,
Издалёка к дому воротясь –
Тихо шепчут молодые ветки,
Над моей могилою клонясь.

V.

Всё храню его я – первое письмо,
Что тебе писал я, свет души моей,
До того, как сердце холод пронизал!
Всё храню его я – каждый день и час
Всё его читая в грусти и слезах!

Написал тебе я – первые слова,
И связал словами – огненным пером
Раненое сердце, что пустынный храм –
С жизнью беспросветной, что глухая ночь –
То, что и донныне всё сияет там.

Здесь и схоронил я – первую мечту,
Что тобой зовётся, ей зовёшься ты.
Схоронил её я в дальнем уголке,
В одиноком сердце, и уже взошли
На её могиле грустные цветы!..

* * *

Шумит поток в долине где-то,
Тревожа память давних дней –
По этой тропке неприметной
Я шёл когда-то рядом с ней.

Шёл дождь неслышно, безучастно,
А нас объял восторг немой
Перед волной большого счастья,
Перед влюблённую весной.

Но пусть несказанными будут
Слова, печальны и горьки,
О том, что мы познали чудо
И снова стали далеки.

* * *

Люблю созерцать я сквозь тёмные ветки
Деревьев, склонившихся передо мной,
Как тени бегут, уплывая навеки
В далёкий пылающий зной.

И чутко внимая небесным заклетьям,
Испуганным звёздам ответить спеша,
Великую тайну хочу разгадать я,
Которой во мраке томится душа.

И снова роняю в ночные колени
Слезу о покинувшей мир красоте,
Слезу о своих безответных молениях
И рано погибшей мечте.

* * *

И все деревья верили сначала,
Что солнце вновь лучи на них уронит,
Но этой ночью небо ликovalo,
И снег засыпал их пустые кроны.

Умолкли и в тоске окаменели
Под бременем сменившейся одежды –
И грёзы их в рассветный час созрели
В бесплодности несбывшейся надежды.

Мечты**I.**

В ранний час рассветный конь молодой
В поле скачет, гривую сверкая –
То юнак спешит к родному краю.
Ах, но где же мой родимый дом?

В поле путеводною звездой
Огонь пылает – путники ночуют, –
Весело по родине тоскуют.
Ах, но где же мой родимый дом?

Третий день кончается дождём,
Злая осень землю полонила –
И страданье душу опалило.
Ах, но где же мой родимый дом?

II.

Берёзы сладко задремали
В объятьях трепетных ночных,
И ветки их невзрачны стали,
Листву золотую уронив.

Один под этим небом тёмным,
Смотрю на звёзды и молчу,
И там, с тоской в душе бездомной,
Во тьме звезду свою ищу.

И вдруг душой овладевает
О дне несбыточном мечта,
Где вечно счастье пребывает,
Где вечно правит красота.

Где жизнь во всём согласна с Богом,
Где молодость всегда права...
С берёз осенних на дорогу
Летит увядшая листва...

Смерть

Лишь тихо веет ветер ароматный,
А мир, замороженный, крепко спит.
Лежат просторы дали необъятной,
И светлый ангел сон на них кропит.

Последний возглас дня, что умирает,
В невидимые волны упадёт...
Крыло меня святое осеняет,
И сладкий голос в даль меня зовёт.

На беспредельном небе звёзд бессчётно,
Что призваны на этот пир святой.
И вот уже душа в восторге кротком
Уснула в бесконечности златой.

Видения

Доносятся из рощи рыдания и проклятья,
Там смерть крылом скользнула по кронам и траве –
В тоске неутолимой и в ледяных объятьях
Берёза горько плачет о сброшенной листве.

В груди моей блуждают проклятья и рыдания,
И сердце наполняют бездонной пустотой –
Здесь, посреди погоста, под голубым сияньем,
Душа моя рыдает над детскою мечтой.

Отдохновение

Ты приди, и влюблено, и чутко,
Дорогая, меня разбуди,
В час, когда пробуждается утро
На затерянном в бездне пути;
Ты приди и болезненно-нежно
Ароматы разлей над душой,
И о счастье далёком, безбрежном
Сладкозвучную песню запой.

Пробуждённый тобою, я встану,
Прогоню омертвляющий сон,
И с тобою, зарёю желанной,
Голубою мечтой вдохновлён –
Устремляясь к созвездьям небесным,
Смело глядя на диск золотой –
Полечу над равниной и бездной,
Полечу над печалью и тьмой.

О, тогда лишь желанным явлением
Сновиденья мои разгони
На лазурной заре, без смущенья,
И полночный мой сон не брани.
Но покуда лучи не пробилась,
Пусть хранит примиряющий сон
Заплутавшего в тёмных глубинах,
В чёрных безднах застывших времён.

Отошедшая

И молодость, и белые цветы
Вечерней страсти жара не познали.
Идёт она в сиянье красоты,
Чтоб радость пробудить в чужой печали;
В её очах восторженные грёзы,
Как две новорождённые звезды,
И две молодые, жаждущие розы
Раскрылись ярко на её груди.

Однажды ночью, посмотрев едва,
Она меня на встречу пригласила,
Но, грешные отвергнувши слова,
Моя душа невинность сохранила,
Ведь в ней томилась в чистом сне блаженном
Весна, цветами белыми полна –

А ныне всяк взирает с сожаленьем:
Они цветут, но отцвела она...

Полёт

*Par delà le soleil, par delà les éthers**
Ch. Baudelaire

От мерзости дней, суеты повседневной
Блажен, кто достойно свой дух отвратит,
Порвёт он вериги постылые гневно
И в небо пылающим вихрем взлетит.

Там, жаждущий смерти, бесстрашно и твёрдо
Над вечным покоем свершая полёт,
Средь звёзд повстречается с молнией гордой,
И, царственным счастьем убитый, падёт.

Nevermore

Нас разделяют тоска и сомнение,
Знаю, далёк ты, как в небе звезда,
Но снова, как луч векового затмения,
Жду, ты придёшь... Но придёшь ли ты?
– Нет, никогда!

Рано проснувшись, блуждаю в смятении,
Глядя во мрак, где чернеет беда,
И с клятвами, с муками, в переплетении,
Жду я рассвета... Придёт ли он?
– Нет, никогда!

Сад мой Неволя засыпала жадная
Снегом, и он опочил навсегда,
А гимны и смех в эту ночь непроглядную
Ждут, чтобы грянуть... Но грянут ли?
– Нет, никогда!

Песня

Усталость над грёзой моей слишком рано
Простёрла большие крыла.
Скорблю о заре, той заре долгожданной,
Которая здесь умерла.

Скорблю о росе, что бесследно иссохла
На бледных и чахлах листьях,
О песне скорблю, что сегодня заглохла
На юных бессильных устах.

Весенние дни

Вот на заре зефиры прилетают
На крыльях стрекозиных молодых
И жизненные соки проливают
В заглохшие долины и сады.

* За солнцем, за эфирами. Ш. Бодлер

Предчувствуя непознанную радость
Стать урожаем чистого зерна,
Бдят в глубине, как золотые клады,
Наполненные влагой семена.

А крокусы вблизи потоков чистых
В дремоте топят зимнюю печаль,
И в чашах их, янтарно-золотистых,
Рассветные моления звучат.

Едва стогит румяная зарница,
С востока, где пылающий предел,
На золотой прекрасной колеснице
В даль полетит новорождённый день.

В его очах огонь весны желанной,
Уста благоухают, как цветы,
А белые рассветные туманы
Мгновенно тают на его пути.

И тёплый луч сияющим полётом
Пронзает очарованные дни,
Переполняя бездны и высоты
Восторгом жизни, юности, весны.

Лунный блеск

Свет лунный с полночного неба
Струится, загадку тая –
Как тени, печальные вербы
Вдоль тёмной дороги стоят.

Ночной ветерок налетел, и
Сменил обжигающий зной,
Как будто сонм ангелов белых
Принёс долгожданный покой.

Звездой, ненароком пролитой
Из бездны молчащих высот,
Внимает душа: из долины
Поток свои воды несёт.

И, грёзе подвластен туманной,
Плыву я в холодных лучах,
Ласкаемый памятью давней
О тех лучезарных очах.

* * *

Помнишь ли дворик в родной стороне,
Тихий наш двор с белоснежными вишнями? –
Ах, не врывайтесь в темницу ко мне,
Воспоминанья и жалобы лишние –
Я заключённый в темнице глухой,
Прошлые жалобы, воспоминания,
Стража – позор несмыаемый мой,
Прошлое – это моё наказание!

Помнишь ли, помнишь ли тихий наш двор,
Шёпот и смех вдалеке за деревьями? –
Ах, не будите сияющий хор,
Ангелов хор из минувшего времени –
Я заточён за железный затвор,
Воспоминанья и жалобы лишние,
Это лишь сон – безмятежный наш двор,
Это лишь сон с белоснежными вишнями!

Ночью

Трепещущей лунной волною
Печаль застигает безрадостный путь.
Позор испытал и страданье иное,
Как сладко душа захотела уснуть.

В долинах лишь ветер гуляет,
Ни серп не дрожит, ни бряцает коса –
Как будто сонм ангелов мир окропляет
И вниз опадает святая роса.

Звезда с высоты упадет;
Пустынно молчат небеса надо мной
И слышит волна, как волна пробегает
В глубоком потоке, заросшем травой.

Дрожу я, я таю, плыву я
В стихии покоя и хрупких лучей,
Смирённый, как будто я снова целую
Сиянье любимых очей.

* * *

Вернуться бы к родительскому дому,
Когда закат смиренно догорает
И ночь, неслышно расточая дрёму,
Несчастных и скорбящих обнимает.
Как бремя, бросив чёрную усталость,
Что дни тебе лихие завещали –
Ты робким шагом потревожишь радость
Тому, кого любили здесь и ждали.

Старушка-мать обнимет у порога,
И ты, склонивши голову, утонешь
В её улыбке, ласковой и строгой,
И будешь звать её, как звать на помощь...
И в дом вернёшься, после дальних странствий
Последний твой приют неразделённый,
Шепча слова неслышные в пространство,
В икону взгляд оставив утомлённый:
Вернулся, чтоб заката дожидаться,
Ведь солнце краткий путь твой исчерпало...

О тайный вопль прозревшего скитальца,
Что Родину увидел запоздало!

Молитва

Закрой уста мои рукою,
Когда в скитаниях мятежных
Душа потребует покоя
И затоскует безутешно;
Рукой своею охраняй мя,
Чтоб в вечных муках и страданиях
Не осквернить святое имя
Нечистым словом отрицанья!

* * *

Я помнить бы тебя хотел такой:
Бездомна, безнадежна и уныла,
Сплетаешь руку ты с моей рукой,
И прямо к сердцу скорбный лик склонила.
В зловонной мгле томятся города,
А здесь дрожат деревья на свободе.
И оттого лишь, что любовь свята,
С тобою мы расстанемся сегодня.

«Приди, когда я буду уходить,
И принеси свой взгляд мне на прощанье,
Чтоб после верность вспоминать в печали
В тот час, когда Она нас победит!»
– О, Морна, бурей сорванный цветок,
Оставь печаль, и верь – весна настанет,
Незавершённым сновиденьем станет,
И ты ко мне вернёшься в этот срок!

Над нами ночь, ещё страшнее нам,
Нетопыри распластывают крылья,
И утешает лишь твоё бессилье,
И в веру я свою не верю сам.
И вдруг мою ты отпускаешь руку,
Уходишь вдале, сливаясь с темнотою,
Уставшая оплакивать разлуку. –
Я помнить бы тебя хотел такой ...

Письмо

День тихо в дальний край отчалил,
Принёсши зной и благодать,
И ночь пустынную оставил
На город слёзы проливать.

Сегодня ночью посвящаю
Печаль тебе я навсегда,
И, озарённый, вспоминаю,
Как в первый раз услышал «Да!»

Чёрная песня

Умираю и опять рождаюсь –
Противоречивая душа.
Днём неумоимо созидая,
Ночью начинаю разрушать.

Позову ли день светло-смиранный –
Ураган над морем загремит.
Бури ль пожелаю – и мгновенно
Всякий шум затихнет, в тот же миг.

О заре пылающей мечтаю,
О заре слепящей, неземной,
И весной, как в осень, умираю,
Осенью воскреснув, как весной.

И в бесстрастном времени стораает
Жизнь моя – упавшая звезда,
Грёзу о прощении теряя
В пустоте великой навсегда.

Информация о переводчике:

Иван Юрьевич ГОЛУБНИЧИЙ –
поэт, публицист, критик.

Автор переводов поэзии Болгарии, Сербии,
Хорватии, Македонии, Польши, Румынии,
Туркменистана, а также поэзии народов
Российской Федерации – Чечни и Дагестана.

Главный редактор газеты «Московский Литератор».

Секретарь Правления Союза писателей России.

Заслуженный работник культуры
Российской Федерации.

Заслуженный работник культуры
Чеченской Республики.

Награждён медалью «За заслуги перед Чеченской
Республикой».

В мае 2009 г. в рамках Международного Фестиваля поэзии «Славянска прегръдка» («Славянские объятия») награждён литературной наградой «Димчо Дебелянов» Международной Славянской академии литературы и искусства (Болгария, Варна) и Национального музея «Димчо Дебелянов» (Болгария, Копривштица) – «За высокий уровень переводов на русский язык болгарской поэзии и вклад в утверждение славянской идеи».

E-mail: glukoza2010@yandex.ru

Сиротская песня

Если сгину на войне я,
Кто ж заплачет обо мне-то –
Мать скончалась, о жене я
Не подумал. Друга нету.

Это сердца не тревожит –
Сиротой познал я беды,
И в утеху мне, быть может,
Смерть дожждётся здесь победы.

Тяготясь своей судьбиной,
Всё добро неся с собою,
Я богат своей кручиной
И несбывшейся мечтою.

Скоро я уйду в безвестность –
Так же, как пришёл, бездомным,
Но спокоен, словно песня,
Та, что лучше и не помнить.

Диана ГРИШУКЕВИЧ

Последний день любви

рассказ

Последний день ее любви

Быстрее, быстрее! Он уже ждет меня возле подъезда, а я до сих пор не готова! Что же мне одеть? Я начинаю нервничать. Ничего подходящего, все некрасивое.

Так я бегала по квартире и не знала, за что хвататься.

Целый год я ждала его приезда, целый год! Он наверняка изменился. Может, похудел? Поменял прическу? Стал выше ростом? В голове столько мыслей! А вдруг он стал настоящим красавцем и я нынешняя ему не понравлюсь? Я лихорадочно раскидывала вещи по комнате, стараясь найти подходящий наряд.

Прошлом лето было самым счастливым в моей жизни. Целых три месяца я провела с лучшим парнем в мире, с Лешей. Я очень стеснялась, краснела всякий раз, как наши взгляды встречались. Он был самым красивым парнем в нашей школе, по крайней мере, мне так казалось. И вот на выпускной бал он пригласил меня в качестве своей прекрасной спутницы. Из всех девочек нашей школы Леша выбрал именно меня! В день выпускного я с шести часов утра делала прическу, макияж, плакала, мыла голову и снова начинала все сначала, пока не пришла мама. Моя мама мастер на все руки. Она мне накрутила сногшибательную прическу, сделала легкий макияж и накрасила мои неухоженные ногти. Она, как волшебница, прилетела к Золушке и из неопрятной служанки превратила меня в принцессу. На балу я была красивее всех, и мой принц, конечно, это заметил.

С выпускного мы были неразлучны. Каждую свободную минуту проводили вместе и после того, как я узнала, что зачислена в университет, гуляли целые ночи напролет.

Эта была сказка, которую мы писали вместе. Но, как известно, в полночь волшебство теряет силу и приходится возвращаться в реальность. Мой принц

должен был уехать от меня. В августе Леша мне сказал, что его родители настояли на том, чтобы он подал документы в университет в Англии. Его приняли, и теперь мы должны разлучиться на целый год. Он приедет следующим летом, а затем уедет снова. И я, как несчастная Деметра ждала Персефону, буду ждать своего Лешу.

О, как я убивалась, когда он уехал! Сначала время тянулось медленно, но потом пошло все быстрее и быстрее... И вот, пролетел целый год, и мой ненаглядный сидит в машине под моим окном.

Наконец, я готова. Выхожу из квартиры, еду в лифте, открываю дверь подъезда... Он стоит возле машины. Как же Леша похорошел! Стильно одет, аккуратно подстрижен и с букетом цветов для меня!

– Привет, тебя не узнать, – смущенно протянула я.

– Привет, ты просто прекрасно выглядишь! Я так скучал. Как ты? Как учишься? Мне так хочется знать все, что происходило с тобой за это время.

– И я, и я хочу все о тебе знать. Мы будто заново знакомимся!

– Точно. Поехали, я заказал столик в кафе.

Я села в машину. У Леша появился едва заметный акцент. Любой другой человек и не заметил бы никогда, но только не я. Я помнила каждую его родинку, каждую мимическую морщинку, помнила все, как будто он уехал вчера. Однако почувствовала, что в нем есть уже что-то новое, изменившееся. Это не касается внешнего вида и даже этого почти не заметного акцента. Это касается его внутренней сущности, частички его души, пока еще мне не известной. Надеюсь, что тот фантазер, который отвозил меня за город к озерам, устраивал пикники на природе только для нас, с которым я часами могла лежать на траве и наблюдать за облаками, не исчез, в противном случае я напрасно ждала его целый год.

Я почувствовала некое напряжение.

– Ну, расскажи же мне о своей жизни, ты ведь в другой стране живешь. Как тебе там?

– Все замечательно, мне очень нравится. Конечно, вначале было очень трудно. Новая страна, все говорят на другом языке, никого знакомого. Но потом я приспособился, познакомился с интересными людьми и...

Он говорил, не давая вставить мне и слова. Но в чувствах Леша стал заметно сдержанней. Год назад он показывал свои эмоции, а сейчас он их прятал. Но почему? Неужели на него в Англии так повлиял климат и тамошние нравы?

Леша не умолкал всю дорогу. В какой-то момент я поймала себя на мысли, что уже несколько минут вообще не слушаю, о чем он говорит. Внутри все сжалось. Еще рано делать выводы. Мы ведь только встретились.

В кафе нас сразу усадили за нужный столик. Леша сделал заказ за двоих. Мне это не очень понравилось, раньше мы все решали вместе, даже если покупали жвачку в киоске. Но я не придавала этому значения.

– Ну, теперь ты расскажи, как жила, чем занималась?

– Целый год училась, старалась сдать хорошо сессию. У нас, знаешь, очень много людей после первой сессии повыгоняли, так вот я...

Но не успела я договорить, как Леша сразу меня перебил. Мне больше не хотелось здесь оставаться, не этого я ждала целый год. Но я снова сдержалась.

Леша опять начал рассказывать о своей жизни в Англии. Конечно, я понимаю, у него за этот год накопилось больше впечатлений, чем у меня, но ведь я тоже имею право высказаться.

Пока Леша говорил, нам принесли заказ. Блюдо, которое предназначалось мне, было похоже на то, что не съели другие клиенты. Я решила не делать скоропалительных выводов и сначала его попробовать. Но, на вкус оно было еще хуже, чем на вид. В нем присутствовали лук, маслины и баранина, чего я ни в каком виде не ем. Год назад Леша это знал...

– Почему ты не ешь? Тебе не нравится?

– Нет, все чудесно, я не голодна.

Леша так широко открывал рот во время еды, что можно было отчетливо рассмотреть, как он пережевывает пищу. Я терпеть не могу, когда люди чавкают, это он тоже раньше знал.

– Ну, что мы все обо мне, да обо мне, ты-то как здесь жила?

На слове «здесь» был сделан акцент. Намек был на то, что я живу в дыре, из которой нельзя выбраться обычным простолюдинам, зато такие парни, как он, могут, потому что он не обычный.

– Для меня этот год тоже был непростой. Много новых людей, приходилось привыкать, но я справилась.

Леша вытирал рот салфеткой и жадно смотрел на мою, почти не тронутую еду. Ему явно было не интересно то, о чем я говорю. Вероятно, его больше беспокоило, что придется платить за то, что я не съела.

– Слушай, а поехали к речке, посидим там немножко? – предложил он.

– Ладно, поехали.

Леша расплатился, и мы молча отправились в путь. Вернее, молчала я, а он все говорил и говорил.

Возле речки мы сели на скамеечку. Леша обнял меня, но я уже ничего не чувствовала. Ничего, кроме ужасной обиды. И он, и я сейчас понимали, что больше не нуждаемся друг в друге.

Когда Леша подкатил к моему подъезду, мы оба замолчали. Что сейчас говорить? Все и так понятно, но хочется поставить точку в нашей сказке вместе и с достоинством.

– Ну что ж, была рада, спасибо за приятный вечер, может, еще увидимся.

Леша смотрел на меня и ничего не говорил. Вытягивать из него слова я не хотела, потому просто открыла дверцу и вышла из машины.

Последний день его любви

Анечка для меня самое настоящее чудо. Целый год жизни в Англии меня спасала мысль, что я приеду домой к своей самой любимой и красивой. Я так волнуюсь. Уже двадцать минут стою под ее подъездом, а ее все нет. Какая она сейчас? Наверно, прекрасна как всегда. Надеюсь, я тоже хорошо выгляжу, а то она целый год меня не видела. Перед отъездом купил себе новую модную одежду, мне продавщица в магазине советовала, у меня вообще отсутствует вкус. Сегодня утром сходил в парикмахерскую, сделал прическу. Надеюсь, я ей понравлюсь.

Тут распахнулась дверь подъезда. Это она... Как же Анечка красива. Такая грациозная и утонченная!

– Привет, тебя не узнать! – сказала она.

– Привет, ты просто прекрасно выглядишь! Я так скучал. Как ты? Как учишься? Мне так хочется знать все, что происходило с тобой все это время.

– И я, и я хочу все о тебе знать. Мы будто заново знакомимся!

– В самом деле. Поехали, я заказал столик в кафе.

Я сел в машину и был бесконечно счастлив. Она сидела рядом! Целый год я ждал этого момента и сейчас наконец мои мечты осуществились. Все было как во сне.

– Ну, расскажи мне о своей жизни, ты ведь в другой стране живешь. Как тебе там? – сказала Аня и вывела меня из состояния транса.

Мне хотелось похвастаться перед ней. Нет, я совсем не добивался чувства зависти, просто мне не хотелось, чтобы она знала, как я сходил без нее с ума и как не мог говорить ни о чем, кроме как о ней. Мне хотелось показать Ане мир, в котором я сейчас живу, поделиться с ней этим миром и сделать ее частью этого мира. Так я и не заметил, как мы доехали до кафе.

Это кафе мне порекомендовал папа, он знает толк в хороших заведениях.

Также папа мне посоветовал, что надо сразу заказать самые лучшие блюда, сделанные по особому рецепту, названия я даже, как школьник, написал на запястье левой руки, чтобы незаметно от Ани прочитывать. Папа сказал, что девушке обязательно должно понравиться.

Так я и сделал. Решил взять инициативу на себя, пусть сегодня она просто расслабится и хорошо отдохнет.

Мы беседовали. Я хотел ее развлечь, поэтому рассказывал всякие дурацкие истории, которые происходили со мной в те недолгие моменты, когда я не думал о ней.

Я говорил и говорил, мне на секунду показалось, что Аня заскучала. Тут принесли блюда. Да, действительно, папа был прав, очень вкусно, мое так просто объедение. Правда немного островато, поэтому приходится есть с открытым ртом. Тут я заметил, что Аня почти не притронулась к еде.

– Почему ты не ешь? Тебе не нравится?

– Нет, все чудесно, я не голодна.

Странно, мне казалось, что папа был прав. Наступило неловкое молчание. Почему она все время молчит? Может, что-то не так?

– Ну, что мы все обо мне, да обо мне, ты-то как здесь жила?

Как бы я хотел вернуться назад, чтобы все было как прошлым летом.

Да, тогда было самое счастливое время в моей жизни... Тут я заметил, что в Анином блюде есть лук. О, тут еще и маслины! Вот почему она не ела! Надо было узнать сначала состав, ну я и дурак! Теперь надо исправлять положение!

– Слушай, а поехали к речке, посидим там немного?

– Ладно, поехали.

Наверно, она расстроилась из-за этого блюда. Мне действительно жаль, не хочется, чтобы она на меня за это обижалась. Всю дорогу я старался ее развлечь своими рассказами. А Аня все молчала. Возле речки, когда я ее обнял, она недовольно отстранилась.

Вскоре Ане стало холодно, и я повез ее домой. Возле подъезда я заглушил мотор и хотел с ней еще немного посидеть, наконец-то поцеловать, обнять.

– Ну что ж, рада была тебя видеть, спасибо за приятный вечер, может, еще увидимся.

Что? Что она имеет в виду? Неужели Аня больше не хочет меня видеть? Она вышла из машины и пошла домой. Как же так?

Еще пару минут я сидел в машине, прокручивая в голове события этого вечера и с трудом осознавая, что ее любовь ко мне ушла, как в сентябре уходит лето...

Бобёр, Лирик и другие...

(КУЛЬТУРА ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ?)

А зачем тогда вообще нужна средняя, или массовая культура, когда на ней ничего не держится? – такой вопрос вытекает из тезы нашего великого философа, приведенной в эпитафии. Тем более, трудно не согласиться с его же мыслью из той же самой работы «Философия неравенства» о том, что, чем демократичнее культура, тем она дешевле и из нее исчезает аристократическое, малодоступное, слишком сложное и глубокое. Это неизбежно следует из отмеченного еще Аристотелем в «Политике» основного начала демократии, которое «состоит в количественном отношении, а не на основании достоинства». Зачем же культура без достоинства? Или на масскультуре все-таки что-то держится? Что-то важное, незаменимое, что делает его нужным общественному и государственному устройству под названием «демократия»? Этот вопрос я задал себе в первый раз после случайного просмотра научно-популярной телепередачи из жизни животных, а точнее – бобров.

«Бобёр» любит строить плотины и хатки», – поведал ведущий известный при любом строе факт. Я сначала не обратил внимания, но второй «бобёр» заставил меня вслушаться. Да, «бобёр» – плыл по ручью, «бобёр» грыз ствол дерева и так всю передачу. Хотя, по мнению Ушакова, Ожегова и частично Даля это должен был делать «бобр» – грызун с ценным мехом, а не сам мех, именуемый как раз «бобёр». Смешно? Не только. Трудно себе представить, чтобы в советские времена (советской демократии, про которую тот же Бердяев писал, что «в самом принципе советского

Высшая культура нужна лишь немногим. Для средней массы человечества нужна лишь средняя культура. Но этим нужным и понятным лишь немногим духовно держится весь мир и вся история.

Николай Бердяев

представительства есть доля истины, которая остается») выпускающий редактор любой передачи был до такой степени безграмотен, чтобы не заметить разницы в названии этого трудолюбивого животного. Но «бобёр» померк по сравнению с перлом ведущего радиостанции «Моя семья», услышанным мной с приятелем 9-го мая, в машине, когда мы ехали к друзьям отмечать День Победы.

– Великая песня «Белые журавли», на музыку Яна Френкеля, стихи Расула ГАЗМАТОВА, уже не один десяток лет застывает людей...

Мы с приятелем переглянулись.

– Многие слушатели просили сегодня поставить песню на стихи великого дагестанского поэта Расула ГАЗМАТОВА...

Мы снова переглянулись – мы двое ослышаться одновременно никак не могли. На третий раз стало понятно, что фамилия известного поп-артиста настолько въелась в массовое сознание индивидуального ведущего, что вытеснила созвучную фамилию великого поэта.

Количество ляпов (не оговорок, а безграмотного употребления слов, ударений, склонений и т.п.) в СМИ уже давно перестало удивлять – «близлежаЙШИЙ», «с русскими «Орнями», «перЕспектива», «кАзероГ» (в субтитрах) «морские порты», «лОжить», «каждая вторая женщина из десяти», «возложить цветы к памятнику вечному огню» – и так до мрачной бесконечности.

Проблема безграмотности не в отсутствии знаний, а в том, что за это не стыдно. Проблема бескультурия – та же. При торговой демократии стыдно быть бедным, а не дре-

мучим. Казалось бы – Интернет дает массовый пропуск к любым знаниям, ан нет. Там ищут в основном партнеров по сексу и порнографию. Как же прозорлив был Лев Толстой, сказавший, что с развитием книгопечатного дела распространяется невежество. Видел бы он Интернет – эпоху, где невежество не просто распространяется, а мутирует в государственную политику. Русский язык упрощали не единожды – и Петр Первый, введший гражданский шрифт, и большевики, отделившиеся от «старорежимного» «ять», «фиты» и «десятеричного «и»», но никогда не *опрощали* и выхолощивали так, как сейчас – при демократии, то есть, если понимать это формально, при равных условиях на образование и равном доступе к культурным благам, но... «не на основании достоинства». Очевидно, темнота сознания – в природе массового человека, ему ни культура, ни образование не нужны, и даже пугающе чужды. Реформа русского языка, успешно предпринятая министром Фурсенко с одобрения политической власти – победа правильно голосующего *народонаселения* над здравомыслящим *народом*, который всегда с огромным уважением относился к грамотному, тем более – ученому человеку.

Анекдот – Президенту докладывают:

– К Вам на прием пришло оно!

– Кто? Что?

– Фурсенко. Теперь же можно говорить, как хочешь!

Вкратце реформу образования и реформу русского языка надо понимать так – сделали, как проще, чтобы народу было легче учиться. Литературу в школах свели к факультативу, письменный русский – к плохому устному, знания – к тестам. При торговой демократии не надо напрягать мозги, чтобы что-то знать, напрягайте, чтобы что-то купить, ибо нам нужен платежеспособный *потребитель*, а не грамотный *гражданин*.

ТОРГОВЛЯ-ГОЛОСОВАНИЕ-ПОТРЕБЛЕНИЕ-ТОРГОВЛЯ – вот формула «демократической» культуры, ставшей вслед за «демократией» торговой. Недаром Бердяев, с которого мы начали, называл демократию «нездоровым состоянием народа». Уж не знаю, как для народа (для него все плохо в России, а не пробовали мы только анархию), а для культуры, хотя бы самой неприязательной, это – точно «нездоровое состояние». Говорят, что когда Луначарский и Горький вступались за арестованного и приговоренного к расстрелу Великого князя Николая Михайловича Романова – не только внука Николая I и кузена отрешенного Николая II, но и историка (специалист по эпохе Александра I) с мировым именем, Ленин на заседании Совнаркома бросил фразу: «Революции историки не нужны!» А ведь мировой рекорд по совокупности научных работ членов Совнаркома первого состава не побит до сих пор – образованнейшие были люди, но... «...историки не нужны». Но это больше по идеологическим мотивам. А демократии по тем же мотивам уже никто не нужен – ни писатели, ни поэты, ни историки, ни философы. Кроме тех, кто, по недоразумению так себя называя, вплеся в вышеуказанную социальную пищевую цепочку в раздел «ПОТРЕБЛЕНИЕ», то есть, выпускающие книгопродукцию (не литературой же это называть) на *потребу*. То, что нужно массовому человеку, массовому потребителю и массовому сознанию – эдакий литфастфуд. Котлета детектива на булке разврата под кровавым соусом.

И не нужно никаких «философских пароходов», ссылок и расстрелов духовных и нравственных учителей – достаточно вытравить в народе желание учиться собственному достоинству, а точнее говоря – заменить предмет достоинства с духовного на материальный. И неизвестно – что страшнее по последствиям для народа как нации.

– Опять цензура! – я уже слышу протестный скрип мысли в либеральных головах, – а как же свобода?!

– Не говори, от чего ты свободен, скажи, *для* чего ты свободен, – отвечу я устами Ницше и вряд ли услышу обратный ответ. Все «освободившиеся» точно знают – от цензуры, от диктата, от гонений, вот только для чего, действительно? Для вседозволенности и литературного глумления над тем же массовым человеком, превращающимся после внесения денег в кассу магазина, в массового читателя, вернее потребителя написанного и изданного текста? Ну, действительно, чему может научить бестселлер? Только тому, что расширение свободы за пределы морали возможно только вниз.

Не так давно прочитал о встрече с властью некоторых деятелей культуры. Кроме обычных мольб о вспоможении «толстым журналам» мелькнула интересная мысль – России нужен нацпроект по культуре. Идея неплохая, ибо предполагает возвести некоторые шлюзы в мутном потоке оборзевшего масскульта. Шлюзами должны, как я понимаю, выступить те же «толстые» журналы – в литературном процессе и некие общественные советы при СМИ – радио и телевидении. Автор данной статьи, кстати, публично тоже выступал за такие общественные советы (нравственной, а не идеологической цензуры) на одном из заседаний Комитета по культуре Торгово-Промышленной палаты, причем с обязательным привлечением представителей Русской Православной церкви. Помню, меня призвали не отключаться на отвлеченные и утопические проекты, а говорить по существу, то есть по конкретному и довольно мелкому, надо сказать, поводу того собрания. Но мелкие вопросы в области культуры, как ветки, произрастают из одной стволовой, то есть системной проблемы. А проблема сводится к такому вопросу: нужна ли демвласти культура? Или нужна тонкая культурная пленка для элитарных, как они себя называют, умов и «хлеб и зрелища» для плебса? Очевидно, что человек, посещающий консерваторию, мыслит на другом уровне смысловых обобщений, нежели человек, гонящийся за билетом на Петросяна. И не в том дело, что последних больше, а в том, что удовлетворить их проще – Петросянов возвращать не нужно – они, как сорняки, прорастут сами сквозь любой асфальт. Главное – не выпалывать. Если любой проект по культуре, даже национальный, не будет выпалывать совсем уж одиозные сорняки, на нем и не возрастет ничего путного. Но выпалывать – нельзя, у нас же свобода слова! У нас же демократия! Причем – торгово-развлекательная. Но свобода слова не для каждого слова – я не припомню, чтобы видел на ТВ писателей Валентина Распутина, Василия Белова, Владимира Личутина и других *настоящих*. Даниила Гранина поздравили с 90-летним юбилеем, вспомнили об Анатолии Приставкине, когда умер, и все. А о Юрии Кузнецове, гордости русской поэзии, не вспомнили, даже когда умер. Зато сколько репортажей о похоронах разных эпатажных радиоведущих, шоуменов и прочей масскультовой завали, которая только

и умела делать, что глумливо развлекать толпу и развлекаться сама. Всякая узнаваемая личность у нас зовется «звездой», хотя не то что не мерцает талантом или умом, а и не светится хоть каким-либо профессионализмом. Даже отраженно. Какая ж это звезда – это бобёр!

Почему большевики, которым были не нужны старорежимные историки, стали бороться с безграмотностью? Авторитарной власти был нужен не потребитель, а своя, советская интеллигенция, техническая, военная, литературная, научная, в том числе в области истории – другой идеологической закваски, но нужна. Взрастить новую интеллигенцию, вывести под корень старую, можно было только на новой почве, народной, хотя и советской. Нужно было реформировать промышленность, пусть и с неизбежным военным уклоном, и воспитывать народ в духе любви к Родине, пусть и в рамках советского режима.

Примерно это имел в виду Шпенглер, говоря «...все же эта бесформенная и безграничная власть содержит в себе задачу (курс. – авт.), а именно задачу неустанного попечения об этом мире, являющую собой противоположность всему интересам в эпоху господства денег и требующую высшего чувства чести и сознания долга».

Задача определила способ ее достижения – страна села за парты. И на советской основе до сих пор держится «приватизированная» промышленность, жилье для народа, ЖКХ, то есть трубы и теплоцентрали, и ...образование.

В наше время Президент каждый год ставит перед чиновниками одни и те же задачи по реформированию российской экономики, но для любой реформы нужны грамотные граждане, а не голосующее стадо. А где их взять? У Фурсенки? Это вряд ли. Демократия, монархия, авторитаризм – к любому режиму применимы слова Бердяева о монархии, которая «падает, когда она подбирает вокруг себя худших». А власть не подбирает даже – выводит нового «темного человека» в массовом масштабе. И никакой «нацпроект» на встречном курсе тут невозможен. Тираж «толстых» журналов падает не оттого, что нечего печатать, а оттого, что все меньше тех, для кого печатать. Ну что можно сделать в рамках «культурного» нацпроекта? Еще один телеканал? Но лучше и эффективней, ограничив руководство существующих в его погоне за рейтингом и напрямую связанными с ним приборами, наполнить их образовательными и по-настоящему системно-культурными передачами с участием признанных мастеров отечественного искусства. Нельзя же всерьез доверять этот процесс двум манерным дамочкам на НТВ и либерально-однобокому писателю на «Культуре»?

Еще одна Литгазета или «толстый» литжурнал? Но литературных изданий больше, чем достаточно – своего читателя они худо-бедно удерживают, пока читателю интересно читать содержимое. К тому же автор, как член многих редколлегий, может подтвердить – отбор произведений для публикации часто проводится по принципу «наш – не наш», а не по художественным достоинствам. Еще бы – каждому законному и незаконному литформированию хочется претендовать на нравственную и художественную истину в последней инстанции. А разделенная сила – как разобранный ружье: вроде все части одного целого, а выстрелить на всю страну никто не может.

Могучий культурный Интернет-портал? Но в инете большинство людей молодых – пишет как раз по-фурсенковски – как слышится. Им такой портал будет просто неинтересен, если там нельзя познакомиться или что-то продать. К тому же, и такие порталы уже есть – Библиотека современных писателей, Стихи.ру и Проза.ру, порталы творческих союзов, как, например, Московской городской организации Союза писателей России. В том-то и ужас «культурного вопроса» в России, что не предложения не хватает, а культурного *спроса*, а какой есть – удовлетворяется имеющимся возможностями. Стимулировать «культурный» спрос вперед «потребительского» – вот задача любого исторического государства, тем более, претендующего на звание великого.

Поэтому такой нацпроект неизбежно уподобится дорогостоящему элеватору без тракторов и семенного фонда. В конечном итоге, чтобы здание не пустовало, отдадут под казино.

«С помощью денег демократия уничтожает саму себя – после того, как деньги уничтожили дух», – заявлял Освальд Шпенглер. Не будет большой ошибкой заменить слово «дух» на слово «культура», и мы получим современную картину мира – пока во второй части. Ради же самой демократии необходимо вернуть «дух». То есть *нравственную культуру*. Но возможно ли это сделать, коль она уничтожена?

Поэтому я делаю вывод – России нужен не нацпроект по культуре, а *контрреформа* образования с достойным представителем *родной речи, родной литературы и истории Отечества*. Сначала элементарная грамотность, в том числе историческая, потом – культура. Сначала успокоение невежества, потом – культурные реформы, перефразируя Столыпина. Красивые цветы на помойке не вырастут, для этого нужна иная почва, вспаханная, выполотая и удобренная литературной традицией. Такую контрреформу может провести только власть, умеющая *ограничивать* свободу и не боящаяся *грамотных* сограждан.

Прохожу мимо телевизора – в популярной передаче, где ответами на вопрос ведущего можно заработать миллион, одна «звезда» комического жанра пыжится и гадает о чем-то с испариной на лбу. Известный всей стране автор «ёханого бабая» искал правильный ответ на вопрос: «Как звали человека в Древнем Риме, покровительствовавшего актерам, поэтам и другим представителям искусства?» Когда «звездный бабай» попросил убрать два неправильных ответа, остались «Лирик» и «Меценат». Я задержался у экрана, подумав сначала – комик и есть комик, наверное, хохмит. Ан нет. Подсказки кончились, и артист, заметно нервничая и убеждая сам себя, нажал на ответ «Лирик». Что тут скажешь?

«Лирики» культуре тоже нужны. Нет худа без...бобра. Особенно – в торгово-демократические времена.

Дмитрий ДАРИН

Член Союза писателей России, поэт и прозаик,
доктор экономических наук и кОзерог

Владимир СЕРГЕЕВ

фото сопок из архива Н.Тягцева

Магадан, Магадан, Магадан...

Колымский тракт

По склонам, среди сопок кутерьмы,
Пульсирует от кромки океана –
Колымский тракт – аорта Колымы,
От сердца своего – от Магадана.

Путь на «Голгофы» – трасса Колымы,
Дорогами ветвясь к местам суровым,
Хранит все тайны лета и зимы
Бесчисленных своих «командировок».

Кайло, лопата, тачка и ЗеКа
С худыми до костей и жил руками –
Вот крестный символ тракта на века,
Оплаченного столькими смертями.

Колымский тракт построила беда, –
Там сотни тысяч канули в те годы.
Он стал для них дорогой в никуда,
А был надеждой хрупкой на свободу.

Года бегут, как вёрсты Колымы,
То между сопок, то по Серпантинке...
Колымский тракт – по сути, это мы,
Мы – выжившие в центре и в глубинке.

Тракт летом мчит сквозь царства комарья
(Съедят живьём, кошмар – остановиться).
Зимой скользит, морозами скрипя,
С колымских далей до своей столицы.

К нему со склонов сопок, по весне,
Кедровый стланик поднимает лапы.
Печально оголясь в осеннем сне,
Там лиственницы помнят про этапы.

Над саваном заснеженной страны
Пурги молитвы горестным распевом,
Как реквием, звучат среди тишины
По всем, лежащим там, в безмолвье белом.

Колымский тракт – связующая нить,
От скорбных лет до нынешних, базарных...
Забуть про всё – как Родину забыть,
Ступив опять на грабли лет овчарных.

Но вновь туда, где сопок тьмы и тьмы,
Вслед за мечтой нас тянет постоянно –
Колымский тракт – дорога Колымы,
От сердца Колымы, – от Магадана.

Магадан, действительно, – сердце Колымы. А общим сердцем всех юных и молодых колымчан в нём, с пульсирующей живой кровью знаний, наполняющих нас, была школа, наша легендарная школа №1.

Вот как вспоминает о школе **Гина ЗАВГОРОДНЯЯ** (выпуск 1957 г.)

Школа №1

Особенное место в моей памяти занимает родная школа №1 в Магадане. Не говоря уже о том, что это первая школа-десятилетка на Колыме, она была самая большая и по числу учащихся. Здание было самым вместительным. Предметные кабинеты (физики, химии, биологии, географии, рисования) были оборудованы на очень хорошем для того времени уровне. Школа построена по инициативе Н.К. Крупской и находилась под ее патронажем. Это был родной дом для многих ребят Магадана. Там мы пропадали с утра до вечера, благо что в школе работала замечательная столовая (два завтрака, обед и ужин), где шеф-поваром был знаменитый на весь город дядя Сережа (Телятников Сергей Иванович).

Гина Завгородняя так вспоминает о магаданском Доме пионеров:

А еще был небольшой и очень уютный Дом пионеров на проспекте Ленина. Там работало множество кружков от музыкальных и балетных, кино- и фотолюбителей, художественной вышивки, драматического, авиамodelьного и т.д. до шахматного клуба, где ребята, в основном, мальчишки, познавали азы этой замечательной игры. Мой муж, Преображенский

Олег РАМЗАЙЦЕВ (выпуск 1958 г.)

Нужно сразу сказать, что я не писатель и не любитель эпистолярного способа общения, ненавижу писать письма, признаю только личное общение, в крайнем случае, телефон. А подвигло меня к написанию этих строк то, что неожиданно, как-то вдруг, на меня вышел Володя Пьянков, прислал материалы с воспоминаниями наших одноклассников, и что-то хорошее шевельнуло внутри. Володя! Спасибо тебе огромнейшее. Ведь все мы, магаданцы, очень долго это носили в себе, а сейчас это выплеснулось наружу, и вроде мы оказались вместе в то самое, никогда не забываемое время.

Игорь (он учился в седьмой школе), до сих пор увлечен шахматами, а все пошло оттуда. На фотографии 50-х годов дети на крыльце Дома пионеров, видимо перед занятиями.

Точно так мы ждали, когда откроется Дом пионеров, который работал с раннего утра до позднего вечера. Глаза разбегались от желания всем заняться и везде поспеть. Начинала я с балетного кружка, затем были музыкальный класс фортепиано, кружки художественного чтения и вышивки. Знания и навыки, приобретенные на занятиях в Доме пионеров, были со мной всю жизнь.

И захотелось вдруг приобщиться к этому архиважному делу единения всех нас, ведь магаданцы, независимо от пола, возраста и времени, везде, всегда и на всю оставшуюся жизнь останутся магаданцами. Это как фронтовое братство, братство по крови (да и по другим анализам тоже).

К сожалению, в те годы я не вел записи и не писал дневников, не очень-то любил фотографироваться, а у отца с матерью и старшей сестры уже не спросишь что-либо о «магаданских годах», так что приходится опираться только на свою, пусть даже отрывочную, память.

Предки мои – выходцы из Пензенской губернии. На шоссе Москва – Куйбышев, не доезжая примерно 30 км до Пензы, стоит населенный пункт Рамзай. Видимо, от этого названия жителей называли Рамзайцы, и фамилия пошла отсюда же.

Отец родился в городе Варшаве в 1905 году. Тогда это была территория Российской империи (вспомните: «Мы, Император всея Руси, царь Польский, Финляндский, Курляндский и протчая, протчая...»). Потом были: переезд в Россию, школа, армия, работа на обувной фабрике в Москве, рабфак и МВТУ (в то время он именовался Краснознаменный Московский механико-машиностроительный институт им. Н.Э. Баумана). Окончил институт в 1935 году и работал в НАТИ.

Это сейчас есть ж/д платформа «НАТИ» и полигон НАТИ, а тогда он испытывал ЭМ-ку, гоняя ее, обвешанную датчиками и самописцами, по шоссе Москва-Клин-Калинин. В Калинин он и встретил свою девочку, будущую нашу маму.

Мама родилась в 1915 году в слободе Елань Волгоградской области, и как сирота – родителей своих не помнит и не знает. Воспитывала ее чужая семья из поволжских немцев, с 13 лет сама зарабатывала свой кусок хлеба. Сначала разносила почту и «куда пошлют», а потом был переезд в Калинин к каким-то очень дальним родственникам, общежитие, бухгалтерские курсы и работа на вагоностроительном заводе.

В 1937 году началась «чистка», стали пропадать преподаватели института, руководители и ИТР, а тут еще в Москве отец встретился со своим шикарно одетым однокурсником, работающим на Крайнем Севере, и решил добровольно, не дожидаясь конвоиров, двинуться в места «не столь отдаленные». Жилья, которое можно было бронировать на время своего отсутствия, не было, хорошей зарплаты не было, ничего не было, так что терять было нечего. Вот с той поры и пошел отсчет колымских лет.

Собачья упряжка в Магадане

Родился я в Магадане зимой 1941, 26 февраля, кажется, в один день с нашей одноклассницей Эллой Фалиной (наши матери рожали нас рядышком). Из роддома домой меня везли на собачьей упряжке. В те годы транспорт здесь был не очень-то развит. Железных дорог не было вообще, вертолетов тоже. Из авиации ЛИ-2, ИЛ-12, Дуглас, Локхид, позже ИЛ-14.

Это уже потом, в 1957-1958 году, основной аэропорт перенесли с 13 км на 47 км, построив новый с большим грузооборотом и способным принимать

большие самолеты. Старый аэропорт стал использоваться для работы на местных линиях.

Территория Хабаровского края была настолько огромна, что на ней могли бы свободно разместиться Франция, Испания, Австрия, Венгрия, Германия, Польша, Чехословакия, Румыния, Италия и Греция вместе взятые, но они этого не хотели.

Впоследствии произошло переподчинение, и Магаданская область выделилась из края. Грузоперевозки по краю осуществлялись, в основном, морем в период навигации и автомобильным транспортом по немногочисленным и необустроенным, без твердого покрытия дорогам, или зимой по льду застывших рек санно-тракторными поездами по тундре и тайге, где «медведь прокурор», по так называемому «зимнику».

Отца, как специалиста, гоняли по длительным командировкам по всему краю. То где-то пробивали дорогу и нужно было обеспечивать работу строительно-дорожных машин (бульдозеров, скреперов, грейдеров, самосвалов и т. д.), то вдруг драга встала, то нужно было организовать хоть какие-нибудь ремонтные мастерские, то прокладывать дорогу (фактически открывать) к новым рудникам.

Вместе с ним часто переезжали и мы (Сусуман, Усть-Нера, Зырянка, Мякит, прииски Бурхала, Верхний Ат-Урях). И везде жили практически в полевых условиях: палатка с буржуйкой или, в лучшем случае, барак или фанерный домик.

Как-то у меня ночью даже волосы примерзли к брезенту палатки, и мама, чтобы меня высвободить, отливала их теплой водой. В одном из мест не было реки, и зимой растапливали на воду снег и лед, а летом приходилось брать воду из болота с головастиками, и прежде чем использовать, ее несколько раз пропускали через марлю. Но чаще мы жили у реки.

Однажды на Индигирке весной я пошел колоть лед для воды на реку. С собой были кастрюля и немецкий тяжелый тесак со свастикой. Лыдину вместе со мной и со всем этим «оборудованием» оторвало от берега, и я на ней проплыл мимо окон работы матери. Меня увидели и за мной выслали катер. Потом баграми подтянули лыдину к борту, меня вытащили, а кастрюля с тесаком продолжили свой дрейф к Северному Ледовитому океану. Тут мне и дали прозвище «папанинец».

В войну никого из специалистов на материк, даже добровольцами на фронт, не отпускали, ни отпусков, ни выходов не было, за опоздание на работу свыше 10 минут давали срок.

В памяти остались многокилометровые колонны ЗК, этапируемых из порта в различные конторы, «шарашки», многочисленные лагеря и прииски. Жернова мельницы Колымских лагерей перемальевали сотни и сотни тысяч судеб людей, в том числе и тех, которыми потом вся страна гордилась: конструкторы космических кораблей Королев и Глушко, авиаконструкторы Туполев, Лавочкин, видные военачальники, знаменитые врачи, артисты и т.д.

Принципиально в системе исправительно-трудовых лагерей Колымские лагеря нечем не от-

На грузовом судне Джурма. 1945 г.

личались от многих, разбросанных по стране, им подобных (Соловецких особого назначения, Волго-Донских, Норильских и т.д.). Везде при скудном питании устанавливались высокие нормы выработки. «Высокопроизводительный» инструмент-кайло, лом, лопата, средства малой механизации – носилки и тачки. И везде «естественная убыль» от расстрелов, истощения и болезней.

Для сравнения: в 970-ти колымских лагерях расстреляно около 11 000 человек, умерло от голода, холода, болезней и т.д. примерно 430 000, а в Левашёво под Санкт-Петербургом на кладбище «Левашёвская пустынь» лежит более 50 000 расстрелянных, на Бутовском полигоне в Москве около 100 000, т.е. расстрельные дела осуществлялись, в основном, «не отходя от кассы», незачем приговоренных вести за тридевять земель. Особенность Колымских состояла в том, что:

- а) количество и концентрация на одной территории была значительной.
- б) природно-климатические условия довольно суровые.
- в) состав ЗК – с большими сроками заключения, часто от 10 до 25 лет;
- г) условия содержания и режим – на откуп начальникам лагерей, лишь бы план давали. Существовала определенная иерархия и даже «престижность» пребывания в том или ином лагере: в одних самодурство начальства и зверства охранников, в других – более либеральные условия.

Некоторые руководители лагерей и приисков, чтобы хоть как-то поддержать катастрофически сокращающийся от голода и свирепствующей цинги «Спецконтингент», заводили в зоне свое, обслуживаемое и охраняемое ЗК, подсобное хозяйство, выращивали картошку, капусту (на засол), откармливали свиней, пекли хлеб;

д) малая вероятность в связи со сложностью осуществления побега из мест заключения: бежать-то, особенно, некуда, до ближайшего населенного пункта 300-500 км. Побег зимой без питания и соответствующей теплой одежды при морозе свыше (-40) – вер-

ная смерть. И тем не менее побеги (чаще групповые) были. В поселках и городе тогда об этом оповещали население (как «штормовое предупреждение»).

Амнистия 53-54 года больше коснулась уголовников от воров в законе до последней «связки». По всей стране был «радостный» всплеск преступности. И была расхожей песня:

«Это Клим Ворошилов / и братишка Буденный / даровали свободу / тем, кто был в лагерях».

В военные годы из Америки в Нагаевский порт привезли новый порталный кран. Один из заключенных, суетившихся возле ящиков и проводивших расконсервацию оборудования, узнал моего отца, находившегося в порту по делам службы, и подошел к нему. Оказалось, что это бывший его институтский преподаватель. Документация на кран пришла на английском языке, и не полностью, а он хорошо знал технический английский (при царе-батюшке иностранные языки, естественно, знали многие специалисты), до ареста несколько раз посещал Америку и Германию, набирался опыта на автомобильных и танковых заводах, т.к. до войны в СССР только начиналось производство своих автомобилей.

Отец с кем-то там согласовал вопрос о назначении этого ЗК ответственным руководителем по монтажу и установке порталного крана. Потом этот преподаватель так и остался работать в морском порту машинистом этого крана. Отец возил ему еду и одежду до самого освобождения того из лагеря. После смерти отца, разбирая его бумаги, я узнал, что этим преподавателем был профессор «Бауманки» Лебедев Сергей Александрович.

После окончания войны, в 1945 году, отец, впервые получив отпуск, оформил увольнение, и, распахав по всем желающим свой нехитрый скарб, мы всей семьей улетели в Москву. А недели через 2-3 отца вызвали в Наркомат, вручили новое назначение, проездные документы до Магадана (система НКВД, куда входил и Дальстрой, работала жестко и четко), и его срочно отправили обратно.

Мама с детьми добиралась до столицы колымского края уже самостоятельно. Сначала долгая дорога на поезде, затем, пока еще не закрыта навигация, морем из Находки на «Джурме». Так отец и мать вернулись на работу в Магадан, моя сестра – в школу, я – в детский сад. Детский сад мне запомнился большим залом, где проходили все праздничные мероприятия, новогодняя елка, утренники и т.д. Потолок украшала изящная лепнина, лепные барельефы вдоль стен и огромная, во всю стену, картина, изображавшая великого отца всех народов и лучшего друга физкультурников в окружении детей. Я тогда еще не умел читать, но уже знал, что под картиной крупными буквами написано:

«СПАСИБО ТОВАРИЦУ СТАЛИНУ ЗА НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО».

В памяти возникает картина возврата в Америку виллисов и студбекеров, полученных в войну по Лендлизу: длинная вереница автомобилей от города до морского порта, в порту – мощный пресс, разбивающий эти автомобили, гусеничный трактор, стаски-

вающий груды металлолома с платформы прессы и погрузку в трюмы корабля этих бывших королей дорог Колымы. Автомобили нужно было сдавать в той же комплектации, с которой они были получены.

Водители не знали того, что машины попадут под пресс, и добросовестно отыскивали и добывали взамен утерянных все гаечные ключи, отвертки и т.д. Сколько же было разочарования, если не слез, когда они узнавали, что же сделали с их верными, надежными «конянами»!

Конечно же, природа в этом краю резко отличается от всей оставшейся территории, но она своеобразна и по-своему красива. Красивы и заснеженные сопки, в тихих лощинах которых мы умудрялись загорать даже на каникулах в марте, и в период цветения голубых ирисов, желтых «жарков», или ягодных полей и особенно осенью, когда невысокие, даже чахлые пихты желтеют, а вечнозеленый стланик еще сохраняет свой цвет. «Золотая осень!» И где еще можно было встретить, не считая это «экзотикой», оленью или собачью упряжку рядом с американскими «фордами», «дождями», «виллиссами», «студбекерами» и «даймондами»! И здесь же тихое, спокойное, или ревущее штормовое море, с его километровыми по положому песчаному дну отливами и просто невероятным обилием обитателей, прибрежными валунами и тремя скалами-островами («Три брата»), торчащими из воды.

Однажды, когда в порт впервые пришел теплоход «Ильич», полученный из Германии по репарации, была устроена по спецприглашениям экскурсия на судно с выходом в море. Я упросил отца взять с собой еще и моего приятеля, соседа Володю Лаврушина. Конечно же, и сам теплоход, и внутренняя отделка поражали своим великолепием. Мы были просто ошарашены блеском меди и зеркал, сверкающей сантехникой и т.д. Интересно было все, даже вентиляторы, автоматически меняющие направление, действие в секторе обдува.

Мы прошли практически по всем помещениям корабля, в том числе и служебным. Очень удивило и то, что в некоторых местах, особенно на полу машинного отделения, сохранилось отлитое в металле прежнее название судна: «Adolf Hitler». Мы с Володькой потом долго размышляли о том, как можно было сделать именно такое переименование. Это сейчас я понимаю, что не такие уж эти вожди и антиподы.

Все помнят тот страшный взрыв, который потряс город в 1947 году. Ситуация была такая: взрывчатку завозят один раз в году летом в судоходный период, и требуется ее для различных работ очень много (сотни тонн). Взрывчатку и детонаторы, как и положено, доставляли отдельно.

И вот, когда у пирса под разгрузкой стояло судно с детонаторами, на нем возник пожар, который не могли погасить ни портовые пожарные службы, ни вызванные на помощь все пожарные расчеты города. В это время корабль с взрывчаткой уже вошел в бухту. Видя, что с пожаром не справляются, и понимая, какую опасность это несет, команда корабля решила, открыв кингстоны, затопить взрывчатку на дне бухты.

Сначала взорвался корабль с детонаторами, а корабль с взрывчаткой детонировал, уже будучи затопленным на 3-4 метра. Вследствие взрыва почти все суда, стоявшие у причалов, получили серьезные повреждения, поднявшейся огромной волной были смыты в море не только отдельно стоящие на берегу дома и склады, но и рыбацкие поселки. Взрывной волной в городе повыбивало стекла, рухнули трубы нескольких котельных.

На противоположном от бухты склоне сопки «Кит», наверное, до сих пор лежит многотонная часть кормы корабля, заброшенная туда взрывом. Что было бы, если бы судно взорвалось наплаву, даже представить себе трудно.

Жили мы теперь в Магадане на ул. Пушкина д. 11. Это было двухэтажное, двухподъездное здание, в деревянные стены и перекрытия которого был засыпан в качестве утеплителя шлак. Зимы очень снежные, и иногда снегом засыпало до второго этажа так, что свет на первый этаж проходил только в узкий простенок, образующийся между сугробом и тепловой стеной дома. Дом, чтобы не упал, был укреплен снаружи бревнами-подпорками.

Таких домов на улице было три. Дети этих домов и составляли «дворовую команду». С тыльной стороны к нам примыкала котельная, от нее через улицу Пушкина и сразу налево по улице Коммуны вниз были проложены рельсы, по ним из котельной на вагонетках вывозили шлак, из которого в самом низу были насыпаны целые терриконы. А с фасадной стороны была лесопилка и дизельный цех авторемонтного завода (АРЗ). Потом рельсы сняли, котельную закрыли и в ее помещениях ютились какие-то темные личности.

Но пока она работала, у нас было развлечение по вечерам: «просклизнуть» через железные прутья ворот, залезть гурьбой в вагонетку, разогнавшись, сбить вагонеткой замок ворот и катиться с диким гиканьем и свистом с ускорением вниз. Самый «писк» был – вовремя выскочить из вагонетки, пока она не ударилась в гору шлака и не перевернулась. Про адреналин мы и «слыхом не слыхивали», а вот преодолеть страх – это было да! Утром рабочие ставили вагонетку на рельсы и катили ее вверх обратно в котельную. У нас на это сил не хватало.

Дизельный цех АРЗа радовал нас, когда проводил «горячую» обкатку отремонтированного двигателя. Чтобы не загазовывать помещение, выхлоп дизеля без глушителя был выведен металлической трубой через стену цеха на улицу. «Стрельба» была пулеметная, и мы, изображая Александра Матросова, «грудью закрывали амбразуру». Потом наши закопченные физиономии матери отмывали керосином и жесткими щетками.

Лесопилка являла собой территорию, обнесенную деревянным дощатым забором с колючей проволокой наверху, прожекторами и вышками по углам – все, как положено. Работали на ней ЗК. Утром их приводили, охранники забирались на вышки, а вечером, построив в колонну, вводили обратно в лагерь.

Днем мы через различные дырки в заборе проникали на лесопилку («рожденный ползать везде про-

лезет»); часовые часто смотрели на это сквозь пальцы, редко окриками отгоняли нас, но мы точно знали, что стрелять в пацанов они не будут. Нам было интересно смотреть, как кругляк распускают на доски, как движется рама с натянутыми на нее пилами, как осуществляется подача и т. д. И вдыхать запах свежераспиленных бревен и размолотой в пыль канифоли, которую подсыпали на шкивы ременных передач для лучшего сцепления. Мы таскали для ЗК курево, еду и газеты (возможно, не для политинформации, а на самокрутки), разговаривали с ними о жизни «на воле», о родителях, о школе, рыбалке, и нас мало интересовало, почему они здесь. По 58-й статье или как матерые уголовники-рецидивисты. Думали, что, если их посадили, значит, они в чем-то были виноваты.

К нам они относились доброжелательно, возможно, кто-то из них, на нас глядя, лишний раз вспоминал, что и у него где-то там, далеко, остался свой сын.

Когда же после работы колонна ЗК с конвоирами и собаками уходила, лесопилка оставалась в полном нашем распоряжении, и мы затевали там игру в «прятки» среди штабелей бревен, прыгали с крыши навеса в гору опилок, срезали на различные поделки толстую кору с бревен. А то и просто так сидели на бревнах и рассказывали друг другу различные услышанные истории, или пересказывали содержание прочитанных книг и просмотренных кинофильмов. Это было место нашего общения, своего двора у нас не было.

У нас из игр на улице (считай на проезжей части) были в ходу «чиж», «футбол» с различными мячезаменителями, городки, «ножички», лунки, лапта беговая и круговая на выбивание, – в общем, все как у всех.

И еще: по весне, когда снег чуть подтает и уплотнится, образуется плотный наст, по которому можно на лыжах или санках с большой скоростью спуститься с сопки.

Однажды я не успел «затормозить» и меня вынесло на дорогу прямо под колеса грузовика. Как я успел соскочить, не знаю, но удар головой в колесо был весьма ощутим, несмотря на то, что его смягчила надетая на голову зимняя шапка.

Я никогда не забуду белое как снег лицо выскочившего из машины парня-водителя. Увидев раздавленные в щепки санки с искореженными полозьями и что я жив, он метнулся к кабине и выдернул из-под сиденья монтировку. Я, конечно, дал деру, а парень сел на подножку и заплакал. И тут я понял, что слезы его вовсе не оттого, что он не догнал меня и не огрел монтировкой по спине.

В морозы свыше 40-50° С в младших классах отмечали занятия в школе. Радости не было предела! Тут уж все – на улице: санки, лыжи, хоккей или в кино. Без билета. В «Горняк». Мелюзга проникала между лопастями вентилятора курилки, старшие – в наглухо мимо контролера, на «протырку».

Городской парк функционировал летом и зимой. Летом работали спортивные площадки (волейбол, теннис, баскетбол), качели, «чертово колесо», зимой – хоккейная площадка и общий каток.

Еще в парке, помню, была разделенная на две части большая клетка, в которой жили медведи. В одной половине два бурых (Лешка и Мишка), в другой, с бассейном, белая медведица Юлька. Подвыпившие мужики, смеха ради, просовывали сквозь решетку открытую бутылку спирта; Лешка, взяв ее передними лапами, выпивал всю, а мужики потом ржали над выходками пьяного медведя.

Было в парке и «злачное место» – танцплощадка. Около нее и осуществлялись все разборки. Дралась «городские» с «нагаевскими» и с «марчеканскими», дрались честно, без оружия, кастетов и поножовщины. Массовые потасовки усмиряла милиция, вызванные на помощь солдаты войсковой части и военные патрули.

Дом наш был четырехквартирный, по квартире на каждый этаж, но в каждой квартире в разных комнатах жило по 6-7 семей. Общий коридор, общая кухня, общий туалет, ванной и горячей воды не было. Готовили на общей плите и на керогазах.

Однажды, придя на работу на матери (она тогда работала в бухгалтерии Гидрометеослужбы), я из двух сломанных арифмометров типа «Феликс» собрал один работающий.

За это мне подарили накаченный водородом большой воздушный шар – зонд. Такие шары запускают с миниатюрными передатчиками в небо, регистрируют показания датчиков и что-то там определяют, прогнозируют погоду. Оболочка шара была толстой, типа «бычий пузырь», и подъемная сила значительная.

Принес я его домой и вечером с ребятами нашей квартиры устроили с этим шаром игру в коридоре. Вдруг потоком воздуха или сквозняком этот шар затасило на кухню, на горячую плиту.

Взрыв разметал все кастрюли, оставив население квартиры без обеда. Мне, конечно, достались «слова благодарности».

Население нашей квартиры было «разношерстным по возрасту, образованию, специальности, месту работы, составу семьи и т.д.

У нас жили: пожарник дядя Ваня Москаленко, портовый грузчик дядя Федя, слесарь АРЗа Зимняков дядя Костя с женой, матерью и двумя детьми – Таней и Витей, снабженец Франц Иосифович с женой и дочкой Лялей, Лаврушины с сыновьями Володей и Юрой и мы четверо, а затем уже пять человек (в феврале 1951 родилась сестренка Людмила). Кстати, она тоже успела поучиться в нашей школе, потом закончила Рязанский радиотехнический. Сейчас живет под Питером, недалеко от станции Стрельны.

Периодически, примерно раз в полтора-два месяца, дядя Франц с Федей спорили на большую кружку спирта, что Федя выпьет такую же кружку керосина. Керосин «откачивали» на кухне из чьего-нибудь керогаза, Федя вливал его внутрь себя, запивал выигранным спиртом, а потом почти всю ночь дергал за цепочку смывного бачка, засунув голову в унитаз.

К Москаленко в «пожарку» ходили посмотреть на учебные занятия или чтобы, обдирая кожу с ладоней, съехать по спущенным (для просушки) вниз с пожар-

Я с родителями. Бухта Нагаева

ной вышки брезентовым шлангом. Душой всей квартиры была бабушка Зимнякова. Я не помню, как ее звали, наверное, даже и не знал ее имени, потому что она была не только бабушкой Тани и Вити, она была общая бабушка для всех нас. Так мы ее и называли – Бабушка.

Родители работали подолгу – с 9:00 до 19:00, прибегали на 40 мин. домой – перекусить и нас покормить – и снова на работу до 23 – 24 часов. Так что мы были предоставлены самим себе, и нашим воспитанием, в основном, занималась улица. Ну и, конечно, Бабушка осуществляла «пригляд»: кормила нас, пришивала оторванные пуговицы, промывала и смазывала раны и ссадины, сушила наши рукавицы и валенки на трубе-батарее и воевала с тараканами. Этих мерзких насекомых была целая армия, многочисленная и мобильная. Дихлордвинилтрихлорметилметан (порошок ДДТ, или «Дуст») это войско поедало с удовольствием.

Все жили дружно, праздники в квартире отмечали все вместе, каждый что-то готовил и ставил на общий стол, а вот новогодняя елка у каждого была своя. Елочных игрушек, как правило, не было, разве что отлитые на местном стекольном заводе на 72 км массивные (по 0,5 кг весом) звезды, крашенные кистью алюминиевой краской.

Восхищение вызывали игрушки, привезенные кем-нибудь с материка. В основном же, вставленные в отверстие ствола «елки» ветки стланика, украшали самодельными, сделанными из бумаги, клееными самодельным клеем и раскрашенными акварельными красками, разными игрушками, флажками, цепями, настоящими конфетами и мандаринами.

Поставщиков продуктов питания было несколько:

1. Магазины, в которых пирамиды консервных банок сгущенки, бычков в томате, крабов-снатки, сухое молоко, хлеб, мороженое молоко кругами, масло, сахар, соль, конфеты, спирт, свежая красная икра в бочках,

копченая рыба (теша и брюшки кеты и горбуши). Позже – колбаса из оленины. В войну и первые послевоенные годы по карточкам, потом – сколько хочешь.

2. Совхоз «Дукча» в 10 км от города выращивал капусту, картошку («колымские яблоки»), кормовую

свеклу турнепс и тепличные огурцы. Больше ничего на нашей земле не произрастало.

3. Американские продукты: тушенка, консервированная вареная колбаса, яичный порошок, сухая картошка, нарезанная лапшой, сублимированные овощи.

Особенно удивляли суповые кубики с ребром примерно 1,5 см. В отличие от теперешних кубиков «Галина Бланка», растворимых без осадка, американские кубики в разваренном виде содержали кроме специй мелкие кусочки мяса и вермишель звездочками. Было очень удобно: зимой на сопке на 2-3 спиртовых кубиках или костре растопить в алюминиевой миске снег, бросить туда пару кубиков – и суп готов.

4. Приходящие из Китая мандарины и яблоки, за консервированные путем погружения за плодоножку в расплавленный пищевой парафин, обернутые салфеткой и пересыпанные рисовой шелухой. Хранились очень долго. Расконсервирование – горячей водой.

5. Домашние заготовки: засоленная в бочки капуста, варенье из брусники, голубики и жимолости, редко из красной смородины, шиповника. И еще маринованные грибы: маслята и подосиновики. В общем, из всего того, что сами добывали от даров природы. Шикшу не собирали, а вот бруснику только с помощью «комбайна» – совка с узкими прорезями.

Брусники на сопках было очень много, а вот морозка до консервирования не доходила: съедали на месте или по дороге. За «кедрачом» (орехами из шишек стланика) ходили уже осенью, когда шишки начинают раскрывать свои чешуйки. Часто, чтобы не тащить лишний груз, сушили на костре и шелушили шишки на месте и брали только орехи.

6. Из буфетов приходящих в порт пароходов. У отца был круглосуточный пропуск в морской порт и, пользуясь этой возможностью, можно было на судне купить хорошее вино (не то, что местного изготовления на спирту типа «Брусничное» или «Голубичное»), хорошие конфеты, и даже иногда мармелад.

7. На находящемся на нашей улице рынке курицу или мясо можно было купить редко, да и дорого. Дичь: утки, гуси, куропатки – в сезон охоты.

А вот морепродуктами рынок был завален. Здесь свежие крабы, камбала, морской окунь, нельма, кижуч, хариус, кета, горбуша, навага.

Навага – это не та, что трижды замороженную-размороженную продают в наших магазинах – вкус не тот!!! Свежая навага, поджаренная на подсолнечном масле до румяной хрустящей корочки – настоящее объеденье. Мне больше нравилось то, что не нужно чистить чешую, и что хребет полностью со всеми косточками легко отделяется. Рыбу на рынке мы покупали только зимой, я не любил подледный лов. Зато летом рыбачили и на реках, и в море.

«Рыбачье товарищество» образовалось у нас по месту жительства: Лаврушины, братья Буторины, Генка Шамшурин, Вельяминов Виктор, Русаков Володя, Сашка Матросов и я. Рыбалка на реках и речушках была больше для души. Представьте: сварить 0.5 кг красной кетовой икры для наживки (из свежей икры при проколе ее крючком жидкость вытекает) и

Я и Лаврушин Вова

поймать на самодельную удочку не сидя, а в проводку пятнистую форель или хариуса с его быстрой поклевкой – это было что-то!!

Порой довольствовались одним единственным пойманным экземпляром. Часто на рыбалку выезжали на велосипедах или попутках с ночевкой. Палаток не было, сооружали из веток стланика шалаш. И костер всю ночь. Пекли картошку, поджаривали хлеб, разогревали консервы, готовили чай. На тучи комаров не обращали внимания, отгоняли табачным дымом. Антикомариной жидкостью типа Диметилфталат пользовались редко. Наверное, у меня еще с той поры выработался стойкий иммунитет против комариных укусов.

Ну, а если рыбы нужно было побольше, то использовали другие способы. Вставляли в сапогах с острой, растолкав ногами рыбу, в воду, выбирали крупную.

Рыба на нерест шла сплошным потоком, обратно течение несло уже мертвую, отметавшую икру и побитую о камни. Интересно было смотреть, как двигающаяся против течения рыба, ударив хвостом по воде, перелетает через пороги наших быстрых, но мелководных рек.

А какая вода в наших реках – чистая, все камушки на дне видать, и очень вкусная!! Лежа на берегу, сунешь лицо в воду и пьешь, и пьешь до ломоты в зубах.

Рыбу ловили и другими браконьерскими способами: заводили «брешок» или глушили на мелководье. Взрывчатку достать было несложно, она нужна была и на рудниках, и на приисках для взрывных работ, и строителям, прокладывающим дороги, и военным, и геологам для вскрытия породы и устройства шурфов, для устранения заторов на реках, очистки от льда ак-

ватории бухты Нагаево чтобы ускорить открытие навигации и увеличения ее срока и т. д.

Электродетонаторы были, но не было «взрывной машинки» или соответствующей батарейки. Больше уважали Бикфордов шнур, но это был дефицит.

Рыбачить на море ходили или приезжали на попутках к берегу в бухту Веселую (бухт и посёлков «Веселых» было по две: Старая и Новая) и шли пешком вдоль берега на другую, закрытую Веселую, где были аммональные склады, там народу было всегда поменьше. Когда идешь по берегу, как нигде в городе ощущаешь запах моря, морской капусты и водорослей, выброшенных на берег прибором, и пахнущей свежими огурцами корюшки.

Корюшка (в отличие от петербургской.) была промысловой рыбой, и рыбаки, выбрав из сетей крупную рыбу ценных пород, обычно «мелочь» выбрасывали на берег.

Ловили мы стоя или сидя на камнях, или с пирса под охраной шагавшего по нему часового с винтовкой, или, выпросив у рыбаков лодку, на глубине, недалеко от берега.

Однажды мы (Русаков, я, Лаврушин и Вельяминов), получив отказ по поводу лодки, самовольно взяли какую-то, нашли вместо весла доску (весла рыбаки, уходя, забирали с собой) и отправились рыбачить. И тут погода изменилась, подул «бора», ветер погнал нас в открытое море, а лодка к тому же имела течь. Я, выбросив всю заготовленную наживку, консервной банкой вычерпывал воду и не успевал; вода в лодке прибывала все быстрее, а нас относило все дальше. И тогда кто-то снял сапог, которым вместо банки я работал «большим пароходным насосом».

Пионерский лагерь «Снежная Долина»

Общими дружными, невероятно трудными усилиями мы еле-еле выгребли к берегу, но уже не у пирса, а за мысом, совсем в другом месте. А в общем-то, за ночь с лодки мы втроем наваливали почти по мешку рыбы.

Был и еще один способ «рыбалки», но это когда я стал постарше. Я на отцовском мотоцикле с коляской приезжал на берег моря и помогал рыбакам тащить сеть мотоциклом, привязав конец сети к запасному колесу на коляске. За это мне разрешалось набрать

рыбы сколько угодно. Я отбирал штук 7-8 самок, вез домой, мать вскрывала им животы, вынимала икру, снимала с нее пленку и укладывала в банку слоями, пересыпая кольцами лука и солью. Получалась примерно 2-х килограммовая банка. Саму рыбу раздавали по соседям.

О нашем отдыхе во время каникул родители трогательно заботились все эти годы, начиная с детского сада и до школьного выпуска. В младшем возрасте – пионерский лагерь «Северный Артек» в Снежной Долине, в старших классах – дом отдыха «Стахановец».

В пионерский лагерь ехал с удовольствием, тем более что туда попадали и все ребята с нашей улицы. В лагере было чисто, посыпанные дорожки, скульптуры, работающие многочисленные кружки, библиотека, игры и соревнования, бассейн, в котором после наполнения вода прогревалась целую неделю. Особенно нравился фонтан: посреди круглой чаши на гряде камней, на задних лапах, стоит белый медведь, в передних лапах держит большую рыбу, изо рта которой изливается вода.

В каком-то «пионерском» году вожатым нашего отряда был демобилизованный моряк Володя. Учил нас ходить строем, много рассказывал о службе, о море, о кораблях. Мы, вместо обычных наименований: пол, окно, комната, туалет, кровать, тумбочка и т. д., стали применять только морские: палуба, иллюминатор, кубрик, галюнь, койка, рундук... Да и ударения в словах тоже ставили по-флотски: компАс, рапОрт, кАльсоны. Расстояние и скорость определяли в милях, кабельтовых и узлах, а направления – по сторонам света. И ходили, покачиваясь и вразвалочку, подметая «клямами» лагерные дорожки.

Наверное, с этого времени и у меня в голове поселилась мечта о море. Я уходил подальше от лагерных построек на дорожку у забора, примыкавшего уже к сопке, и на этой пустой дорожке, чеканя шаг, не имея ни голоса, ни слуха, орал «морские» песни. Это были и «Крейсер Варяг», и «Севастополь», и даже (наверное, перевирая слова) «В Кейптаунском порту».

1.09.1948 г.

Вообще моряки мне нравились. Они были не то что пехота или солдаты ВОХР. Они всегда были под-

Дом отдыха «Стахановец»

тянуты, чисто выбриты, медь надраена, форменка и гюйс выглажены, бескозырка или мичманка сидит на голове как-то по-особому. Да и оружие у патруля не длиннющая винтовка Мосина, а короткий карабин или автомат, почему-то с прикладом темно-коричневого цвета.

В доме отдыха «Стахановец» я был дважды, первый раз – неделю, в зимние каникулы, а второй – летом, после восьмого класса. Зимой мы жили в корпусе, из развлечений только танцы у «елки», да «пошухарить» ночью: устроить «стукалочку» из груза и длинной нитки в дверь педагогам-воспитателям, соскоблив фосфор с елочных игрушек и наклеив его на маску, пробраться в темноте в комнату девочек и напугать их до визга или, выбрав того, кто крепко спит, потихоньку поднять его вместе с кроватью и поставить на бильярдный стол.

Верховодил Генка Недбайло, старший брат Ляли. Летом девочки жили в капитальном корпусе вместе с воспитателями, мальчишки – выше, на сопке, в большой армейской, человек на 50, палатке.

В этот приезд меня с середины срока отчислили «за систематическое курение на территории лагеря». Я потом, взяв дома свой велосипед, вернулся (чтобы не узнали родители об отчислении) на Стахановец, и подпольно, не показываясь на глаза воспитателям, жил там еще с неделю. «Сотоварищи» прятали мой велосипед в палатке и тайком под рубашкой таскали мне еду из столовки.

В школу № 1 отец привел меня 1 сентября 1948 года, практически сразу из отдыхавшего в пионерлагере детского сада. Директором МСШ 1 в то время

Крайний правый на снимке Л. Грудин, я рядом с воспитателем

был Степанов (имя-отчество не помню). Отличался он очень высоким по нашим понятиям ростом, и его всегда можно было заметить вначале коридора и вовремя свернуть свою игру бумажным «мячом» в футбол на подоконнике, или прекратить «чехарду».

Школа была прекрасна! Оборудованные кабинеты, спортзал (он же актовый), библиотека, столовая, буфет, киноустановка, радиорубка. В школе была неплохая столовая, в которой я питался постоянно. Было очень удобно: карточки различных цветов (завтрак, обед, ужин) с отрезными талонами по числам. Карточки приобретали в бухгалтерии школы, где работала мама одноклассника Лёши Бродского. Да и в буфете можно было перекусить. Так что этот процесс шел параллельно учебному, главное – очень быстро.

Напротив школы – театр с четырьмя фигурами на фронтоне, символизирующими смычку и нерушимую дружбу между различными социальными слоями населения страны: колхозник, рабочий, солдат и инженер/геолог-интеллигент. Про них говорили, что в городе только эти четверо непьющие. В театре проходили и праздничные представления, и утренники для детей, и спектакли. На его сцене выступали Лидия Русланова, Вадим Козин, играл в спектаклях, еще будучи ЗК, Георгий Жженов. Были и другие знаме-

Я и В. Спица, г. Рязань, 1962 г.

нитости, о которых я тогда не знал, хотя отец моего товарища Вельяминова работал в театре режиссером.

Из одной группы детсада в один класс попали трое: Валера Спица, Наташа Истомина и я. Истоминны уехали на материк раньше, а вот с Валеркой мы проучились в одном классе до окончания школы. Вообще с Валеркой мы почему-то, даже не сговариваясь, всё время попадали вместе: в один класс в школе, в один отряд в лагере, в один кружок дома пионеров, в одну спортивную секцию.

Мой самый первый бой на ринге на городских соревнованиях (который я, кстати, проиграл) секундировал Валерка. Даже однажды вместе лежали в больнице в одной палате инфекционного отделения. В студенческие годы он приезжал один, или с другом, в Рязань, отбивали телеграмму в Горький Лёше Бродскому и ехали встретиться с ним в Москву.

В гостях в детсаду в первые новогодние каникулы. Я, воспитатель и Истомина Наташа

Как-то, уже через много лет, Валерка вдруг с порывом и возгласами: «Олежка! Мы с тобой с младшей группы детского сада, вместе на горшках сидели!» – шумно ввалился в Москву ко мне домой. Конечно, посидели, повспоминали. А ведь нам было уже за 40! Последний раз Валера, уже живя на Кипре, позвонил мне в Москву в мае 2002-го. Встретиться не удалось, так как он уже торопился в аэропорт. Вылетел в Кудымкар Пермской области.

В школу мы с сестрой Инной (она на 4 года старше меня) ходили вместе.

Однажды в Магадан привезли небольшую партию арбузов. Конечно, это небольшое количество сразу же разошлось по начальству и передовикам производства. Отец тогда был в командировке на ходовых испытаниях силовой установки какого-то судна, а вот нашему соседу, слесарю дяде Косте, достался один маленький. Делить тут было нечего, и арбуз Зимняковы съели «при закрытых дверях».

Мы никогда арбуз не пробовали и не видели раньше, только на картинке в букваре (азбука начинается с буквы А). По рассказам «очевидцев» с материка, вещь очень вкусная. Утром, собираясь в школу, мы обнаружили в помойном ведре арбузные корки. Се-

Я и Антон Яковлевич Вальтер. 1949 г.

стра под краном их помыла, и мы по дороге до самой школы грызли эти корки, выплёвывали и удивлялись, что никакой «вкуснятины» здесь нет.

Учился я, как говорится, «сперва не торопясь, а потом всё тише, тише и тише...» Награждался похвальными грамотами за 1 и 4 классы, в остальные до 7 класса ценными подарками – книгами с наградной надписью и печатью школы. И книги были все хорошие: В. Скотт, Жюль Верн, Александр Грин, Чарльз Диккенс. Грамоты у меня до сих пор сохранились, а вот книги, к сожалению, нет.

Окончание 4 класса застало нас в Краснодаре в начале единственного, в котором мне удалось побывать, отпуска на материке в мае 1952 года. Здесь нужно отметить, что я впервые испытал чувство гордости за свою родную школу, за качество обучения. Краснодарская начальная школа размещалась в каком-то покосившемся деревянном доме, удобства – во дворе.

Подготовка слабая, мы к первым своим экзаменам уже прошли и даже повторили весь учебный материал, а здесь только проходили. Одноклассники – сплошь переростки, лет 3-5 старше меня (в войну здесь школы не работали), один даже партизанил и имел наградную медаль. Мне они казались совсем взрослыми, потому что все поголовно курили, отчаянно матерились и умели сплевывать сквозь зубы. Некоторые вели обменные дела, меняли «Люгер» или «Парабеллум» на «Браунинг» или «Вальтер» и т.д. На руках трофейного оружия тогда еще хватало.

Впечатлений от отпуска было много, но даже из этих теплых мест тянуло домой, в Магадан, к своим друзьям, в свою школу.

В начальных классах у нас преподавала мама Юры Акулова, а вот в дальнейшем память сохранила не всех.

Хорошо помню уроки физкультуры и секцию гимнастики, которые вел Олег Петрович Лозов (в дальней-

шем это пригодились мне в армии, где только один из 10-15 мог сделать на турнике «подъем переворотом» или «склепку»), Бажанову Людмилу Федоровну, которую за малый рост и тихий голос называли «божьим одуванчиком», Якова Ивановича Бровкина, научившего читать чертежи и пространственно представлять себе детали и устройства, Гоголеву Веру Ефимовну, носившую не обычный гуманитарный академический значок, а университетский, очень гордившуюся тем, что она из коренного населения Чукотки, Клавдию Андреевну Бурмистрову.

А вот Вильдяеву Юлию Ивановну, преподавателя физики, я любил не очень. Она была нашим классным руководителем и регулярно, возможно по долгу службы, докладывала по телефону моим родителям о выходках их сына.

И еще завуч, Удя Давыдовна Ронис, с ее резким голосом. Она запросто могла зайти в мужской туалет, где мы с Валеркой Изеговым во время перемены часто курили один «бычок» на двоих, и устроить разнос.

1952 г.

Ставшую потом директором школы Ольгу Петровну Галкину уважали за принципиальность и строгость, да и преподавала она математику отменно, спасибо ей огромное. До сих пор вспоминаю о ней с большой благодарностью.

Летом после первого класса я тяжело заболел, и уже не было никакой надежды. Кто-то сказал отцу, что рядом, в лагере, есть заключённый врач – немец по фамилии Вальтер, лечил всех местных крупных начальников и даже самого самодержца Колымы Никишова, очень хороший врач, но гомеопат (гомеопатия тогда считалась лженаукой). Отец, чтобы не потерять сына, ухватился за это, как утопающий за соломинку. Он приезжал в лагерь на своем мотоцикле, забирал Вальтера под расписку и вечером возвращал в лагерь. Потом ему оформили постоянный пропуск из зоны. Это был действительно замечательный врач, очень добрый, веселый, много шутил. От него исходило какое-то тепло. Антон Яковлевич Вальтер меня выходил!!!

Я ему обязан жизнью.

С этих пор Антон Яковлевич, когда один, а иногда и с Евгенией Семеновной Гинзбург, с приемной дочерью Тоней стали бывать у нас в гостях. Все как-то разделялись: отец потихоньку беседовал с Антоном

Яковлевичем, мать и Евгения Семеновна шептались о чем-то, сидя на диване, ну а мне доставались игры с Тоней. Она была года на два младше меня.

У меня в памяти, не знаю почему, не отложилось время преподавания Гинзбург в нашей школе, возможно, в нашем классе литературу она не преподавала, или я слишком часто прогуливал уроки. А вот учащиеся параллельных классов отзывались о ней с большой любовью и уважением. Когда они уезжали на материк, отец ездил их провожать.

В то время мы ещё не могли знать, что через много лет Е.С. Гинзбург напишет «Крутой маршрут», книгу своих воспоминаний о колымских лагерях, репрессиях, работе и жизни в Магадане, и что её сын Василий Аксёнов, окончивший, как и мы, нашу магаданскую школу №1, станет всемирно известным писателем, авангардным летописцем эпохи и кумиром целого поколения.

Школьную библиотеку я тоже не обходил стороной и перечитал все имеющиеся там книги о море, кораблях, моряхах, подводниках, пиратах, водолазах и т.д. Хорошо знал рангоут и такелаж (стоячий и бегучий), парусное вооружение судов. Когда прочитал Грина, то, раздобыв крупномасштабные карты и разложив их на полу, ползал по ним, разыскивая Гель-Гью, Алан, Дугельт, пытаясь проложить курс из Лисса в Зурбаган через пролив Кассет – и не находил эти названия. Тогда я пошел к нашему дорогому учителю географии. Абрам Михайлович Бухин завораживал аудиторию своими рассказами о континентах, климатических зонах, городах, морских течениях и многом другом.

Меня он никогда не называл по фамилии, даже вызывая к доске, а не иначе как только «брат своей сестры». Бухин отметил на карте предположительный курс, сказал, что названия эти придуманы писателем, и мы еще долго говорили с ним о Беринге, Невельском, кругосветках Магеллана и Крузенштерна.

В пятом классе преподавать новый предмет химии пришла к нам молоденькая комсомолка, рыжая и худая Галина Петровна Кошелева. Химия мне не нравилась, кроме опытов с марганцовкой, водородом, щелочными литием и натрием, когда что-то шипит, горит, выделяется.

Молодую Кошелеву назначили к нам классным руководителем, и она с комсомольским задором, исполненная энергии и «энтузиазма», часто (даже очень часто) стала устраивать различные пионерские сборы и классные собрания, на которых мы должны были выступать с какими-то сообщениями, отчетами, докладами, информацией и т.д. и приучила нас благодарить выступающих аплодисментами.

Когда умер Сталин, во всех классах прошли траурные собрания. Мы сидели какие-то подавленные, но слез ни у кого не было, кроме нашей, классной, которая редела навзрыд, отвернувшись к окну. А поскольку чтение она не могла совмещать с рыданиями, то прочитать сообщение-некролог поручила одному из учеников. Когда он закончил, мы (еще несмышлениши) как обычно, по привычке, дружно захлопали.

Поблудневшая классная, резко повернувшись, стукнула ладонью по столу, сорвалась на крик: – «Да вы что!! Прекратить!!!» Подбежала к двери, выглянула в коридор – тишина мертвая. И убежала в учительскую. Уже много позже мне вдруг подумалось, что тогда могло бы стать с Кошелевой (а может быть, и с нами), если бы информация о том, что руководимый ею класс весть о кончине всеми любимого великого вождя и учителя встретил овациями, куда-то попала. Сталин-то умер, но еще жив был Лаврентий Палыч Берия, и репрессивная машина еще работала. Об этом случае мы старались не вспоминать и не говорить, словно этого и не было вовсе. Вроде бы все обошлось без эксцессов и вообще каких-либо разборок.

В холодное лето 55-го начали отрывать котлован под фундамент будущих мастерских, проходила всеобщая политехнизация среднего образования. Работать было нелегко, грунт тяжелый, вечная мерзлота. Раза 3-4 ударишь кайлом в одно место – маленький кусочек грунта отвалится. Но работать было весело, да и интересно. Потом началась кладка стен. Завершали стройку уже без нас, в школе начались занятия. Но когда установили станки (токарные, сверлильный), поставили слесарные верстаки, было здорово!

Преподавал нам и слесарное, и токарное дело ранее работавший мастером на АРЗе Доценко Федор Федорович. Он давал нам азы по материаловедению, обработке металлов резанием, допускам и посадкам в системах вала и отверстия, резьбам, чистоте обработки и, конечно же, технике безопасности. Потом нас определили по различным цехам завода, приставив к нам рабочих-наставников. У меня наставником был токарь Алексей Дежурнов («Леха с Берелеха»). Учил он многому: и как правильно отцентровать деталь или заготовку в патроне, выбрать оптимальную скорость и глубину резания, и как заточить резцы (отрезные, проходные, подрезные, торцовочные) с нужными углами в соответствии с обрабатываемым материалом, и как при обработке получать скручивающуюся в спираль стружку, или чтобы она обламывалась и крошилась, не навиваясь на резцы и деталь и др. В общем, учили всему, чтобы мы успешно сдали на разряд и получили рабочую специальность. Удостоверение токаря 3 разряда у меня лежит до сих пор. Может быть, после этого я и стал «дурить» в школе в смысле учебы. Со-

Е.С. Гинзбург

6-й класс 1954 г.

бралась компания, все хотели побыстрее стать взрослыми и независимыми и, уже имея рабочую специальность, идти на работу.

У моего школьного товарища Толи Лебедюка отец был директором Марчканского ремонтного завода, и мы хотели, бросив школу, устроиться на работу туда. Хорошо, что родители поставили этому заслон и вернули нас в лоно школы, но наше отношение к школе, да и учителей к нам было несколько подпорчено. Мои родители сказали: «Закончишь школу – делай, что хочешь». Им, конечно, хотелось, чтобы я после школы поехал в Ленинград, где уже училась моя старшая сестра, и продолжил образование.

Гараж к мастерским пристраивали в следующем году. В это время мы уже переехали недалеко от прежнего места жительства в дом на углу улиц Пушкина и Ленина. Это был уже капитальный четырехэтажный дом. Я помню, как он строился. Строили его военнопленные японцы. Сначала их водили на работу с вооруженным конвоем, потом с невооруженным, а потом они ходили строем самостоятельно, с красным флагом. И пели «Интернационал» (или что-то другое на этот мотив, ведь японского языка мы не знали). Но очень «красиво» пели, мелодично. А потом уехали в свою Японию. Офицеры возвращались неохотно, а некоторые «самураи», не сделавшие себе харакири, оставались навсегда.

Во дворе этого дома и в близлежащих домах жили наши одноклассники: Гена Зобков, Машков Саша, Истомина Наташа, Элла Фалина. Володя Чернявский жил в моем же доме, но в другом подъезде.

Как я тогда завидовал Чернявским, купившим новый «Москвич 403»!! Дом их находился ближе к школе, и однажды в сентябре я увидел, как на школьный двор, а потом в построенный гараж, на буксире затаскивают старый ЗИС-150, задний мост которого был прикручен к раме толстой проволокой и волочился по земле. Оказалось, что теперь в школе будут преподавать ещё и автодело. Вот это да!!

Я начал водить мотоцикл в 9 лет. Отец сажал меня на бензобак, и мы вечерами ездили с ним по территории рынка, между торговыми рядами. Я полностью управлял сам, кроме переключения передач (ноги не

доставали). Эту процедуру по моей команде выполнял отец. У нас в разное время были разные мотоциклы: Harley, ИЖ-350, ИЖ-49.

Пока не было гаража, эту технику мы затаскивали, подложив доски, на второй этаж и ставили в комнате, где жили (в коридоре было мало места). Когда появился тяжёлый мотоцикл с коляской М-72, отец ставил его в гараже автобазы №4 УАТа. Впоследствии, уже имея права, я отсоединял от него коляску и гонял на этом мощном коне (23 л.с.) по трассе. Как-то отцу доложили, что я на очень высокой скорости обошел их управленческую «Победу», что это не первый случай моего лихачества, и посоветовали продать этот «аппарат», пока я на нем не разбился. Что отец и сделал потихоньку от меня.

Официально я сдал экзамены в ГАИ и получил права водителя мотоцикла в 16 лет, а первые навыки вождения автомобиля и первые знания по его устройству – в 14. Дома литературы по автомобильным делам было полно: отец ведал в это время материально-техническим снабжением, ремонтом и эксплуатацией автотранспорта области. Его знали на всех заводах и в мастерских, и в любом гараже. Так что автомобильная тема мне была мне очень близка.

Я с сестрой Инной

Преподавателем автодела пришел к нам бывший капитан Советской Армии Алексей Иванович Яровиков. Я немедленно познакомился с ним, у нас были общие интересы, главный из которых – восстановить автомобиль. Алексей Иванович от ДОСААФ организовал курсы, набрал в Промкомбинате группу для подготовки водителей-профессионалов, человек 12 мужчин и одну женщину. Работали в две смены, разбирали всю машину до винтика, осталась на деревянных колодках только рама, в которой после зачистки обнаружилась трещина. Конечно, трещину заварили, усилили это место еще пластинами, раму покрасили.

Вот тут нам с Яровиковым и пригодился мой отец. Через него мы с Алексеем Ивановичем получили различные разрядки, требования, товарно-транспортные накладные, письма «В порядке оказания технической (или шефской) помощи», благодаря личным или телефонным договоренностям, обновля-

**Преподаватель автодела
Яровиков Алексей Иванович**

ли свой ЗИС-150. Мы мотались по складам и автобазам, получали детали по спискам, новую резину и т. д. Самое главное, что мы получили даже новую кабину в первой комплектации, т.е. в ней было почти все: приборный щиток, сиденья, стекла со стеклоподъемниками, отопитель. Нужно было только проделать отверстия для педалей второго управления (автомобиль-то был учебный).

Промкомбинатовцы (их Яровиков называл курсантами) и я вместе с ними перебрали весь автомобиль, ремонтировали все, что еще можно было починить. От старой машины остались только рама и блок цилиндров двигателя, остальное всё новое. Я даже прогуливал уроки, целыми днями до позднего вечера, без выходных пропадая в гараже. Восстановили машину мы довольно быстро, в октябре она была уже на ходу. Школьники к этим работам не привлекались.

Пока шли ремонтные дела, курсанты не только по ДОСААФовским плакатам, а вживую неплохо изучили устройство автомобиля, регулировку различных устройств. После этого началось изучение правил уличного движения и вождение автомобиля по расчищаемому от снега курсантами кругу на школьном дворе. У Яровикова была одна мужская слабость – любил выпить!!! И в этом состоянии он говорил мне (как самому опытному, хотя и самому младшему): «Ты проводи занятия с курсантами, а я пока полежу», и устранился спать в гараже на фанерке с плакатами.

Потом Алексей Иванович зарегистрировал машину в ГАИ, получил номера, и мы с курсантами начали выезжать в город и на трассу. И если в школе в

это время я не отличался примерным поведением и не блистал знаниями, то здесь-то я был лучшим!!! В феврале сдали экзамены в ДОСААФ (устройство машины, правила уличного движения, вождение) – все по полной программе. Сдал на все пятерки. А в марте получил в ГАИ «щелчок по носу: «МАЛ ЕЩЕ!!!»

И меня не допустили до экзаменов! Леша Яровиков ругался, стучал кулаком по столу, доказывал, что я у него лучший курсант, – все мимо!!

Пришлось снова обращаться к отцу, и только после этого начальник ГАИ капитан Колесов, приколов скрепкой к карточке водителя бумажку «до исполнения 17,5 лет права не выдавать», в порядке исключения разрешил сдачу.

Эти экзамены я практически не сдавал. Старший лейтенант Ванюшин хорошо знал меня (я иногда подвозил его на мотоцикле домой на улицу Дзержинского, и мы вместе занимались во Дворце спорта боксом в группе мастера спорта Кости Чернова). Он «от фонаря» «понаставил четверок и троек и выписал удостоверение шофера-профессионала третьего класса. Права на руки я получил в августе, когда мне исполнилось 17,5 лет, день в день, и уже на следующий день сел за баранку грузовика.

На школьном выпускном вечере директор школы О.П. Галкина, подводя итоги нашего образования, отметила, что «многие получили рабочую специальность, а два человека (Рамзайцев и Ансеров), получили две специальности: токаря и шофера-профессионала».

Когда учился в 9-ом классе, отец приобрел телевизор «Авангард 55».

В Магадане что-то долго на земле лежала телевизоры, даже едкие статьи в газете были по этому поводу. Наконец ее установили, своего телецентра с телестудией еще не было, и по единственному каналу целыми днями без перерыва крутили различные кинофильмы. Мы убегали с уроков, усаживались перед экраном и смотрели все подряд. Качество изображения и звука было «средней паршивости», но нас это не смущало. А сейчас на цветном экране «ящика» по пятидесяти каналам смотреть нечего: последние известия – сплошной негатив и немного о погоде, боевики с горой трупов, постельные сцены, реклама женских прокладок да плоское и пошлое кривляние Петросяна с «евонной бабой». Конечно, имеешь право выключить и не смотреть, как на рынке: «Нэ хочиш – нэ бэри». Ангажированная четвертая власть великолепно делает свое черное дело. Быдлу-то что надо – хлеба и зрелищ. И нечего потом удивляться, что школьники (наше будущее) считают престижным стать бандитами или проститутками.

В старших классах стали посещать школьные вечера с обязательными танцами, обменивались пластинками, в основном, «на рёбрах» – изготовленными кустарным способом на рентгеновских снимках. В моде были Оскар Строк с его танго, фокстроты Цефасмана, Виктор Лещенко, Шульженко, золотая труба Эдди Рознера и блюз: «О, Сан-Луи, город стильных дам, им не уступит наш Магадан...».

А. Эйдензон, Л. Глуценко, В. Ансеров 1958 г.

Удивительно, но девчонки почему-то все умели танцевать, а ребята – нет. И мы собирались у кого-нибудь дома (чаще у тех, кто жил в отдельной квартире), крутили пластинки, и девчонки, взявшие над нами шефство, учили нас ритмично двигаться под музыку. А сколько у нас было смущения от своей неуклюжести! ведь в это время у нас уже начал проявляться здоровый интерес к противоположному полу. У каждого из нас был свой «предмет обожания». Мне нравилась девчонка из старшего класса, но, кончив школу на год раньше меня, в 1957 году, она уехала учиться в Ленинград, в медицинский институт. Я даже не пытался её разыскать потом, думал, что это ни к чему, раз ничего не сложилось, тем более к великому стыду своему

считал, что, скорее всего, связь и переписка оборвались исключительно по моей вине, может быть, и зря. С другой стороны я хотел ее запомнить такой, какой знал тогда.

В классе состав ежегодно менялся примерно на треть, люди приезжали на Колыму и уезжали с нее на материк, но был и основной «костяк», долгое время проучившиеся вместе. Между собой жили дружно, никогда не делили товарищей ни по учебе, ни по должностям родителей, ни по национальному признаку. В нашем классе учились русские, украинцы,

А. Бродский, В. Спица, А. Машков, А. Лебедюк 1958 г.

белорусы, еврей, якуты, и даже одна девчонка Габерлах Лида – немка. Такой вот многонациональный дружный коллектив.

10 в класс.

1 й ряд: Мартин Ира, Гуреев Валера, Игнатова Мила, Вильдяева Юлия Ивановна, Лехциева Элла, Жук Борис, Вакулина Элла

2-й ряд: Жукова Даша, Мирошниченко Валя, Грамотник Света, Богомолова Катя, Ансеров Слава, Волкова Таня, Татькова Нелли, Драчева Света

3 й ряд: Клапцов Толя, Трегубова Аля, Рамзайцев Олег, Фрумсон Инна, Лебедюк Толя, Габерлах Лида, Жук Алексей

4 й ряд: Джаубаева Элла, Кремнёва Таня, Спица Валера, Николаев Олег, Курнина Люда, Бродский Алексей

Из «ближнего круга», конечно, Валера Спица – закончил Томский политех, служил офицером на подлодке на Дальнем Востоке, работал заместителем директора какого-то химического института в Тольятти, а сейчас живет на Кипре.

Леша Бродский учился в Горьком, работал в закрытом Арзамасе 16, встречались с ним несколько раз в Рязани и в Москве. Однажды, будучи в командировке в Горьком, я зашел по его адресу на Краснофлотскую, недалеко от памятника молодому Горькому, Лешу не застал (он уже работал в Арзамасе), побеседовал только с его младшим братом Волькой.

Лебедюк Толя – он не уехал сразу после окончания школы. Я приезжал к нему на мотоцикле на Марчечан, грузили в коляску малокалиберку ТОЗ-16 и устраивали на Каменушке тир по банкам и бутылкам. Очень красивый парень, думаю, что нравился

многим девочкам. Уехал в свою любимую Одессу, и с тех пор я о нем ничего не знаю. По слухам, плавал радистом на каком-то судне.

Ансеров Слава – коренной москвич, пришел к нам в восьмом классе. Отличался тем, что обладал тонким чувством юмора и очень здорово рисовал. Особенно ему удавался стиль карикатуры, прямо как Кукры-никсы или Херлув Бидstrup. Однажды на Каменушке мы с ним даже подрались из-за какой-то чепухи и не общались почти всё лето. Но 1-го сентября, встретившись снова, протянули друг другу руки, заулыбались и уже больше никогда не ссорились.

После окончания школы Ансеров уехал в Москву. Мы с ним встречались в Москве, когда я учился в институте или был в столице проездом в командировке, гостили друг у друга в Рязани и в Воронеже, и позже в Москве. Слава работал токарем на заводе медоборудования, потом служил в армии в г.Белёв Тульской области, а после службы специализировался на ремонте холодильной техники.

Да и девочки в нашем классе были замечательные: Аля Трегубова, Таня Кремнева, Элла Лехциева, Мила Игнатова, Инна Фрумсон, Элла Джаубаева, Света Слуцкая, Нелли Татькова. Мы относились к ним нежно и трепетно. Впоследствии даже образовались из наших одноклассников две семейные пары: В. Спица – А. Трегубова и В. Ансеров – Н. Татькова. Правда, потом эти браки распались.

Чем ближе было окончание школы, тем становилось грустнее. На выпускном вечере, вскоре после торжественной части, мы у Валеры Спицы (он жил недалеко от школы на ул. Сталина рядом с городской баней) организовали «мальчишник»: его старший брат Юра, я, Бродский, Лебедюк и, конечно, сам Валерка. Отпраздновали окончание учебы, вступление в новую взрослую жизнь и, понимая, что дня через 3-4 все разлетается по разным городам и весям нашей необъятной Родины, надрались «до поросячьего визга». И еще долго, после того как они уехали, я чувствовал себя как-то неуютно и одиноко. Вот так и закончились школьные годы.

Я ожидал до 1 июля предварительной отборочной медкомиссии в военкомате для направления в Ленинград в военно-морское училище. Комиссию не прошел по зрению (тогда нужно было по 1,0 оба глаза, а у меня было 1,0 и 0,9, хотя сейчас, живя в Петербурге, вижу на улицах много моряков в очках с толстенькими линзами). Так что мысли мои о военно-морской службе закончились, правда и сейчас, и все эти годы, любимой одеждой моей была, есть и будет тельняшка.

До своего отъезда из Магадана в 1959 году я шоферил и ремонтировал двигатели. В октябре 1958 года довелось слетать на материк в Хабаровск по личным делам. К юбилею Хабаровска по дополнительной разрядке дали несколько автомашин «Волга», часть из которых досталась и Магадану. Вносил деньги. Жил в Магаданской гостинице на ул. Волочаевской, 108. Дела было на день-два, а улететь обратно не мог больше недели: из-за пурги и снегопада Магадан не принимал. Потом эту «Волгу» получал уже в 59-ом году

на заводе в Горьком и перегонял в Рязань через Владимир и Москву.

В марте 1959 года, когда мне исполнилось 18 лет, впервые участвовал в выборах (уже не помню кого и куда). Об этом нужно рассказать отдельно. За день до выборов меня скорее вызвали, чем пригласили на избирательный участок, который находился рядом с домом в ДК Профсоюзов. Там то ли корреспондент, то ли обозреватель взял меня в оборот по поводу моего первоучастия в выборах, записал место работы, телефон и просил проголосовать пораньше. И все!

На следующий день в воскресенье, в день выборов в пять тридцать утра он звонит мне по телефону и удивляется, что меня еще нет на участке. Родители говорят – да пойдешь сходи, ведь рядом, а то будет целый день названивать. Пришел, получил выговор, проголосовал – и домой досыпать. В понедельник, придя на работу, я узнал от своих товарищей, слышавших передачу по магаданскому радио, какой я сознательный, что передовик производства, систематически перевыполняющий производственный план, что ясно сознаю всю важность выборной кампании и, проявляя высокую активность, раньше всех пришел на избирательный участок, чтобы исполнить свой гражданский долг и отдать свой голос кандидатам блока коммунистов и беспартийных!!! Мне потом стыдно было товарищам в глаза смотреть, хотелось увидеть этого «трепартера» и набить ему морду. С тех пор у меня особое крайне негативное отношение и к журналистам, и ко всякой показушной мишуре типа выборов.

В том же году отцу, как не имевшему крыши над головой на материке и отдавшему много лет делу освоения Крайнего Севера, в г. Рязани, в построенном Магаданским Совнархозом для своих работников доме, дали сначала комнату на 5 человек, потом мы уже переехали в двухкомнатную квартиру, в другой «магаданский» дом, в самом центре города.

В этом же доме получили квартиру и родители Юры Акулова. С Юрой виделись очень редко, последний раз по весьма печальному случаю, когда в один день и на одном кладбище хоронили своих отцов. Кстати, в Рязани несколько «магаданских» домов. В одном из них, где-то в районе радиозавода, жила наша выпускница Люба Кононова, мы с Лешей Бродским в один из его приездов ездили к ней, в каком-то из домов живет Элла Фалина.

Я поехал в Москву, встретился со Славой Ансеровым, мы долго выбирали, куда бы поступить, а потом вдруг решили, что прошел уже целый год после окончания школы, льготы для поступающих в вуз уже не работали, и нам нужно было хорошо подготовиться. Взяли годичный «тайм-аут» на эту подготовку. А потом Славу взяли в армию на целых три года, а я, оставшись без компаньона и «уходя» от службы в СА, поступил в Рязанский радиотехнический институт. Это был очень сильный, в смысле подготовки специалистов, вуз. Радиотехнических институтов в то время в СССР было только два – Рязанский и Таганрогский, который больше специализировался на радиосвязи и гидроакустике. Когда в 1962 году открылся третий

радиотехнический в Минске (теперь за границей), нашего ректора Ковалёва перевели ректором нового вуза, а вместо него прислали д.т.н. капитана первого ранга Поникаровского. Нового ректора за все время учебы я видел только однажды, и то мельком.

Поступать было трудно, проходной балл был очень высок. Я набрал 24. Учиться было еще труднее, тем более первое время совмещая учебу и работу, уходили или переходили на курс ниже даже окончившие школу с медалью.

А сколько хороших будущих инженеров мы потеряли из-за сопромата! Мне потом за всю оставшуюся жизнь никогда не приходилось рассчитывать балки на изгиб и кручение или строить эпюры напряжений. Говорили: сопромат сдал – гулять можно, ТОР (теоретические основы радиотехники) сдал – женись.

ТОР преподавал доцент Бутров «Михал Горыныч». Сдать ему экзамен с первого захода удавалось далеко не всем. Интересней, и может, даже легче учиться стало на 3 курсе, когда закончился курс общеобразовательных дисциплин и, в основном, пошел спецкурс. Предметов было много, так что нагрузка была приличная.

В институте была спецкафедра – в отдельном охраняемом здании. Здесь из нас готовили специалистов-ракетчиков. Выпустили офицерами. Мы очень завидовали девчонкам и ребятам, освобожденным от воинской службы по состоянию здоровья. Ведь у них вместо «спецухи» был целый свободный день в неделю, чтобы сдать «хвосты»; отработать лабораторки, сделать курсовой проект и т.д.

Как и все студенчество, в сентябре на месяц посылали на сельхозработы в какой-нибудь колхоз. Один раз летом 1 или 1,5 месяца вместо каникул строили цементный завод в г. Михайлов.

В студенческие годы я тоже не избежал «экзакуции»: как самый старший по возрасту и набравший самое большое количество баллов при поступлении, был назначен деканатом старостой группы, и в этой должности «слуги двух господ» оставался до самого окончания института.

Ну, а развеселый студенческий народ любил «закольнуть» занятия – то кому-то нужно было съездить навестить родителей, то кто-то просто проспал, то кто-то не успел вернуться к утру из женского общежития мединститута, то кино, то свидание и т. д. Разумеется, я в журнале посещения не отмечал их отсутствие. Видимо, нашлись «доброхоты-доброжелатели» и мне, после соответствующей разборки в деканате, приказом ректора «за укрывательство и фальсификацию» ввели выговор и сняли со стипендии на целых 2-а месяца. Такая вот образцово-показательная «порка». Выговор, конечно, не геморрой, с ним всю жизнь жить можно, но случай этот в памяти засел прочно.

Но все когда-нибудь заканчивается и я, оставив позади лекции, зачеты, лабораторки и экзамены, защитив дипломный проект на «отлично», по распределению отбыл в город Воронеж «инженгром» в НИИ полупроводникового машиностроения.

НИИПМ стал для меня второй Альма-матер. Он еще только становился на ноги, корпус самого института еще только строили, и мы размещались в бытовых помещениях завода. Мне по жизни всегда везло начинать что-то «с нуля», и в этом есть какая-то романтика и интерес.

Коллектив был дружный, многие впоследствии стали руководителями отделов и лабораторий НИИ, цехов опытного завода. В том числе главный технолог, главный инженер и даже директор НИИ, пришедший в 1967 году в мою группу еще студентом на преддипломную практику.

Конечно мне, всему такому из себя, напичканному институтскими знаниями, пришлось спуститься с небес на грешную землю. Расчеты с определением параметров через проводимости и решением с помощью определителей n -го порядка или путем решения системы дифференциальных уравнений в частных производных давали погрешность в 300 – 400%.

Здесь, как говорил Райкин, «все, чему вас учили в институте – наплевать и забыть, забудьте индукцию, дедукцию, гоните продукцию». Пришлось набираться опыта, переходить к более упрощенным, типовым формам расчета или решать вопросы эмпирическим путем, вплоть до метода «научного тыка».

Институт был головным в отрасли, разработанным им и изготовленным опытным заводом оборудованием оснащались все предприятия отрасли, расположенные по всей территории СССР. Много было командировок в различные города с целью сбора материалов для проведения НИР и ОКР, согласования различных вопросов, работы по оказанию помощи в

монтаже и запуске оборудования производственных линий, участия в Госкомиссиях по приемке каких-либо тем и даже чисто снабженческих.

Это были и Москва с Подмосковьем (Зеленоград, Павлово-Посад, Подольск, Фрязино), и множество других городов и весей: Ленинград, Горький, Рязань, Рига, Каунас, Таллинн, Минск, Брянск, Киев, Запорожье, Харьков, Херсон, Ставрополь, Свердловск, Омск, Томск, Новосибирск. В общем, покочесил я по стране. На Дальний Восток ездить, к сожалению, не довелось.

Работали мы много и подолгу, приходилось прихватывать еще и субботу с воскресеньем, пытаясь «досрочно построить наше светлое коммунистическое завтра». Работа разработчика – нелегкий, а зачастую и неблагоприятный труд. Приходилось, особенно на конечном этапе, отвечать за все: за свои ошибки, за ошибки конструкторов, слесарей, радиомонтажников, регулировщиков. Да и после завершения работы еще и принимать участие в эксплуатации оборудования. И, конечно, возникло чувство удовлетворения от того, что вот все получилось, как было задумано. С другой стороны, чувство неудовлетворения, потому что задним числом понимаешь, что что-то можно было сделать лучше, что-то проще и т.д.

В этот период у меня появилось несколько авторских свидетельств на изобретения. Нужно сказать, что изобретения появились не в результате мучительных раздумий, с горой окурков и т. д., не «в ночь с пятого на десятое, сидя на нижних полушариях головного мозга», а по плану работ.

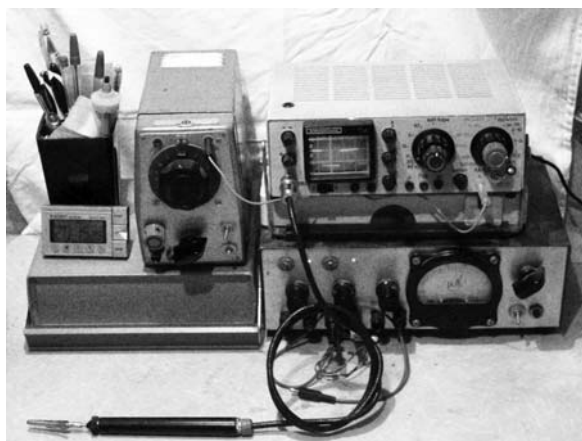
Дело в том, что балансовая комиссия при распределении премии учитывала производственные показатели подразделений, в которые входил пункт: «количество заявок, поданных на изобретение при выполнении НИР и ОКР», и получать при окладе 160-180 еще 230-250 руб. премии было вовсе недурственно. И неважно, будет потом «красный угол», или это так и останется заявкой. Никто специально, чтобы что-то изобрести, не изобретал.

В разработчиках я проработал с небольшим перерывом на службу в Армии 15 лет. Служил младшим научным сотрудником в военном НИИ, после службы вернулся в родной НИИПМ, где еще долго работал. Это была хорошая школа жизни.

Да и какие ребята со мной работали! Спустя годы, живя и работая в Москве, я часто приезжал в гости к детям и внукам, или бывал в Воронеже проездом (родители жены жили в Краснодаре и каждый год летом, выбирая маршрут через Воронеж, я отвозил к ним детей, а осенью забирал обратно).

Мы всегда встречаемся, вспоминаем, как это все начиналось, как работали тогда, размышляем о жизни, поминаем тех, кого уже нет.

23-хлетний период московской жизни начался у меня с работы в довольно серьезной организации. Руководитель – академик Пиллюгин Николай Алексеевич, основное направление – гироскопические системы ориентации и телеметрия. Работа была по разработке и созданию оборудования для осуществления

Моя самодельная лаборатория

входного контроля и отбора по параметрам радиокомпонентов (это уже после ОТК и военной приемки!) перед установкой их в различные устройства, которые потом уйдут в космос. Нужно было обеспечить высокую надежность этих устройств, ведь каждый пуск – это огромные деньги. На доске информации часто появлялись поздравления по случаю удачных запусков и хорошей работы аппаратуры в штатном режиме.

Потом – переход в систему Минрадиопрома. Работал в ОНТО – (отраслевое научно-техническое отделение), размещались в нескольких помещениях министерства. Работа «бумажная», а часто руки чесались сделать ими что-нибудь. И делал, сминимизировав по габаритам, дома, на кухне, «на коленке» свою лабораторию (осциллограф, генераторы, источники питания) – все-таки и кое-чего для души.

Вообще я, сколько себя помню, все время что-нибудь мастерил: самокаты на шарикоподшипниках или коньках и лыжах (типа «Чук и Гек»), самопалы из трубки со сплюсненным, загнутым под 90° концом и пропилком для «поджига», собирал с соответствующей доработкой из деталей «конструктора» действующие модели телефонных и телеграфных аппаратов, различные охранные устройства и устройства автоматики.

В Воронеже, после строительства Ново-Воронежской АС, чтобы занять освободившееся от стройки население, завод полупроводниковых приборов открыл несколько цехов, и в частности цех ширпотреба, выпускавший кассетные аудио-магнитофоны, родной НИИПМ – видеомангитофоны «Электроника», Воронежский завод «Электросигнал» производил телевизоры «Рекорд», радиозавод – радиоприемники «Альпинист». И всегда можно было на черном рынке задешево купить добытые «цельнотянутым способом» по частям детали, узлы и платы магнитофонов, телевизоров, электронных калькуляторов и т.д. Так что «домашняя сборка» (для себя, не на продажу) шла полным ходом. Небольшие трудности испытывались только с недостатком измерительных приборов и аппаратуры для окончательной регулировки, но и это было преодолимо.

Учитывая специфику нашей работы, нам (в качестве сотрудников) КГБ «подсовывал» своих отставников. Так однажды в отдел пришел генерал-майор Коломийченко Владимир Федорович. Оказалось, что он, будучи полковником, поехал в Магадан, чтобы получить звание генерала, на должность начальника УКГБ по Магаданской области. Получил звание и остался в Магадане на целых 7 лет. Именно в бытность его на посту руководителя КГБ области был наглухо закрыт участок границы с Америкой по Берингову проливу. А ведь раньше местное население зимой по многокилометровому ледяному припаю (весь пролив полностью не замерзает) на собачьих упряжках доезжало до открытой воды. Забивали в лед штырь, привязывали к нему собак, стужали с нартов байдарку и плыли на Аляску в гости к родственникам, оставив собакам еду на неделю.

Часто с ним мы вспоминали и город, и море, и охоту, и рыбалку. Коломийченко как-то принес показать мне большую пачку фотографий Магадана. Я смотрел – и не узнавал! Город стал совсем-совсем другим. Новостройки, высокие дома, асфальт – где там наши деревянные дома, дощатые заборы и деревянные тротуары?! И мне вдруг стало как-то очень жалко города моего детства.

Работа была по анализу состояния и разработке отраслевых нормативных документов, инструкций и методических рекомендаций, написанию разделов в годовой отчет министру и т.д.

Однажды, идя на работу, я в табачном киоске у метро купил для «прикола» пачку махорки. Когда я демонстративно сворачивал «козью ножку», несколько наших сотрудников (дай мне... и мне...) тоже свернули самокрутки, и все мы отправились в курилку. Оказалось, что в этот день нашему министру Петру Степановичу Плешакову присвоили очередное воинское звание – генерал-полковник. В зале заседаний коллегии был накрыт стол, а по этажу одна за другой с поздравлениями и цветами шли делегации представителей оборонных министерств и руководителей предприятий «оборонной девятки». А тут, в коридоре едкий махорочный дух!! Нас «вычислил» референт министра и реквизирует оставшуюся махру, сказав, что «ТАМ» тоже некоторые хотят вспомнить свою боевую военную молодость, окопы и т.д.

Когда вышло Постановление о частной предпринимательской деятельности и создании кооперативов, за то, что я сказал: «В этом государстве будущее принадлежит проходимцам» – меня таскали на партком (где портки проверяют) и долго и настойчиво внушали мне, что я «дискредитирую проводимую в стране политику партии и правительства». Обошлось, правда, без Бутырки и института Сербского.

Потом Министерство упразднили, стали организовываться различные ООО, АОЗТ, общества с частичной и уголовно-ограниченной ответственностью (кооперативы к этому времени уже удавили, ушел в небытие вместе с сорока миллионами рублей «морозовский» проект содействия малому бизнесу), и мне довелось «рукоприкладствовать» в двух малых предприятиях главным инженером, техдиректором ме-

жотраслевой фирмы и осуществлять трудовой досуг президентом ООО. Везде – крах, несмотря на благие намерения. И причина здесь не в отсутствии желания, денег и опыта, а во взаимоотношениях с оказавшимся вдруг наверху уголовным миром, различными «крышами», «откатами», рэкетом и т.д.

Идейные убеждения поменялись на рыночные. Беззаветную любовь и бескорыстную дружбу заменили товарно-денежные отношения. Партийные «бонзы и бонзики» мимикрировали, стали на все лады ругать и поносить то, что они же ранее так активно насаждали с партийного амвона, и вместо идей коммунизма стали, отдавая дань моде, посещать церковь и т.д. Развелось огромное множество «кидал» и мошенников. Куда уж там Великому комбинатору, знавшему всего 400 «сравнительно честных способа отъема денег»!!! И оправдывающая любую подлянку всеобъемлющая теория: «Каждый зарабатывает, как может». Да и что можно ожидать от государства, в правоохранительных органах которого на самом видном месте висит плакат: «То, что вы не имеете судимости, не ваша заслуга, а наша недоработка». Можно ли считать государством страну, где законы действуют избирательно: «неприкасаемые» вообще не подсудны и живут «по понятиям», а для «быдла» суды и адвокатура работают не по закону, и тем более не по справедливости, а по прејскуранту?! И непонятно, как оно будет бороться с «оборотнями в погонах», мздоимцами, коррупцией, кто будет этой гоголевской унтер-офицерской вдовой, которая «сама себя выскла»? Почему страну уже почти 20 лет «паркинсонит»? И накопилось очень много других таких же вопросов.

Впрочем, это не моя тема. Эйфория от «перестройки и ускорения» и якобы полученной свободы прошла, я понял, что «в жизни все не так, как на самом деле». И что-то как-то сразу – вдруг перестали вспоминать «пролетарского» поэта: «кому бублик, а кому – дырка от бублика, это и есть демократическая республика». А может, несем и памятник Маяковскому к чертовой матери?!!

Мы построили не демократическое, а бандитско-воровское государство с его переделами собственности, с его периодом накопления первоначального капитала и с его чудовищным расслоением общества. В общем, как в Древнем Риме: патриции, стражники и рабы.

Я родился и вырос в окружении лагерей, ЗК, бывших ЗК, спец-поселенцев, и вообще преступного мира. И сам не «святое Папы Римского», не ангел с крылышками. Колымские годы в этом ракурсе обозначены своими вехами: дважды тонул, один раз в меня стреляли, есть и ножевые отметины. Словом, полный «хулиганский» набор. Но все в определенных рамках и пределах, и никогда я не переступал черту, и так же, как Остап Сулейман Ибрагим Берта Мария Бендер-бей, глубоко уважал Уголовный Кодекс.

И не нужно думать, что в Магадане одни бандиты. По сравнению с масштабом того, что творится сейчас в стране (убийства, воровство, грабежи, терроризм, рейдерство, проституция и наркомания, похищение

людей) тот Магадан – «экологически чистая» в прямом и переносном смысле зона.

И было 3 пути:

– бегать с автоматом по подмосковным лесам я уже стар, так что Че Гевара из меня никакой;

– прогнуться под обстоятельства и идти в услужение всякой нечисти не позволяли образование, воспитание, гордость или гордыня, а главное – жизненные принципы, а стать средством получения прибавочной стоимости или предметом торга, чтобы меня покупали вместе с печенками, селезенками, кишками и тем, что внутри них, я не хочу;

– послать все и вся и жить отдельной, ни с чем или кем не связанной жизнью.

Я выбрал последнее и ушел во внутреннюю эмиграцию. Вышел на пенсию. И вообще, с удивлением смотрю на произошедшую с моим сознанием метаморфозу.

Сначала я был самым ярким патриотом, готовым отдать жизнь не для того, чтобы меня похоронили у Кремлевской стены или называли моим именем улицы, города и пароходы, а вот просто так, за светлое будущее народа, за Родину; потом пришло удивление, что меня все это время государство и партия обманывали самым бессовестным образом, потом непонимание, почему все так, потом стало, как таможеннику Верещагину «за Державу обидно», потом противно, потом...

Видимо верно говорят: от любви до ненависти один шаг. А может всё это – просто старческое брюзжание...

Я не сторонник революционных потрясений и, памятуя о том, что, как сказал кажется Бисмарк: «Революцию задумывают гении, делают фанаты, а пользуются плодами революции подонки», понимаю, что этим путем ничего не изменить.

И не террорист, хотя с превеликим удовольствием нанес бы ракетно-бомбовый удар по стране Рубляндия на Рублево-Успенском шоссе.

И не призываю к свержению существующего общественно-политического строя...

Но и мириться с моментально прогнившим, распутившим во всех направлениях свои щупальца монстром, тоже нельзя. У меня в силу своего слабоумия нет конкретного плана, как не разбивая исправить кривое зеркало.

Я «никак не могу сообразить, как додуматься до того, чтобы начать думать», но есть же в нашей огромной стране молодые, толковые, порядочные, энергичные люди, которые бы действительно заботились о стране и ее народе больше, чем о собственном кармане!!! Кипящий во мне дух противоречия и бунтарская сущность вполне заслуженно тянут на 58-ю статью с приговором: к пожизненному расстрелу.

Жена моя, самая лучшая женщина на свете, после тяжелой болезни умерла, и после этой потери стало каким-то другим мироощущение, возникло чувство пустоты, что-ли.

И в жизни осталось и останется после меня только одно – дети. В жизни я был, как говорится, «дважды же-

Строительство нашего дома

нат, из них восемь раз неудачно». Детей от обоих браков четверо, все уже взрослые, имеющие свои семьи.

Старшая, Елена, закончила с красным дипломом Воронежский Госуниверситет.

Средняя, Юля, тоже с отличием закончила Рязанский радиотехнический.

Младшая дочь Светлана еще учится в Москве на факультете журналистики.

Сын Сергей, весьма неглупый парень, но графоман с обостренным, даже гипертрофированным чувством собственного «Я» и взрывным характером. Видимо, «яблоко от лошади, недалеко падает».

И еще внуки, пока что их только пятеро – четыре внука и внучка.

Подводя всему итоги и глядя на себя со стороны, могу себя отнести к «среднячкам». Звезд с неба не хватал, в гениях не ходил, но и не «болтался на задворках» по причине умственной нетрудоспособности. Я не стал чемпионом мира, не совершил великих открытий и не победил в предвыборной гонке на выборах старшего по подъезду. Про таких «среднячков» обычно говорят: среднего роста, среднего телосложения, умеренно ест и пьет, относительно здоров, в меру женат, местами симпатичен, безгранично щедр в разумных пределах.

И я почти счастлив от того, что не стал ни бандитом, ни наркоманом, ни алкашом, и никогда не стану крупным политическим деятелем и т.д. Да и сойти с ума для меня уже поздно.

Р.С. Утреннюю зарядку я не делал последние 55 лет.

Р.Р.С. Последние два года мы с сыном заняты строительством своего особняка в полутора километрах от Питера.

Владимир Сергеев

Это наша страна

баллада об иудах

*

Это – наша страна, наши горы, и реки, и люди,
И поля, и леса, и тревожный российский рассвет...
Это наша беда, что так часто бал правят иуды
Из невнятных племён, для которых здесь
родины нет.

Это – наша страна, защитившая стольких немилых
И гонимых судьбой, и всегда недовольных, и всем,
Будто стала должна им за то, что от бед приютила,
А они (а, за что?!) никогда не должны ей ничем.

Потому и бегут, не забыв прихватить, что урвали,
Кто-то впрок задержался, пока ещё можно урвать,
Иногда, как за подвиг, иудам вручают медали,
Как былинных героев напугтвуют их: – Исполать!

Точно знают иуды законов защиту пустую –
Издательствам в прессе нигде не прописан запрет,
Вот и пишут, глумясь, что страны нашей не существует,
И что Родины нашей давно и практически нет.

**

В мире нас узнают по беде: дураки и дороги,
По закону 3-х «д», уступивших дорогу во власть.
И не трогают лишь потому, что осталось не долго,
Силы нет у страны, да и нас, чтоб не дать ей пропасть.

Каждый экс-коммунист стал иудой, в расчёте на милость.
Только свистни рублём – снова веру продаст и предаст.
Это было для каждого личной «проверкой на вшивость»,
Вон их сколько вернулось продажно-«едино» во власть!

В государственный строй рак вцепился,
саркома с клешнями, –
Метастазы иуд прорастают в свою вертикаль,
А за нашу страну, как при Сталине – мы отвечаем,
Миллионами в год вымирая, и нас им не жаль.

Им, иудам, плевать, что идёт геноцид в нашу пору
В «лагерях» нищеты чуть не ста миллионов в стране,
Что бомжует страна, в каждом нищем,
всем миром, всем мором,
Перед каждым прохожим вокзальным, своим и извне.

Пир во время чумы исповедует рать у корыта,
От грехов причащаясь и Господа славя за харч.
На страну наплевать, было б всё навсегда шито-крыто,
А болеть, так за спорт, за какой-нибудь «нашенский» матч.

Ваше время кончилось. Ваша родина – не Россия. Ваша родина –
Советский Союз. Вы – советские ветераны, и вашей страны, слава
Богу, уже 18 лет как нет (из глумления от иуды, 2009)

...Он теперь в Россию возвратился. Многих уехавших туда тянет,
как известно, не слабее, чем козла – в огород, а преступника – на
место преступления. («Этюды любострастия», И. Губерман)

О демографической ситуации в России пишет сегодня Der Standard,
утверждая, что без иммиграции за 14 лет численность населения
страны уменьшится на 12 млн человек. (24.03.10)

Вот и все супер-игры: в беду, в бизнес-рвач и в прогнозы.
Вся духовность – в крестах, все стремленья –
урвать и удрать.

И крестится едино, безбожно и сверхдиононо,
Демонстрируя раж, наша вся королевская рать.

За права человека тусуются марионетки,
За идею для всех равноправно-доступных корыт –
Для старушек, сейчас собирающих скорбно монетки,
Для бомжей, из-за нас потерявших устроенный быт.

Мы в ответе за всё – за страну, за беду, за медали.
Эти все старички на синдбадовской шее страны
Никогда за дела – за грехи свои не отвечали,
И всегда покрывали преступников, бывших до них.

Это наша страна, где грабёж узаконен как бизнес,
И чем больше нагрбил, тем более ты защищён!
И не надо иметь по семь пядей во лбу экспертизам,
Раз в самой Конституции собственность –
главный закон.

«Пипл схавает всё!» – стиль иуд-мародёров в «работе»,
Уверяют с экранов, что, «как и хотел наш народ» –
Олигархов «спасать» государственной стало заботой,
Их удвоив число и мощну в самый кризисный год.

Обдирают страну нашу все, и всегда, и повсюду!
Ты куда, Двойка-Русь, закусив удила? Дай ответ!
Почему до сих пор правят бал мародёры-иуды?!
Почему «День защитников» есть, а защитников нет?!

Это – наша страна, наши горы, и реки, и люди,
И поля, и леса, и тревожный российский рассвет...
Это наша беда, что за ваучер, будто иуды,
Мы продали страну, и для Родины нас как бы нет.

Что же будет потом,
как закончат «мочить» нас «в сортире»?
Цель глумливо проста, всё старо, ни умно, ни хитро –
Чтоб народ стал пахать на иуд в перекроенном мире,
И в бою защищать мародёров советских добро.

Публикуют «доходы» их, взявших себя на поруки –
У иуд нынче просто: раз совести нет – нет вины.
Бой за тело России не кончен, и греются руки
Над дымящейся кровью расстрелянной в спину страны.

